

Рэйвен Харт Искушение вампира

Аннотация

У каждого вампира есть Мастер.

Тот, кто оборвал однажды его человеческую жизнь и подарил новую – темную, вечную.

Так, как сделал пятьсот лет назад могущественный «ночной охотник» Ридрек, убивший жену и сына Уильяма Торна, а его самого, из минутного каприза, обративший в вампира...

Прошли века. Уильям, осевший на Глубоком Юге, в Саванне, притерпелся к новому существованию.

Но ненависть к Мастеру не умирала в нем никогда. И теперь, когда Ридрек приезжает в Саванну, дабы завладеть этим городом и его «темными» обитателями – вампирами, оборотнями, колдунами и жрицами древнего культа Вуду, – Уильям решается совершить едва ли не самое тяжелое преступление для вампира – бросить своему создателю смертельный вызов...

Рэйвен Харт Искушение вампира

Посвящается Т. К.

*Река времен, волною за волной
Детей своих уводит за собой.
И меркнут, растворяются их тени
В тумане предрассветных сновидений.
Исаак Уоттс*

Саванна, штат Джорджия

Письмо Уильяма, вампира

Меня зовут Уильям Кайлер Торн. Я был солдатом, ученым, празднующимся бездельником и донжуаном. Но каким бы путем я ни шел, что бы ни делал, самое главное во мне неизменно. Я всегда остаюсь убийцей людей. Хищником.

О, я имел дело с множеством женщин. Они были со мной в горе и в радости. Иных я использовал, чтобы утолить свой голод, а с другими просто забавлялся. Я срывал поцелуи с губ самых прекрасных куртизанок на земле, прежде чем воплотить в жизнь свои низменные желания. Но холодная голубая кровь моих жестоких предков манит меня к теплу и жизни. Женщины нужны мне как пища.

Ведь я – кровопийца.

Я топтал землю пять веков – плюс-минус десять лет не в счет. Двести из этих пятисот лет узы крови связывали меня с моим создателем, я вынужден был охотиться бок о бок с ним – с этим вырожденком и убийцей, который не заслуживает ничего иного, кроме как хорошего удара остро заточенным колом.

По прошествии сотен лет все еще помню, каково это – быть человеком. Помню и смерть: мучительная боль и полет в бездну. А потом – словно рывок веревки, остановившей падение в могилу. Теперь веревка более не нужна мне, я бессмертен – благословен и проклят.

Обратившись в нежить, я сперва избрал карьеру солдата, и поле боя исправно кормило меня. Я видел бессчетное множество смертей, обуянный жаждой крови, разрывал клыками человеческую плоть, уподобляясь римским боевым псам или стервятникам, этим вечным спутникам человеческих войн. Я убивал слабейших, пил кровь умирающих. Забавное пристрастие людей к истреблению себе подобных пришлось как нельзя более кстати: я никогда не голодал.

Почти двести лет англичане и французы, погрязшие в своих замечательных сварах, были для меня неиссякаемым источником пищи. Затем я обратил взгляд за море – к Америке с ее войной за независимость, к людям, старательно убивающим друг друга в борьбе за эту страну. Будучи наполовину шотландцем и наполовину англичанином, я, наверное, должен был предпочитать «красные мундиры»,¹ как называли их мои мятежные соседи из Нового Света. Однако обнаружилось, что кровь мятежников обладает лучшим, если так можно выразиться, букетом. Она оказалась более вкусной и питательной. Настоящая живительная влага... Нет, я не благородный мститель и не борец за справедливость. Но и не жестокий убийца, каким меня создавали. Я – всего лишь последнее бледное лицо, которое умирающий солдат видит над собой на поле боя, прежде чем окунуться в забвение...

Зимой 1778 года я прибыл в Саванну, этот увядающий город-цветок, привезя с собой недурной запас золота и выдуманную британскую фамилию – Торн. Как раз к тому времени город захватили англичане, и у меня не имелось оснований ссориться с ними. Кругом рекой лилась кровь, так что я решил задержаться в окрестностях Саванны. Были у меня на то и другие причины, но я не вижу необходимости их озвучивать. Скажу просто: этот город и его темные дела мне понравились. Точно так же, как может нравиться зима.

Местное лето приносит с собой удушливую жару, способную породить кровожадность даже в мертвом сердце. Человеческая природа такова, какова она есть, каждое кровопролитие – пир для гурмана вроде меня. Прав был тот, кто сказал, что у американцев есть огонь в жилах, я ощущаю их ярость, как акула улавливает в морском течении запах крошечной капли крови.

Итак, я отринул бродячую жизнь пса войны и поселился в городе на побережье. Мы с акулами братья. Они ничего не боятся и путешествуют в подводной тьме – безмолвные

¹ «Красные мундиры» – так во время Войны за независимость в США называли английских солдат, носивших форму красного цвета. – Здесь и далее примеч. ред.

убийцы, терпеливо ожидающие малейшего намека на запах покинутого и умирающего. Они улавливают тончайшие флюиды безнадежности и отчаяния, а после кидаются на беззащитную жертву и убивают безо всякой жалости.

Я вел жизнь джентльмена, богатого бездельника. Вечерами посещал приемы и светские рауты, курил сигары и потягивал портвейн в элитных игорных домах и дорогих борделях, а по ночам бродил по темным улицам, чтобы утолить свою жажду крови.

В этом городе я имею все, что мне нужно. Дом «моих предков» (а на самом деле – мой собственный, как нетрудно понять, я и есть тот самый предок) находится в одном из городских кварталов возле площади Хоутон. Этот квартал целиком принадлежит мне, равно как и несколько торговых предприятий на берегу реки. Я всегда считал предпринимательство приятным занятием, которое к тому же не позволяет застаиваться нашим мозгам. Вдобавок обладание частью прибрежной зоны позволило приобрести собственные доки в порту Саванны.

Даже чудовища временами берут отпуск.

Возможно, вы захотите узнать побольше и о других моих развлечениях. Или о тех немногих людях, которым я доверяю. Однако я не намерен об этом рассказывать. И уж точно не стану разглашать свое настоящее имя или сообщать, где сплю, когда светит жаркое солнце. Тайны – моя собственность, равно как и веления злобного темного сердца.

Эти несколько строчек написаны лишь для того, чтобы предупредить: зачастую иные существа, непохожие на вас, могут оказаться совсем рядом. Очень близко. Будьте осторожны, привечая чужаков.

*Саванна, штат Джорджия
2005 год н. э.*

Письмо Джека, вампира

Меня зовут Джек Макшейн. Вы, должно быть, хотите знать, что я помню о своем человеческом бытии? О жизни до того дня, когда я встретился с Уильямом?

Что ж, я помню голод. И войну.

Помню ребенка с постоянно урчащим от недоедания желудком, Я грезил о еде. Мне виделись горы хлеба и мяса высотой до неба, мерещились фрукты из бескрайних садов, капуста и картошка с полей, протянувшихся на многие мили. Я представлял масло и яйца – предел мечтаний. В моем воображении братья и сестры были здоровы и упитанны, а мама весела и розовощека. Сейчас я даже не помню их лиц. Все, что осталось в моей памяти – ввалившиеся глаза, безразличные взгляды и тщедушные тела. Да еще стенания матери, оплакивающей тех из нас, кто не выжил.

В дни своего детства я не гонял по мостовым стеклянные шары и не запускал змея, как обычно делают мальчишки. Мой отец, иммигрант, «фермер от земли»,¹ воспитывал детей, обращаясь с ними как с рабами, которых не мог себе позволить. До приезда в Америку он жил в городском аду сырого, закопченного Белфаста, среди мусорных куч и грязных прачечных, бегая по булыжным мостовым и стараясь не попадаться на глаза старшим мальчишкам – таким же отчаявшимся и голодным, как и он сам.

В стране больших возможностей, на этой новой многообещающей земле, мы с братьями и сестрами – теми, кто выжил, – росли на диете из кукурузной каши и бесконечных побоев. Папаша мог исколошматить меня за то, что я слишком медленно доил корову. Или за то, что свистнул яблоко, которое можно было продать. Или за то, что помог сестрам собрать их меру хлопка... Мама давно уже была лишь бледной тенью женщины, безвольной куклой, покорно гнувшейся под железной рукой отца. Когда я достаточно вырос, чтобы дать сдачи, я ее дал. Едва мне сравнялось семнадцать, я почел за лучшее уйти из дома, пока мы с отцом не убили друг друга. Так что я отправился в большой город Саванну и устроился работать в доки.

¹ «Фермер от земли» – фермер, сам обрабатывающий свою землю.

Со временем в моей миске появилась еда, а в кармане завелись доллары. Однако стоило мне ощутить вкус новой жизни, как началась война, и я оказался во власти вечного голода и бесконечных сражений. Из-за блокады города производство сошло на нет, и бедным трудягам вроде меня не осталось иного выбора, кроме как вступить в войска Конфедерации. К 1864 году наш паек состоял из кишаших жучками галет и горячей воды, которая лишь мимоходом свела знакомство с кофейными плантациями.

После того как этот чертов военный гений Шерман¹ спалил Атланту, его армия повернула на восток, к морю, продвигаясь по главной железной дороге Джорджии. Трем бригадам джорджийского ополчения из Мэйкона было приказано задержать северян, рвущихся к Огасте с ее арсеналами и литейными цехами. Тогда нас определили к генералу Чарльзу Уолкотту, мы оказались перед правым флангом войск Шермана, направленным не к Огасте, а к Саванне.

Бригадный генерал конфедератов Плезант Филиппс – проклятый ублюдок с самым дурацким именем, какое я когда-либо слышал, – послал нас в атаку на отряд северян, засевших за железнодорожной насыпью. Мы бежали по открытому полю, а потом вверх по холму. Дрожа от страха и ярости, я огляделся вокруг и увидел остатки ополченцев из Джорджии. Горстка крепких парней вроде меня – и сотни стариков и зеленых мальчишек. Будь у меня шанс, я пристрелил бы идиота Филиппса... но едва трубач дал сигнал, пришлось двигаться через поле вслед за товарищами. Помню, как, глядя в дула винтовок, я размышлял о превратностях судьбы: выходит, надо было пережить голод и все прочие неурядицы только затем, чтобы получить пулю в голову... А следующее воспоминание – ослепительная вспышка и удар в живот, швырнувший меня на влажную землю.

Очнувшись, я понял, что наступила ночь, а я слышу старое доброе бурчание своих кишок. Только на сей раз виной тому был не голод, а рана у меня в животе. Кровь выплескивалась наружу с каждым новым ударом сердца. Вот так-то. Столько лет я боролся за выживание – и все для того, чтобы сдохнуть на заболоченном поле среди трупов убитых конфедератов. В преддверии последнего вздоха я проклинал небеса, не заботясь о том, что это может стоить мне рая...

А в следующий миг я ощутил *его* присутствие... Что-то приблизилось ко мне, разом и горячее, и холодное, одновременно и живое, и мертвое. Нечто злое... обаянное голодом. Оно склонилось надо мной, глаза его мерцали, словно у адской гончей, а клыки были измазаны кровью.

Таким я впервые увидел Уильяма.

– Им уже не помочь, – сказал он, кивнув на тела моих товарищей. – Но ты сам... ты хочешь жить?

Я хотел.

– Клянешься ли ты служить мне, пока существуешь на земле? – спросил он.

– А мне не придется голодать? – отозвался я. Уильям ответил:

– Во имя адовых врат! Никогда!

– Тогда – да. Я буду служить.

Слова эти – последнее, что я помню в своей человеческой жизни. Все остальное, как говорится, – достояние истории.

ГЛАВА 1

Саванна, штат Джорджия

Октябрь 2005 года

Уильям

¹ Уильям Шерман (1820–1891) – американский военачальник, генерал армии северян в гражданской войне Севера и Юга.

Обнаженная девушка лежала на столе, покрытом черной кожей. Ее запястья и лодыжки были крепко связаны, а голову покрывал глухой капюшон из черного атласа. Спускаясь до подбородка, он оставлял открытой лишь шею. Маленькая овечка, приготовленная для жертвоприношения, – она не могла меня увидеть. Единственным звуком, нарушающим тишину в комнате, было ее прерывистое дыхание. Девушка трепетала, как пойманная в силос птичка, и атлас чуть заметно подрагивал. Я подошел ближе, вдыхая чудесный запах ее страха.

Моя подруга Элеонора, хозяйка веселого заведения на Ривер-стрит, дважды проверила веревки, а потом с тихим смешком объявила:

– Кушать подано!

– Пришла пора становиться вампиром, – произнес я, отчетливо выговаривая каждый слог.

Девушка знала мой голос. Она громко вздохнула и вытянулась на черном столе, изгибая спину, предлагая себя, желая... Но милой куколке придется подождать. Ожидание было частью игры, и я не собирался разочаровывать свою овечку.

Я обернулся к Элеоноре и посмотрел ей в глаза. В ответ она опустила взгляд, играя робкую девицу. Уловка – и ничто иное. Да, Элеонора была человеком, но даже если она и впрямь боялась меня, то никогда бы этого не показала. Полное отсутствие у нее здравого смысла было еще одной особенностью, которая притягивала меня к Элеоноре с первых дней нашего знакомства.

– Приду тотчас же, как закончу.

Я коснулся платья Элеоноры, потом провел кончиком пальца по хвосту змеи, вытатуированной у нее на груди, над сердцем. И сердце ответило на прикосновение, ворохнулось, застучало чаще, предвкушая нашу игру.

Элеонора отступила и отвернулась, собираясь уйти. Помедлив, глянула на меня через обнаженное плечо, на ее губах заиграла улыбка, достойная дьяволицы.

– Можешь не торопиться. У нас вся ночь впереди.

Моя подруга вышла из комнаты, и едва уловимый аромат предвкушения секса последовал за ней, когда она закрыла дверь и заперла ее за собой.

Я же снова обратил все свое внимание к маленькому деликатесу на столе. Голод моего тела ни на миг не позволял забыть о нем – точнее, о ней. Я чувствовал, как мои холодные вены расширяются и теплеют, предвкушая пиршество. И все же я медлил.

Выждав немного, я неторопливо приблизился к столу.

– Привет, моя сладкая, – сказал я, расстегивая рубашку. Нет смысла пачкать ее кровью и утруждать девушек Элеоноры лишней стиркой. Плоть к плоти – так будет гораздо лучше. Я позволил материи соскользнуть с плеч и уложил ее красивыми складками между бедрами моей красавицы. Девушка вздрогнула от прикосновения тонкой ткани.

– Привет, – ответила она едва слышным шепотом.

Я коснулся плоского живота, погладил шелковистую кожу. Потом рука скользнула выше, подбираясь к сердцу.

– Ты долго ждала? – спросил я, лаская левую грудь девушки и наблюдая, как сосок твердеет, соприкасаясь с моей холодной кожей.

– Вечность... – сказала она завораживающим шелестящим голосом.

Моя рука поднималась все выше, до тех пор, пока пальцы не сомкнулись на шее девушки. Набухшая сонная артерия пульсировала под моей ладонью, и я едва мог совладать с искушением. Я был совершенно пуст, жажда становилась невыносимой.

Под этой бледной кожей бежит кровь... Теплая... Живая... Один легкий укус – и она хлынет мне в рот, наполнит меня, опьянит, утолит жажду. Я наклонил голову к руке девушки, привязанной к металлическому кольцу, и взял губами один из ее тонких пальцев.

Он вздрогнула и застонала, когда я чуть стиснул палец зубами и пососал его. Чудный, дразнящий вкус...

– Пожалуйста... – умоляла она.

Ее вкус был подобен вкусу жизни. Ошеломляющий. Мою кожу покалывало от желания,

и я закрыл глаза, борясь с пустотой внутри. «Возьми все», – слышался в голове безжалостный голос моего создателя. Да, я мог бы взять все – вцепиться в нее, как жадный ребенок, осушить до дна – и все же не насытиться. Однако я никогда бы так не поступил, и у меня были на то собственные причины. Я провел языком по маленькой ранке, чтобы унять кровь, наслаждение ожидало нас впереди.

– Всего лишь «пожалуйста»? Пожалуйста – что? – спросил я, играя с ней.

Не сейчас.

Люди всегда торгуются. Удовольствие, боль – все становится предметом торга. Хищники превыше этого. Они берут все, что захотят и когда захотят, жертва не имеет права голоса. Сейчас промедление было пыткой для нас обоих – и вело к наслаждению.

Я вытянулся на столе подле моей жертвы, приблизив лицо к ее закрытой атласом щеке. Мы дышали одним воздухом. Каждый из нас страстно желал того, что мог дать другой. И все же вне этой комнаты мы никогда не узнали бы друг друга. Здесь были только голоса, вздохи, биение сердец... Тук... тук... тук...

И ошеломляющий вкус.

– Пожалуйста – что? – поддразнил я девушку, наклонившись к ее уху.

Вместо ответа она повернула голову, обнажая... нет – предлагая чудную шею с бьющейся, пульсирующей артерией. Челюсть свело от желания укусить, но вместо этого я лишь провел языком от ключицы до мочки уха, заставив мою маленькую овечку вздрогнуть от неожиданности. Я видел бледные шрамы, оставшиеся от других ночей, других... предложений. Не было нужды убаюкивать эту девушку мягкими отвлекающими видениями. Она ждала этой боли, желала ее, умоляла о ней... пожалуй, даже рискнула бы жизнью ради своего извращенного удовольствия, но это была моя игра. Я сделаю одолжение, когда сам того захочу...

И наконец-то время пришло.

Да, каждый из нас получил то, что хотел. Я опустил свою холодную руку на ее грудь напротив сердца и резко надавил. Вздох девушки превратился в стон, когда я впился в шею, крепко стиснув ее зубами. Окунаясь в океан боли, жертва вскрикнула и выгнулась над столом. Сладкая, как мед, теплая кровь хлынула мне в рот. Роскошная. Опыняющая. Ах, если бы только маленькая овечка знала, как тонка линия между жизнью и смертью. Как легко мог бы я высосать жизненную эссенцию до последней капли, осушить мою жертву – пить, пока опустевшее сердце не остановится. Знай моя красавица, что она стоит на пороге смерти – попросила бы меня остановиться? Или молила бы о продолжении? Я не знал.

Как и подобает джентльмену, я сумел вовремя остановиться. Пока живительная влага текла в меня, я думал не о собственных удовольствиях, но о моей маленькой овечке.

Кровь за боль – таково было наше порочное соглашение.

Я провел ногтями по груди девушки, по старым рубцам, оставив под соском длинную кровоточающую царапину. Ее слезы, вытекающие из-под атласного капюшона, смешивались с крошечными капельками крови, и я собирал их языком. Этот будоражащий вкус манил меня, искушал снова прилечь к ее шее и сосать, сосать без остановки, пока сосуд не опустеет. И я знал, что девушка никогда и ни за что не попросит остановиться.

Кровь, боль – и наслаждение...

Однако я сам знал, когда следует прекратить. Приблизившись к этой границе, снова провел ладонью по телу девушки, опускаясь все ниже, пока мои теплеющие пальцы не погрузились в ее влажное лоно. Тело маленькой овечки вздрогнуло в судорогах оргазма, и последние теплые капли крови скользнули мне в рот – как плата за наслаждение. Я отступил, напоследок осторожно коснувшись языком ее шеи. Пресыщенная, слишком слабая, чтобы хотя бы пошевелиться... лишь атлас капюшона задрожал, когда девушка прошептала:

– Когда я смогу вернуться сюда?

– Когда я тебя позову.

– Я сделаю все, что ты захочешь.

– Да, моя сладкая. Сделаешь.

Говорил ли я, что этот прибрежный город принадлежит мне? Саванна – мой дом и убежище, стоящая плотной между мною и пустотой тьмы за спиной. Этот город по праву считается излюбленным местом призраков. Здесь было пролито много крови, и значительное ее количество – не без моего участия. Впрочем, если вдуматься, людям не особо нужна помощь в таких делах. Бесконечная череда войн доказывает подобную мысль как нельзя лучше.

Кровь пропитала мощные улицы и жирную землю заросших парков Саванны, ее испарения подобны тяжелому туману, покрывающему могилы. Эффект может быть... да, ошеломляющим, однако местные жители давно привыкли к необычному. Временами – в День всех святых или на равноденствие – духи беззастенчиво ходят по улицам, и тонкий мир приоткрывает свои невидимые двери.

Впрочем, возможно, что все это чушь. Люди порой бывают такими странными!..

Я? Я – реалист. Я способен видеть сквозь иллюзии и чары – людей и тех, кто людьми не является. Я шагаю по тьме, иду сквозь городскую историю, я дружен с невидимым миром.

Призраки мне не досаждают, поскольку я сам – смерть... и ношу ботинки за семьсот долларов.

Теперь же, этой ночью, когда я сыт и наполнен до краев, все мои помыслы обращены к сексу. Наверху ждет невероятная женщина Элеонора, которая однажды поклялась убить меня, если сумеет. Не утруждая себя стуком, я повернул ручку и открыл дверь. Шесть часов до рассвета. Пусть же игра начнется!

По всей комнате расставлены свечи, испускающие аромат магнолий, и все же я чувствую запах Элеоноры. Мне не нужен свет, чтобы отыскать ее. Я уловил бы ритм ее сердца даже в непроглядной тьме подземелий. Швырнув рубашку на стул времен королевы Анны, стратегически удачно расположенный напротив кровати, я чуть помедлил, прежде чем разуться.

Сегодня вопреки обыкновению пушистые перины на кровати не были покрыты шелками и атласом. Египетский хлопок, расстеленный для меня, соперничал белизной со свежеевыпавшим снегом. Должен признаться: алая кровь на белых простынях меня несказанно – как это говорится в наши дни – заводит.

У всех есть свои причуды. Даже у нежити.

Я повожу плечами, расслабляя мышцы и представляя собой отличную мишень. Потом поднимаюсь на ноги, чтобы снять штаны. Скоро, очень скоро... я это знаю. Возможно, Элеонора сумеет удивить меня этой ночью. Впрочем, не так-то просто удивить существо, прожившее на свете пять сотен лет, но я готов дать Элеоноре шанс. А вдруг получится?

Раздевшись донага, ложусь на огромную кровать. Кровь моя бурлит от жажды и вожделения. Нынче ночью я даже не подумаю о сне.

– Элеонора, – шепчу я, – где бы ты ни была, приходи... приходи ко мне...

Она недвижна, но в тишине я слышу ее дыхание. Изображая скуку, закидываю руки за голову и обнажаю грудь. Мое бессмертное черное сердце ничем не защищено и открыто. Теперь в комнате стало совсем тихо: Элеонора задержала дыхание. И вот она плавно поднимается с пола возле кровати. Безупречное тело обнажено, на ней нет ничего, кроме татуировок и бусин, вплетенных в черные волосы. В темных глазах – обещание высшего наслаждения, человек, зачарованный этим взглядом, мог бы и не заметить, что Элеонора прячет руки. Но я не человек, и потому – заметил. Впрочем, это не мешает мне манить Элеонору к себе – взглядом и силой желания. Медленно, словно демонстрируя покорность, она протягивает руки вперед и показывает мне раскрытые пустые ладони. Ее пальцы прикасаются к моему телу, дразнят, играют, возбуждая меня все больше и больше. Потом в дело вступают губы... О! Элеонора умеет доставлять наслаждение, и мы оба знаем правила игры. Эта женщина обладает даром обольщения, который уже стал легендой. Однако для меня дело не только лишь в этом. Здесь нечто большее.

Она ложится сверху, извивается на мне, гладит грудь, даря свое тепло. Наши губы встречаются. Язык Элеоноры ныряет в мой рот, скользит по зубам, касаясь клыков. Я

чувствую, как женщина дрожит от возбуждения. Она пробует кровь на вкус и хочет еще. Элеонора разделила бы со мной сумрачное будущее, если бы я позвал ее, но она знает, что этого никогда не случится. В моем сердце живет древняя ненависть, которую должно подавить и перебороть. Кроме того, бессмертие нежити аннулирует возможность обрести жизнь вечную, и я не уведу Элеонору во тьму – для ее же блага. А может быть – и для моего собственного. Пусть я проклят, однако совесть у меня есть.

Элеонора касается языком кончика моего клыка, и я ощущаю дразнящий вкус ее крови. Нарастающее возбуждение и жажда бушуют во мне, как огненная буря. Если я не проявлю, осторожности и стану потакать Элеоноре в ее желаниях, она сумеет меня убить. Или же вынудит убить ее.

Я целую женщину, притягивая ее ближе и ближе. Наши тела все крепче прижимаются друг к другу, Элеонора разводит бедра, принимая меня в свое лоно. Мы сливаемся воедино в первозданном танце секса и смерти – и движемся к краю.

Она бесстрашно смотрит мне в глаза. Люди редко отваживаются взглянуть в лицо смерти. Элеонора называет меня красивым, возможно, для нее это действительно так. Я не помню своего лица и не знаю, на что похож взгляд моих лишенных души глаз. В ночь инициации я утратил свое отражение.

– Мой прекрасный зеленоглазый ангел-убийца... – шепчет Элеонора.

Она одаряет меня томной дразнящей улыбкой.

– Или ты дьявол с лицом кинозвезды? Пришел забрать остатки моей души?

В этот миг я ощущаю движение ее рук. Одна скользит по моим волосам, и острые ногти царапают кожу на голове. Вторая же почти не оставляет времени подготовиться. Я рефлекторно вскидываю собственную руку и хватаю Элеонору за горло. Я мог бы убить ее, просто стиснув пальцы, но она раздвигает мои бедра, обволакивая меня теплом своего лона. А потом – вскидывает руки над головой. Женщина сжимает острый, причудливо украшенный ясенеый кол, направленный мне в сердце.

Наши взгляды встречаются, и я вижу перед собой человека, который почти ровня мне. Не потому, что Элеонора сильнее или хитрее большинства людей, нет. Но она сделала то, что мало кому удавалось на протяжении всех этих столетий: отыскала слабое место в моей защите. Эта женщина обнаружила мое желание умереть. Променять один ад для нежити на другой...

Элеонора тяжело дышит. Ее грудь вздымается и опадает, когда она пытается вдохнуть хоть толику воздуха, борясь с железной хваткой моих пальцев на своем горле. В свете свечей кажется, что вытатуированная змея оживает на ее коже. Клеопатра прижала к груди змею... и погибла. Я медлю, наслаждаясь ощущением смертельной опасности почти также сильно, как нашей близостью. Впервые в такой игре я возбужден сильнее, чем Элеонора.

С яростным криком она обрушивает кол вниз.

Ее движение кажется мне медленным – словно во сне. В моем сознании несколько мгновений растягиваются в минуты. Это чудесное умение позволяет мне насладиться каждой следующей фазой действия – мимолетной улыбкой, предшествующей крику, малейшими сокращениями мышц на груди, движениями змеи, которая словно бы оживает, когда Элеонора наносит удар.

Кол протыкает кожу и ударяется о ребро, прежде чем я успеваю выбить его из рук Элеоноры. Мы тяжело дышим, словно долго бежали. Я почти не чувствую боли, мое тело сотрясается от возбуждения и ненависти. Ненавижу слабость, которая заставляет меня жаждать смерти – закономерного результата моего бунта. А эта женщина понимает все.

Глаза Элеоноры светятся торжеством. Она проводит рукой по моей груди, прикасаясь к ране, и ее пальцы окрашиваются кровью. Искусительница – она подносит руку ко рту и слизывает свидетельство моей слабости. Элеонора знает, что будет дальше, как знаю и я.

Ярость, секс и нечто похожее на покорность – с моей стороны, поскольку теперь я не могу остановиться. Я не позволю ей пить свою кровь, но не могу помешать упиваться моим возбуждением. Движением руки я опрокидываю Элеонору на спину и прижимаю к кровати.

Теперь моя очередь. Я вхожу в нее, все глубже и глубже, не торопясь, заставляя женщину кричать и умолять о продолжении. Она вот-вот кончит, я – тоже, прижимаю губы к ее шее, стискивая зубами кожу, моя милая кричит громко – вот она, радость... Сейчас жизнь и смерть кажутся равно желанными, и то, и другое ведет к высшему наслаждению. Элеонора и моя овечка похожи – более чем сами могут осознать.

Я вдавливаю Элеонору в кровать, наполняя ее, но не утоляя голода. Руки комкают и разрывают простыни в тщетной попытке унять судороги моего – такого живого – тела. И в этот миг я ощущаю себя почти человеком. Впрочем, не назвал бы это поводом для гордости. Люди имеют слишком много... изъянов. Однако и я когда-то был человеком и в те времена чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Я опустил стекло в кабине эвакуатора, подставил лицо холодному ветру и вдавил в пол акселератор, жалея, что этот грузовичок и вполтину не так быстр, как мой любимый «шевроле корвет». Врубил радио, настроив его на канал кантри. Мерль Хаггард¹ встретил свой двадцать первый день рождения в тюрьме и вынужден был жить, не надеясь на досрочное освобождение. Жизнь! Удивительная это все-таки штука.

Я буксировал машину, которую клиент разбил и бросил на дороге в нескольких милях от города. Он звякнул другу по мобильнику, попросив забрать его, и теперь спешил домой, к теплу и уюту. Я не винил этого парня. Неизвестно, какие чудовища могут встретиться за городом в ночной темноте. Особенно если этот город – Саванна с его извечными сверхъестественными штучками.

Я откинул голову назад, наслаждаясь ощущением ветра в волосах. Как говорят на юге, я балдею от скорости. Держу пари, я б показал недурной результат в «Наскаре»,² если бы только мог нормально существовать при свете дня. Вместо этого я вынужден довольствоваться милой сердцу ночью, раскатывая подлунным светом по грязным дорогам юго-восточной Джорджии и асфальтобетонным трассам в предместьях Саванны. Среди местных рыбаков, поколение за поколением живущих в своих лачугах на окраинах соснового леса, я давно уже стал чем-то вроде легенды. Эдаким «призрачным гонщиком» в призрачном же «корвете».

Что ж, не стоит удивляться. Истории обо мне передавались от отца к сыну на протяжении многих и многих лет. Прежде чем появились автомобили, папы, дедушки и прадедушки нынешних рыбаков видели меня верхом на огромном вороном жеребце. Я одевался в черное и носил серебристые шпоры, а упряжь коня, украшенная мексиканским серебром, мерцала в лунном свете. Подобное зрелище до чертиков напугало бы любого, кто осмелился путешествовать этими дорогами в ночной час. Теперь же я пролетаю мимо них на четырех чудесных «гудйирах».³ Рыбаки, впрочем, не торопятся звать полицию. За все те годы, что я провел, промышляя контрабандой спиртного, копам так ни разу и не удалось меня прихватить. Не поймают и теперь.

Словно отзываясь на мои мысли, сзади раздался вой сирены. Вот черт! Будь я в своем «корвете», оставил бы копов глотать пыль. Помянув недобрым словом долбаную патрульную машину, я съехал на песчаную обочину и затормозил.

– Доброй ночи, Джеки, – послышался нежный голос. Тут уж мне ничего не оставалось, кроме как расслабиться и получать удовольствие.

Офицер Консуэла Джонс из полицейского департамента Саванны подошла к моей машине, потом посветила мне в лицо фонариком, будто бы не узнавая. Я прищурился, надеясь, что она не заметит, как мои зрачки в ярком свете становятся узкими и вертикальными.

Конни я знал с тех самых пор, как она приехала в Саванну. Познакомились мы при забавных обстоятельствах: она расследовала автокатастрофу с моим участием. В тот раз я

1 Мерль Хаггард (род. 1937) – американский кантри-певец, гитарист и композитор. Несколько раз сидел в тюрьме за кражи и грабежи.

2 «Наскар» (NASCAR) – автомобильные гонки в США.

3 «Гудйир» – фирменное название автомобильных покрышек производства английского филиала американской компании «Гудйир Тайр энд Раббер К°».

разбил одну из своих машин, резко свернув, чтобы избежать столкновения с грузовиком на дороге в Тайби. Машина вылетела с дороги и перевернулась несколько раз. Конни приехала к месту аварии раньше врачей и сочла меня мертвым, поскольку моя шея была свернута под неестественным углом: «травма, несовместимая с жизнью». К счастью, милая женщина даже не потрудилась проверить пульс. Вот уж повезло так повезло, старина Джек... Проблема в том, что у меня вообще нет пульса, было бы сложно объяснить, как человек ухитрился воскреснуть из мертвых. Впрочем, растолковать ей, как я вправил шею, тоже оказалось нелегко. Обычно я не столь беспечен, но в тот раз уселся, оказавшись к Конни спиной, и был несколько обескуражен произошедшим, а потому утратил бдительность и не почувствовал человека поблизости. Так или иначе, я сел, взял себя за голову и вернул шею в нормальное положение. Ну, примерно как вы вправляете палец, вывихнутый при игре в бейсбол...

Я понял, что она рядом, только когда Конни изумленно ахнула, а потом спросила меня, как я это сделал. Я ответил, что взял идею из фильма «Смертельное оружие», где Мэл Гибсон, зверски выпучив глаза, убивается об стену, вправляя себе выбитое в суставе плечо. Надо ли говорить, что такое объяснение Конни не удовлетворило – где Гибсон и где я! – и с тех пор наши пути время от времени пересекаются. Она догадывается, что я какой-то странный, но не может понять, в чем тут дело. Конни работает в ночную смену, а потому временами заглядывает в гараж – присмотреть за мной или просто поболтать. Мне хочется верить, что мы стали приятелями. Вдобавок я был бы вовсе не прочь познакомиться с Конни поближе... Ну, вы меня поняли, полагаю.

Я бы с удовольствием сводил ее куда-нибудь, однако отлично понимаю, что Конни мне не доверяет. Повторюсь, она считает меня странным. Необычным. При этом Конни навряд ли знает, что и сама она не так уж проста. В ночь нашей первой встречи я не сумел учуять рядом человека. Возможно, потому, что Конни – не человек. Не знаю, кто она. На оборотня не сильно похожа. Возможно, метиска, полукровка. Трудно сказать с уверенностью. Кстати, она работает только по ночам, Тому должна быть причина, но в таких делах лучше не задавать слишком много вопросов.

Сегодня Конни выглядела просто шикарно. Длинные черные волосы, перехваченные шнурком, падали на спину. Форменная рубашка ей весьма шла. Служебный пистолет покоился на крутом бедре, а значок переливался серебряным и синим в мерцающих огнях мигалки патрульной машины. Истинная представительница власти... Уймись, мое мертвое сердце!

– Ба! Да это же моя любимая стражница закона!

– Не подлизывайся. Это не поможет. – Конни лениво улыбнулась, одарив меня сексуальным взглядом из-под густых ресниц. – Я выпишу тебе квитанцию за превышение скорости. – Она извлекла из нагрудного кармана ручку и крайне эротично поклонявила палец, чтобы оторвать чистый листок от своей квитанционной книжки.

Я сглотнул, потом подмигнул. – Может, хочешь меня обыскать?

Не переставая чирикать стилем, Конни чуть наклонила голову, полагая, что я не увижу ее ухмылку под козырьком.

– Нет необходимости.

– Как насчет раздевания?

– Я не собираюсь нарушать твои гражданские права.

– Вообще-то речь идет о тебе...

– Осторожнее, я могу тебя привлечь за сексуальное домогательство.

– А разве это не прерогатива полиции нравов?

Конни оторвала квитанцию и наклонилась к окну машины, чтобы сунуть листок мне в карман. Палец, который она облизала, приятно коснулся кожи сквозь тонкую ткань рубашки.

– О, если понадобится, я найду, что тебе пришить. Води осторожно, мистер Макшейн. – С этими словами Конни повернулась и направилась к своей машине, демонстрируя мне свою роскошную тыловую часть. Я рассмеялся и выехал на дорогу. Она всегда заводила меня. Да, всегда...

Человеческие женщины – беспокойный народ, но женщин-вампиров не существует вовсе, насколько я знаю. Так что же прикажете делать парням? Люди считают меня мизантропом и женоненавистником. Горькая ирония! На самом-то деле я бы не отказался наладить нормальную жизнь, но с моим маленьким... кхм... недугом, да, долговременные отношения с людьми невозможны. Не так-то просто скрывать свою истинную природу от окружающего мира, и уж точно я не сумел бы держать ее в тайне, живя с женщиной. «Да, дорогая, я сплю весь день и бодрствую ночью. Вдобавок – пью кровь и не старею. Ничего особенного, солнышко. Не обращай внимания, все это ерунда»... Так что все мои романы обычно бурные и страстные, но короткие. Возможно, именно поэтому я не форсировал события в отношениях с Конни. Опасался, что если мы начнем встречаться, не смогу вовремя остановиться. В общем, мне ничего не остается, кроме как поддерживать свой имидж ветреника и бабника, развлекаясь с девушками, которые не ждут любви до гроба. Каламбур.

Однолюб в теле мертвого распутника. И – да здравствует любовь!

Десятью минутами позже я загнал грузовик в гараж и выпрыгнул из кабины. Ренье рылся в шкафчике над кофеваркой.

– Джек, у нас закончился кофе.

– Посмотри в сумке под раковиной.

Ренье, мой партнер в «Полуночных Механиках», носит очки с толстыми, похожими на бутылочные, стеклами. Очки вечно заляпаны маслом, и я удивляюсь, как он вообще видит хоть что-нибудь. Ренье – невысокий, широкоплечий и коротко стриженный парень, который запросто может собрать мотор из дерьма и пыли. Когда я пришел, он играл в покер с кем-то из «обычных».

«Обычные» – так называет их Ренье. На самом деле все они – удивительные Чудики, которые и близко не стояли рядом с обыкновенными людьми. Однако они регулярно околачиваются у нас в гараже и уже стали тут вроде как своими. Обычными. Временами я задумываюсь, как они живут, что делают днем, ну и вообще, кто же они такие на самом деле. Впрочем, никто из них не задает лишних вопросов – например, как мне удастся поднять машину за передок без помощи домкрата, – так что я плачу им тем же. Сдается мне, именно поэтому чудикам так уютно в нашей мастерской, где всегда найдется кружка кофе и партнер, чтобы перекинуться в картишки. Все они со странностями. Я могу учуять нелюдя за двадцать шагов, и потому точно знаю, что кое-кто из наших «обычных» очень и очень необычен. Вроде Руфеса, который никогда не приходит в полнолуние. Или Джерри: тот являет миру свои заостренные уши всякий раз, как снимает бейсболку, чтобы почесать щетинистый затылок. Что они за существа? Не знаю. Да и кому какое дело? До тех пор, пока «обычные» не пытаются сожрать клиентов, я не стану совать нос в их дела.

Пусть я и одиночка, но временами совсем не возражаю против хорошей компании. Особенно если мне расскажут, что происходит в городе, когда гаснут огни в домах, а обыватели уже нырнули под свои одеяла и попросили Бога защитить их от зла. От созданий вроде меня.

Для вампира никакая осторожность не будет излишней. Помимо Ренье, в гараже я увидел двоих из наших «обычных». Скользкий, словно червяк, парень по имени Отис сидел за картами вместе с Хью: тот занимается у нас подсобными работами и состоит в должности «подай-принеси». Он не страдает избытком серого вещества, но и дураком я бы его не назвал. Хью может запутаться в цифрах, подбивая баланс, зато он душа-человек, скорый на улыбку, приветливый и доброжелательный, и все здесь его любят.

Отис чуть вздрогнул и отодвинулся, когда я сел рядом. Этот парень никогда не смотрит мне в глаза, норовя отвести взгляд чуть в сторону. Я думаю, он немного побаивается меня. Некоторые из наших завсегдатаев вообще не появляются в гараже одновременно со мной. Не могу их за это винить. Все нелюди способны учуять друг друга. Или опознать себе подобного при встрече.

– Я сегодня снарядил два катафалка в похоронном бюро, – сказал Хью, разглядывая свои ногти. – Какой-то мерзкий осадочек остался.

– Почему, Хью? – Я поднял два пальца, и Ренье кинул мне две карты.

– Так ведь там внутри мертвяки, – откликнулся Хью. – Мне от них делается жутко.

Руфес, только что отхлебнувший кофе, поперхнулся и раскашлялся, забрызгав карты. Остальные из всех сил старались не смотреть на меня. Уголки губ Ренье дрогнули.

– Все там будем, рано или поздно, – сказал он. – Сдается мне, Хью, каждый прокатится на этом «кадиллаке».

Говори за себя, подумал я.

Лицо Хью неожиданно просветлело.

– А вот я хочу, чтобы меня похоронили в моей машине, – сказал он. Жирная кожа Хью так блестела, что я видел в ней отражение его толстой руки.

Отис вынул из кармана мешочек и закинул за щеку плитку жевательного табака.

– Ну, вот когда помрешь, мы поглядим, можно ли будет прикопать тебя вместе с тачкой. – Отис носил засаленный воротничок и рабочую спецовку с надписью «БАД». Понятия не имею, кто таков этот Бад. – Знаешь старые склады ниже по реке?

Старые склады принадлежали Уильяму. Я покосился на Отиса, недоумевая, что общего между делами Уильяма и мечтой Хью вознестись к жизни вечной за рулем «шевроле-корсики».

– С час назад туда пригнали лодку. Ребята со склада носились как угорелые и орали друг на друга. Я услышал кое-что... ну, ты знаешь, так бывает. Вроде как не подслушиваешь, но что-то доносится...

– И что же до тебя донеслось? – осторожно спросил я. Отис выплюнул струю табачной жижи в пластиковый стаканчик и сказал:

– Хм... Какие-то вопли насчет гробов. Может, кто-то хотел, чтобы его похоронили в лодке? Вроде как Хью в машине?

Я задумался. Лодка, скорее всего, принадлежала Уильяму. Добавьте сюда беготню, крики и гробы. Я положил карты на стол – в любом случае там была лишь пара восьмерок – и пошел звонить на склад. Какого черта у них там творится?

На шестом гудке кто-то поднял трубку.

– Джек! Слава Богу!

«Слава Богу» – не те слова, которые я жаждал услышать в сочетании со своим именем. Говорил один из работников склада, Эл Ричардсон. И от его слов моя и без того холодная кровь едва не застыла в жилах...

– Я найду его, – сказал я и повесил трубку.

Наскоро распрощавшись с Ренье, я запрыгнул в свой «корвет» и дал по газам. Мне нужно было поскорее разыскать Уильяма, поскольку перед нами разверзся ад, и как бы не в буквальном смысле.

Обычно меня проще найти, чем Уильяма. Его вкусы и пристрастия в плане ночной активности более своеобразны, нежели мои, а плюс к тому он терпеть не может мобильники. Ему не нравится идея быть доступным для всех, и если он нужен, именно мне приходится носиться за ним по городу, задравши хвост. А Уильяма, между прочим, не так-то легко отловить. Он может болтаться на светском рауте в компании городских шишек. Или, скажем, провести ночь, гоняясь за какой-нибудь милой студенточкой художественной академии, которая завтра очнется на каменной скамье городского кладбища – бледная, измученная и начисто позабывшая события последних нескольких часов:

В числе всего прочего Уильям занимается импортом антиквариата, который покупает за гроши у разорившихся европейских аристократов. Потом он продает антикварные вещи толстосумам из Саванны – тем нуворишам, которые не успели обзавестись фамильными реликвиями и понимают слово «горшок» только как обозначение ночной вазы.

На самом деле весь этот антикварный бизнес – только прикрытие, маскирующее перевозку действительно ценного груза. Вампиры. Я не знаю, почему они бросают свои замки в Европе и приезжают сюда, но поток старых богатых европейских кровососов не иссякает. Уильям переправляет их на своей яхте – по одному за раз. Вампиры не всегда ладят

друг с другом, а разборки на шаткой палубе посреди океанской стихии уж точно никому не нужны. Судовая команда изрядно нервничает, даже если на борту имеется всего один гроб.

Клиенты Уильяма должны быть богаты, иначе он просто не станет ими заниматься. Вампиры Старого Света ездят исключительно первым классом. Эдакий «Карнивал круз»¹ для кровососов. Уильям обеспечивает им наилучшие условия: горячая и холодная кровь включена в прейскурант. Черт возьми! Насколько я знаю, они даже могут поиграть в шаффлброд² на палубе под лунным светом.

Новоприбывший представляется обществу Саванны, а спустя краткое время уходит в закат – исчезает, отправляясь в иные места, известные одному только Уильяму. Он контактирует со всеми вампирскими сообществами, разбросанными по просторам этой страны. Временами Уильям имеет дело и с нищими европейскими кровососами, но по большей части это все же представители высшего света. Вот так-то. Иногда они даже привозят с собой собственную землю.

Я не знаю, почему непременно нужно ставить гробы в дурацкую европейскую почву. По мне, так красная глина Джорджии ничем не хуже, но, видимо, в этой старой земле есть какая-то особая сила. Я спросил бы Уильяма, но он ведь не скажет. Уильям вообще редко рассказывает мне обо всех этих делах. Черт бы его побрал.

Да-да, я знаю: слишком поздно. Черт побрал его уже давно. Для Уильяма я нечто вроде мальчика на побегушках. Последние несколько недель, например, помогаю ему в подготовке к большому приему в честь прибытия очередного вампира. Если вы спросите меня, скажу: планирование вечеринок – женская работа, но да ладно. По крайней мере, Уильям больше не просит меня парковать машины его гостей. Временами я мечтаю надрать ему задницу. Примерно полторы сотни лет тому назад я принес Уильяму клятву верности, но это не значит, что я сделался его лакеем. На мое счастье он, как правило, пребывает в благодушном настроении. Уильям стар, очень стар – хотя по нему и не скажешь, – а в мире вампиров это обозначает силу и власть. Я отлично понимаю, что он может раздавить меня как козявку, но не готов ползать перед ним на карачках. Каждый должен иметь чувство собственного достоинства, не так ли? В последнее время Уильям проявляет ко мне больше уважения, чем раньше, но я все еще принадлежу ему – и от этого меня с души воротит. Если можно так выразиться. Души-то у меня нет.

Уильям чертовски спесив и невероятно тщеславен. На его благотворительном ретробалу соберется весь высший, свет Саванны. Как раз сейчас мы строим новое крыло больницы и суперсовременный банк крови, а это требует денег. Из богачей лучше сосать деньги, чем кровь, как любит говаривать Уильям. Нас ожидает пышный прием, дорожный ликер будет литься рекой... вот только одна проблемка.

Эл Ричардсон сообщил мне, что почетный гость исчез без следа.

Я развернулся на двух колесах и припарковал машину под дубом, возле кованых ворот респектабельного довоенного особняка. Да, я сказал: «респектабельного», хотя на самом-то деле внешность бывает обманчива. Я не заметил поблизости черного «ягуара» и все же точно знал, что Уильям там, внутри. Если Уильям не блокирует свои мысли, я могу учуять его, словно гончая, где бы он ни был. Не знаю, способен ли Уильям полностью закрыться от меня – ведь он меня создал... или как там это у вампиров называется.

Я прыжком выбрался из «корвета», краем глаза уловив движение на веранде. Две местные девушки вяло покачивались на садовых качелях, цепи скрипели, будто кандалы на призраках рабов, которые по ночам иногда появляются на болотах.

– Как ты лихо выпрыгиваешь из машины, Джеки, – пропела одна из проституток – юная красавица с детским личиком и чудными светлыми волосами. – Покатаешь меня как-нибудь?

– Непременно, детка, только не прямо сейчас. – Я припомнил, что ее, кажется, зовут Салли, но полной уверенности не было. Я подмигнул девушке и ее подружке, которая

1 «Карнивал круз лайнс» – компания морских путешествий, владеет линией «Круз лайнс».

2 Шаффлброд – настольная игра, монеты или металлические диски щелчком передвигают по разделенной на девять клеток доске. Палубный шаффлброд – вариант той же игры на палубе с палками и деревянными дисками.

листала журнал «Пипл» и выглядела истинной скромницей – как и положено настоящей высококлассной шлюхе.

Я вошел в дом, не утруждая себя стуком. Меня едва ли можно назвать местным завсегдатаем, однако, должен признаться, время от времени я пользуюсь услугами здешних леди. Уильям приходит ради крови и секса. Я – просто ради секса, поскольку не люблю причинять людям страдания. Пусть даже они сами этого хотят.

Я отличный механик и получаю достаточно, чтобы позволить себе дорогих проституток, хотя вообще-то кругом хватает женщин, готовых предоставить мне все то же самое совершенно бесплатно. Последний раз я видел свое отражение сто сорок лет назад, но еще помню буйную черную шевелюру и глаза цвета газового пламени. Подобных мне называют «черными ирландцами». Это потомки французов (скорее всего, контрабандистов и пиратов), смешавших свою кровь с кровью ирландской. Не сказал бы, что я прямо такой уж красавчик, но женщины от меня не шарахаются... до тех пор, пока не приходит время показать клыки.

Я давно уже приобрел репутацию бабника и закоренелого распутника. Что тут можно поделывать? Работа в круглосуточной автомастерской и службе техпомощи временами сводит меня с дамочками, оказавшимися в сложном положении. Иногда они очень, очень благодарны. С другой стороны, я никогда не пользуюсь их несчастьем и ни к чему не принуждаю. Если ты вампир – это значит, что тебе всегда приходится прощаться.

Романы Уильяма – совсем иного сорта. Входя в двери особняка, я старался не думать о том, что он делает там, внутри. По всей вероятности, Уильям прикидывался одним из этих чокнутых готов, которые изображают из себя вампиров и играют в кровавые игры. Лично я не любитель таких вещей, но если Уильяму нравится – его дело. Однажды я спросил его, почему к нам никогда не приезжают женщины. В ответ Уильям лишь одарил меня своим фирменным взглядом, означающим «не задавай вопросов, и мне не придется лгать», а потом сменил тему.

Неужели же, думалось мне, женщин-вампиров действительно не существует? Печально и весьма огорчительно.

Я вошел в гостиную, где несколько девушек развлекали нескольких раскрасневшихся, возбужденных бизнесменов – возможно, делегатов какого-нибудь загородного съезда, проживающих в одном из отелей возле Бэй-стрит. Другие клиенты имели расслабленный взгляд завсегдатаев заведения, расположившись у бара красного дерева, они неторопливо потягивали свою выпивку. Прочая обстановка была под стать бару: все здесь говорило о деньгах и престиже. Публичный дом под маской респектабельного мужского клуба.

Красиво одетая молодая женщина, сидевшая за антикварным столом возле камина, подняла голову от книги в кожаном переплете.

– Джек, рада тебя видеть. Давненько к нам не заглядывал. Что предпочтешь сегодня?

Я пожал протянутую руку. Пальцы девушки были гладкими и нежными – розовые бутоны в моей огромной мозолистой лапе. Ее духи дразнили острое вампирское обоняние, и запах был очень приятным. Мне стало даже немного неловко, что я явился по делу.

– Сегодня не до развлечений, милая. Я ищу Уильяма. Это срочно.

Эшли возвела глаза к потолку, словно желала пронзить его взглядом и увидеть будуары на верхнем, этаже.

– Боюсь, он будет недоволен. Сейчас не самый удобный момент...

– Это уж мои проблемы. – Я зашагал вверх по лестнице и на первой же площадке столкнулся с Уильямом. Он шел вниз, держа в руке свою белоснежную рубашку и вытирая кровь с груди и подбородка льняным платком с монограммой. Уильям почуял меня – так же, как и я его.

– В чем дело?

– Корабль. Груз пропал.

Мимолетная вспышка раздражения исказила его спокойное лицо.

– Антиквариат украли?

– Нет. Твой европеец... в смысле пассажир... Он исчез вместе со всей командой. Твои ребята нашли «Алебастр» возле мыса Лазаря и отбуксировали в гавань. Но это теперь корабль-призрак, Уильям. – Я понизил голос. – Там никого нет, а гроб пуст. Лучше бы тебе самому на это взглянуть.

Уильям вихрем ринулся вниз по лестнице, но я успел заметить выражение ярости на его лице. Если в деле замешан смертный, вскорости от него и мокрого места не останется. Впрочем, скорее всего, люди здесь ни при чем.

Широким шагом Уильям шел к машине, на ходу застегивая рубашку. Я догнал его.

– Человек... даже несколько людей не смогли бы этого сделать, верно? Похитить всю команду и старого могущественного вампира? – спросил я.

– Нет, – отозвался Уильям, запрыгивая на пассажирское сиденье.

– Видимо, тут поработал сам вампир. Но зачем ему жрать команду и сбегать с собственной вечеринки?

Уильям равнодушно смотрел вперед, но я видел, что он едва не подпрыгивает от нетерпения.

– Понятия не имею.

Я понимал, что Уильям в бешенстве, но не особенно беспокоился: ведь его гнев был обращен не на меня. Кстати, когда Уильям злится, он действует особенно эффективно.

– Похоже, нам достался какой-то чокнутый вампир, а? – сказал я и тут же пожалел об этом.

– Не болтай. Веди машину.

ГЛАВА 2

Уильям

Мало того, что меня ограбили, так еще и чудесный вечер оказался испорчен. Мы с Элеонорой как раз дошли до самой интересной части нашей игры в «убей или погибни». Честно сказать, я полагал, что у Эджернона Ремпли – пропавшего пассажира – манеры получше. Увы и ах! Вампиры, как и люди, с годами становятся все эгоистичнее.

Сам я более подвержен гневу, нежели себялюбия. Временами вспышки ярости ослепляют меня, хотя я прилагаю все усилия, чтобы держать себя в руках. «Мигрень души», как говаривала давняя смертная подруга Тилли. Она не верила, что я неизлечим, и за восемьдесят пять лет нашего знакомства перепробовала множество самых разных средств. Однажды Тилли заставила меня посмотреть запись выступления какого-то доктора Филиппа. Он читал лекции о том, как справляться с гневом.

Я пытался припомнить, что там советовал этот Филипп. И любом случае, не стоит выплескивать ярость на Джека или моих работников, в скором времени я найду истинного виновника. «Пропавший груз»! Если окажется, что все это устроил сам Эджернон, ему не поздоровится. За последние пять лет мой маленький бизнес стал очень актуальным, и приходится расти, то есть делать все лучше, качественнее и быстрее.

Мои размышления были прерваны самым неожиданным образом: пересекая площадь Джонсона, Джек подрезал какую-то машину и сделал лихой разворот на такой головокружительной скорости, что на дубах закачался бородастый мох. Я мимолетно пожалел о своем «ягуаре». Никогда не любил эти мерзкие ревущие штуковины. По-моему, изобретение автомобиля было роковой ошибкой. Я бы охотно променял все эти железяки на крепкого коня из плоти и крови. Но Джек, любит свои машины.

– Будь я смертным, решил бы, что нам конец. Джек ухмыльнулся, показав клыки.

– А что? Я люблю будить этих старых пердунов, спящих на куче денег. – Он включил понижающую передачу, проезжая по Бэй-стрит на красный свет. Я промолчал. Вряд ли он привлечет внимание нашей сонной полиции, да и в любом случае это будут его проблемы. И

чем быстрее мы приедем к докам, тем раньше я смогу выбраться из проклятой машины.

Четверо работников ночной смены уже ждали нас, когда мы промчались через распахнутые ворота верфи Брамpton-Торн, названной так в 1902 году в честь одного из моих мнимых родственников. Быть собственным предком – вот уникальная возможность увидеть историю. Термин «исконные права»¹ тоже был выдуман одним из таких вот «предков». К примеру, эта прибрежная зона является частной собственностью, приобретенной и оплаченной еще в восемнадцатом веке. Таким образом, она находится вне ведения и контроля нынешних властей штата. До тех пор, пока у них нет оснований подозревать меня в незаконной деятельности, власти полностью игнорируют эту маленькую пристань. В конце концов, она принадлежит одной из самых старых и богатых семей города (то есть мне) уже более двухсот лет. Много дольше, чем любой из чиновников прожил на свете.

Со времени моего приезда в Саванну я приобрел пять домов, две плантации и несколько вымышленных имен. Каждый сорок-пятьдесят лет я переезжал в новый дом, придумывал себе имя и прошлое, и по необходимости чуть изменял внешность при помощи моих доверенных людей. С годами проделывать это становилось проще, поскольку население росло, а социальные слои все более перемешивались. Ну и, само собой, если в кармане достаточно денег, любые круги примут тебя без лишних вопросов.

Да, разумеется, если правда о моем морском бизнесе выплывает на поверхность, проблем не оберешься. Впрочем, надеюсь, этого никогда не случится.

Джек лихо остановил машину, нас окружили облака пыли и солоноватый запах застоявшейся речной воды. В человеческих легендах вампиры способны унюхать лишь кровь, когда преследуют жертву. Люди даже представить не могут, насколько на самом деле остро наше обоняние. Мы чуем не только обычные запахи, но и такие вещи, как эмоции или отголоски давних событий. Река Саванна проложила свое русло задолго до того, как на этих берегах появились индейцы, не говоря уж об англичанах. На протяжении сотен лет здесь пахло по-разному, но древний, изначальный запах земли, солоноватой воды, водных созданий и мертвых останков сохранился навеки.

– Сюда, сэр, – сказал один из моих работников, пятнадцатилетний Тарни Грэхем. Следом за ним я направился к пристани. Джек хлопнул Эла Ричардсона по спине и присоединился к нам.

Восьмидесятифутовая яхта «Алебастр» стояла в одном из внешних доков. Люки были распахнуты настежь, но свет на мостике не горел. Создавалось впечатление, что судно покидали в спешке. Интересно, почему яхту не поставили на слип,² как обычно?

Тарни протянул мне фонарь.

– Если не возражаете, сэр... – Он посторонился, пропуская меня вперед. Мальчик боялся, я ощущал этот страх и видел его в глазах Тарни. Ладно, он выполнил свою задачу, приведя корабль-призрак домой. Теперь мой черед поработать.

– Джек, пойдешь со мной, – сказал я. Кто-то отдал ему свой фонарь, и мы двинулись вверх по сходням.

Едва моя нога коснулась палубы корабля, я понял, почему люди испытывают такой страх. Здесь возникало необычное чувство – гнетущее ощущение чьей-то злой воли. Я понимал, что это значит. И чуть помедлил, прежде чем сделать следующий шаг...

– Что за хрень тут творится? – пробормотал Джек. Он, как и я, чувствовал неладное, но не мог понять, где источник проблемы. Я не собирался просвещать Джека. Ради его же блага.

На передней палубе у открытого люка я увидел кровь, потом заметил бурое пятно возле штурвала. Но кровь – ерунда в сравнении с оплавленной стеклотканью и черным прахом на якорных цепях на корме. Останки вампира... Из обугленной палубы торчал обгорелый кол. Его вбили с такой силой, что нижняя часть глубоко ушла в доски и не пострадала от огня.

– Езус-Мария! – выдохнул Джек. Что ж, он начал свою жизнь ирландским католиком и

¹ Исконные права – здесь: деятельность, которая является недопустимой с точки зрения законодательства, но разрешенная, если она начата до вступления закона в силу.

² Слип – сооружение для подъема судов на берег с целью их осмотра, ремонта или отстоя.

повидал много крови еще до того, как стал вампиром. Однако бранные останки существа, которое практически невозможно убить, даже для него стали неприятным и неожиданным зрелищем. Бессмертие не обозначает неуязвимости, но многие из нас забывают об этом. Я, впрочем, помню, хотя это не мешает мне временами рисковать своей жизнью.

Я стиснул в пальцах обгорелую щепку английского дуба и поднял руку, призывая к тишине. Присутствие зла вело меня, говорило со мной резким, язвительным голосом на старом забытом языке. И я узнал этот проклятый язык: в Саванну явился мой старый недруг.

Ридрек.

Мы были вместе с ним в ту ночь, когда я последний раз видел свою возлюбленную – Диану. Она кричала, протягивая ко мне руки и умоляя о помощи.

– Уильям! Во имя господи, сделай же что-нибудь! Спаси нас!..

Диана стонала, когда Ридрек разорвал на ней одежду и впился клыками в шею.

Затем он обернулся к нашему сыну.

Я видел все, но не мог сдвинуться с места, не мог вымолвить ни слова. Не в моих силах было спасти Диану, или Уилла, или себя самого. Лучше бы я убил жену и сына собственными руками, было бы все милосерднее, чем эта жестокая смерть.

«Оставь их в покое и возьми взамен мою жизнь», – предлагал я, наивно пытаюсь заключить честную сделку с чудовищем. Ридрек действовал с изощренным коварством, на какое способен только истинный гений зла. Он не просто убил мою семью, но и сделал меня бессмертным, так что память о мучительной гибели близких отныне всегда со мной.

С того момента и по сей день ненависть живет в моем сердце. Я ненавижу и свою жизнь: ведь сделав меня вампиром, Ридрек защитил самого себя. Как бы ни мечтал я уничтожить мерзавца, подобное не в моих силах: отпрыск вампира не может убить своего создателя.

Вся ненависть и ярость, живущая во мне, всколыхнулась жаркой волной, донельзя обострив чувства. И я знал, что «Алебастр» навестило нечто гораздо более страшное, чем сама смерть.

Я завернул почерневшую щепку в носовой платок и положил в нагрудный карман – поближе к сердцу, которое не билось. Спокойнее, спокойнее. Надо сосредоточиться. Едва я прикоснулся к поручням, крики в моей голове стали громче, отдаваясь гулким эхом, точно удары колокола.

Ридрек...

Вампир, сотворивший меня. Мой так называемый «создатель». По его воле я живу на свете, но нет существа, которое я ненавидел бы сильнее. Его черная кровь течет в моих венах. Его коварство отравило мне сердце. Коль скоро Ридрек явился сюда, значит, он меня разыскивает. Но как ему удалось попасть на корабль?

Внизу было темно. Я провел лучом фонаря вдоль коридора, осветив входы на камбуз и в кают-компанию. Дверь, ведущая к грузовому отсеку трюма, оказалась распахнута настежь. Прочный внутренний люк, сделанный так, чтобы выдержать любую бурю, и снабженный замками повышенной прочности, был взломан.

– Фу-у! Ну и вонища! – сказал Джек. Да, это еще одно преимущество вампира над человеком – помимо того, что нас сложнее убить. Умирая, вампир сгорает, обращаясь чистым пеплом. У людей же слишком много телесных соков, они должны гнить.

Я отшвырнул в сторону остатки люка и вошел в грузовой отсек. Это было бы просторное помещение, если бы большую его часть не занимал семифутовый искусно украшенный гроб, который стоял на высоком коробе, заполненном землей. Крики у меня в голове начали затихать. Я передал фонарь Джеку и провел ладонями по золотой инкрустации, украшавшей тяжелую крышку гроба. Великолепная ручная работа. У Эджернона всегда был хороший вкус.

Я наклонился и набрал горсть земли. Много лет минуло с тех пор, как я последний раз был в Англии. Даже здесь, в этом смрадном и злом месте, я не сумел побороть искушения и поднес землю к лицу, вдохнув родной запах Дербишира, семьи, дома... За время своей

долгой жизни я успел понять, что мы, как и люди, навсегда привязаны к месту своего рождения. Пятьсот лет не стерли из моей памяти этого запаха.

– Как ты думаешь, может, старина Амброуз свихнулся от того, что его заперли в ящике? Неужели у него клаустрофобия? – Джек знал не хуже меня, что даже вампиру не под силу сломать этот люк. – Или он решил расторгнуть контракт?

Навряд ли. В каюте располагалось несколько застекленных клеток с животными. Джек называл их «три К» – кролики, крысы и куницы. Вполне достаточно, чтобы вампир мог питаться месяц или даже поболее. Здесь же стоял холодильник, в котором с момента отплытия хранились десять пинт человеческой крови. Теперь их осталось четыре.

Я выпустил из пальцев комья земли и отряхнул руки. Его зовут Элджернон, а не Амброуз.

Да, знаю: мне следовало сказать «звали». «Звали» Элджерноном. Пепел на палубе, конечно же, был останками его тела. Что же здесь произошло? Кто убийца?

Не человек. И даже четверым людям не под силу сладить с вампиром. Оставался Ридрек. Итак, мой бизнес оказался под угрозой.

– Найди источник запаха, – велел я.

Джек управился за пару секунд.

– Есть! – провозгласил он с другого конца каюты. Высокий шкаф был набит кровавыми ошметками. Из месива торчала человеческая рука, на запястье все еще тикали наручные часы.

– Один член команды нашелся, – заметил Джек. Черт!

В сопровождении Джека я поднялся на палубу и сошел с корабля. Ощущение злой воли исчезло, едва я вернулся в шок. Ридрек не оставил следов, я не мог гнаться за ним, не имел возможности разгадать тайну. Каким-то образом Ридрек проник на яхту и прибыл в Саванну. Он мог покинуть «Алебастр» в любой момент – видимо, это произошло возле мыса Лазаря.

– Здесь больше нечего делать, – сказал я своим людям, ожидающим на берегу. – Уведите яхту на глубину и затопите ее.

Тарни посмотрел на меня так, словно я приказал ему совершить убийство.

– Но, сэр! Мы могли бы завести ее в док и отремонтировать.

Я представил себе реакцию людей в тот момент, когда они увидят жуткий «груз».

– Не обсуждается. Затопите яхту. – Выражение лица Джека являло собой смесь ужаса и восторга. Читая его эмоции, я понимал, что он будет оплакивать «Алебастр», но мальчишка, живущий в нем, обрадуется возможности сделать «большой бу-бук». Как сказал бы доктор Филипп, Джек до сих пор не потерял связь со своим внутренним ребенком.

– У нас не будет проблем с полицией? – спросил кто-то.

– Будут. Если мы пригласим ее сюда. Но лично я не собираюсь этого делать.

– А что с командой? – спросил Тарни. – Когда яхта уходила из гавани, на борту было четыре человека.

И один из них по-прежнему на борту... Я обернулся, взглянув на пустой и покинутый «Алебастр» – одну из моих любимейших игрушек. Прочие члены экипажа наверняка мертвы, как и Элджер. Более всего на свете Ридреку нравится убивать.

– Да, команда... – Я снова посмотрел на Тарни. Тут уж ничего не поделаешь. Это преступление полиции не по зубам. – Мы скажем, что корабль затонул, а люди пропали.

– Но...

Они подписали контракт, как и все вы. Оплачьте потерю и оплатите их долги. Остальное не в наших силах.

Я взял за правило нанимать только одиноких людей, которые жили на теневой, так сказать, стороне закона. Никаких семей, никаких корней. Никто не станет искать их, если случится беда. Работники получают хорошие деньги, моя репутация служит отличной защитой. Взамен они держат язык за зубами и не болтают о моих делах на море. Впрочем, никто из них не знал, что, подписывая контракты, они стояли в полушаге от продажи души.

Мне.

– Я узнаю, кто это сделал.

Тарни кивнул, но я видел, что он огорчен. Хорошо оплаченной верности может оказаться недостаточно, если произойдет еще что-то подобное.

Я почувствовал нарастающий гнев. Тот, кто устроил все это, задел меня за живое. Впрочем, между мною и моим проклятым «отцом» никогда не было любви. Если он разыскал меня, я должен подготовиться. Ридреку ни к чему мое сердце, он пришел за душой и рассудком. Есть несчастья хуже смерти, а Ридрек – великий мастер придумывать изощренные пытки для своих врагов. Я противостоял ему три сотни лет и не желал снова стать его жертвой.

Машинально я вынул карманные часы – наследство моих предполагаемых предков – и проверил время. Сила привычки. На самом деле мне этого не нужно, я и без того способен почувствовать поворот Земли и приближение нового дня. Четыре часа до рассвета:

– Джек, ты знаешь, что делать. Сними запись с камер наблюдения, собери все бумаги, какие сможешь найти, возьми GPS-жесткий диск. Я подхвачу тебя на берегу на мысе Лазаря через три часа.

На сей раз Джек не возражал... пока разговор не коснулся ключей от машины.

– Нет уж. Если ты поведешь, обломки моей трансмиссии будут валяться по всей Бэй-стрит.

Терпеть не могу, когда Джек спорит со мной на глазах у подчиненных. Этот субъект не имеет ни малейшего понятия о субординации и дисциплине. Впрочем, что с него взять? Он же мечтает стать автогонщиком. В иные моменты он в большей степени человек, чем был при жизни. Это свойство его натуры я бережно храню в нем, хотя, разумеется, Джек ни о чем не догадывается.

Я протянул руку за ключами. Джек перекинул их Ричардсону.

– Пусть Ричи подбросит тебя до дома. Потом пригонит машину обратно и оставит здесь.

Судя по виду Ричи, он с большей охотой поднялся бы на «Алебастр» и залез в пустой гроб, чем ехать в одной машине со мной. Отказать Ричардсон не мог, но кинул опасливый взгляд в мою сторону и попятился назад.

Нянчиться еще и с людьми я был не в настроении.

– Садись за руль, – процедил я, обдав Ричи волной своего гнева. Он тут же кинулся к «корвету».

– И как тебе это удастся? – сказал Джек, недоуменно покачав головой.

Я все еще злился на него; ему тоже перепала толика моего неудовольствия. Он выбрал неудачное время, чтобы показывать свой норов.

– Практика, – бросил я. – Встречаемся через три часа. Джек только кивнул.

Поездка от гавани до моего дома на Хоутон-стрит была гораздо более безопасной и прошла в полном молчании. На прощание Ричи коротко кивнул и умчался с такой скоростью, что только взвизгнули покрышки. Джеку наверняка бы понравилось.

Я прошел по дорожке мимо увитых плющом стен и массивных бетонных львов, охраняющих лестницу. Дверь распахнулась передо мной, и на пороге возникла Рейя, сейчас пребывающая в своей человеческой форме. Очень привлекательной форме, надо сказать. Будь у нее хвост, как при свете дня, она завияла бы им. Рейя улыбнулась и обняла меня, прижавшись щекой к воротнику пальто.

– Без тебя так одиноко, – прошептала она мне на ухо. Потом подошла к своему брату Дейлоду, с головой погруженному в чтение книги. – Разве же мы не одиноки, братец? – спросила Рейя, положив руку на спинку стула. Дейлод пробормотал что-то невнятное, поднялся на ноги, и мы обменялись рукопожатием.

– Кто-то одинок, кто-то – нет, – сказал он, одарив сестру лукавым взглядом. – Почему бы тебе не научиться читать?

Рейя закатила глаза.

– Ба! Книги! В книгах нет жизни, это всего лишь мечты других людей. Мне хватает и

своих собственных.

– Сегодня никак не смогу уделить тебе времени, милая. – Я провел пальцами по длинным шелковистым волосам Рейи. – Мне опять придется уйти.

Она разочарованно повесила голову, но миг спустя ее лицо просветлело.

– Можно я пойду с тобой?

– Нет, ты останешься здесь вместе с Дейлодом. Весь дом в вашем распоряжении. Я вернусь через несколько часов, еще до рассвета.

Зная, что Рейя так просто не сдастся, я поспешил уйти. Прежде чем встретиться с Джеком на мысе Лазаря следовало сделать еще одно важное дело. Рейя разочарованно вздохнула и вернулась к дивану, устроившись на подушках и подобрав под себя ноги. Я же отправился в подвальный кабинет, включив по дороге настенный сенсор. Новейшая компьютерная система, этот электронный маг, привела в движение тяжелые металлические жалюзи, закрывающие оконные проемы. Не люблю сидеть взаперти после захода солнца. Ночь – моя стихия, если так можно выразиться. И у меня в запасе есть еще несколько темных часов, чтобы закончить дела.

Во дворе легкий ветерок шелестел листьями бамбука, и восковая охотничья луна подмигивала своему отражению в зеркальной поверхности японского прудика. Оно походило на маленький белый корабль среди морских просторов.

«Алебастр»...

Я слышал рев океана – голоса раковин, зовущих меня.

Привычным движением я нащупал выдвижной ящик, спрятанный в стенной нише. Он открылся от легчайшего прикосновения, и пальцы коснулись гладкой человеческой кости. Шкатулка и древние раковины внутри нее знали мое имя, чувствовали мою кровь. Эта шкатулка, вырезанная африканским жрецом вуду из черепа собственного отца, была старше меня. Раковины были подарком Лалии – пра-пра-пра-правнучки этого почтенного человека. От нее же я получил и кое-что еще: могущество ее предков, которое выпил его вместе с кровью Лалии, совершая древний вудуистский обряд.

Выйдя во двор, я опустился на каменную скамью у воды, открыл крышку шкатулки и посмотрел на восемь белых раковин внутри. Через некоторое время мне показалось, будто раковины меняют размер и форму, а зов их становился все слышнее. В ушах раздавался рев разгневанного океана, чьи волны бились о скалистый берег. Из кармана я вынул обломок кола, подобранный на «Алебастре», развернул платок и сжал щепку в кулаке. Раковины задребезжали, когда я вытряхнул их на камни под ногами.

Порыв холодного ветра пронесся через двор, потом вновь стало тихо. Поверхность пруда опять сделалась гладкой: в ней отражались луна и звезды. Затем ночь потемнела, будто бы в небе возникла бархатистая черная дыра и поглотила весь свет. И я осознал, что лечу над посеребренной луной морской гладью. Вдали показались мерцающие огни бегущего по волнам «Алебастра».

Послышался протяжный низкий звук – то ли вздох, то ли шипение, – и мои ноги коснулись палубы. Я редко использовал магию раковин, дарующих видения и прозрения, но сегодня это было необходимо. В отдалении виднелся берег. Палуба корабля чуть покачивалась под моими невидимыми ногами. Луна стояла над горизонтом, и в ее свете влажно блестела свежая кровь. Кто-то здесь уже умер. Внизу послышался чей-то разговор, и я полетел на звук голосов.

– Трусливое бегство не спасет тебя, – донеслось до меня. Ридрек!..

Я вздрогнул от отвращения и ненависти. Рефлекторно мои пальцы сжались на осколке дерева в руке. Почти через силу я двинулся к двери. Что ж, это будет достойное испытание для моей магии – магии крови вуду. Сумею ли справиться со своей яростью? Сможет ли Ридрек почувствовать мое присутствие?

Второй голос принадлежал Эджернону Ремпли.

– Ты, верно, рехнулся, если решил, будто способен править миром. И впрямь веришь, что люди не обратят внимания на эти беспорядочные убийства? Думаешь, другие кланы

закроют глаза на твои проделки в Амстердаме? Как бы ни так! Да я лучше отправлюсь прямиком в ад, чем поклонюсь тебе и твоей своре!..

Я вошел в дверь и теперь видел их обоих. Ридрек вальяжно раскинулся в шезлонге, Элджер стоял в изголовье своего открытого гроба.

– Ну что ж... – Ридрек на миг отвлекся от разговора и сосредоточился, глянув в мою сторону. Он не видел меня, но чувствовал неладное. Я ощущал, как он сканирует окружающее пространство, точно слепец в поисках опоры. Он промахнулся совсем чуть-чуть. – Ад я тебе обеспечу. – Ридрек поднялся. – Знаешь, что я сделал с Лионом? Запаковал его в глыбу льда. Вморозил в нее, а потом отвез в Арктику. Он похоронен в леднике, вроде как доисторический мамонт. – Ридрек улыбнулся. – Шесть месяцев света, шесть месяцев тьмы. Он будет спать полгода, становясь все слабее. Потом наш Лион проснется и останется лежать в этом жутком холоде, зная, что долгая ночь его не спасет. А сам он не сможет спасти своих отпрысков. Они – мои, и я сделаю с ними все, что пожелаю. Я убил двух сильнейших мужчин, а двух женщин запер в подземелье, и они станут игрушками для моих друзей. Тебе стало бы плохо, узнай ты, о каких странных и извращенных вещах мечтают вампиры, если ничто не запрещено. О вещах, которые способны пережить разве что бессмертные.

Ридрек ухмыльнулся и коснулся гроба рукой.

– Я бы закинул тебя на луну в этой красивой капсуле времени, но мне недосуг. Может быть, позже, когда соберу под свою руку американские кланы. А пока, пожалуй, утоплю тебя в океане. Будешь родоначальником клана рыб. Возможно, тебе повезет и я про тебя позабуду. Но не про твоих птенцов...

Ридрек двигался быстрее мысли. Он отшвырнул крышку гроба, схватил Элджернона за горло и поднял в воздух, словно ребенка. Вероятно, Ридрек пытался запихать его обратно в гроб. Я мог лишь беспомощно созерцать, как Элджер сражается за свою жизнь. Яхта раскачивалась, и дерущихся вампиров мотало от стены к стене. Ридрек был старше и сильнее. А Элджернон всегда отличался спокойным и кротким нравом – насколько это возможно для вампира.

Совершив невероятное усилие, Элджер вырвался из хватки Ридрека.

– Увидимся в аду, – бросил он и, проскочив прямо сквозь меня, скрылся за дверью. Ридрек кинулся следом, его ноги едва касались пола. Я поднялся наверх и в ужасе наблюдал, как Ридрек выдернул откуда-то тот самый кол и ударил Элджера, прежде чем тот успел перевалиться через борт. Что ж, я и без того знал, что уйти ему не удастся. По крайней мере Элджер избежал более страшной участи, вынудив Ридрека убить его.

Я ушел, не желая смотреть, как он горит. Что-то укололо меня, и я открыл глаза. Луна отражалась в зеркальной поверхности пруда. Раковины вернулись в шкатулку. Я разжал руку; в ней ничего не было, кроме горсти пыли. Обломок кола исчез. Я остался один на один с горькой правдой.

Элджер погиб, а Ридрек почти добрался до меня. И сколько еще его приспешников направляются сюда? За стеклянной дверью кабинета я видел стоявшую на пороге Рейю. Она вопросительно смотрела на меня. Необходимо выяснить, как Ридрек попал на корабль, и сообщить печальные вести сородичам Элджера. Речь, разумеется, не о семье, но о родне по крови. Они наверняка уже почувствовали неладное. Еще нужно написать моим друзьям в Амстердам – попросить их спасти Лиона и его отпрысков.

Я поднялся со скамейки, ощущая себя очень, очень старым. Слово мне не пятьсот лет, а много больше. Спрятав шкатулку с раковинами в потайной ящик, я сел за компьютер. Моя единственная уступка современному миру.

Большинство людей даже не догадываются, что, помимо фанатов Энн Райс и любителей вампирского антуража, интернетом пользуются и настоящие вампиры...

Рейя неслышно подошла сзади, перегнулась через спинку кресла и обвила руками мою шею, уткнувшись лицом в волосы. Она втянула воздух, будто почуяв энергию иного измерения, которую я вобрал, пока летел сквозь время. Я не обращал на Рейю внимания, но ей, кажется, вполне хватало возможности просто находиться рядом со мной.

В первую очередь я предупредил клан, написав письмо Элджеру. Кто-то из его друзей наверняка проглядит почту.

Элджер, груз погиб. Будь осторожен. Пожалуйста, свяжись со мной как можно скорее.

Кай.

Лишь самые близкие мои друзья использовали это мальчишеское прозвище – Кай. Элджер был одним из немногих вампиров, которые его знали.

Затем я вошел в чат на blodycountry.gentry.com.

Ты знаешь, как связаться с А.Р.? Я ищу его родичей.

Ответ последовал незамедлительно.

А. пропал?

Его нет. Мне нужна информация.

Ты ее получишь.

Нужна помощь наших похитителей. Пусть те из них, кто сейчас ближе всего к Амстердаму, немедленно свяжутся со мной.

Будет сделано в кратчайшие сроки.

У меня еще остались союзники и связи в Европе. Вампиры, которые не желали подчиняться Ридреку и оказывать ему какую бы то ни было помощь.

Затем я взялся за телефон и позвонил в свой офис в Ирландии. Кажется, там уже наступило утро.

Мой менеджер Реган Эндрюс ничего нового сказать не мог. По его словам, груз доставили на корабль под покровом ночи, как и всегда. Склады и пристань находились под надежной охраной, пока «Алебастр» не отплыл.

– Может, кто-то из служащих уволился или не явился на работу? – спросил я.

– Нет. Вот только...

– Что?

– Ну, я не знаю, имеет ли это отношение к делу, но один из наших людей, Джеймс Дуган, погиб в аварии через день после отплытия. Он ехал на мотоцикле и врезался в машину.

– Вы видели его тело?

– Э-э... Нет. Но я слышал, что его здорово изуродовало.

– Кто вам это сказал? Кто его видел?

– Полиция, сэр. Они выдали заключение о смерти, чтобы можно было кремировать тело.

Кремировать...

Я не стал рассказывать Эндрюсу о своих подозрениях – о том, что Джеймса Дугана скорее всего подставили и убили. Вместо этого я велел ему прекратить перевозки. Неизвестно, сколько знает Ридрек. Нельзя рисковать другими вампирами.

– Заплатите рабочим за месяц и распустите по домам. Опечатайте склады и смотрите в оба. Звоните немедленно, если произойдет что-то необычное.

– Да, сэр. Можете на меня рассчитывать, сэр.

Рейя вздохнула и покрепче обняла меня за шею. Я похлопал ее по руке.

– Надо съездить за Джеком, солнышко. Она прижалась еще сильнее.

– Не уходи...

Я высвободился из объятий Рейи и поднялся. Двигаясь плавно, точно балерина, она повернулась ко мне и снова обвила меня руками. Не желая резко отталкивать ее, я приобнял Рейю за талию, и мы вместе спустились по лестнице. В гараже я вытащил ключи из ящика и окликнул Дейлода.

– Никого не впускать в дом, пока я не вернусь.

Сперва нужно выяснить, действительно ли Ридрек в Саванне. Стоило лишь подумать об этом, и меня снова охватил гнев. Только на сей раз к нему примешивалась неуверенность. Тот было бы забавно, если бы оказалось, что моя жажда смерти привела сюда одного из немногих, способных исполнить это желание.

– Никто не войдет. – Дейлод кивнул и жестом подозвал сестру. – Иди сюда. Оставь его в покое.

Рейя чуть помедлила, потом поцеловала меня в щеку и отошла, всем своим видом выражая разочарование. Подойдя к брату, она уже снова улыбалась.

– А ты поиграешь со мной вместо того, чтобы читать свои дурацкие книги?

Дейлод обнял Рейю за плечи.

– Ладно.

Он посмотрел на меня, ожидая позволения.

Я кивнул и оставил их развлекаться.

Джек

Я смотрел, как Уильям садится в мой «корвет», и сожалел, что он уезжает. Нагнать страх на вампира очень непросто. В том смысле, что мы обычно пугаем других, а не пугаемся сами, если вы понимаете, о чем я. Но, если честно, в тот миг мне действительно стало не по себе.

Я отправился в секретное подвальное помещение склада. Здесь мы держим вещи первой необходимости, о которых не стоит знать нашим смертным помощникам. Несколько гробов, образцы почвы из разных частей света, холодильник с замороженной человеческой кровью и кое-какие редкие ингредиенты для снадобий и эликсиров Мелафии. Я усмехнулся, глянув на груды «запеканок» – специальных накидок, разработанных для лесных пожарников. Предполагалось, что они защищают людей от огня и жара. Уильям как-то хотел, чтобы я опробовал одну из этих штук на себе и выяснил, можно ли с ее помощью не сгореть под солнечным светом. Я послал его подальше. Пусть сам пробует, если охота.

Я набил сумку взрывчаткой, проводами и электронными детонаторами, потом вышел из подвала. Нельзя сказать, что я часто использую навыки взрывника в повседневной жизни, но в свое время мне приходилось этим заниматься. В мою бытность контрабандистом нам случалось устраивать такие штуки в качестве отвлекающих маневров. Разумеется, с течением лет технологии ушли далеко вперед, а искусство делать «бум» несколько видоизменилось. Но я шел в ногу со временем. Не предскажешь заранее, когда и где пригодится хороший взрыв.

Тарни собирался отвести «Алебастр» к мысу Лазаря, используя в качестве буксира небольшой катер. Я считал этого паренька верным и надежным человеком, но если то, что сломало замок люка, вдруг вернется, от него будет мало пользы. Мы обыскали яхту сверху донизу, но она была пуста; тот, кто устроил здесь бойню, давно ушел. Так почему же у меня до сих пор волосы встают дыбом? И что это за странный запах? Человеческий труп мерзко вонял, но истинный смрад исходил не от него. Может быть, даже не запах как таковой, а некое ощущение... не берусь описать его словами. Ни одно из пяти моих чувств не могло дать ответа на вопрос, что же висит здесь в воздухе – мерзкое, удушающее, отвратительное и... знакомое. Не то знакомое, что хранится в твоей памяти, нет. Это – словно бы часть тебя самого. И от него моя кожа покрылась мурашками.

Тарни повел лодку вниз по реке, а я вернулся на яхту, чтобы еще раз осмотреть останки

убитого вампира. Нечасто мне приходится вспоминать о том, что даже я могу погибнуть, хотя и – теоретически – бессмертен. И, в отличие от людей, когда я умру, это будет действительно конец всего. Прямоком в ад без надежды на помилование, вот так-то, старина Джеки. Никаких поблажек. Никакой благотворительности.

Я разглядывал пепел своего дальнего родича по крови, вслушиваясь в тишину. Обыкновенно я слышу мертвых и могу уловить присутствие их душ поблизости, но здесь не было ничего. Глухо. Полный ноль. Куда бы он ни ушел, там глубоко и темно. На такую глубину я не способен пробраться... пока не настанет мой черед.

Я поежился, обтер руки о штаны и направился в трюм, к гробу. Набил его взрывчаткой, протянул провода и присоединил детонатор. Потом отправился собирать материалы, которые требовались Уильяму. Тарни забрал карты, судовой журнал и другие бумаги. Я сунул все это вместе с GPS и ноутбуком в сумку. Дело сделано. Я снова спустился вниз, в «гостевую каюту», как называл ее Уильям. Наискосок от напичканного взрывчаткой гроба располагался небольшой бар. Знает ли Уильям о произошедшем больше, чем говорит? Я зубами разорвал один из пакетов с кровью и перелил ее в стакан, щедро разбавив «Дьюаром».¹

Уильям потерял бдительность. Когда он бесился – я имею в виду по-настоящему бесился, – он начинал левитировать, сам того не понимая. Направляясь на корабль, Уильям чуть приподнялся над землей. Люди ничего не заметили – в отличие от меня. В тот миг Уильям едва мог контролировать свою ярость. Что-то у него внутри начинало вибрировать, когда он злился, и я, как правило, мог определить состояние Уильяма за десять шагов.

Я проглотил густой красный коктейль и вытер рот тыльной стороной ладони. Да, Уильям хотел еще получить видеозаписи. Пришлось сдвинуть мертвое тело, чтобы добраться до двери отсека, где стояла камера. Терпеть не могу запах мертвечины! Во время Гражданской войны, будучи новообращенным вампиром, я сопровождал Уильяма, когда тот бродил по полю боя среди трупов солдат. Жуть! Меня от этого просто тошнит.

Не знаю, что Уильям надеялся увидеть на этой пленке, учитывая, что она перезаписывается каждый день. А труп, судя по воню, пролежал здесь несколько суток. Специальная программа давала возможность вести постоянное наблюдение за этой комнатой через спутник и записывать прямо на компьютер. Но сделал ли это Уильям, если не ждал беды? Или улики не осталось? Если так – может, оно и к лучшему?..

Улики! Почему я раньше об этом не подумал? Я вывалил из шкафа останки убитого матроса и уложил его на пол рядом с пустым гробом. Трупное окоченение давно прошло, и с телом легко было управиться, хотя меня трясло от омерзения. Я проверил шею и нашел то, что искал – два следа от клыков, глубокие рваные раны. Неожиданно странное чувство, возникшее на палубе, стало сильнее. Оно гудело во мне, вызывая тошноту. Это было похоже на... ад.

Я рассовал три оставшиеся пакета с кровью по карманам куртки (какой смысл зря переводить добро?), кинул кассету в сумку с остальным барахлом и ушел. «Алебастр» был красивейшей из яхт, но я обрадуюсь, когда он превратится в столб пламени и взлетит на воздух. Надеюсь, что дрянь, замаравшая корабль, станет пеплом и уйдет под воду вместе с ним. Навсегда.

Часом позже моя мечта осуществилась: «Алебастр» разлетелся на тысячу кусков и исчез под волнами. Но, увы, это зрелище не принесло того облегчения, на которое я надеялся. Смотрелось офигенно, против правды не попрешь. И звук был что надо: я едва не оглох. К тому времени, как сюда примчится береговая охрана, течение унесет все обломки к Нагс-Хедс.

Отличная работа.

Давешнее гнетущее ощущение не отпускало меня, но отошло на второй план, сменившись настороженностью. Я слонялся по берегу пустынного мыса Лазаря, то и дело оглядываясь через плечо. Уильям еще не появился, и вокруг не было ни души. Положив бумаги и ноут на мостки, я запрыгнул на них сам, и трупный запах исчез – равно как и

¹ «Дьюар» – сорт виски.

таинственное зловоние, преследовавшее меня на корабле.

Я не склонен к паранойе (вот вам еще одно преимущество вампира: ты сидишь, удобно расположившись на самом верху пищевой цепочки). Но хотя рев моторки Тарни давно затих вдалеке, мне казалось, будто я не один. Может быть, береговая охрана спохватилась раньше, чем я ожидал, а сюда приближается катер, набитый полицией?

Я рассмеялся, представив, как патруль остановит маленький Ноев Ковчег Тарни. Помню выражение его лица, когда я велел взять с собой всех оставшихся на корабле животных – даже крыс. Я еще раз сбегал на яхту и вынес зверей в тюке, наспех сооруженном из шторы. Если я убиваю ради еды, то делаю это быстро и безболезненно для живого существа. Разумеется, мы, вампиры, предпочитаем питаться людьми, и я порой скучаю по вкусу человеческой плоти, но по большей части подкрепляюсь кровью из мясных лавок. В Саванне хватает разных чудиков, практикующих магию вуду. На кладбищах постоянно проводят всякие кровавые ритуалы. В общем, если кто-то заявляется в твою мясную лавку и требует кварту свиной крови – ты не задаешь вопросов. Клиент всегда прав. Особенно если этот клиент способен превратить тебя в зомби.

Одним словом, мне претила мысль, что несчастных животных разорвет на куски заодно с кораблем. Даже если речь идет о крысах. Так что я приказал Тарни забрать их и выпустить где-нибудь на берегу. Представляю себе выражение лиц патрульных при виде этого зоопарка! «Сегодня чудная ночь. Я решил вывезти моих кроликов, крыс и куниц на небольшую морскую прогулку. А что?».

Впрочем, вряд ли такое случится. Тарни умчался на своей моторке с быстротой молнии.

Летом болото вокруг меня кишело бы живностью, и все вокруг было бы наполнено звуками. Жужжание насекомых, ворчание аллигаторов, всякое там чириканье, кваканье и пение... Но сейчас рептилии и амфибии зарылись в грязь и жижу под моими ногами. Все живое попряталось, как делает это всегда с приходом осенних холодов.

Ожидая Уильяма, я потоптался в воде и снова оглянулся. Может быть, ощущение чужого присутствия вызвано неупокоенными душами, которые населяют это место? В давние времена на мысе Лазаря находился перевалочный пункт, куда свозились негры, предназначенные для продажи на невольничьих рынках. Я старался не думать о сотнях и тысячах людей, которые пересекли Атлантику, но так и не попали в Саванну. Этой ночью я чувствовал многих из них: призраки бродили по болоту, ища свои навеки утраченные дома.

Я заставил себя отвлечься от мрачных мыслей и переключился на события сегодняшней ночи. Нас, холонокровных, ледяная вода особенно бодрит. А шорох болотной травы успокоил меня и помог привести мысли в порядок.

Как я уже говорил, мне нечасто доводилось убивать людей – разве что человек действительно заслуживал смерти. Обыкновенно я быстро узнаю о мерзавцах, появившихся в городе. Если какой-нибудь серийный убийца или насильник вдруг погибает, это несказанно облегчает работу полиции. Разве не так? В общем и целом Саванна – мирный городок. Я честный налогоплательщик и думаю, что помогать полиции чем могу – мой гражданский долг. С другой стороны, если ты вампир, то приходится вести себя осторожно. Когда в окрестностях города начинают появляться трупы с двумя ранками на шее, рано или поздно эта привлекает внимание. И порождает проблему. Так что мы с Уильямом в меру сил присматриваем за порядком.

Мы – единственные вампиры, кто живет в городе постоянно, и потратили много сил, чтобы обеспечить себе комфортное существование (ладно, я потратил много сил; Уильям, кажется, не обременяет себя лишней работой, он – босс, в конце концов), и не позволили бы какому-нибудь моральному уроду нарушить наш мирный договор с обществом. Так что если приезжий кровосос заглядывает в город, мы следим, чтобы он вел себя подобающе. И если этот вампир начнет разбрасывать обескровленные трупы где попало, он будет выдворен из города – жестко и в кратчайшие сроки. Возможно, волочась на цепи следом за моим «корветом».

На этот раз, впрочем, ситуация была иной. Тот, кто разломал люк на «Алебастре», был

гораздо сильнее меня. Может быть, даже сильнее Уильяма. Он убил вампира и экипаж, выкинув трех членов команды за борт и оставив на яхте одного. Не исключено, что это тело с отметинами зубов было чем-то вроде пиратской «черной метки». Почему на борту оказалось два вампира? Что они не поделили? Почему выживший решил сбежать с корабля и куда он подевался?

Вопросы, вопросы... Знает ли Уильям ответы на них? И если да – расскажет ли мне? Не факт. Говорят, информация – это оружие, а Уильям предоставляет мне ее ровно столько, сколько необходимо для выживания. Он держит меня под каблуком, используя мое невежество. В итоге я почти ничего не знаю о вампирах и о себе самом. Кто я? Что я умею? Неведомо. Возможно, он просто боится, что я брошу ему вызов, если обрету силу. Эта мысль греет мне сердце, но не слишком. Думаете, за полтора века преданной службы я пользуюсь его доверием? Как бы ни так.

В отдалении раздался шум мотора, и вскоре появился «ягуар» Уильяма. Я вылез из воды и подобрал сумку. Видимо, я слегка напоминал тварь из «Черной Лагуны»; Уильям смерил меня недовольным взглядом.

– И. ты думаешь, я пушу тебя в машину после того, как ты вывалялся в грязи? – сказал он вместо приветствия.

Несмотря на холод, верх «ягуара» был, по обыкновению, откинут. Я закинул сумку за спину и прыгнул на пассажирское сиденье.

– Завтра отправлю кого-нибудь ее отмыть.

Уильям неодобрительно покосился на меня и завел мотор. Посмотрев на водную гладь, упокоившую «Алебастр», он направил автомобиль в сторону Саванны.

– Ты что-нибудь выяснил? – спросил я.

– Сделал несколько запросов. В Ирландии произошел несчастный случай с рабочим из дока, но это, кажется, не связано с бойней на борту. Я жду дополнительной информации.

Я откинулся на спинку мягкого кожаного сиденья. Может, Уильям спросит, есть ли у меня версия событий? Или не нашел ли я чего интересного на борту? Он не спросил ни о чем. Выждав несколько минут, я сказал:

– Я осмотрел тело из шкафа. На шее следы клыков. Там однозначно поработал вампир – и не из слабеньких.

– По-моему, это очевидно. Стоило лишь глянуть на люк.

Снова молчание. Я и не ожидал, что Уильям будет непринужденно болтать после всего случившегося: ведь он потерял любимую яхту, а какой-то могущественный и враждебно настроенный вампир рыщет на его территории. Однако я не чувствовал ничего – даже гнева, который Уильям продемонстрировал в доках. Он полностью закрыл от меня свой разум, прервав сообщение крови, как мы это называем. Вампиры не читают мысли друг друга, но они, так сказать, настроены на одну волну. Как правило, я ощущал эмоции своего создателя, но если Уильям не желал, чтобы я улавливал ход его мысли и понимал чувства, ничего не мог с этим поделать.

Немного помолчав, я зашел с другой стороны.

– Итак, босс, ты чего-то недоговариваешь?

– Я сказал все, что тебе следовало знать.

– Черт возьми, Уильям! Тут где-то бродит убийца вампиров. А мы с тобой и есть вампиры, ты не забыл?

– Я узнаю, кто это сделал. И найду его. Тема закрыта.

– Держу пари, ты уже кое-что узнал. Как насчет... Уильям повернулся ко мне, показав клыки.

– У нас была тяжелая ночь. Я потерял сегодня очень много. Гораздо больше, чем тебе кажется. Поговорим об этом, когда я получу нужные сведения, но не ранее.

Я заткнулся и откинулся на спинку сиденья. Не стоит перегибать палку и провоцировать Уильяма. Остаток пути мы провели в молчании, я только позвонил Ричи и попросил перегнать мой «корвет» в гараж. Уильям остановил машину возле Бонавентуры, и я

направился к кладбищу, где обычно проводил дневные часы.

– Джек, – сказал Уильям. Я обернулся. Он смотрел себе под ноги. – Будь осторожен.

Потом он уехал, раскидывая колесами «ягуара» гравий и осколки щебня.

– Спасибо, папочка, – пробурчал я под нос и пошел в сторону Бонавентуры. К дому. Кладбище располагалось сразу за складскими помещениями, часть из которых принадлежала мне. Здесь располагалось одно из моих дневных убежищ.

Бонавентура всегда поражала меня своей красотой. Статуи ангелов стоят, словно безмолвные часовые, над своими мертвыми хозяевами, и глядят в сторону моря. Дубы, обросшие бороатым мхом, чуть покачиваются на ветру, шелестя ветвями и протягивая свои узловатые корни среди могил. Помните фильм, в котором мальчик рассказывает, что он видит мертвых людей? Что ж, я их слышу. В конце концов, я один из них. Иногда ощущаю, как они шевелятся под ногами. Это те, кто не сумел обрести покой. Если вы ходите по Саванне, то ступаете по мертвецам. Погибшие на двух войнах, зачастую похороненные там, где они упали; жертвы желтой лихорадки, чьи тела сжигали, а прах развеивали по ветру, как семена одуванчиков; пираты, умершие от удара кинжалом, бандиты и разбойники всех мастей; рабы и просто невинные люди, ставшие жертвами беспокойных времен, когда жизнь не стоила ни гроша. Я чувствую их всех: прислушавшись, могу иной раз уловить их слова или эмоции.

Сегодня мертвые предупредили, что я не один. Странное ощущение, не покидавшее меня на «Алебастре» и на мысе Лазаря, снова возникло в Бонавентуре, и это не было игрой воображения. Я прибавил шаг, игнорируя мольбы мертвецов, звавших меня присесть и немного отдохнуть. Нет времени. Слишком уж быстро на востоке светлело небо. Нужно добраться до укрытия до того момента, как солнечные лучи сожгут мою плоть. Держу пари, что чужак-вампир тоже найдет убежище. В Бонавентуре множество склепов, крытых бетонными плитами, которые вампир может поднять без особых усилий. Да, днем мы спим, причем беспробудно.

О чем следовало побеспокоиться – так это о завтрашней ночи.

Октябрь 2005 года н. э.

Письмо Оливии, вампира

Мое человеческое имя – Оливия Маргарет Спенсер. Да, я была (и по-прежнему остаюсь) дальней родственницей Дианы Спенсер, злополучной принцессы Уэльской. Вы можете спросить, что именно я включаю в понятие «быть женщиной на полную катушку», как говорят современные американцы. Так вот, полагаю, это – единственно возможный образ жизни.

В те времена, когда я была девчонкой, нас называли «современной молодежью». Буйство двадцатых годов стало нашим ответом Великой Войне¹ и страшной эпидемии гриппа в Европе.

Нам же было позволено жить.

Мы развлекались, читая истории об американских гангстерах, отрезая юбки выше колена и коротко постригая волосы. Мы пили, трахались напропалую и полагали, что так и надо. Но все это закончилось, когда я встретила Элджера.

О, он был крутым чуваком. И абсолютно безбашенным. Я влюбилась с первого взгляда. Он стал моим Оскаром Уайльдом, а я – его Жорж Санд. Я из кожи вон лезла, чтобы он обратил на меня внимание. Одевалась как мальчишка, преследовала Элджера, то и дело попадаясь ему на пути и неустанно пытаюсь затащить его в постель. В конце концов это произошло – и тут наконец-то я узнала правду. Элджер оказался не просто скучающим богатым красавчиком.

Он был чертовым вампиром.

Я мечтала стать его копией. Вернее – женской версией. Бессмертной кровопийцей,

¹ Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

вечной женщиной праздника. Я обещала, что буду одеваться в мужскую одежду и позволю ему делать со мной в постели все, что только заблагорассудится. Однако душка Элджер этого не хотел. Он сказал, что если я стану вампиром, то сексом нам с ним больше не заниматься.

Потом Элджер рассказал мне две вещи. Во-первых, женщины очень редко могут пережить этот процесс. Во-вторых, если я все-таки останусь в живых, то сделаюсь не просто кровососом, как это происходит с мужчинами. Затем Элджер подробно объяснил мне, что такое суккуб. Если женщина становится вампиром, она теряет возможность рожать. Взамен она получает способность высасывать жизненную силу мужчины-вампира, занимаясь с ним любовью. Они получают свое удовольствие, но мы взамен берем часть их силы и можем позвать на помощь, если приспееет нужда.

В те времена я была робкой и застенчивой девушкой, не какой-нибудь там шлюхой. Я ныла и канючила, пока Элджер не сдался. Думаю, он инициировал меня только для того, чтобы я наконец-то заткнулась.

Я держала свое слово. С того дня Элджер мог трахать меня любым способом, который только приходил ему в голову. Временами он даже одалживал меня своим друзьям, заставлял повиноваться и все-таки отдавал силу. Мне нравился каждый миг, проведенный с ним. И все же я собиралась в будущем организовать себе «сестренку по крови». Меня интересовали женщины-вампиры, и я пыталась проследить жизненный путь каждой из них – происхождение, родичей и связи. Узнать о них все, что только было возможно.

Ведь нам, девушкам, лучше держаться вместе.

ГЛАВА 3

Уильям

Я проснулся на закате. Рядом лежала Рейя, привалившись ко мне теплым боком. День еще не угас, а потому она оставалась в своем собачьем облике; ее голова покоилась у меня на груди, а дыхание обдавало жаром шею. Рейя слегка похрапывала во сне. Я открыл глаза, ожидая, пока оживет тело. Торопиться некуда. Солнце только начало исчезать за краем океана, окрашивая лиловое небо золотом и пурпуром; пламенеющие облака и горящий бородатый мох довершали картину величественного прощания с днем.

Я не помню своего последнего заката. Если бы я знал, что более не увижу солнца, то, возможно, обратил бы на него больше внимания. Их было много до того, как я поселился в мире вечной ночи. Долго еще я хранил в памяти эти дивные картины; словно художник, лишенный рук, мысленно рисовал алое небо, которое так любил. Я пришел к выводу, что нужно находить маленькие радости в каждом дне, иначе безжалостное однообразие вечной жизни сведет на нет всю ее ценность.

Снаружи раздались шаги и приглушенные голоса. Человек и животное. Видимо, Мелафия здоровалась с Дейлодом, ожидая, когда я встану.

Рейя заскулила, просыпаясь. Я отодвинул крышку гроба и заложил руки за голову.

– Вечер добрый, капитан, – сказала Мелафия. Я уже очень давно не выходил в море, но она по-прежнему называла меня капитаном. Так же поступала и ее пра-пра-прабабушка Лалия в те далекие годы, когда мы были вместе.

Красавица Мелафия, высокая, стройная и горделивая, стояла, скрестив руки на груди. Она была очень похожа на свою прародительницу. Темная красота их рода передавалась из поколения в поколение, никогда не угасая. Подле Мелафии я увидел ее восьмилетнюю дочь Рене. Будущая чаровница с манерами королевы, а пока – тот еще чертенок и плутовка. Рене гладила по шее Дейлода, который до сих пор оставался в своем дневном облике египетской гончей. Эта порода сторожевых псов предназначалась для охраны могил фараонов. Заметив Дейлода, Рейя перегнулась через меня, радостно приветствуя брата.

– Выведи их, пока не стемнело, – велела Мелафия дочери. Рене лукаво улыбнулась мне

и устремилась в коридор вместе с двумя собаками ростом с нее. Прятки были их любимой игрой, хотя собаки неизменно выигрывали. Так продлится до наступления темноты, пока они не примут человеческий облик. И тут уж их карта будет бита.

– Небо сегодня было серо-зеленым, – сказала Мелафия, снимая клочок собачьей шерсти с моего пиджака. – Близится беда.

– Да, близится.

Ридрек...

– Я наложу охранные чары. Ни одно существо с дурными намерениями не переступит твоего порога.

Лалия, колдунья Вуду, была сильным союзником, а ее потомки хранили мне верность.

– Спасибо. – Я задолжал Мелафии и ее предкам больше, чем мог вернуть. Двести лет назад, когда Лалия отказалась от предложенного ей бессмертия, я и предположить не мог, как мне повезло. Впрочем, она понимала, что делает, и знала собственное предназначение.

– Пусть заклинание будет помощнее, – попросил я, не желая вдаваться в детали. Мелафия перестала обирать собачью шерсть с моей одежды и подняла глаза.

– Он настолько силен? – спросила она. Нет смысла скрывать неприятную правду.

– Да. Я боюсь его. Он – мой создатель.

– Он пришел убить тебя?

– Нет, он пришел меня уничтожить. Есть разница. Она уставилась на мою манжету, которую в тот момент расправляла.

– Нужно воззвать к костям и крови Мамы Лалии. Впервые в жизни мы с Мелафией говорили о силе самой Лалии, но я не возражал. Мелафия лучше моего разбирается в таких вещах.

– Да, конечно. Ступай, принеси свой ключ.

Тайник находился в стене подвала, за гладким камнем возле каминной полки. Два ключа, отпирившие специальные замки, были сделаны из золота высшей пробы. В мире смертных замков, требующий золотого ключа, означал бы, что он охраняет путь к несметным богатствам вроде сокровищ могилы фараона. Но в моем тайнике не имелось ни золота, ни драгоценных камней.

Здесь хранилась кровь.

Мелафия пропела заклинание, отодвинула паутину и вынула сосуд, держа его с такой осторожностью, словно в руках у нее был Святой Грааль. Подарок, который преподнесла мне Лалия, выглядел очень скромно: флакон, наполненный коричневой жидкостью. Просто древняя вещица, ничего особенного, но при правильном использовании этот сосуд, содержащий силу *лоа*¹, мог стать грозным оружием.

– Думаю, нам понадобится любая помощь, какую только сумеем получить, – сказал я.

Мелафия кивнула.

– Посмотрю, что можно сделать.

Я положил свою холодную руку на ее теплую, ощущая силу, исходящую от флакона.

– Знаю.

Джек появился через час. Я как раз выходил из кабинета вместе со своими человеческими компаньонами, когда он бесцеремонно потребовал ключи от «ягуара». Не спеша отдавать их, Дейлод вопросительно посмотрел на меня, ожидая позволения.

– Хью ждет снаружи. Он отгонит машину в нашу мастерскую и приведет ее в порядок.

– Уж надеюсь, – буркнул я. – Кожа в салоне воняет болотом.

Я кивнул Дейлоду, и тот протянул Джеку ключи.

– Скажи ему: одна нога здесь, другая там. Никаких «чуть-чуть покатаюсь». И не вздумайте брызгать там освежителями воздуха, ты же знаешь, что я этого не люблю.

Джек отдал мне насмешливый салют.

– Уже лечу.

Рейя стояла в дверях. Едва Джек переступил порог, она пулей кинулась к нему и

¹ Лоа – невидимые духи в религии вуду.

повисла на шее:

– Ого! – выдохнул Джек. Потом подкинул Рейю вверх и ухватил поперек груди. – Слушай, по-моему, ты толстеешь, – добавил он, направляясь к кабинету.

Я всегда удивляюсь, наблюдая эту парочку вместе. Рядом со мной Рейя тиха, скромна и послушна... но стоит показаться Джеку – она вмиг становится сорванцом. Надеюсь, Джек не заразит их своим извечным буйством. Даже Дейлод расцветает, когда мой отпрыск появляется в поле зрения.

Джек бесцеремонно сбросил Рейю на кожаный диванчик и слегка подвинул ее. Рейя тут же устроилась у него на коленях.

– Я бы на твоём месте поостерегся, – сказал я. – В конце концов, вы принадлежите к разным биологическим видам. Люди начнут болтать лишнее.

Они уставились на меня, словно я заговорил на иностранном языке. Разумеется, Джек воспринял мои слова всерьёз. Отодвинув от себя Рейю, он сказал:

– Хотел бы увидеть человека, который осмелится подглядывать в твои окна. Или соседи уже обзавелись приборами ночного видения?

Я покачал головой. Нет смысла объяснять. Я всего лишь пытался пошутить в первый раз за долгое, долгое время. А ещё в первый раз за несколько веков я испытывал страх. Ридрек явился сюда, и мне придётся встретиться с ним один на один.

Рейя с виноватым видом оставила Джека и подошла ко мне. Я обнял ее за плечи, прошептал на ухо:

– Все в порядке, милая.

Получив позволение играть с Джеком, Рейя на миг задержалась возле меня, а потом усакала обратно к дивану. Улыбнувшись ей, я подошел к бару и налил себе бренди. Много лет я подбирал его вкус. Он был насыщенный и темный, как кровь. Сложный, древний вкус, который мог унять мой вечный голод. Для Джека я достал из холодильника запаянный пакет с человеческой кровью. Джеку нужно восстановить силы, они могут оказаться нелишними для нас обоих.

– Бокал нужен?

Джек был очень занят: щекотал Рейю. Потом он поднял взгляд, убрал упавшие на глаза волосы и поцеловал Рейю в мягкие щеки. Сейчас Джек напоминал какого-то итальянского плейбоя, но Рейя, судя по всему, была довольна. Потом он поднялся с дивана.

– Угу, нужен. И плоток «Дьюара» для заправки. Разумеется, я отлично знал его вкусы, знал о нем все, хотя сам Джек об этом не догадывался, а я не собирался его просвещать.

– Да, точно, – сказал я, протягивая ему бутылку. Потом налил кровь в столетний хрусталь. – Отличный коктейль – кровь и алкоголь.

– Хм-м. – Джек кивком поблагодарил меня, на этот раз не паясничая. Я видел работу мысли на его лице: Джек выбирал удобный момент, чтобы сообщить истинную причину своего появления в столь ранний час.

– Так каковы наши планы? – спросил он, отхлебнув из бокала. – А если ты не намерен меня в них посвящать, скажи, хотя бы, что я должен делать.

Планы... Сложный вопрос. Все, что мне остается сейчас, – ожидание. Рано или поздно Ридрек объявится. Если я уеду из Саванны, тревога только усилится. Я не смогу убежать от него вечно.

– Будем ждать.

– Ждать? Просто сидеть на задницах, пока какое-то чудище развлекается в нашем городе? – Джек держал хрупкий бокал в руке, но не стал пить. Вместо коктейля он проглотил свой гнев. – Могу поклясться: я учуял его в Бонавентуре. – Тут Джек поежился. Ему было неуютно, точно грешнику на исповеди. – Мертвые говорили, что он ходит по их могилам.

Усилием воли я сохранил нейтральное выражение лица, скрывая тревогу. Да, Ридрек мог найти Джека и последовать за ним – ко мне. Нет, Джека не надо впутывать, если это вообще возможно. Именно поэтому я сознательно держал его в неведении. Он не представлял, с чем мы имеем дело, и не мог ничего противопоставить нашему врагу.

– Не хочу, чтобы ты занимался этим, – твердо заявил я. Джек возмущенно уставился на меня.

– Ты что, вообще ничего не расскажешь? Великому и могучему Уильяму не нужна моя жалкая помощь? Держу пари, намечается большая драчка. Если думаешь, что я останусь в стороне, то глубоко заблуждаешься. С места не сдвинусь, пока не узнаю, что тут к чему. – Джек саркастически ухмыльнулся. – Так что колись, – добавил он, потом выпил коктейль залпом и протянул мне пустой бокал. – Возможно, если мы подождем подольше, он постучится в твою дверь, чтобы сказать: «Привет».

Джек сам не знал, насколько он близок к истине. Я уже собирался наградить его хорошей порцией своего гнева, когда кто-то действительно постучался.

Джек громко расхохотался, а Дейлод пошел к порогу и сосредоточился, пытаясь понять, кто стоит по ту сторону двери. Рейя в мгновение ока оказалась рядом с ним.

– Я не узнаю запаха, – сказал Дейлод. Они с сестрой синхронно повернулись ко мне, ожидая указаний.

Незнакомое существо. Не человек, но и не Ридрек. Я отодвинул близнецов в сторону и взялся за дверную ручку. Джек застыл за Моим правым плечом, готовясь встретить любого врага, посланного нам судьбой.

Я рывком открыл дверь.

На пороге стояла женщина невероятной красоты. Ее серебристые волосы были коротко подстрижены, огромные серые глаза смотрели прямо на меня. Одета в мягкие кожаные штаны и модельную куртку, она была похожа на какую-нибудь поп-звезду. Кожаная дорожная сумка притулилась у ее ног. И самое главное: в дверях стояла не просто красивая туристка, заблудившаяся в поисках исторических достопримечательностей.

Женщина была вампиром.

Джек протяжно свистнул. Прежде чем я успел вымолвить хоть слово, девушка упала на одно колено и почтительно склонила голову.

– Не могу поверить, что вижу тебя во плоти, – сказала она глубоким грудным голосом. Затем подняла взгляд и посмотрела на меня огромными русалочьими глазами. – Уильям Кайлер, живая легенда... – В ее голосе было столько благоговения, что на секунду я лишился дара речи. В нашем мире секунда – долгое время, чтобы не найти слов.

– Встань, – велел я. – И запомни: здесь меня называют Уильям Торн.

Женщина поднялась на ноги и замерла, ожидая приглашения войти. Она все еще смотрела на меня как девочка-фанатка на кинозвезду.

– Да, – наконец выдавила она. – Прошу прощения. Уильям Торн. Не Кай.

– А ты, видимо, отпрыск Элджернона? – Наверняка это так, коль скоро она знала мое человеческое имя. Как ей удалось меня разыскать?

– Да. Меня зовут Оливия. Элджер – мой создатель.

– Может, пригласишь ее в дом? – прошептал Джек. В его голосе звучало восхищение пополам с обожанием. Примерно так же он разговаривал, когда впервые увидел свою любимую машину.

Я сам был настолько ошарашен происходящим, что почти забыл про него. А между тем Джек был прав. Нет резона разговаривать снаружи, у всех на виду, а мисс Оливия не перешагнет порог, пока я не приглашу ее.

Куда делись мои манеры?

– Входи, пожалуйста.

Джек

Офигеть! Женщина-вампир! Я чувствовал, как мое лицо расплывается в идиотской улыбке. Ошибка исключена: вампиры всегда могут узнать друг друга; каким-то образом мы чуем другого кровопийцу. До сих пор я ни разу в жизни не видел женщин своего вида, а Уильям говорил, что они вообще редко встречаются, но не объяснял, почему. И вот –

пожалуйста: она здесь, прямо передо мной. Настоящая, живая – если так можно выразиться. Киска-конфетка, все при ней. Вампирша!

Она вошла в дверь, и близнецы насторожились. Они старательно принюхивались, чтобы вовремя уловить малейший запах беды, готовились реагировать на любое угрожающее движение. Рейя приблизилась к женщине и показала свои великолепные белые зубы. Уильям послал ей предостерегающий взгляд.

Великолепная Оливия протянула руку и почесала Рейе подбородок.

– Ты у нас красавица, – сказала она. При звуках ее голоса мне захотелось встать и завыть, если вы понимаете, о чем я. Потом Уильям все испортил.

– Джек, позаботься о багаже леди.

Я одарил его сердитым взглядом. Вампирша (возможно, единственная в этом полушарии) приходит к нашему порогу и, не сказав ни слова, валится на колени перед Уильямом. Блондинистая секс-бомба, затянутая в черную кожу, – мой любимый типаж! Но она смотрит только на Уильяма – причем смотрит так, будто он Фрэнк Синатра, принц Уэльский и все четыре «битла» в одном флаконе. А что делает этот подлец? Он обращается со мной как с лакеем. Ах, живая легенда! А я – всего лишь его прислужник. Где уж мне, убогому, с ним состязаться...

Впрочем, я попробую.

– Дейлод, отнеси сумку леди. А я налью мисс Оливии выпить.

Я скрестил руки на груди и остался в гостиной. Я понимал, что Уильям вполне может выгнать меня вон, но вместо этого он просто распахнул дверь библиотеки и жестом пригласил нашу прекрасную гостью внутрь.

– Мисс Оливия, прошу.

Она вошла, и Уильям аккуратно закрыл за ней дверь. Он вел себя так, словно Оливия была драгоценным сокровищем, которое следовало охранять. Впрочем, эта миссия явно будет поручена не мне.

Уильям кивнул Дейлоду.

– Возьми сумку.

Затем он посмотрел на меня.

– Я вынужден сказать этой юной леди, что ее возлюбленный создатель мертв. – Уильям понизил голос. – Она будет очень расстроена...

– Короче, ты хочешь, чтобы я выметался отсюда?

– Сделай милость. Наверняка у тебя есть дела.

И ведь не поспоришь. Я не болтаюсь постоянно рядом с Уильямом и горжусь тем, что у меня есть собственная жизнь и собственные друзья. Однако на сей раз он просто-напросто пытался отделаться от меня – и как можно быстрее.

– Я никуда не пойду. Подожду окончания разговора. У меня, знаешь ли, масса вопросов. Скажем, этой цыпочке Оливии известно о тебе что-то такое, чего не знаю я, мистер Легенда.

Уильям одарил меня одним из своих фирменных взглядов, предназначенным нагнать ужас, – сплошь клыки, пыл и ярость. Я и глазом не моргнул.

– Там поглядим, – заявил он. Потом повернулся ко мне спиной и направился к библиотеке. – Да, Джек, не забудь про выпивку.

Я пошел к бару. Рейя неотступно следовала за мной, а Дейлод нес сумку. Хорошо, что мне попался бокал из тяжелого свинцового хрусталя. Иначе бы он разлетелся у меня в руках – настолько я был взвинчен.

– Она тебе понравилась? А мне – нет! – объявила Рейя.

– Слишком рано судить, детка. – Я наполнил бокал кровью. Потом плеснул туда немного ликера и добавил лед. Да, черт возьми, она мне понравилась. Я представил, как эти длинные холодные ноги обвиваются вокруг меня...

Дейлод подошел ко мне с другой стороны.

– Похоже, намечается веселье. Кстати, она с острова. Лед не нужен.

Я покосился на него. Остров? Должно быть, Дейлод имел в виду Англию.

– Ты охранник или бармен? – Я посмотрел на бокал и решил, что Дейлод, возможно, прав насчет льда. В конце концов, он проводил массу времени, уткнувшись носом в книжку. Какого черта? В несколько глотков я осушил бокал и приготовил новую порцию.

– Она странно пахнет, – сказала Рейя.

– Это кожа, – объяснил Дейлод. – Из Италии. Не знаю, почему она так отличается, но...

Я подошел к дверям библиотеки и постучался. Уильям открыл, вежливо поблагодарил меня (этот тип может быть истинным джентльменом, когда захочет), взял бокал и снова захлопнул дверь, однако я успел поймать взгляд Оливии, сидевшей возле камина в кресле с высокой спинкой. Она выглядела... опустошенной. А каково было бы мне, если бы что-то случилось с моим создателем – Уильямом? Я не хотел об этом думать. Да, мы не всегда ладили, но черт побери...

Сумел бы я выжить без него? Честно сказать: не знаю. Хотел бы я остаться единственным вампиров городе? Вряд ли.

Я вернулся в гостиную и налил себе новую порцию выпивки. Выцедил ее маленькими глотками, прохаживаясь туда-сюда. Зажглись фонари; осенние листья кружились над площадью за окном, и фонтан в ее центре выглядел как открытка с ночным видом.

«Элджер, старина, жаль, что тебя нет с нами»... Близнецы помалкивали, но были наготове. Стоя у окна, я спиной чувствовал их взгляды. Они будто бы ждали, когда я обернусь и велю им принести палочку... ну, нечто в таком роде. Что они там делают в библиотеке? Судя по всему, Уильям уже сказал Оливии о гибели Элджернона. О чем еще разговаривать?

Я обернулся, и взгляд мой упал на сумку, стоящую на диване. Покосившись на закрытую дверь библиотеки, я поставил полупустой бокал на стойку бара и пошел к дивану. А вдруг эта женщина не та, за кого себя выдает? Может, она приехала в Саванну давным-давно. Что, если именно она следила за мной на кладбище?

– Дейлод, стань там, у стены. Следи за дверью библиотеки и дай сигнал, если она вдруг откроется.

Он повиновался.

– Что ты собираешься делать?

– А как ты думаешь? – Я расстегнул клапан сумки. Рейя тут же оказалась рядом со мной и прижала ко рту тонкую ладонь.

– О-о, безобразник!

Сверху лежал большой пакет, наполненный землей. Это понятно. Все вампиры возят ее с собой. Почва родной страны, так сказать. Однако у Оливии не было гроба, а Уильям не держал запасного. Так где же она будет спать? Я скрипнул зубами при мысли, что она ляжет вместе с Уильямом. Двое в одном гробу – очень уютно!

Дейлод поглядывал на нас, не покидая своего наблюдательного поста.

– Земля, как я вижу. А что там еще? – Он не одобрял и не осуждал того, что я делал. Это его не касалось. Но любопытство было такой же неотъемлемой частью характера Дейлода, как и его чувство долга.

Очевидно, сумку собирали в спешке. Одежда была скомкана и засунута как попало вместе с какими-то духами и косметикой.

– Есть кое-что интересное, – сказал я. Дейлод подался в нашу сторону, разрываясь между любопытством и необходимостью стоять на стреме. – Это книга. Очень старая.

...Настолько хрупкая, что я опасался открывать ее, но мне было необходимо узнать, что там написано. Темно-коричневые страницы сплошь испещрены строчками, написанными яркими синими чернилами. Только имена. Много-много – с пометками и линиями, проведенными от одних имен к другим, будто кто-то пытался проследить родословную или какие-то иные связи. Читая все эти странные записи, я вдруг снова почувствовал близость беды. Будто мало нам неприятностей, творившихся вокруг...

Я уже хотел вернуть книгу на место, когда любопытство Рейи проявилось в полной мере. Я схватил ее за руку в тот момент, когда она вытащила из сумки лоскут красного шелка.

– И вот эта штучка может прикрыть все, что между ног? – изумилась Рейя.

Дейлод не выдержал и покинул свой пост. Теперь он нависал надо мной, дыша в затылок.

– Это трусы «танга», я видел такое по телевизору.

– Ты опять смотришь этот ужасный канал?

Я выхватил трусики из рук Рейи.

– А ну заткнитесь, вы, оба!

– Ты не хочешь их понюхать? – невинно спросила Рейя. – Нужно запомнить запах этой женщины. Вдруг понадобится ее выследить.

– Я не собираюсь их нюхать! – Кто бы ни придумал этих дурацких полусобак-полулюдей, ему следовало аккуратнее обращаться со своей магией.

– Я понюхаю, – вызвался Дейлод.

– Нет, я...

Я поднял глаза и увидел Оливию и Уильяма, стоявших в коридоре. Лицо Оливии было мокро от слез, но вдруг оно странно дрогнуло. Вампирша не сумела сдержать улыбку, отчего на щеках у нее появились самые очаровательные маленькие ямочки, какие я когда-либо видел.

Уильям же выглядел так, словно был готов спустить на меня собак. Однажды, еще во времена «сухого закона», какой-то придурок чуть ли не до смерти избил одного из наших рабочих из-за кварты спирта. Я, Уильям и близнецы разыскали этого вдрызг пьяного урода на берегу реки. Близился рассвет, а потому мы с Уильямом ушли. Близнецы остались. Я слышал, что на следующий день ошметки того парня пришлось смывать из брендспойта...

Я положил трусики обратно в сумку и закрыл клапан.

– Оливия, я приношу извинения за Джека. Временами он ведет себя как неотесанная деревенщина.

– Джек всего лишь пытается тебя защитить, – просто сказала она. – Я могу его понять.

А я вдруг поймал себя на мысли о том, что мечтаю прикоснуться языком к этим чудесным ямочкам. Спohватившись, я заставил себя выговорить:

– Простите, Оливия. И еще... я очень сожалею о вашей потере.

– Спасибо. И если уж на то пошло, мне нечего скрывать. Уильям заметно расслабился.

– Пожалуйста, Оливия, присаживайся.

Дейлод переставил сумку на пол, и вампирша уселась посреди дивана. Уильям устроился справа от нее, а я слева. Близнецы заняли кожаные кресла. Потом Уильям спросил, не надо ли ей чего. Оливия покачала головой.

– Тогда расскажи, каким образом тебе удалось добраться сюда так быстро?

– После твоего звонка люди Эджера разбудили меня. Был белый день... но да ничего страшного. Мы нашли пилота с личным самолетом, который согласился отвезти тело в другую страну. Рабочие отвезли мой гроб на аэродром, погрузили его на борт – и вот я здесь.

– Проблем с летчиком не было? – спросил Уильям.

– Мы дали ему достаточно денег, чтобы он не задавал вопросов. Скорее всего, пилот в тот момент не поверил, что в гробу есть тело. Думал, что тот набит какой-нибудь контрабандой. – Оливия махнула рукой, словно говоря, что проблемы смертных ее не волнуют. – Так или иначе, мы дозаправились в Гренландии, а потом махнули сюда. Приземлились на частном аэродроме. Там было темно, так что я смогла выйти. Я дождалась, когда пилот войдет в грузовой отсек... – Оливия улыбнулась. – На мне были эти самые красные «танга» и почти ничего больше. Мы достигли взаимного... удовлетворения, я приняла меры, чтобы полет он толком не запомнил, потом попросила отвезти гроб обратно в Гренландию и оставить в условленном месте. Летчик даже не знает, что именно он сделал и почему.

У меня имелась масса вопросов, но я видел, что Уильям злится, и поэтому предпочел помолчать. Он на дух не переносит вампиров, пренебрегающих режимом секретности, полагая, что это ставит под угрозу наше существование. А Оливия не только нарушила

несколько тысяч правил, но и явилась прямиком сюда. Поглядим, как эта красотка со своими прекрасными ямочками переживет приступ уильямовой ярости...

Он поднялся на ноги, глаза его сверкали, точно у демона из ада. Однако же заговорил Уильям спокойно и ровно:

– Что-нибудь вполне могло пойти не так. О чем ты только думала?

От звука его тихого голоса, проникающего до самых печенок, волосы мои едва не встали дыбом. Я слышал, как Уильям отдавал приказания, слышал, как он орал, но никогда прежде он не говорил так бесцветно, так... мертво. Я видел, как ноги Уильяма оторвались от пола; он начал левитировать. Боже ты мой!

Я сочувственно посмотрел на вампиршу, потому что после фиаско с сумкой решил хвататься за любую возможность заслужить ее расположение, если хочу когда-нибудь снова увидеть красные трусики. Даже близнецы, кажется, чувствовали себя неудобно. Если бы они сейчас были собаками, то наверняка поджали бы хвосты.

Оливия перестала улыбаться, но не стушеввалась под взглядом Уильяма. Она спокойно сказала:

– Мой создатель пропал. Я полагала, что риск оправдан. Сожалею, что мы с тобой не сошлись во мнениях.

Ноги Уильяма снова коснулись ковра, но глаза по-прежнему сверкали гневом.

– А если за тобой следили?

– Как это возможно – чисто технически?

– Ты... Ты – ребенок! Много ли прошло времени с тех пор, как ты стала нежитью? Тебе неизвестно, на что способны некоторые старые вампиры и каково их могущество. А ты поставила под угрозу всю операцию и всех наших беглецов.

Операция? Беглецы?.. Что за черт? Я раскрыл было рот, чтобы спросить, о чем он толкует, когда задрезжал мой мобильник. Рейя подпрыгнула от неожиданности, а Уильям прожег меня гневным взглядом. Я поспешно выхватил телефон из чехла на поясе. Звонил Ренье.

– Джек, а куда провалился Хью с «ягуаром» мистера Уильяма? Я ждал его час назад.

– Вот дерьмо... – только и сумел выдать я.

Вот теперь началось веселье. Я вел «корвет», а Уильям расположился на пассажирском сиденье, держа на коленях блондинистую вампиршу. Да еще Хью исчез. Просто – черт, черт и черт.

– Может, он зашел в бар пропустить пару пива? – предположила Оливия.

– Только не Хью, – отозвался я. – Он не пьет. Раньше крепко поддавал, и его жена попросила колдунью вуду наложить на него заклятие. Теперь если Хью выпьет, то выблует свои кишки.

– Такое с любым может случиться, если перебрать, – заметила Оливия.

– Он выблует кишки в буквальном смысле. Кажется, дословно это звучало как: «твоя внутренность станет пиршеством для ворон». Проблема в том, что жена умерла десять лет назад, но заклинание по-прежнему действует.

Оливия подумала несколько секунд.

– Великолепно, – сказала она.

Уильям начал выказывать признаки нетерпения. Я не мог понять, почему, ведь у него на коленях сидела зашибенная вампирская красотка.

– Ты уверен, что он ехал именно этой дорогой?

– Угу. Я сказал ему: одна нога здесь, другая там. А этот путь самый короткий... Постойка. Что это?

Впереди возвышался реставрируемый городской дом. Один из этих викторианских особняков, которому возвращали бывшее величие. Надпись на щите, установленном во дворе, гласила: «*ФИНАНСИРУЕТСЯ ИСТОРИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ ТОРНА*». Один из многочисленных проектов Уильяма. У крыльца была воткнута табличка с надписью «Осторожно: окрашено». А под ней я увидел неподвижное тело Хью с разодранной,

окровавленной грудью.

Я резко затормозил перед домом, и мы выскочили наружу.

– О, нет! Бедняга Хью...

Он сидел на верхней ступеньке, привалившись к дверному косяку. Его горло было разорвано, тело располосовано так, что внутренности едва не вываливались наружу. Широко распахнутые остановившиеся глаза глядели в никуда – в великое ничто, как бы я это назвал. Я протянул руку и осторожно закрыл их.

Оливия наклонилась и провела своим тонким пальцем по крови, еще сочившейся из шеи Хью. Потом попробовала ее на вкус.

– Максимум полчаса назад. Не более.

– Оставь его в покое! – рявкнул я. Меня начало подташнивать при одной мысли, что кто-то жрет Хью. Не в силах совладать с отвращением, я отвернулся от Оливии.

– У Джека много друзей из смертных, да? – прошептала она на ухо Уильяму.

– Да, – мягко сказал он. – Но эта «визитная карточка» предназначена мне. – Он положил руку на мое плечо. – Надо убрать его отсюда, Джек. И поскорее.

Я кивнул и пошел к машине, чтобы открыть багажник. Уильям следовал за мной, неся Хью на руках. Он осторожно уложил тело и посмотрел на ключи, зажатые в моей руке.

– Ты в состоянии вести машину? – спросил он.

Я, должно быть, выглядел неважно. И уж точно именно так себя чувствовал.

Утерев рукавом глаза, я проговорил:

– Конечно. Могу вести хоть во сне. Даже если этот сон – кошмар.

– Хорошо. Тогда поезжай.

– Уильям, а как же ты? Нужно найти того урода, который это сделал. Он забрал твой «ягуар».

– Да, понимаю. Но сперва тебе следует позаботиться о Хью.

ГЛАВА 4

Уильям

Как это похоже на Джека – волноваться о моей машине. К дьяволу машину. Более всего я боялся за него самого. Ощущение чужого взгляда преследовало меня и было таким сильным, что кровь словно зудела. Ридрек!.. Он будто звал – и не хотелось ничего, кроме как рыскать в темноте до тех пор, пока я его не отыщу.

Ну, почти ничего. Сперва следовало защитить Джека, Оливия тоже была в опасности, но она хотя бы приблизительно представляла, с кем мы имеем дело. Если разделимся, Ридрек, скорее всего, кинется преследовать Оливию и меня.

Я положил руку на плечо Джека, прилагая все усилия, чтобы заставить его исполнять мои распоряжения и не спорить.

– Отвези Хью домой, – сказал я. Потом бросил взгляд на ближайший дорожный знак. – Мы сейчас в паре кварталов от дома Элеоноры. Встретишь нас там с машиной, когда закончишь свои дела. И еще... Помнишь старый амулет, который я просил сохранить? Оберег Лалии? – Джек промолчал, но я и не ждал ответа. – Прихвати его с собой.

Он перевел взгляд на Оливию.

– Она идет с тобой к Элеоноре?

– Да. А теперь поезжай. И не забудь про амулет. Надень его.

Джек был расстроен и подавлен. Иначе нельзя объяснить тот факт, что он не стал препираться, а просто молча кивнул и залез в машину. Когда рев красного чудища затих вдалеке, я жестом велел Оливии хранить молчание и неторопливо огляделся по сторонам, ища своего древнего врага. В кустах возле недостроенного здания обозначилось движение, но тут же выяснилось, что это просто сонный сторожевой пес, слишком усталый, чтобы

лаять. Ридрек не показывался – хорошо спрятался или давно ушел. Он затеял эту игру и мог устанавливать правила. Да, Ридрек выберет удобное время и место, чтобы нанести удар...

Я обнял Оливию за плечи. Моя измененная кровь имела силу противостоять магии, так что была возможность прикрывать свою спутницу.

– Туда, – сказал я, увлекая Оливию за собой.

Она вовсе не казалась испуганной. Напротив. На ее лице читались любопытство и восхищение.

– А этот город и правда красив, – сказала вампирша. – Не Лондон, конечно, но все-таки...

– Вполне возможно, что могущественный и злобный вампир сейчас следит за нами. Тебя это ничуть не беспокоит? – спросил я.

Яснее ясного, что Оливия еще очень молода и только начинает постигать возможности своей вампирской природы. Похоже, Элджер испортил ее. Очарованная собственным могуществом и бессмертием, она не понимала значения слова «безрассудство». В конце концов, Оливия вдвое младше Джека, а тот временами сущий ребенок. Еще один повод оберегать его, даже если ради этого приходится держать Джека в неведении. Оливии я велел не рассказывать ему ничего из того, что ей было известно обо мне и о вампирах вообще. В особенности – о том, как ей удалось уехать так далеко от места рождения в столь юном возрасте. Пусть лучше я останусь единственным мятежником в этой семье...

Оливия взирала на меня с восхищением и обожанием. – Мне не о чем беспокоиться, пока мы вместе. Ты сумеешь управиться с убийцей Элджера.

– Ах, ну конечно! Уильям-легенда. Верно? Кажется, она смутилась.

– Хм... да. Элджер рассказывал мне, как ты противостоял старым вампирам. И о том, что именно ты создал эту организацию – «Похитителей». Он говорил, что ты очень умен и очень силен. Ты и твои друзья выкрадывали вампиров-Отпрысков, которых создатели держали в рабстве, и освобождали их. – Оливия замолчала и посмотрела на меня. – Элджер сказал, что ты особенный. Он не стал бы мне лгать...

Что я мог сказать ей? Элджер относился ко мне лучше, чем следовало бы, потому что мы были друзьями. Я похищал несчастных отпрысков-рабов в попытках освободиться сам. Сила, которой я обладал, росла из ненависти и ярости. Если начну объяснять, ничего путного из этого не выйдет. Оливия только растеряется и запаникует...

– Хм. Вполне возможно. Хотя вообще-то Элджер был жутким вруном. Помню, однажды, когда мы были в Париже, он обещал мне голову Наполеона в качестве сувенира. Голову-то принес, только вот на Наполеона она не смахивала даже отдаленно. Оказалось, Элджер пробрался в спальню Жозефины, думая найти там этого великого человека, но в итоге просто украл одного из ее любовников.

Оливия улыбнулась, глядя на меня так, словно я поднес ей дар крови. В ее глазах я увидел обещание рая.

– Не останавливайся, – сказал я. Менее всего сейчас мне нужен был еще один вампир, для которого придется стать нянькой.

Оливия зашагала бок о бок со мной.

– Куда мы идем?

– К друзьям. Мне надо подумать, а тебе – поесть.

– Я не так уж голодна, спасибо, – отозвалась Оливия, но теперь она говорила медленно, растягивая слова. Голос выдавал ее жажду крови, которая возрастала при каждом упоминании о еде.

– Хочу, чтобы ты была в полной силе. Возможно, мне понадобится твоя помощь. – Главное, чтобы она была в состоянии себя защитить, а я мог бы сосредоточиться на Ридреке, ни на что другое не отвлекаясь. Мне самому не судьба сейчас поесть. Поскольку я был отпрыском Ридрека, любое увеличение моей силы пойдет ему на пользу. А голодая, я вынуждал голодать и его.

Я посмотрел вперед, и на перекрестке внезапно увидел свой собственный «ягуар»,

остановившийся на красный свет. Едва светофор переключился, как машина тронулась с места и умчалась в сторону реки.

Даже сквозь закрытую дверь я ощущал растерянность Элеоноры. Она не смогла скрыть своего удивления при виде меня – да еще в компании женщины. Я никогда не появлялся без предупреждения и всегда приезжал один. Сегодня Элеонора была одета в деловой костюм – брюки и строгий жакет. Буйные цыганские волосы собраны в скромный узел на затылке. Передо мной предстала ухоженная, респектабельная дама...

– Прости, что явился без приглашения, – сказал я, прежде чем Элеонора успела вымолвить хоть слово. – Возникла небольшая проблема с машиной. Не приютишь ли нас, пока не вернется Джек?

Я придерживался сухого, нейтрального тона, избегая малейшего сексуального подтекста, который обычно сквозил в наших с Элеонорой беседах.

– Можно войти?

– Конечно, Уильям, – ответила она, мгновенно сориентировавшись в ситуации. – Ты же знаешь: здесь тебе всегда рады.

– А это... моя приятельница, – сказал я. – Оливия, позволь представить тебе Элеонору. Дом принадлежит ей.

– Привет, – откликнулась Оливия, когда мы переступили порог. Она мимолетно взглянула на Элеонору, а затем обозрела гостиную, где несколько легкомысленно одетых девушек развлекали мужчину в дорогом костюме. – Что это за место? Бордель?

Элеонора выпрямилась во весь рост, и воспоминания о нашей последней ночи вновь нахлынули на меня. Моя Элеонора – обнаженная, с рассыпавшимися по плечам волосами и колом в воздетой руке... Она смерила Оливию взглядом и спокойно проговорила:

– Мы предпочитаем именовать *это место* мужским клубом. Но если вам по душе более низменные материи, то можете употребить название «дом удовольствий».

Теперь все внимание Оливии обратилось к Элеоноре.

– Или «дом боли», – прибавила Элеонора с легкой улыбкой. Я восхитился ее отвагой, сам не зная наверняка, пропустит ли Оливия этот выпад мимо ушей или прольется кровь.

Я встал между ними и наклонился к Элеоноре.

– Не могла бы ты организовать ужин для моей спутницы?

– Могла бы, – откликнулась Элеонора. Потом слегка ущипнула меня за ухо. – А мы собираемся закончить нашу собственную игру?

От этих слов по моему телу пробежала горячая волна. Я хотел ее и жаждал удовольствий, которые она могла мне дать.

– Нет, – выдавил я.

Элеонора откинула голову назад, чтобы глянуть мне в лицо. Я видел разочарование в ее глазах, и, хотя она никогда бы этого не признала, я знал, что ей больно.

– Почему? – спросила Элеонора. – Разве она...

– Оливия тут не причем, – уверил я.

Элеонора неотрывно смотрела мне в глаза, ища отблеск лжи. Бедная! Она и понятия не имела, как легко я мог бы солгать, если б хотел. Но не в этот раз. Сейчас я позволил ей увидеть правду.

– Идем со мной, – сказала она.

Следом за Элеонорой мы вошли в уютную гостиную.

– Подождите здесь. Мне нужно позвонить, – сказала она, а потом перевела взгляд на Оливию. – Кого предпочитаете? Мужчину или женщину?

Оливия облизала губы, которые набухали и теплели прямо на глазах. Она становилась хищником. Ни один человек не сумел бы устоять перед этим влажным, чувственным ртом, даже если бы поцелуй стоил ему жизни. Глядя на Оливию, я размышлял, произвел ли я такой же эффект на Элеонору, когда она впервые предложила мне свою кровь. Оливия протянула свою бледную руку к Элеоноре. Тонкие пальцы скользнули по обнаженной шее, по щеке, словно Оливия намеревалась притянуть Элеонору к себе и поцеловать. Потом она провела

мягкой подушечкой большого пальца по ее губам.

– Мне нравятся красивые сучки вроде тебя, – промурлыкала Оливия, раздвигая губы Элеоноры. Я чувствовал, как та дрожит от прикосновений вампириши. Что ж, даже я не остался равнодушным; жажда была так сильна, что мне стало трудно дышать.

– Я понимаю, почему Уильям любит играть здесь, – продолжала Оливия.

Несколько секунд мы – все трое – стояли, словно прикованные к месту. Я не мог отделаться от ощущения чужого прикосновения. С трудом сглотнув слюну, я прокашлялся, борясь с желанием захлопнуть дверь и завалить обеих женщин на ковер. Потом Оливия неохотно отпустила Элеонору.

– Вообще-то мне нравится трахать свою добычу. Так что, пожалуй, пусть будет мужчина.

Элеонора коротко кивнула и исчезла за дверью.

Я считал эту юную вампиришу ребенком? Если так – Оливия доказала мне, что она уже большая девочка, как сказал бы Джек. Интересно, что бы он подумал, если бы увидел ее сейчас?

Вампириша рассмеялась и одарила меня игривым взглядом записной развратницы.

– Должно быть, ты хорошо ее ублажаешь. Она вся твоя. Я не ответил. Оливия подошла и потерлась об меня как кошка.

– Знаешь, я говорила, что не хочу есть, но теперь поняла, что просто умираю от голода. Хорошо бы твоей подружке поторопиться. – Она зазывно улыбнулась, ее рука скользнула вниз, принявшись ласкать меня. Мое тело мгновенно ответило на это прикосновение. – Иначе я возьму дело в собственные руки.

Джек

Я вернулся в гараж, раздумывая, как расскажу ребятам про Хью. По крайней мере он не имел родственников, которых следовало бы уведомить. Жена Хью умерла, и у него не было детей. Во всяком случае, он ничего не знал об их существовании.

Пассажирское сиденье «корвета» было забито упаковками пивных банок и пачками чипсов, которые я прихватил в супермаркете. Не то чтобы я планировал поминки, но понимал, что всем нам нужно восстановить силы.

Я зарулил в гараж и застал там всех «обычных». Руфес, Отис и Джерри играли в карты, а Ренье копался в коробке передач. Он, знавший меня лучше всех, немедленно сообразил, что у нас произошла какая-то чертовски серьезная неприятность.

– Что стряслось, босс? Ты нашел Хью? – осторожно спросил Ренье. Джерри и Руфес, которые, я уверен, не были людьми, подняли носы по ветру: их ноздри трепетали. Очевидно, они чуяли запах свежего трупа не хуже меня. Отис обеспокоенно осмотрелся по сторонам.

– Да, нашел. Но кое-кто отыскал его раньше нас. Кто-то очень плохой. Но мы с Уильямом его поймаем...

Я помедлил несколько секунд, чтобы смысл моих слов дошел до их сознания. Хью, старина Хью! Он чистил мелкие автомобильные детали, менял масло и занимался прочей подсобной работой. В мастерской его любили. Может, он и не блистал умом, зато был хорошим человеком и не задавал лишних вопросов – и не потому, что опасался своих странных приятелей. Просто по природе своей Хью был нелюбопытен. Я мог притащить сюда какого-нибудь бандита, нарезать его ломтиками и поджарить на вертеле, и Хью бровью бы не повел. Подобные люди достойны восхищения.

В конце концов я открыл багажник, и парни сгрудились вокруг него, глядя на своего товарища. Теперь глаза Хью были закрыты, и он казался на удивление умиротворенным.

– Как естественно он выглядит... Разве нет? – сказал Отис.

– Нет. С этакой дырой в глотке – не выглядит, – заметил Руфес.

– Ну, просто так люди говорят, – пробормотал Отис. Все помолчали немного. Потом заговорил Джерри:

– Вы ведь будете искать того парня, который убил его. Нужна помощь?

Жилистый и мускулистый, Джерри мог оказаться недурным подспорьем в бою. Отдавая дань уважения Хью, он снял свою бейсболку, и я вновь увидел его уши – более острые, чем положены представителю рода человеческого. Если дела пойдут совсем плохо, Джерри сумеет принести пользу. Но это не его война, и когда мы с Уильямом разыщем убийцу Хью и Элджера, может выясниться, что даже нам не под силу остановить его.

– Спасибо, но мы с Уильямом разберемся сами.

Руфес согнул указательные пальцы и приложил их к углам рта. Его способ говорить «вампир» – слово, которое никогда не произносилось вслух в моем присутствии. Лучше бродить вокруг да около, чем знать правду наверняка.

– Да, – сказал я. – Это наши дела.

Несколько секунд они хранили молчание, осознавая серьезность положения: в городе появился новый и злобный кровопийца. Со временем мне придется им все рассказать, но сейчас следовало позаботиться о Хью. Парни продолжали смотреть на его тело, словно собрались вокруг настоящего гроба в похоронном бюро, а я выгрузил на картонный стол пиво и чипсы. Каждый взял по банке. Я поднял свой «Будвайзер» и провозгласил:

– За Хью!

– За Хью, – откликнулись остальные. Мы вскрыли банки одновременно, и этот звук заменил нам похоронный ружейный салют.

Потом Отис сказал:

– Помните, еще до того, как Хью заколдовали, он однажды надрался и упал в сточную яму для бензина?

– Забудешь, пожалуй, – откликнулся я. – Мне пришлось оплачивать его лечение. Он себе почти все кости переломал. Даже челюсть.

– Это еще не самое худшее, – сказал Ренье. – Ведь потом бедолага несколько месяцев сидел дома в гипсовом корсете и слушал свою старуху. А она только и знала, что пилить его и долдонить, какой он тупица. А Хью даже ответить ей не мог, потому что челюсть тоже была в гипсе. Не мог встать и уйти. Должен был сидеть и слушать.

Руфес кивнул и проговорил:

– Он потом сказал, что едва не свихнулся.

Мы рассмеялись, и это было хорошо. Да, может быть, мы чувствовали себя немного виноватыми, но поступали как должно. Я был рядом со смертными и в плохие времена, и в хорошие. Их чувства были такими искренними, такими настоящими. Временами я забываю, что не такой, как они.

– Аккурат после этого жена и наложила заклятие, – припомнил Руфес. – Конечно, Хью пытался от него избавиться. Носил на шее медальон с гри-гри,¹ никогда не снимая. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Но все равно не решался пить.

– Да уж, – сказал Джерри. – Человек не может жить без кишок.

Вполне логичное рассуждение. Настолько, насколько вообще может рассуждать логически человек, опрокинувший несколько «Будов».

– Это факт, – мрачно согласился Руфес.

– И что мы будем с ним делать? – спросил Ренье.

– Думаю, возьмем экскаватор и похороним в «корейке», как Хью и хотел.

– Он любил свою машину, – кивнул Ренье.

– Короче, угробим отличный «шевроле», – заметил Джерри.

– У него «корейка», – поправил я.

– Там вся трансмиссия поддыхает, – сказал Ренье.

– А, ну тогда ладно, – уступил Джерри и вскрыл новую банку.

Наша мастерская расположена в нескольких кварталах от жилых домов, так что звук работающего экскаватора никого не потревожил. На задах гаража мы вырыли яму размером с легковой автомобиль и опустили туда машину. Я усадил Хью за руль, придав ему

¹ Гри-гри – защитный амулет в вудуистской магии.

непринужденную позу. Левая рука лежит на баранке, в правой, по настоянию Отиса, – банка холодного «Будвайзера». Думаю, мы сделали для него все, что было в наших силах.

– Может, надо было купить ему новую одежду? – спросил Руфес. – Костюм или что-нибудь в этом роде. В похоронных бюро всегда так делают.

Джерри посмотрел на него как на темную тучу, готовую облить дождем нашу торжественную похоронную процессию.

– Ну, Руфес, ты и тупица. Думаешь, там его не примут в рабочем комбинезоне?

Руфес почесал шею, будто бы кто-то укусил его.

– Я же просил не называть меня так, – пробормотал он. Повисло молчание.

Мы стояли вокруг ямы, глядя вниз, на Хью. Затем Ренье произнес:

– Думаю, нужно сказать несколько слов, да? Все посмотрели на меня.

Допустимо ли, чтобы тварь ночи, проклятая на веки вечные, провожала человека в последний путь торжественной речью? Это казалось странным и неподобающим. С другой стороны, я был боссом Хью и его другом.

Ладно.

– Здесь покойся Хью. – Я обвел взглядом четверых своих товарищей. У всех печальный взгляд и глаза на мокром месте. – Пожалуйста... э... Господи, прими его в рай и позаботься о нем, потому что он был хорошим парнем и никогда даже мухи не обидел, насколько я знаю.

– Аминь, – подхватили остальные.

Потом ребята сидели вокруг карточного стола, приканчивая вторую упаковку пивных банок, а я молча смотрел на них и проклинал себя зато, что должен сделать. Люди – и даже полулюди – кажутся мне такими хрупкими и непрочными. Их жизни, и без того слишком краткие, угасают, как пламя свечи на холодном ветру, если смертные подвергаются опасности. Хью погиб, и я не мог допустить, чтобы подобное случилось с кем-нибудь еще.

– Парни, я собираюсь прикрыть лавочку на несколько дней. До тех пор, пока мы с Уильямом не найдем убийцу и не разделаемся с ним.

Как я и ожидал, тут же посыпались возражения. Особенно усердствовал Ренье, и он имел на то причины. Этот бизнес был смыслом его жизни.

– А как насчет клиентов? У нас четыре машины, надо с ними закончить...

– Три. Машина мэра готова; отгоню ее сегодня вечером. Ты позвонишь остальным и скажешь, что починка займет еще несколько дней. Если кто-то не захочет ждать, мы отбуксируем машину, куда скажут.

Ренье работал со мной много лет и достаточно хорошо знал, когда не стоит настаивать. Остальные – нет. Джерри поднялся на ноги.

– Джек, мы можем о себе позаботиться и присмотрим, чтобы Ренье никто не беспокоил. Это нечестно – закрывать мастерскую.

Джерри считал себя крутым. Возможно, он и был таким – по человеческим меркам. Но в мире нелюдей все стандарты смещаются. У меня было много друзей среди смертных, и некоторые из них – в том числе эти трое парней – знали или догадывались, что я собой представляю. Черт возьми! Я должен ладить с людьми или жить отшельником, поскольку Уильям не подпускал меня к другим вампирам на расстояние пушечного выстрела. Я и ладил, но бывают моменты, когда приходится показывать, кто здесь крутой на самом деле. Я вовсе не хотел выпендриваться, честное слово, а всего лишь пытался прикрыть людей, которых называл друзьями.

– Ты просто не понимаешь, с чем мы имеем дело. И если *оно* решит прийти и надрать тебе задницу – пиши пропало. Черт, я даже не уверен, что сумею защитить вас. Не знаю, смогу ли защитить самого себя. И уж точно *оно* не будет с вами цацкаться, если вы перебежите ему дорожку. Хью – прекрасный тому пример. Так что не хочу ничего слушать. Вы не будете здесь ошиваться – и точка. Я серьезно.

– Черт возьми, Джек, мы...

Джерри умолк на полуслове, когда я чуть оскалился, показал клыки и уставился на него

тяжелым взглядом мертвеца.

– Хватит.

Джерри осел обратно на стул. Я вздохнул, мне было чертовски грустно. «Обычные» больше никогда не посмотрят на меня так, как прежде, – я это знал. До сих пор я не показывал им свое истинное лицо. Мне пришлось напугать ребят. Пусть ради их же блага, но теперь я стал изгоем в собственном доме. Я любил людей. Мне нравилась их розоватая кожа, мелодичные голоса, их разнообразные человеческие запахи и... их обыденность. Они жили беспечно, не замечая вещей, которые не могли видеть, слышать и обонять. Мимолетное движение, которое трудно заметить... запах старых мертвых вещей... голоса беспокойных потерянных душ... Людям нет до всего этого дела. Иногда я сожалею, что не один из них.

В наступившей тишине Ренье проговорил:

– Ладно-ладно. Мы поняли. Ты крутой.

«Обычные» разошлись. Ренье неловко похлопал меня по плечу и сказал: «Береги себя». Мне показалось, что он волнуется. Черт возьми! Я ведь тоже волновался.

Оставшись один, я направился к маленькому сейфу, вделанному в пол в углу гаража. Над сейфом нависал один из ящиков с инструментами, удачно прикрывая его от посторонних глаз. В сейфе хранились деньги – некоторые клиенты предпочитали расплачиваться наличными. Не так-то легко завести кредитную карту и счет в банке, если ты не человек. Лично я приобрел карточку государственного пенсионного обеспечения еще в те времена, когда система только-только вставала на ноги. Так что теперь нет проблем. За долгие годы у меня накопилась приличная пенсия, и я честно плачу подоходный налог, как любой смертный. Ну, вы знаете, как принято говорить: нет ничего неизбежного, кроме смерти и уплаты налогов. Я обошел и то, и другое.

Из сейфа я вынул забавное ожерелье, которое Уильям отдал мне много лет назад, попросив сохранить для него. Он называл эту штуку амулетом, но на вид она была не ахти. Откровенно уродлива, скажем прямо. Просто связка ракушек и бусин, нанизанных на старый потертый кожаный шнурок и более всего напоминавших детское творение из серии «а вот что я сделал в летнем лагере». Я не знал, что такого особенного в этом ожерелье, пусть даже оно и пахло кровью. Очередной таинственный кусок дерьма от Уильяма.

Я сунул дурацкий амулет в карман, запер сейф и закрыл мастерскую. Потом взял тачку мэра и поехал к дому Элеоноры. От Уильяма я случайно узнал, что наш градоначальник пребывает на какой-то мэрской конференции за городом и вернется только в день пресловутой уильямовой вечеринки.

Я рассудил, что Уильям вполне может покататься на роскошной машине, покуда не отыщется его «ягуар». Мэрская «эскалада» была большой, вместительной и шикарной. Самое то. По крайней мере, мне не придется возить их на «корвете» и созерцать, как Уильям и Оливия обжимаются на одном пассажирском сиденье.

Моем пассажирском сиденье.

Я припарковал «корвет» перед заведением Элеоноры, вылез наружу и начал подниматься по ступеням, глядя вверх и стараясь учуять Уильяма. Удар обрушился на меня посреди лестницы, я остановился и ухватился за перила, чтобы не упасть. Жажда крови и еще какое-то странное, но неодолимое желание накрыли меня с головой, ударили, будто гоночная машина на «Дайтоне-500».¹ Удовольствие и боль были так сильны, что я едва сумел перевести дыхание. Может быть, именно это Уильям и скрывал от меня? Возможно, его настолько захватил процесс, что он позабыл заблокировать свои эмоции. Такое случилось впервые. Я не мог сдвинуться с места и стоял, глядя на ступеньку лестницы подо мной. Уильям был там, внизу. Уж не знаю, в какие чудесные игры он играл с Оливией и Элеонорой. И откуда бы мне знать? Я не приглашен. Впрочем, я не рвусь к подобным развлечениям. Не сегодня, во всяком случае... Я спустился по лестнице, открыл дверь «эскалады», повесил ожерелье на зеркало и убрался восвояси.

Идти было особенно некуда, да и не к кому. Я добрался до площади и опустился на

¹ «Дайтона-500» – наиболее престижные в США ежегодные автогонки на дистанцию 500 миль.

каменную скамью. Не могу припомнить, когда чувствовал себя более одиноким. Я разогнал своих смертных друзей, а к вампирам Уильям меня не подпускал. Да и сам он занят только собственными делами. Я чувствовал себя изгоем, никчемным и никому не нужным. С тем же успехом можно быть одним из долбанных инопланетян... А вдобавок ко всему прочему где-то в городе ошивается злобная и могущественная тварь, которая жаждет убить нас. Нет, сегодня определенно не лучший мой день.

Послышались голоса. Я поднял взгляд. В мою сторону двигалась ночная экскурсия. Гид, одетая в платье времен Гражданской войны, развлекала туристов очередной страшной историей о какой-то мистической твари – по слухам, посещавшей довоенный дом на углу. Мне вдруг захотелось подняться и подойти к этим туристам, но я одернул себя. Люди, как правило, не любят незнакомцев, которые цепляются к ним на улице. Во всяком случае, если они трезвы.

Так что я просто обнажил клыки. Гид замолчала на полуслове, а экскурсанты отпрянули назад. Девушка быстро взяла себя в руки и поправила шляпку.

– Каких только чудачков не бывает в Саванне! – объявила она. – Хэллоуин на носу. Видимо, этот джентльмен начал праздновать заранее.

Она решила, что я – ряженный вампир с пластмассовыми клыками. В общем-то, мне наплевать. Просто забавно наблюдать, как быстро люди могут найти обыденное объяснение любому непонятному и странному явлению. Этот навык помогает им сохранить рассудок, однако он же делает их уязвимыми. Уильям как-то рассказывал, что человек, впервые увидевший вампира, бездарно тратит решающие мгновения, потому что старается найти рациональное обоснование для своего инстинктивного ощущения опасности. Именно этих секунд им и не хватает, чтобы спастись. Далее следует кровавая бойня, и человек теряет жизнь. Люди так предсказуемы.

Туристы удалились, и я пробормотал:

– Устроил бы я вам вечеринку прямо здесь, леди.

Я выпустил клыки во всю длину, растянув губы, насколько это было возможно. Не люблю такие шутки, но эффект потрясающий. Представьте себе змею, разинувшую пасть во всю ширь и готовую проглотить кролика. Целиком.

Люди могут объяснить наличие у меня небольших клыков, но если бы они увидели мое истинное лицо, то бежали бы без оглядки. Я представил девушку-гида в ее кринолине, мчащуюся как игрок края поля.¹ Забавная фантазия, но я получил бы больше удовольствия, проделай все это в действительности. Возможно, стоило рискнуть, чтобы увидеть, как они разлетаются в разные стороны, точно кегли в боулинге.

Я снова остался один. Или, может быть, не совсем... Знакомое ощущение чужого враждебного присутствия коснулось позвоночника, расплываясь по шее и заставляя волосы подниматься дыбом. За мной снова наблюдали.

Уильям

Мужчина стоял на коленях, как и положено жертве. Он был обнажен, глаза завязаны, а руки скручены за спиной. Такой беспомощный. Элеонора превзошла себя. Мы просили о легкой закуске, но она с истинно южным гостеприимством устроила настоящий банкет, который определенно займет Оливию на некоторое время. Элеонора не просто нашла добровольца-донора в рекордно короткие сроки. Вдобавок ко всему прочему мужчина был красив. Во всяком случае, его тело вполне отвечало представлениям о классических канонах. Не какой-то там бледный задохлик из готского клуба. Этот смертный был строен, широкоплеч и обладал внушительными гениталиями. Сельский житель или, может быть, футболист из команды местного колледжа, готовый к сексуальным экспериментам.

¹ В американском футболе игрок, занимающий место у края поля на расстоянии нескольких ярдов от группы, построившейся для нападения; в удобный момент он готов принять пас и прорваться к воротам противника по краю поля.

Рискованным сексуальным экспериментам, сказал бы я. Если б он мог хоть на миг заглянуть Оливии в глаза, его отваги, пожалуй, поубавилось бы.

Мы расположились в соседней комнате перед зеркальным стеклом. Удобные кресла и длинный кожаный диван стояли так, что можно было без помех наблюдать за процессом. Жертва ожидала по ту сторону стекла, в так называемой темнице. Забавно. Я повидал на своем веку немало настоящих темниц. Некоторые из них были просто ямой в земле, прикрытой тяжелой дубовой крышкой. «Темница» Элеоноры больше напоминала операционную в местной больнице, или, быть может, кухню в стиле хай-тек. Здесь, впрочем, не занимались кулинарией. Любовно разложенные стальные и кожаные штуковины предназначались для ограничения свободы и причинения боли. Всякая всячина, от хлыстов воловьей кожи и плеток-девятихвосток до цепей с наручниками и замками – все для любителя изощренных пыток. Разумеется, камера не могла соперничать с «темницами» Амстердама, Парижа или Нью-Йорка, но все же выглядела вполне достойно. Элеонора не пожалела денег: один только поднос со скальпелями и ножами ручной работы стоил целое состояние.

Элеонора скинула строгий жакет и осталась в шелковой белой блузке с распахнутым воротом. Затем она проводила Оливию в камеру. Недолго думая, вампирша приступила к делу. Она медленно оглаживала ладонями дрожащие плечи своей жертвы, согревая их и оценивая качество «обеда». Элеонора повернулась к двери, собираясь уйти, однако Оливия поймала ее за руку.

– Почему бы тебе не остаться? – спросила она глубоким, чарующим голосом. – Можем поиграть вместе. Я не прочь поделиться. – С этими словами Оливия впиалась в губы Элеоноры жадным поцелуем. Их языки переплетались, изучали, ласкали... Наконец, спустя целую вечность, Оливия разжала объятия.

Элеонора неуверенно посмотрела в сторону зеркального стекла – на меня, – ожидая то ли помощи, то ли позволения. Я ждал, размышляя, что она ответит Оливии. Поцелуй был изысканным, искушающим, манящим...

– Я... лучше посмотрю, – с трудом выговорила Элеонора, не в силах отвести взгляда от чарующих, зовущих глаз вампирши.

Оливия взяла ее за руку и поднесла запястье к своим губам, но помедлила, прежде чем поцеловать. Элеонора вздрогнула от прикосновения, и вампирша рассмеялась.

– Я могу показать тебе другой мир, – сказала она. – Уверяю, ты не видела ничего подобного.

Элеонора убрала руку и отступила назад. Безрассудство, которое она проявляла в общении с единственным известным ей вампиром – то есть со мной, – неожиданно исчезло. Моя женщина боялась Оливию...

– Я верю, – мягко ответила Элеонора. К моему изумлению, она помедлила в дверях, словно дожидаясь позволения уйти. Но вампирша уже переключила внимание на свою жертву, и Элеонора выскользнула из комнаты.

Оливия же принялась неторопливо снимать одежду. Она вскинула руки, стягивая через голову паутинно-тонкую шелковую блузку, а затем отшвырнула ее в сторону. Моему взору предстали полные упругие груди с бледно-розовыми сосками. Глядя в зеркальное стекло, будто бы приглашая меня насладиться зрелищем, Оливия расстегнула молнию на брюках, и они соскользнули с ее бедер. Вампирша сделала шаг вперед и предстала передо мной совершенно обнаженной, если не считать красного лоскута между ног.

У нее было тело богини. Дианы-охотницы.

Диана...

Это имя отозвалось в моей памяти бурей чувств и эмоций.

Диана. Моя Диана. Вот она бежит по ячменному полю. Развеваются юбки. Диана смеется, приглашая меня пуститься вдогонку. Разве мог я противиться? Мы упали на землю, задыхаясь от бега, сжимая друг друга в объятиях. Солнце грело мне спину, а золотые колосья ячменя стали нашей постелью. Я более чувствовал, нежели слышал, отрывистое дыхание

моей возлюбленной, когда она раздвигала бедра, принимая меня в свое лоно. Я проникал все глубже, ощущая, как с каждым моим движением Диана все более приближается к вершине блаженства... а после мы оба лежали в траве – уставшие, удовлетворенные, счастливые.

– Мой Уильям, мой любимый, единственный, сердце мое... – Она улыбалась, раскинувшись среди измятого ячменя, словно прекрасная птица, упавшая с небес.

– Если не перестанешь меня дразнить, некому будет работать в поле, – сказал я, едва дыша и упиваясь счастьем. – Женаты мы или нет, но если священник застанет нас здесь среди бела дня, будет беда...

Воспоминания приносили столько же радости, сколько и боли. Если б я умер тогда, на ячменном поле, то был бы счастливейшим человеком. А вместо этого я сделался ночной тварью, обреченной вечно жить во мраке.

Теплая рука прикоснулась к моей спине, отвлекая от болезненных видений. Голос Элеоноры прошептал мое имя. Образ Дианы истончился, поблек и исчез. За зеркальным барьером Оливия, кажется, ощутила мое настроение. Небрежным движением руки она толкнула нагого мужчину в плечо.

– Ты очень сильна, госпожа, – тихо проговорил он.

– Тебе страшно? – Оливия провела руками по груди мужчины. Потом ее ладонь скользнула ниже, лаская его член.

Он с трудом втянул воздух.

– Да, госпожа.

– Вот и славно, – промурлыкала вампирша, но это было мурлыканье тигрицы, а не кошки.

Элеонора зашевелилась, придвигаясь поближе, и сунула руку мне под рубашку. Я мимолетно подумал, не остановить ли ее... но тут Оливия приникла к шее жертвы и укусила. Наследие ли диких предков или магия вуду в моих венах были тому виной, но я ощутил вкус теплой крови во рту. Будто это мои губы приникли к ране на шее, жертвы, будто по моему лицу заструилась божественная влага... Более не владея собой, я стиснул Элеонору в объятиях, прижимая к своей теплеющей коже. Оливия сосала кровь, и этот звук громом отдавался у меня в голове. Возбуждение мое все нарастало; в тот миг, когда оно почти достигло своего апогея, вампирша ослабила хватку. Кровь струилась по шее мужчины, Оливия прижала ладонь к ране, пятная пальцы алыми каплями.

– Мой, мой, мой, – шептала вампирша, поглаживая набухший член и окрашивая его собственной кровью жертвы. Мужчина застонал. Я стоял, не в силах остановить Элеонору, когда она опустила на колени, расстегивая мои штаны.

Оливия улыбнулась, ее зубы и губы были красны от крови. Казалось, она затеяла всю эту игру скорее ради меня, чем для себя самой или своего партнера. Вампирша снова провела рукой по напряженному члену жертвы, а я почувствовал, как Элеонора ласкает губами мой собственный. Я наклонился вперед, положив руки на зеркало и едва не утыкаясь лицом в стекло. Мужчина застонал, и миг спустя тот же звук вырвался из моей груди. Оливия сняла красные трусики и затолкала их в рот своей жертве.

Я ощутил вкус ее тела...

Оттолкнув возбужденного мужчину к обитому кожей столу, Оливия приказала:

– Ляг на спину.

Он подчинился – так быстро, насколько это можно было сделать со связанными руками. Подрагивая от нетерпения, Оливия ухватила с подноса один из ножей и разрешила путы. Мужчина расслабился, и это оказалось его ошибкой. Молниеносным движением Оливия наклонилась и вскрыла вену у него на запястье. Она приникла к новой ране, не отводя взгляда от зеркального стекла. Губы Элеоноры ласкали меня, ни разу за всю свою жизнь я не испытывал ничего подобного. Утратив всякий контроль над собой, я чувствовал, как с каждым мгновением приближаюсь к невероятному оргазму. Мое дыхание стало таким горячим, что запотело стекло. Я застонал, и эхом отдался стон Элеоноры. Она все сильнее впивалась в мою плоть, сосала, желая взять все, без остатка, пока на меня не снизошло

безумие блаженства.

Оливия же выглядела как кошка, сожравшая канарейку. С коварной улыбкой она оседлала своего партнера и понеслась вскачь. Я рывком поднял Элеонору на ноги, прижав ее к стеклу. В миг обоюдного оргазма Оливия укусила свою жертву, вновь запустив алые клыки в окровавленную шею.

Я ощутил, как во мне опять поднимается волна желания. До моих ушей долетел звук рвущегося шелка, и я осознал, что сдираю одежду с тела Элеоноры. Я хотел крови, и жажда эта была непреодолима. Мои обнаженные клыки уткнулись в шею женщины. Сердце Элеоноры трепетало как пойманная птица. Она хрипло дышала и все сильнее прижималась ко мне, отдавая всю себя... всю без остатка. Запах ее крови дразнил меня, будоража извечный голод. Кровь обозначала жизнь. Кровь обозначала могущество...

Вдруг, будто бы очнувшись ото сна, я посмотрел на дрожащую Элеонору. Реальность обрушилась на меня как поток ледяной воды – прежде чем я успел поранить ее. Как ни странно, в этот момент я подумал о Джеке. Мысли о нем вызывали какое-то непонятное беспокойство... Однако сперва я должен был ублажить мою милую Элеонору. Только обычный секс, разумеется, и ничего более.

У Джека есть амулет Лалии. На некоторое время он будет в безопасности.

Джек

– Выходи, где бы ты ни был, убийца! Сукин сын! – крикнул я, когда туристы исчезли из поля зрения. Я отлично вижу в темноте, а слышу и того лучше. Ничего. Кто бы ни следил за мной, он не собирался являть себя, пока не будет готов. Терпеть не могу сюрпризы.

Я ухитрился распугать всех смертных, которые могли бы составить мне компанию на сегодняшнюю ночь, а собратья-вампиры играли в свои собственные игры. Может быть, удастся пообщаться с кем-нибудь из мертвецов? Эти создания не могли так просто взять и уйти, так что им волей-неволей придется терпеть меня. Я отправился на Колониальное кладбище, что в нескольких кварталах от площади, и вскоре, преодолев железный забор с колючими наверху, оказался среди могил.

Едва мои ноги коснулись земли, как я почувствовал мертвецов. На Колониальном они были также беспокойны, как и в Бонавентуре. Я закрыл глаза и распахнул чувства, слушая мертвых. Да, точно: кто-то растревожил их. Обходя кладбище по периметру, я вслушивался в ощущения призраков, пытаясь осознать степень их беспокойства. Никогда прежде мне не доводилось чувствовать ничего подобного. Казалось, мертвые предостерегают меня. Подумать только! Я завишу от их советов! А что, скажите на милость, мне остается, если нельзя рассчитывать даже на собственного создателя? Уильям был так чертовски занят в веселом доме, что позабыл заблокировать свой разум. Он сейчас мыслил как похотливый кобель, а не как убийца. Хотя, возможно, я случайно перехватил кусок информации, которую можно использовать?... Но стоило лишь вспомнить об этом – и сексуальное возбуждение обуяло меня с такой силой, что мне потребовался холодный душ.

Приближаясь к центру кладбища, сквозь обычные звуки ночи я услышал шум мотора «ягуара». Он удалялся на восток, в сторону побережья. Мертвецы под ногами заволновались сильнее, подтвердив то, о чем я уже догадывался сам. Пришелец-вампир, укравший машину Уильяма. Возможно, он прятался под одной из бетонных плит, покрывавших могилы.

Я присел возле украшенного венками надгробного камня некоего Джеральда Холлиса Дженнингса, жертвы туберкулеза вековой давности. Во всяком случае, так он сказал, когда посетил его в первый раз. Его душа была спокойна, и он хорошо умел слушать. Хотите верьте, хотите – нет, но иногда люди умирают, успев завершить все земные дела.

– Джеральд, дружище, не чувствовал ли ты здесь зла в последнее время? Я говорю о настоящем большом зле, а не о всяких мелких жуликах и бандитах, которые тут ошиваются.

Разумеется, мертвецы не разговаривают вслух, как обычные люди. Я услышал едва слышные стоны и ощутил невнятные вибрации, которые вкупе воспринял как «да». Если

мертвые общаются со мной, это всегда своего рода намеки, возникающие у меня в голове. Я закрыл глаза, и на этот раз стоны оформились в слова. В крик.

«Опасность, Джек!».

Разумеется, я и без того знал, что наш гость небезопасен, но предупреждение, исходящее от Джеральда, изумило меня. Насколько же все должно быть хреново, если даже чудаковатый старикашка Дженнингс ощутил угрозу?

– Ты можешь сказать что-нибудь еще?

В ответ раздалось слабое бурчание, будто Джеральд использовал всю свою энергию, чтобы сформулировать следующее послание. Однако мне показалось, что он иссякает, а эта попытка заберет последние его силы. Может, более приятная тема вернет его в нужную кондицию?

– Помнишь, что такое секс? – спросил я.

У меня в голове тут же возникла картинка: зардевшаяся горничная с высокой грудью и робкой улыбкой на губах. Джеральд сунул руку ей под косынку, зажав в горсти огненные кудри девицы, и поцеловал в губы. Она закрыла глаза и с готовностью приподняла свои юбки.

Просто отлично! Теперь мне требовалась еще одна порция холодного душа.

Последовала пауза. Я ощущал неслышимый смех Джеральда и смеялся вместе с ним. А потом замолчал – потому что услышал крик.

– Эрррррмпф, – сказал кто-то или что-то.

– Джеральд?.. – переспросил я. Нет, это был человеческий голос. Несколько придушенный, но человеческий.

– Ааааррррх, – сказал он.

Я пошел на звук и вскоре увидел тощее и извивающееся тело, облаченное в черную кожаную куртку. Оно висело, зацепившись за один из кольев, торчавших на верху забора. Черт побери! Людям следует быть более Осмотрительными и не шастать по кладбищам ночью. Не в их силах совладать с тварями, которые могут здесь встретиться, – тварями вроде меня, к примеру. Я ухватил незнакомца за подбородок и спросил:

– Ты что здесь делаешь?

Пара карих глаз, огромных, как фары, смотрели на меня из-под челки угольно-черных волос. Многочисленные сережки украшали оба уха и одну ноздрю острого носа. Поскольку забор держал парня за воротник, он утонул в своей куртке, и казалось, будто у него нет шеи, как у черепахи, едва высунувшей голову из панциря. Я ухватил его за плечи и встряхнул, отчего голова еще глубже ушла в плечи, словно парень мало-помалу исчезал в зыбучем песке своей черной одежды.

– Отвечай, ты, козел!

– Меня зовут... – Он поперхнулся и начал заново. – Меня зовут Ламар Натан фон Верм. А в мире тьмы я – Князь Рока. Рад с тобой познакомиться. – Он протянул тонкую руку с большим серебряным перстнем в форме черепа.

Е-мое! Я не ответил на рукопожатие. Некоторые вещи могут огоршить даже вампира.

– Мир тьмы? Князь Рока? У тебя с головой все в порядке? И что тебе от меня надо?

Если парень и обиделся, то не подал виду. На его лице появилось выражение иступленного восторга.

– Укуси меня, – сказал он.

Чего?

– Укусить тебя?

– Я хочу быть одним из вас. Вступить в братство крови. Я хочу стать вампиром!

Сказать, что я был ошарашен – значит не сказать ничего. Никогда прежде на моей памяти человек не вел себя таким образом. Конечно, некоторые смертные догадываются или знают, кто мы на самом деле, но все они – надежные, проверенные люди, вроде моих «обычных». Что до наших рабочих, то им хорошо платили за молчание. И даже если для кого-то из них деньги не были гарантией лояльности, все равно они слишком боялись, чтобы

предать нас. Или подойти и спросить напрямую... Созерцая пафосного щенка, я решил, что у меня есть два варианта действий. Можно сказать, что он сбрендил и вампиров не существует. Или же, не вступая в долгие дискуссии, просто выбить из него все дерьмо. Однако сперва следовало выяснить, откуда он узнал.

– С чего ты взял, что я вампир?

– Два года назад мы с предками возвращались с концерта, и машина сломалась перед супермаркетом Мелфри на Хоутон-стрит. Там прямо перед нами было большое венецианское окно. Пока папа звонил, а мама копалась в органайзере, я увидел отражение нашей машины, которую грузили на эвакуатор с этой гидравлической штукой. И тебя я там тоже увидел, но только ты в стекле не отражался. Это было круто! А потом ты как-то еще раз попался мне на глаза, через некоторое время, и тогда я заметил у тебя клыки...

О, дьявол! Он меня преследовал!.. Поверить не могу, что был так беспечен. Я всегда чертовски осторожно вел себя возле всяческих отражающих поверхностей и даже «случайно» разбил зеркала в своем грузовике. Но в тот раз, когда я занимался своими делами перед венецианским окном, в нем отражалась вся улица. Парень вычислил меня честно. Отнекиваться бессмысленно. Остается только устроить представление.

Одним легким движением я снял мальчишку с забора и поднял в воздух.

– Слушай, малыш, ты сам не понимаешь, о чем просишь. – Я прижал его спиной к забору, а потом выпустил клыки и наклонился поближе, чтобы парень увидел мои расширяющиеся зрачки. Это была непроизвольная реакция на появление клыков – вампирская адаптация, которая помогает нам охотиться в темноте. По крайней мере я это так понимаю. Так или иначе, клыки выходят наружу, а глаза становятся красновато-черными, неизменно нагоняя на человека жуткий страх. Парень, возможно, и видел меня издалека, но сейчас, когда я был рядом, все выглядело совсем по-другому.

Фокус сработал великолепно. Фон Верм – или как его там звали – вздрогнул и закатил глаза, словно собираясь упасть в обморок. Не исключено, впрочем, что я просто слишком сильно его стиснул... Однако же парень быстро взял себя в руки и выпятил подбородок.

– Я хочу стать одним из вас, – прохрипел он.

– Не хочешь.

– Нет, хочу.

– Ты не понимаешь, о чем просишь. Видишь, я сейчас один на кладбище?.. – Да, и рассказываю о своих бедах мертвецам, поскольку они единственные, кто готов слушать. – Поверь, тебе ни к чему такая жизнь.

Паренек глубоко вздохнул и отважно посмотрел мне в глаза.

– Нет, – громко сказал он. – Я понимаю, чего хочу.

Я разжал руку, выпустил ворот куртки и потер подбородок. Верм медленно осел на землю.

– Итак, ты преследовал меня, чтобы я сделал тебя вампиром? А зачем?

Мальчишка расправил куртку и немного расслабился.

– После той ночи, когда ты отвез нас домой, я нашел твой гараж и наблюдал за тобой. Когда ты думал, что никто не видит, то приподнимал машину одной рукой, без домкрата. Я читал в книжках про вампиров, что они очень сильные. Так и есть, верно? Я решил, что в Саванне не может жить много вампиров, иначе везде валялись бы тела. В общем, я думаю, ты тут единственный. И получается, что ты самый крутой парень в городе.

– Хм... ладно. – Я не собирался рассказывать ему про Уильяма. Если он до сих пор не знает, пусть это и дальше останется тайной. Уильям не совершал таких ошибок, которые я ляпаю регулярно. Уильям вообще никогда не совершал ошибок.

– Как раз с той ночи я начал изучать все, что мог найти про вампиров. Конечно, в основном это выдумки, но даже в фантастике иногда есть зерно правды. И чем больше я узнавал, тем более хотел стать вампиром.

Я окинул парня внимательным взглядом. Его кожа была светлой от природы, но он еще усилил эффект белым гримом в обычной манере готов. Под черной курткой должны

скрываться костлявые руки и впалая грудь подростка. Один из тех, кого ребята в школе бьют каждый день не по одному разу. Ни за что. Просто так. Неудивительно, что он мечтает стать крутым. Мальчишка – сумасброд, неформал, возможно, даже педик, однако ему хватило духу посмотреть мне в глаза, когда я одарил его полноценным вампирским взглядом. Он мог быть кем угодно, но только не трусом.

Я вздохнул.

– Слушай, парень. Я бы рад тебе помочь. Правда. Но на самом-то деле это «братство», или как там ты его называешь, вовсе не такое распрекрасное. Вдобавок превратить кого-то в вампира непросто. Я никогда раньше этого не делал. И даже не уверен, что знаю, – как именно.

– Но ведь ты помнишь свое превращение? Вообще-то, нет. Не полностью. Последнее, что я помнил в своей человеческой жизни, – грязное поле, залитое кровью, и Уильям с обнаженными клыками. Потом – невообразимая боль-наслаждение... не знаю, как еще это описать. Потом некоторое время – пустота. Ничто. А после я очнулся, ощущая адский голод и жажду. Звуки, тактильные ощущения, все запахи резко усилились, стали глубже, ярче... реальнее, что ли. Все мои чувства стали намного острее, чем прежде.

– Это было давно, – сказал я ему.

Пацанчик наклонился вперед и понизил голос.

– Происходит обмен кровью, вот и все. Конечно, многие люди не переживают стадию перехода, но...

– Да? Кто бы мог подумать. Он сердито посмотрел на меня.

– Знаешь, вообще-то вампиру следовало бы знать такие вещи.

Ладно-ладно, он прав. Чертов Уильям! Он так и не позволил мне разобраться в тайнах нашей природы. Лишь сообщил необходимый минимум, потребный, чтобы остаться в живых. Вполне возможно, что эта бледная немочь со своими двумя годами книжной премудрости знает о вампирах больше, чем я.

– Мне известно достаточно, – заявил я. – Я просто желаю тебя проверить. Если ты так много знаешь о вампирах, расскажи-ка мне, каково быть одним из них. Во-первых, как определить нежить?

– Ладно. Ты скорее всего вампир, если...

– Очень интересно.

– ...боишься чеснока, – закончил парень. Я фыркнул.

– Ну надо же!

Единственное, что я ел, помимо крови, – сырое мясо. Понятия не имею, боюсь ли чеснока. С какой стати, черт возьми, мне его бояться?

– Ты скорее всего вампир, если не можешь выйти на солнце...

– Зачет.

– Тебя можно убить только огнем, деревянным колом или серебряными пулями.

– Ну... хм. Серебро – это больше для оборотней, но технически – да.

– Ты скорее всего вампир, если можешь летать...

– Парень, что ты курил? – Если я умел летать все это время, а Уильям мне ничего не сказал, я воткну в него кол собственными руками.

– Сегодня ничего. У Энн Райс вампиры летают.

– Ах ты, господи. Вампиры Энн Райс даже трахаться не способны. Брехня.

– А что, ты можешь трахаться?

– Да, черт возьми. – Я готов был поклясться, что снова слышу смех Джеральда.

– Хорошо. – Мальчишка, кажется, приободрился, узнав этот занимательный факт. Спорю на собственные клыки, что он никогда в жизни не занимался любовью. Воистину, надежда бессмертна. Может быть, на самом деле он хотел стать вампиром, чтобы девчонки обратили на него внимание. Ну, или парни, подумал я, снова взглянув на бесчисленные серьги.

– Что еще? – спросил я.

Так продолжалось еще некоторое время. Парень все правильно рассказал о гробах. Потом помянул кресты (вампиры не могут проходить мимо них). Он сказал, что святая вода может обжечь вампира, но вода есть вода, насколько я знаю. Еще он знал, что вампир не может переступить порог дома, если его не пригласили войти. Он сообщил массу вещей, с которыми я намеревался поэкспериментировать. М-да. Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Мне хотелось поспрашивать его еще, но было уже поздно... вернее, рано. Все зависит от того, когда вы ложитесь спать.

– Ладно, слушай-ка... как тебя там? Ван Ворм...

– Фон Верм, – поправил он. – В-е-р-м. Моя семья из старой Саванны. Бывшие плантаторы. А сейчас банкиры.

Теперь я вспомнил. Чета фон Верм вращалась в высшем свете, регулярно посещая вечеринки Уильяма. Могу поспорить, они бы не одобрили увлечений своего сыночка. Возможно, именно поэтому он одевался так, словно каждый день в году был Хэллоуином. Просто чтобы вывести родителей из себя.

– И как они смотрят на то, что их милый мальчик жаждет стать вампиром?

– Родители ничего не знают. Полагаю, они давно позабыли о моем существовании.

– И поэтому такой прикид? Чтобы привлечь внимание мамы и папы?

– Когда я впервые узнал о тебе, меня очаровал мир смерти. Готская культура меня просто спасла. Теперь я тоже стал готом. Год проучился в SCAD¹ и вылетел оттуда за неуспеваемость. Стал искать работу, причем такую, чтобы можно было вести ночной образ жизни и спать днем. В общем, пошел в торговлю.

Я приподнял брови.

– Нашел место в ночном магазине Спенсера в пассаже, понятно?

– Сколько же тебе лет?

– Двадцать. – Верм присел на ближайшую могильную плиту и вынул тюбик черной помады, собираясь подновить макияж. Я схватил его за руку.

– О, нет. Не надо.

– Почему?

– Вампиры так не делают, – сказал я, словно был долбаным Роем Роджерсом вампирского мира. Приходилось признать: я понятия не имел, что делают и чего не делают вампиры. Этот мальчик бил меня по всем статьям, а ведь я был вампиром. Он необычно выглядел и странно разговаривал. Он мог выражаться как обычный подросток, а в следующий миг изречь что-то вроде: «польщен знакомством с вами». Бедный ребенок, имевший безразличных родителей, смешное, несурзное лицо и отягощенный именем Ламар фон Верм. Черт возьми! Не приходится удивляться, что он мечтал стать вампиром.

– Ладно. Так почему я должен делать тебя кровососом? Какой мне от этого прок?

– Я буду тебе служить. Как Ренфилд в «Дракуле». А потом, когда я докажу свою полезность, ты превратишь меня в нежить.

Я припомнил Ренфилда в «Дракуле» Копполы.² Кто, кроме Тома Уэйтса, смог бы его сыграть? Вот что значит удачный кастинг... Не исключено, что Верм может оказаться полезен. С другой стороны, я повешу себе на шею ребенка. Не уверен, что сейчас мне нужны дополнительные проблемы.

– Не знаю...

– Я могу добывать сведения. У меня есть разные знакомые... ну, крутые. Они знают всякое...

Я рассмеялся.

– Всякое – это что? Например, кто в пассаже торгует самыми черными джинсами?

Темные глаза Верма вспыхнули.

– Например, что в городе появился новый вампир.

1 SCAD (Savannah College of Art and Design) – колледж искусств и дизайна Саванны.

2 Коппола Фрэнсис Форд (р. 1939) – американский режиссер, сценарист, продюсер. Один из выдающихся мастеров мирового кинематографа.

Ладно, сдаюсь. Он меня заинтриговал. Однако Верм полагал, что я – единственный кровосос в Саванне. Так кого он имел в виду? Уильяма? Оливию? Или убийцу?

– Ладно. Кто это?

– А ты не знаешь?

– Стал бы я спрашивать, если бы знал?

– Пообещай, что сделаешь меня вампиром, тогда скажу. Парень был упрям, как осел. Я подумал, не отвесить ли ему хороших людей, но какой смысл? Похоже, он уже давно привык к побоям. Кроме того, мое время выходило: близилось утро. Пора было возвращаться к Элеоноре. Если я задержусь тут, попытаюсь заставить его говорить, то как бы потом не заснуть на полдороге. Вдобавок Верм предложил мне свою службу...

– Ладно, маленький засранец, раз уж ты все равно меня выследил, приходи сюда завтра ночью. Поболтаем еще немного.

– Сделай меня вампиром прямо сейчас! – выкрикнул он. – Прямо здесь! Хочу быть, как ты!

Я снова ухватил Верма за плечи, приподняв над землей. Парень начал меня раздражать. Не выпуская его, я перебрался через забор и повесил на один из кольев за ворот куртки. Снаружи ему будет безопаснее.

– Останешься здесь до рассвета. Потом можешь позвать кого-нибудь на помощь. Пока будешь висеть, подумай хорошенько, что значит быть вампиром. – Я вспомнил обугленные останки Эджернона на палубе корабля Уильяма, и у меня пересохло во рту. – Представь, что какой-нибудь другой вампир решил разделаться с тобой и оставил тут до восхода солнца, чтобы ты обратился в пепел. Подумай, каково жить в мире людей, не являясь частью этого мира. Вечно быть изгоем. Ощущать тепло женщины в твоих объятиях, не имея возможность проснуться рядом с ней поутру. Не почувствовать солнца на лице. Жить среди холода и темноты. Навеки быть отрезанным от всего Доброго, хорошего и светлого. И всегда смотреть на этот мир только со стороны.

– Но как насчет братства? – проскулил он.

Я засмеялся – и услышал горечь в собственном голосе.

– Ты полагаешь, что вампиры примут тебя в какое-то расчудесное братство, да? Послушай-ка меня хорошенько, малыш. Ты, не перестанешь быть козлом отпущения только потому, что начнешь пить кровь. Если сейчас ты считаешь себя одиноким и никому не нужным – дожись, когда станешь нежитью. Вот тогда ты поймешь, что такое настоящее одиночество.

С этими словами я оставил его на заборе и отправился к дому Элеоноры. Верм висел, разинув рот и выпучив глаза. Уходя, я не слышал от него ни одного звука.

Кто-нибудь обнаружит Верма по пути на работу и поможет спуститься. Я надеялся, что это случится не ранее, чем он крепко подумает о выборе карьеры. Быть вампиром – отнюдь не то же самое, что продавать в пассаже хэллоуинские маски.

Несколько минут спустя я стоял у дома Элеоноры. Сама хозяйка в компании Оливии сидела на садовых качелях у порога. Уильям стоял на крыльце, словно часовой. При виде меня женщины поднялись на ноги, а Уильям целомудренно поцеловал Элеонору и спустился по лестнице.

– Джек, если не ошибаюсь, эта машина принадлежит мэру? – Уильям не ждал ответа. – Какого ж черта ты пригнал ее к дому с подобной репутацией?

– Она все равно тут стоит раза два в неделю, – буркнула Элеонора.

– О!.. – отозвался Уильям. – Тогда ладно. Затем он подошел к машине и снова нахмурился.

– А почему ты оставил здесь ожерелье? Ты должен его носить. Все время держать при себе. Понимаешь?

– Нет. Не понимаю. Ты ведь мне ничего не объясняешь. А почему, а? Ты ведь все знаешь! Тебе отлично известно, кто этот парень и что ему надо, не так ли? – Мы стояли нос к носу. Я ожидал, что Уильям размахнется и даст мне в зубы. Наверное, именно этого я и хотел

больше всего. Тогда у меня появится повод надрать ему задницу – впервые в жизни и за все сразу. Вот только он не разозлился. Неожиданно лицо Уильяма погрузтело, будто я не взбесил его, а серьезно ранил чувства.

Хотя я не уверен, что они вообще у него имеются.

– Это ожерелье – оберег, благословленный Водуном:¹ Оно защитит тебя, насколько это вообще возможно в нашей ситуации. Я не могу сейчас объяснить, как именно. – Уильям попытался выдавить улыбку. – Пожалуйста, носи его. Ради моего блага.

Оливия спустилась по лестнице, от нее пахло сексом. Отчасти этот запах был человеческим. Она поела и хорошенько потрахалась. Черт знает, с кем и в какой позиции. Оливия залезла в машину и сняла амулет с зеркала.

– Джеки, будь хорошим мальчиком, – сказала она, надевая оберег мне на шею. – Носи это чудесное ожерелье. – Ее мягкий розовый язык скользнул между кроваво-красных губ и лизнул мою щеку. – Какая сладкая... – протянула Оливия, и мне в третий раз за ночь понадобился холодный душ.

– Я погляжу, ты быстро утешилась, – сказал я, изо всех сил стараясь скрыть свои истинные чувства. – Не успел Элджер умереть, как ты уже нашла себе новое развлечение.

Глаза Оливии превратились в две ледышки.

– Я всегда ищу развлечений, сладкие щечки. И потом, Элджер был мне музой, а не мужем.

Уильям вклинился между нами.

– Ты позаботился о Хью?

– Э-э? – Странное очарование овладело мной. Прошла пара секунд, прежде чем вопрос Уильяма достиг моего сознания. – Да, он... он там, где должен быть.

Я сел на заднее сиденье. Уильям и Оливия устроились впереди. Вампирша послала Элеоноре воздушный поцелуй, а Уильям повторил ее жест. Черт возьми, даже человеку – и вдобавок женщине – он уделял больше внимания, чем мне!

При мысли о губах Оливии у меня захолонуло в груди. Я решил ни единым словом не упоминать о своей встрече с как-его-там-Вермом. В конце концов, Уильям ничего мне не рассказывает, так почему же я должен с ним откровенничать? Малыш Верм может принести мне пользу.

Я был не в настроении разговаривать, а потому держал рот на замке всю дорогу до складов, которые были моим пристанищем. Уильям тем временем рассказывал Оливии о Саванне. Казалось, он целенаправленно отвлекал ее внимание, чтобы вампирша не ляпнула чего-нибудь важного в моем присутствии. Возле складов я выбрался из машины и захлопнул дверцу – пожалуй, чересчур громко.

– До завтра, Джек, – сказал Уильям. – Не забудь про амулет.

– Угу, – буркнул я, не оглядываясь. Потом извлек ключи и отпер дверь. Внедорожник мэра не трогался с места: Уильям ждал, когда я окажусь в безопасности, в своем убежище. Видимо, у него были на то причины. Он определенно знал о подстерегающей нас опасности больше, чем говорил мне. Оставалось только надеяться, что мое незнание не приведет меня к летальному исходу.

Мне все больше хотелось поговорить со своим новым знакомцем Вермом. Этот мелкий пацан мечтал стать кровососом – сильным и страшным. Если сделать его вампиром, возможно, у меня появится собеседник. Приятель, с которым можно поделиться своими проблемами. С другой стороны, если я так поступлю, не окажется ли он в опасности, как и мы с Уильямом? Вдобавок я до сих пор ни разу не создавал вампиров. И, вполне возможно, сейчас неудачное время для подобных экспериментов.

ГЛАВА 5

¹ Водун – легендарный прародитель культа вуду.

Уильям

Дождавшись, когда Джек исчезнет за дверью своих ночных апартаментов, Оливия поудобнее устроилась на сиденье и посмотрела на меня. Сытая и утолившая похоть, она снова выглядела почти человеком. Мертвая, но чертовски красивая.

– Рано или поздно тебе придется рассказать нам, – сказала она.

Я крепче сжал руль и повернул к дому.

– Знаю. Вопрос в том, что именно.

– Почему не все? – Оливия улыбнулась. – Тебе понадобится помощь. А кроме нас у тебя никого нет.

– Вы с Джеком слишком беспечны. Знание – единственная сила, которая может спасти в данной ситуации. Ни бессмертие, ни могущество, ни даже верность этого не гарантируют.

– Джек схватится один на один с драконом, если ты попросишь.

– Да, а дракон, скорее всего, сожрет его и не подавится. – Сравнение Ридрека с драконом было очень уместно. Столь же древний и опасный, как эта огнедышащая тварь с холодной кровью. И убивал он так же – без тени жалости. Возможно, история о Владе Цепеше,¹ прародителе вампиров, была всего лишь красивой легендой. Может быть, после того, как драконы утратили свое пламя, выжившие твари научились ходить на двух ногах и питаться кровью?..

Джеку понравилась бы эта история. Подумать только: потомок драконов! Он побежит к девочкам Элеоноры с просьбой поискать на нем чешую.

Бедный простодушный Джек! То-то он удивится, проснувшись следующим вечером, когда все приготовления уже будут закончены.

– Я скажу ему лишь то, что считаю нужным. Но сперва всем нам нужно поспать.

– Кстати, о сне... – Мягкая ладонь Оливии коснулась моей руки.

Я не отстранился, но в своем сознании по-прежнему держал дистанцию.

– Сегодня ты будешь спать со мной. Потом я достану гроб. Оливия не удивилась. Она явно была довольна.

– М-м. Мы увидим прекрасные сны.

Дейлод встретил нас у порога, и по его виду стало ясно, что он совершил какой-то проступок. Я не стал расспрашивать, ожидая добровольного признания. Дейлод не смог бы мне солгать – и не потому, что боялся наказания или был связан каким-то заклятием. Нет. Просто он любил меня больше всех на свете – за исключением, быть может, Рейи. Вместе: с любовью приходит честность и желание повиноваться приказам.

Я знал, что на востоке уже занимается заря. Не оставалось времени поразмыслить о тайне моего создателя-убийцы.

– Рейя, покажи Оливии мою комнату и помоги ей устроиться. Я скоро приду. – Рейя состроила недовольную гримаску, и я ободряюще улыбнулся ей. Не помогло. – Иди, пожалуйста, – прибавил я. – И отнеси туда вещи.

Она была недовольна, однако повиновалась беспрекословно. Подхватив кожаную сумку Оливии, Рейя направилась к лестнице. Мы с Дейлодом остались наедине. Я взял ручку и блокнот, намереваясь написать записку Мелафии: следующим вечером нам предстоят важные дела. Вдобавок я собирался напомнить о необходимости еще раз проверить списки закупок для субботнего благотворительного приема. Джек полагал, что он делает большую часть работы, связанную с этим банкетом, и я его не разубеждал. На самом же деле он понятия не имел, какие титанические усилия требуются для того, чтобы собрать в одном месте высший свет Саванны. Организуя прием, я преследовал сразу три цели: сбор средств на банк крови, представление Элджера как лорда такого-то или эдакого – дабы облегчить ему дальнейшие перемещения по стране – и, наконец, обеспечение прикрытия для встречи с лидерами других вампирских кланов. Отмена приема вызовет слишком много вопросов, а значит, Оливии придется заменить Элджернона. Прижимая записку пресс-папье, я заметил, что Дейлод исчез

¹ Влад Цепеш – имя графа Дракулы.

в коридоре.

Я последовал за ним. Дейлод сидел в гостиной, на ковре, который чуть приподнимался в одном месте, образуя бугорок. Там явно что-то лежало. Я откинул угол ковра и увидел книгу. Очень и очень старую.

– Почему ты прячешь здесь книги? Ты же знаешь; где они должны храниться. – Я указал в сторону библиотеки. Дейлод не ответил, а выражение его лица стало еще более виноватым.

Я взял книгу в руки. Едва пальцы коснулись переплета, меня словно встряхнуло. Страницы, казалось, шептали, предупреждая: «Не твое. Не для твоих глаз». Очевидно, книга была не из моей библиотеки. Я раскрыл ее и увидел имена.

Бесконечное количество имен – по большей части женских. Некоторые были соединены линиями. Нечто вроде генеалогического древа.

– Откуда ты это взял?

Дейлод повесил голову.

– Из сумки.

– Какой сумки?

– Мисс Оливии, – ответил он с несчастнейшим видом. Дейлод держал руки на весу, словно обжег пальцы. – Я читал ее. Прости. Я...

В дверном проеме появилась Оливия.

– Я как раз ищу эту вещь, – сказала она, протягивая руку.

– Пожалуйста, извини Дейлода, – сказал я, передавая вампирше ее собственность. – Он с ума сходит от книг. Думаю, его первый хозяин был писателем или библиотекарем.

– Папирус, – прошептал Дейлод, глядя Оливии под ноги.

– Книга принадлежит мне, – сказала вампирша. – Не трогай ее.

Натянуто улыбнувшись, она вышла.

Мне почему-то показалось, что предупреждение предназначалось нам обоим. Вот и еще одна загадка на мою голову... С Дейлодом в кильватере я последовал за Оливией вниз, через подземный коридор, озаренный племенем свечей, в мою спальню. Я помедлил у дверей, ожидая, пока вампирша устроится сама и уложит в мой гроб книгу и пакет с землей. Потом быстро обнял Дейлода, давая понять, что не сержусь на него. Поцеловал Рейю, недовольную тем, что сегодня ей не удастся провести день рядом со мной. А затем – впервые за пятьсот лет – лег спать вместе с женщиной.

Оливия оказалась беспокойной соседкой. Дейлод опустил над нами крышку, и нежная, умиротворяющая темнота обвила наши тела. Я собирался подумать о Ридреке и своих планах – по крайней мере, до того момента, как нарастающий свет дня погрузит меня в сон. Однако вампирша спать не собиралась. Я ощутил, как ее губы коснулись моей кожи возле уха, а мягкая рука скользнула мне под рубашку. Потом Оливия закинула ногу мне на бедро. Жуткая женщина, еще хуже Рейи. Я убрал ее руку со своего тела, но она тут же вернулась назад.

– Может, не стоит? – прошептал я.

Ответом мне был тихий вздох. Похоже, Оливия уже спала. Ее пристрастие спать с кем-то рядом, проявляющееся даже на уровне рефлексов, заставило меня задуматься, с кем и как милая вампирша проводила время в Англии.

Англия...

Я шарил в темноте до тех пор, пока не нащупал пакет с землей, принесенный Оливией. Дом... Мой дом. Я придвинул пакет поближе, и до меня донесся запах почвы далекой потерянной родины.

Яркие картины вспыхивали в голове одна за другой. Отец, умирающий у меня на руках... Он упал с лошади и сильно расшибся. Папа был неотесанным грубияном, но я безумно любил его. Мать кинулась в раскопанную могилу и не желала подниматься. Я отнес ее в постель, с которой она уже не встала. Оба они похоронены в английской земле... И, конечно же, моя Диана. Я вижу ее со свечой в руках, и пламя освещает округлый, выпуклый живот. Скоро родится наш сын. Я вижу, как она плачет от радости, держа на руках

новорожденного младенца. Я вижу ее искаженное ужасом лицо – в тот миг, когда Ридрек убил сына на наших глазах...

Я оттолкнул пакет подальше от себя и с трудом перевел дыхание. Да, я был прав, переселившись в Новый Свет, в Саванну. Возвращение домой только причинит мне новую боль.

А теперь виновник этой боли явился сюда.

Джек и Оливия зависели от меня, нуждались в моей защите. С помощью крови Лалии я помешаю Ридреку причинить им вред. Однако я был его отпрыском, который не в моих силах прервать жизнь создателя. К сожалению, это так. Единственный наш шанс – объединить усилия и работать вместе. Но я слишком долго держал Джека в неведении, и теперь, вполне вероятно, уже слишком поздно.

Я должен был догадаться, что рано или поздно Ридрек отыщет меня. Надо взглянуть правде в глаза: даже будучи бессмертным, я не верил, что настанет день, когда мы встретимся лицом к лицу. С его помощью я мог бы положить конец всему – жутким воспоминаниям, своей ночной полужизни, наконец, снедающему меня гневу. И все-таки именно гнев заставлял меня жить. Он поднимался горячими волнами, вынуждая бороться. Одна только мысль о том, что Ридрек будет решать мою судьбу, вызвала ослепляющую ярость. Я не позволю ему насладиться моей смертью.

Впрочем, убийство, возможно, не входит в его планы. С помощью раковин Лалии я увидел, что Ридрек хотел захватить Элджера, а не уничтожить его. Если бы Элджер оказался во власти Ридрека, его отпрыски стали бы легкой добычей. Защитить их некому...

Я знал, что не должен попасть к нему в руки.

Если понадобится, я сам убью Джека, но не отдам его Ридреку. И Джек поблагодарит меня за эту услугу. Однако он не скажет мне спасибо, если я по-прежнему буду держать его в неведении. Сейчас Джек уверен, что я считаю его глупым и ничемным существом. Ах, знал бы он, как мне трудно ему лгать... Я убеждал себя, что, отказываясь учить Джека, я защищаю нас обоих. И каждый раз, уже собравшись преподать ему урок, я находил повод отсрочить дело.

Джек вовсе не глуп. До некоторых вещей он дошел своим умом. Надеюсь, Джек не использует свои знания против меня. Во всяком случае, можно рассказать Джеку о его необычной крови – благословение и новое проклятие. Она не так могущественна, как моя, но все же сильна. Если нам повезет, я успею научить его контролировать некоторые магические проявления, но нужно действовать быстро. Иначе мое проклятие, Ридрек, доберется до нас первым.

Я проснулся оттого, что язык Оливии коснулся моей шеи. Укусить без позволения она не посмела – во всяком случае, мне так показалось. Я вспомнил мужчину в доме Элеоноры. Лучше уж держать дистанцию, чем подчиниться природной агрессивности вампириши и убить ее.

– Оставь меня в покое, – сказал я.

Мои слова, казалось, только позабавили Оливию. Она хихикала, ее руки скользили по моему телу, пока мы не оказались лицом к лицу, прижавшись друг к другу. Оливия поцеловала меня в губы; ее дыхание оведало теплом мое лицо.

– Ты же хочешь, не отнекивайся. Я видела, как ты смотрел на меня прошлой ночью. – Она облизнула губы и наградила меня еще одним поцелуем. – Нам было бы так хорошо вместе...

Я вздрогнул. Мое тело просыпалось, отзываясь на прикосновения и сладкие обещания Оливии. Ее умелые губы ласкали и дразнили, пока горячая волна возбуждения не накрыла меня с головой.

– М-м...

Жадные руки принялись расстегивать мою одежду.

Она была права. Наблюдая за Оливией прошлой ночью, я безумно хотел ее. Почему бы и нет, в конце-то концов. Даже если ничего особенного не случится, это определенно станет

новым опытом.

Кто-то громко застучал по крышке гроба. Вампирша подскочила от неожиданности, ударившись головой о крышку.

– Черт! – буркнула она, слезая с меня.

Я открыл гроб. Надо мной нависало сердитое лицо Джека. Я злорадно улыбнулся в ответ.

– Сюрприз! – сказал я, поднимаясь с «постели». В момент встречи с разъяренным Джеком нужно твердо стоять на ногах. Знаю-знаю: я опять веду себя как тиран и деспот. Джеку, пора бы уже привыкнуть к подобным вещам, но, судя по его лицу, до этого еще далеко.

– Что за... – Он глянул на Оливию и, хотя ее прекрасная нагота была способна остановить любое человеческое сердце, Джек вновь посмотрел на меня. – Что за херню ты устроил, а?

Вместо ответа я стал помогать вампирше выбраться из гроба. Пусть Джек немного успокоится. Когда ноги Оливии коснулись пола, она издала удивленный возглас и в недоумении уставилась на второй гроб.

Гроб Джека. Прошлой ночью его здесь не было.

– Доброе утро, Джек, – рассеянно сказала вампирша. – Мне тоже хотелось бы узнать, что происходит. – Она подошла к гробу и коснулась его гладкой черной поверхности. – А зачем здесь нарисована тройка?

Джек разрывался между желанием произвести впечатление на Оливию и стремлением растерзать меня в клочья. Оливия победила.

– Это номер гоночной машины Дейла Эрнхарда. – Не дождавшись реакции, Джек пояснил: – Он был лучшим гонщиком в истории «Наскара».

– «Наскар»... – Оливия задумчиво покачала головой. – То есть он знаменитость?

– Ну да, – отозвался Джек немного обиженно. Затем вспомнил обо мне. – Что за дурацкие шутки? Какого черта ты украл мой гроб да еще вместе со мной?

Я пожал плечами.

– Мне не хотелось, чтобы ты оставался один и подвергал опасности себя и всех нас. Вот я и велел рабочим из доков перевезти тебя сюда... вместе с тарой.

– И тебе, разумеется, не пришло в голову спросить моего согласия? – всплеснул руками Джек. – Нет, ну что за черт? Я так понимаю, раб не имеет права голоса? Даже если дело касается его личной жизни?

Вошла Мелафия в сопровождении Рейи и Дейлода. Игнорируя меня, Рейя тут же подскочила к Джеку и обвила его руками. Еще один маленький бунт. Джек приобнял девушку за плечи и тут же позабыл про нее.

– У капитана нет рабов, – возмущенно сказала Мелафия. – Есть те, кто его любит.

– И те, кто терпеть его не может, – кивнул Джек.

Его слова укололи меня больше, чем могли бы. С другой стороны, а чего я ожидал? Благодарности?

– Насильно мил не будешь, – сказал я. – Вполне достаточно просто выполнять мои распоряжения, Мелафия открыла платяной шкаф, вынула синий бархатный пиджак и помогла мне его надеть.

– Что скажешь? Тебя не раздражает его самодурство? – упорствовал Джек.

Мелафия помедлила с ответом и посмотрела на Джека долгим взглядом.

– Перестань. Ты ведешь себя глупо. Я служу из любви и верности, – проговорила она, продолжая приводить в порядок пиджак. – Синий цвет благословен. – Эти слова предназначались мне. – Прими его как дар.

Флакон с кровью...

– Благодарю.

Оливия натянула свои кожаные одежды, подошла к Джеку и взяла его за руку. Рейя оскалила зубы, но Оливия проигнорировала предупреждение.

– Не злись, Джеки. Он обещал, что все нам расскажет. Это стоит поездки через весь город.

– Проблема не в поездке, – буркнул Джек. – Он никогда никого ни о чем не спрашивает, а просто делает, что ему вздумается.

– Может, перестанешь строить из себя капризного ребенка? Давай-ка поднимемся наверх и поговорим. – Я кивнул в сторону лестницы. Оливия двинулась в указанном направлении, потянув Джека за собой, а Рейя, оставленная без внимания, подбежала ко мне и одарила долгим поцелуем. Хоть кто-то не держал на меня зла. Я потрепал Рейю по волосам.

– Я скучал без тебя.

Благостное расположение духа тут же вернулось к ней, словно и не было никакой размолвки. Мы зашагали по коридору, держась за руки, и нагнали Джека с Оливией. Те задержались между двумя алтарями, вделанными в каменную стену.

– Что это? – Оливия взяла одну из кукол, лежавших на деревянной полке под всегда горящими свечами. – Я видела ее прошлой ночью, но не успела спросить...

Не успел я ответить, как Мелафия выхватила куклу из рук вампириши.

– Это дар одному из духов лоа. Она освящена жертвоприношением, и неверным нельзя ее трогать.

Оливия обвела взглядом коридор, осмотрев остальные одиннадцать алтарей. На каждом были расставлены свечи, куклы, немного еды и питья. Вампириша обернулась ко мне.

– Неверным? А что за вера?

– *Хаунсис-канцо*, – сказал я, тут же поняв, что слова прозвучат для нее белибердой. – Невидимые духи.

– Вуду, – пояснил Джек. Кажется, его несколько удивила моя откровенность.

А я был рад слышать, что он кое-что в этом смыслит. Возможно, так будет проще объяснить Джеку, что его кровь несет в себе силу магии Лалии.

– Со временем станет понятнее, – сказал я, увлекая своих спутников вперед. Дойдя до конца коридора, я оглянулся и увидел, что Мелафия преклонила колени перед оскверненным алтарем. Она запела, чтобы умиротворить лоа, потревоженного Оливией. На мое счастье, вампириша выбрала алтарь лоа смерти... Ладно, ничего. Мелафия решит эту проблему.

Снаружи тьма еще не сгустилась, и потому шторы оставались опущенными. Наша маленькая компания расположилась в гостиной, и я подошел к бару, чтобы наполнить бокалы. Раздав напитки, я сел в кожаное кресло, повернувшись лицом к дивану. Рейя опустилась на подушку по правую руку от меня, а Дейлод устроился слева. Я заговорил, осторожно подбирая слова.

– Как вы знаете, в Саванне объявился враждебно настроенный вампир. Он убил Элджера и нескольких людей из числа наших друзей. – Я кивнул на Джека, напоминая о его приятеле Хью. – Этот вампир очень стар и очень жесток. Полагаю, он приехал, чтобы убить меня.

Джек, подался вперед. Он так и не прикоснулся к своему коктейлю.

– Почему именно тебя? Из-за этих морских перевозок? Он был очень близок к истине. Гораздо ближе, чем думал. Тем проще мне будет поведать все остальное.

– Да, в том числе. Помнишь, Оливия назвала меня легендой? Что ж, я действительно приобрел определенную известность... Некоторые вампиры поработают своих отпрысков. Я выкрадывал их у хозяев и отпускал на свободу. – Джек напряженно размышлял. По сравнению с некоторыми другими отпрысками, жизнь его была просто чудесной. До сего момента он и не подозревал об этом.

– О, я могу понять этих бедняг, – хмыкнул Джек, а потом, словно желая доказать, что он будет покрепче других отпрысков, одним глотком осушил свой бокал и довольно рыгнул.

– Вампира зовут Ридрек. Он мой создатель. Оливия резко выпрямилась.

– Тогда пора кричать «караул». Я наслышана о Ридреке и его громилах.

Она поняла, что именно я не хотел рассказывать Джеку. Вампириша знала: убить собственного создателя не в моих силах. Это невозможно. В замечательном мире вампиров

создатели могут уничтожать своих отпрысков, но не наоборот. Мое давнее решение держать Джека в неведении выходило мне боком. Но что бы сделал Джек, узнай он, как уязвим я для Ридрека? Наверняка совершил бы какую-нибудь глупость. Например, попытался бы меня защитить.

Надеюсь, Оливия думает, что Джек знает об отношениях отпрысков и создателей и не станет говорить об этом вслух. Очень хочется верить, что я не сделал трагической ошибки, доверившись ей, поскольку настало время раскрыть один из главных моих секретов.

– У меня есть вещь, которую можно использовать против Ридрека, – продолжал я. – Вы видели алтари в подземном коридоре. Так вот: более двухсот лет назад я встретил женщину по имени Лалия. Она была мамбо, то есть жрица вуду...

Моя память вернулась на два столетия назад – к нашей первой встрече с Лалией. Полночь, кругом свежевырытые могилы, предназначенные для жертв желтой лихорадки... Она была одной из самых прекрасных смертных женщин, которых я встречал в своей жизни: нежная кожа цвета темного золота, черные блестящие волосы, перевитые бисерными нитями, падающие на грудь... Я и по сей день не знал наверняка, случайно ли мы встретились на кладбище или же Лалия призвала меня туда силой своих заклятий. Я лишь чувствовал, что должен подойти к этой женщине, притронуться к ней, поговорить...

– Она поняла, кто я и что я такое. И мы заключили договор.

Я не стал уточнять, что сделку предложила Лалия. Мне не хотелось рассказывать, как беспомощен я оказался перед силой ее веры – веры в духов и колдовство. Веры, которая могла песнопением вознести кающегося грешника на небеса или отправить проклятого напрямик в ад.

– Джек, ты носишь амулет, который сделала для меня Лалия. Оберег. Однако настоящая защита – это ее кровный дар. По моим венам течет измененная кровь. Надеюсь, и по твоим тоже, коль скоро ты мой отпрыск.

Пока что я не собирался вдаваться в подробности и рассказывать, как сильна магия Лалии в моей крови – в первую очередь потому, что не собирался использовать все ее могущество. Она была нужна мне лишь затем, чтобы обезопасить отпрысков, сбежавших от своих хозяев. Ридрек мог стать первым по-настоящему серьезным испытанием для дарованных мне чар. И, возможно, последним.

– Не знаю наверняка, как будет работать эта магия, но как раз сегодня намереваюсь проверить. Я найду Ридрека... или же позволю ему отыскать меня – а там посмотрим, что получится.

В комнате воцарилась тишина. Потом Джек сказал:

– Так это и есть твой план? Хочешь отправиться прямо в пасть монстру и посмотреть, как он будет тебя жрать? – Джек поднялся на ноги и направился к бару. – Знаешь, это самая идиотская затея, о какой я только слышал в своей жизни.

– Боюсь, я согласна с Джеком, – сказала Оливия. – Ридрек может прийти не один.

– У меня нет выбора. Пока мы не встретимся лицом к лицу, я не узнаю, что могу сделать, а чего нет. До тех пор лучшего плана не предвидится. Если Ридрек убьет меня, вам придется бежать. Уезжайте из Саванны как можно быстрее. Честно говоря, наверное, вам лучше исчезнуть прямо сейчас.

Джек грохнул бокалом по стойке бара с такой силой, что зеркальная поверхность треснула.

– Ну и дела! Поверить не могу! Главный засранец этого города говорит, что я должен подобрать юбки и бежать как трусливая баба! – Он спохватился и покосился на Оливию. – Без обид.

– Ничего, – откликнулась вампирша. – Я тоже не могу поверить. Неужели сейчас я слышу великого Уильяма Кайлера, кумира Англии и всей Европы?

Я покачал головой.

– Вы должны довериться мне, как я доверился Лалии. Если и есть сила, способная остановить Ридрека, то она скрыта во мне, вернее – в крови Лалии. И учтите: если Ридрек

победит, он придет за вами. Лучше бы вам никогда не узнать, на что он способен.

Я поежился при мысли о пытках, которые мог изобрести изощренный разум старого вампира. Мне уже довелось ощутить на себе его жестокость. Я представил, как он разбивает сердце Джека – до сих пор такое человеческое во многих отношениях, – и эта мысль пронзила меня, точно острый кинжал... А Оливия? Ей, резкой и своевольной, скоро, вероятно, придется померить свой пыл. Куда ни кинь – всюду клин. Впрочем, если я заставлю Ридрека убить меня, если не дамся ему живым, он, быть может, оставит Джека в покое. Что за радость пытать отпрыска, если создатель мертв и не в состоянии корчиться вместе с ним? Эдджер должен был оценить эту мысль по достоинству.

– Черт! Даже сам не знаю, на что я способен, – буркнул Джек.

– Если тебя это утешит, то я тоже, – признал я. Он бросил на меня гневный взгляд.

– То есть ты даже не скажешь, как с ним бороться?

– Я не могу тебе этого позволить.

– Не можешь или не хочешь?

– И то, и другое, я полагаю.

– Прекрасно! Так вот, я никуда не уйду, пока мы не расставим все точки над «і», – заявил Джек.

Оливия поднялась на ноги и в буквальном смысле встала с ним плечом к плечу.

– Я тоже, – сказала она. – Если ты оставишь нас здесь и отправишься к нему один, я пойду следом.

– И я, – кивнул Джек. – А когда все закончится, у нас будет долгий разговор создателя с отпрыском. Каковой следовало бы начать уже очень давно. Мне надоело блуждать в потемках.

Назревал настоящий бунт. Я мог заблокировать Джека... но Оливия? Не уверен. Лучше уж держать их в поле зрения. С другой стороны, если мы с Джеком надолго останемся в одном месте – причем незащищенном, – это может стать слишком большим искушением для Ридрека. Я помнил, с каким наслаждением он убивал жену и сына у меня на глазах.

– Да ты оптимист, Джек. Полагаешь, когда все закончится, ты по-прежнему будешь жив и здоров?

– Угу. Моя мамаша частенько говаривала: не так страшен черт, как его малюют. А ей можно верить. Мама прожила всю жизнь с моим папашей – ее собственным чертом. Пока не умерла от разрыва сердца.

– Что ж, на этой жизнерадостной ноте давайте решим, что мы пришли к согласию.

Возможно, Мелафия подслушивала – или же обладала сверхъестественной способностью появляться в нужный момент, – поскольку именно в этот миг она вошла в комнату с папкой в руках.

– Нужно подписать несколько бумаг. И еще у тебя на компьютере новые письма.

– Спасибо. – Я взял папку как ни в чем ни бывало. Основная часть бумаг касалась банкета: контракты на поставку еды и напитков. Я подмахнул их, не удосужившись прочесть, – все равно никто не посмеет меня обмануть. Маленькая передышка оказалась как нельзя более кстати. Оставив Джека и Оливию зализывать раны и плести интриги, я отправился в свой кабинет.

Меня ждало письмо от Похитителей. Они докладывали, что обыскивают Амстердам в поисках двух захваченных женщин и мало-помалу приближаются к цели. Женщин искали несколько месяцев, и теперь появилась проверенная информация. Три других послания подробно описывали расстановку сил на континенте, особое внимание уделяя действиям Ридрека и его последователей. Ходили слухи, что мой злобный создатель разругался со своими союзниками из Восточной Европы. Очевидно, имелся в виду его протеже по имени Гуго, который (простите мой вампирский юмор) попортил Ридреку много крови.

Будь у меня больше времени и меньше дел, я бы изучил европейские новости поподробнее. Но мне предстояло столкнуться с Ридреком в Саванне, и уже не столь важно, что именно привело его сюда. Кроме того, нужно разобраться с ним до того момента, как

представители американских кланов явятся на банкет.

Два последних письма были от людей Элджера. Один спрашивал, благополучно ли прибыла Оливия, а вот второе послание оказалось загадочным. «До некоторых пор Элджер запрещал Оливии контактировать с тобой, – говорилось в нем. – Будь осторожнее. Возможно, у нее есть собственные планы».

Определенно, за милой вампиршей следовало приглядывать получше. Наверное, не стоит оставлять их с Джеком наедине на долгое время. Пожалуй, эта парочка могла заварить хорошую кашу.

Где удобнее всего встретиться со злобным вампиром? Где обитают эксцентричные типы один другого страннее? Где любят брать чужую кровь и отдавать свою? В Саванне есть подходящее место – мрачный гот-клуб под названием «Девятка».

Джек

– Черт побери! – Я заколотил в дверь обоими кулаками. – Мать твою, Уильям! Я не ребенок, которого запирают на замок, пока он не сделает уроки!

– Да? – отозвался он. – Как это молодежь выражается в наши дни? «Остынь»? Отдохни; Джек. Я скоро вернусь.

– А если не вернешься? Если ты нарвешься на ребят Рид-река, и они надерут тебе задницу? Что, если он насадит тебя на кол и обратит в пыль, как Элджера? И как насчет Оливии? Где она?

Последовала пауза, потом Уильям ответил:

– Здесь останется Мелафия. Если я не вернусь до рассвета, завтра вечером она отперет дверь. Пока сидишь тут, подумай, как тебе побыстрее убраться из Саванны вместе со своим гробом. У тебя появится шанс плюнуть на меня и мои правила. Если соберешься плыть по морю, не ходи в доки. Ридрек наверняка знает о моем маленьком бизнесе. И еще: не советую ехать в Европу. Лучше попробуй в Южную Америку или...

– Заткнись! Я никуда не еду. Выпусти меня отсюда, я хочу пойти с тобой. Мы вдвоем...

– Со мной идет Оливия. Пока, Джек.

Я заорал, услышав звук его удаляющихся шагов, грохнулся спиной в дверь и сполз на верхнюю ступеньку лестницы. Дейлод прикрыл свои чувствительные собачьи уши изящными человеческими руками. Выхода не было. Дверь во двор заперта снаружи. Я потер виски и попытался рассуждать здраво. Голова шла кругом после того, что случилось за один час, прошедший с момента заката. Сначала мой гроб уволокли со склада и притащили сюда. Потом мне посчастливилось узнать, что Уильям в опасности, собственный создатель мечтает убить его, мы оба несем в себе какую-то искаженную кровь и плюс ко всему зависим от какого-то вуду мумбо-юмбо, и это наш единственный шанс на спасение.

Мне безумно хотелось взять бутылку «Джека Дэниелса»,¹ хранившуюся в баре за пакетами с кровью, и провести ночь в кроваво-угарной пьянке. Однако следовало сохранить ясный ум... если он у меня вообще был, конечно.

Дейлод нервничал как кот, извините за выражение. Он любил Уильяма больше жизни, и вот теперь хозяин в опасности, а его оставили охранять меня. Я не хотел сыпать соль на его раны, но должен был использовать любую возможность, какую только мог измыслить, чтобы выбраться из этого склепа. В обычном случае Дейлод не нарушил бы приказа Уильяма даже за дюжину филейных кусочков и суку в течке. Но сейчас его хозяин нуждался в помощи... возможно, я сумею убедить человеко-пса выпустить меня отсюда.

– Дейлод, поди сюда. – Секунду спустя он уже сидел рядом со мной на ступеньке. Я ободряюще потрепал его по плечу и проникновенно заглянул в глаза. Дейлод насторожился. Не стоит смотреть в глаза боевому псу, даже когда он в человеческом облике, если только вы не хотите разозлить его.

– Ты ведь знаешь, что Уильям в опасности, верно? Дейлод принял несчастный вид.

¹ «Джек Дэниелс» – сорт шотландского виски.

Жалобный тихий стон вырвался из его груди, глаза увлажнились. Он кивнул.

– Не грусти, приятель. Думаю, я сумею ему помочь. И умру в бою, если понадобится. Так же, как и ты.

Слезы ручьем покатались из глаз Дейлода. Он вытер их ладонью.

– Я не знаю, как отсюда выбраться, Джек. Честное слово. Я даже Рейю не могу позвать на помощь. Она ведь там, за дверью, вместе с Мелафией.

Я осмотрел коридор, задержав взгляд на маленьких нишах и лежавшей там вудуистской херне. Сам я никогда всерьез не верил в эту магию. Хью был единственным из моих знакомых, кто попал под действие заклинания, но никто не знал наверняка, действительно ли он проклят. Хью был слишком запуган, чтобы выпить хоть каплю спиртного, и проверить действенность заклинания оказалось невозможно. Однако Уильям и Мелафия определенно верили в силу чар.

– Ты не читал никаких книг по вуду?

Дейлод обладал фотографической памятью. Он не только мог дословно пересказать содержание книги, но и помнил, что и на какой странице написано.

– Читал.

– А не можешь сказать, которая из этих фиговин на алтарях самая важная?

Он потер глаза кулаками, как ребенок, пробуждающийся от сна, потом поднялся на ноги, подошел к стене с алтарями и внимательно осмотрел их. Я присоединился к нему.

– Думаю, вот эта. Хотя в книжках ничего подобного не написано. Мне просто так кажется. Все вещи пахнут Мелафией, но эта – больше всего. И есть еще кое-что. Какая-то... энергетика. – Дейлод указал на небольшой флакон – такой старый, что стекло помутнело от времени. Мне показалось, что внутри плещется какая-то коричневая жижа. Саму бутылочку явно сделали вручную, а не на фабрике. Пробка была запечатана черным воском.

Я взял флакон в руки – и тут меня словно током ударило. Вроде как если заземлить автомобильный аккумулятор, только еще хуже. Я едва не уронил бутылочку, а Дейлод испуганно вскрикнул.

– Тише, парень. Я ее держу.

– Что ты собираешься делать? Чего доброго, навлечешь на нас беду!

– Спокойно. Я не сдам тебя Уильяму. Скажу, что сам все придумал.

Дейлод побледнел.

– Что придумал?

– Как заставить Мелафию выпустить нас отсюда. Гляди. – Я взял флакон и подошел к двери. – Мелафия! Можно тебя на минутку?

Через несколько секунд послышались шаги двух пар легких ног. Рейя, конечно же, не отстала.

– И думать забудь, Джек. Я тебя не выпущу, – сказала Мелафия. – Уильям меня убьет. Сиди спокойно и не мешай. Тут дел невпроворот...

– А что это за темная жидкость в маленькой бутылочке на алтаре?

– Не трогай ее, Джек.

– Поздно. Уже потрогал.

– Положи не место.

– Хм-м?

– Я сказала: положи, где взял. Ты не представляешь, что делаешь. – Мелафия явно забеспокоилась. Раньше за ней такого не водилось.

Рейя заскулила, ощущая недовольство обычно невозмутимой жрицы вуду.

– Ценная штучка, верно? – спросил я.

Она молчала, но я чувствовал, что удар достиг цели.

– На флакон наложены защитные чары. Не вздумай ничего делать с ним. Я серьезно, Джек.

– Я тоже. Выпусти меня, а не то я разобью этот пузырек и погляжу, что тут за магия.

Мелафия выдала длинное и настолько непристойное ругательство, что я едва не

покраснел, хотя и был портовым грузчиком. Дейлод закрыл уши руками. Рейя ерзала по ту сторону двери. Мелафия сделала глубокий вдох и заговорила тихим, но зловещим голосом.

– Послушай меня. Если ты сделаешь что-нибудь с этим флаконом, то причинишь вред себе, мне, Рени, Уильяму, Оливии – всем. Если ты выпьешь из него, то можешь умереть.

Я втянул воздух сквозь зубы, слушая Мелафию. Ее восьмилетняя дочка Рени была нашим солнышком, любимой малышкой. Мы с Уильямом не так часто видели ее – девочка рано ложилась спать, потому что по утрам ей надо было вставать в школу, но все мы, в том числе близнецы, обожали Рени. Я надеялся увидеть, как она будет расти и взрослеть, так же, как видел Мелафию, а до того – ее мать. Я усаживал всех их на колени, они были единственными детьми, с которыми я когда-либо имел дело. Что станет с Мелафией и Рени, если с Уильямом случится беда? Ридрек уже убил нескольких наших людей. Возможно, Мелафия тоже в опасности?

– Так выпусти меня, во имя всего святого! Я хочу помочь Уильяму.

– Делай то, что велел тебе капитан. Он знает, как лучше. А если дело касается флакона, уж тут мне виднее... Там внутри больше силы, чем ты способен вообразить. Вполне вероятно, что она может помочь нам избавиться от той злобной твари. Именно это Уильям и хочет выяснить.

– Черт возьми! А нельзя ли поконкретнее?

– Сейчас нельзя. Уильям все расскажет сам, когда придет время.

– Сейчас – или никогда, моя милая.

Мелафия выдала очередную порцию проклятий. Она кляла всю мою родню до десятого колена, и так, и эдак, и наоборот.

– Нет, серьезно, – сказал я. – Считаю до пяти, а потом выпью.

Тишина.

– Раз!

– Черт тебя побери, идиот! Вандал!

– Два.

Заскрипела дверная ручка.

– Ты слишком глуп, чтобы это сделать, сраный ублюдок!

Я как раз собирался сказать: «Да, мэм», когда дверь распахнулась. Мелафия стояла на пороге, от ярости ее золотистая кожа пошла красными пятнами. Я прошмыгнул мимо, сунув ей в руку флакон.

– Будь ты проклят, – пробормотала жрица.

– Поздно.

Перепрыгивая через две ступеньки, я оставил Мелафию и близнецов за спиной.

Путь от дома Уильяма до гаража я проделал пешком. Мне нужно было проветриться и забрать «корвет». Нынче вечером я получил достаточно пищи для размышлений. Хотелось пойти к реке и укрыться среди скал подобно водяной змее, спрятать все неприятные чувства, тяжким грузом легшие на мои плечи. Я до сих пор злился на Уильяма из-за гроба и в то же время понимал, что он перевез его, испугавшись за меня. За все годы вампирского существования мне ни разу не приходило в голову, что Уильям может испытывать страх. Теперь же он не просто боялся – он пугал окружающих, и меня в том числе. Это изумляло более всего. Мы, вампиры, – высшая ступень эволюции. Если вам кажется, что какой-нибудь парень умеет скрывать свои эмоции, значит, вы не видели ни одного мертвяка вроде нас. Создания ночи могут чутко чувствовать страх. В буквальном смысле. Запах страха ведет нас по следу жертвы. Если вы слабы или не уверены в себе – бегите. Бегите со всех ног. И вот теперь сам Уильям предлагает мне сделать то же самое. Бежать. А против этого восставала вся моя проклятая натура.

Но вот я уселся в свой «корвет», и во мне пробудилась жажда скорости. Я хотел выехать на пустую дорогу, и пусть мотор ревет, ветер развеивает волосы, а жуки разбиваются о лобовое стекло. Увы! На это не было времени. Плюс к тому попробуй-ка развить нормальную скорость на улочках Саванны. Мне нужно было найти Уильяма. Где он будет искать Ридрека?

Хм... если бы я был злобным вампиром-убийцей, только что переплывшим через океан, то куда бы направился?

Я побарабанил пальцами по рулю. Итак, Уильям хотел напугать меня... И напугал, черт его подери. Я испытывал страх – впервые с того дня, как перестал быть человеком. Хотя это не совсем правда. Да, помню как-то раз... В тот раз я прикатил на пристань для яхт вместе с Дженни Сью Гриббл и очнулся, когда солнце уже готово было выглянуть из-за моря. Мне пришлось забраться в трюм рыболовецкого катера с надписью «ПРОДАЕТСЯ» на борту. Я вернулся домой следующим вечером, через час после заката, измученный и усталый. Мне пришлось провести целый день без гроба, и вонял я как полтонны креветок. Уильям чуть не убил меня, не говоря уж о Дженни Сью.

Я как раз вспоминал Дженни Сью, ее шелковистые волосы и мягкую кожу, как вдруг услышал громкий гулкий звук. Машина содрогнулась, когда кто-то вдруг запрыгнул в нее и хлопнулся на пассажирское сиденье. Я не успел заметить, откуда он взялся, а это уже кое-что.

«Корвет» вильнул вбок, и мне стоило немалых трудов восстановить контроль над машиной (кажется, я заехал на тротуар и пропахал несколько цветочных клумб). Затем я повернул голову вправо, глянув на своего неожиданного нового пассажира. Если бы мое сердце билось, то сейчас оно бы стучало как бешеное. Вот это я понимаю, крутой чувак!

На нем был запыленный черный пиджак и белая рубашка с галстуком-шнурком. Не шнурок в ковбойском стиле, а такой, как носят парни, нарисованные на старых европейских картинах. И прическа соответствовала тому же периоду – волосы до плеч, гладко зачесанные назад от высокого лба. От него воняло могилой. Наверное, потому, что он скакал по ним, прежде чем запрыгнуть сюда. Я уловил еще один запах... да, тот же самый, что почувствовал на корабле. Древний, тошнотворный, но такой знакомый запах. Черт возьми, этот парень напугал меня. Он походил на человека не более чем я или Уильям. Незнакомец действительно нагонял ужас. Секунду назад в машине никого не было – и вот он здесь, ухмыляется мне, выставив напоказ желтые зубы и белоснежные клыки.

Он знал, кто я такой! Однако я решил что-нибудь сказать, дабы проверить свою догадку. – Спасибо, что заскочил, милый дедушка.

Его глаза потемнели.

– Как осмелился ты обращаться ко мне с такой дерзостью, презренный полукровка?! – Рука дернулась к моей шее так быстро, что я едва успел отследить движение. Но когда его пальцы оказались в шести дюймах от ожерелья Уильяма, голубая искра ударила в длинные грязные ногти. Он отшатнулся всем телом и секунду смотрел на меня в полном изумлении. Затем вампир зарычал, словно мечтал сожрать меня целиком и разгрызть мои кости. Может, мне и впрямь стоило остаться в надежном убежище, как советовала Мелания?

– Так-так. Уильям выучил маленький фокус, – процедил вампир. – Отрадно видеть, что в Новом Свете он не теряет времени даром.

– Уильям собирается убить тебя, – заявил я. Он издал мерзкий трескучий смешок.

– Глупый щенок! Уильям не убьет меня, даже если призовет на помощь армию нежити. Зато я вполне могу его убить.

На то есть множество способов. Некоторые он и представить себе не может. О, Уильям боится не смерти. К тому времени, как я соизволю его уничтожить, он будет умолять о ней. Ты, конечно же, ничего не знаешь о пытках, ведь Уильям не просветил тебя. За один день он узнал от меня больше, чем ты от него за полтора века. Ты и сам не знаешь, на что способен.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Этому парню было известно достаточно, чтобы ударить в самое больное место.

– Откуда тебе знать, что Уильям сказал мне, а что – нет?

– Я знаю о вас все, мальчик мой. – Голос вампира стал мягче, он убрал клыки. – И я мог бы многому тебя научить.

– Это чему, например?

– Ты источаешь силу, но не знаешь, как ей пользоваться. Готов поспорить: ты сам не сотворил еще ни одного вампира.

Он пытался воздействовать на меня. Я это чувствовал.

– Верно.

Вампир быстро отвернулся, но я успел увидеть, что его лицо вспыхнуло гневом. Однако он мгновенно взял себя в руки.

– Сынок, ты не знаешь, каково это – быть истинным кровопийцей, но я могу рассказать тебе. Я научу тебя господствовать над всеми тварями этого мира, живыми и бессмертными.

– В каком смысле – господствовать?

– Ты способен покорить любого, кто слабее тебя. Ты будешь командовать, а они – подчиняться.

Глаза вампира сверкнули. Он заговорщически улыбнулся мне – будто знал важный секрет и готов был им поделиться. Если он оговорил правду... что ж, приходилось признать, что все это звучит чертовски заманчиво. Я и так и эдак вертел в голове эту мысль, пока ехал по Балл-стрит. А потом раздался звук сирены. Черт! Возможно, мой неожиданный пассажир ретируется, если к нам привяжется полиция.

Я прижал «корвет» к тротуару и оглянулся (никаких зеркал заднего обзора, как мы помним). Меня нагоняла Конни. Черт, черт и черт!

– И снова здравствуй, мистер Макшейн. Опять нарушаем? Второй раз за неделю. Ты в курсе, на какой скорости ехал?

Я покосился на Ридрека. Тот был сама невинность. Его лицо приобрело равнодушно-невозмутимое выражение. Разумеется. Ему нужны были мы с Уильямом, а не какой-то жалкий коп. Однако Конни многое для меня значила... самое, черт возьми, подходящее время, чтобы наконец это осознать, ага. Впору поучиться у Алана Алды:¹ его герои всегда в ладах со своими эмоциями. Если я выберусь из этого дерьма, может, возьму мастер-класс или еще чего. Ладно. Теперь нужно выяснить, понимает ли Ридрек, что Конни мне безразлична.

– Привет, дорогуша. Неужто в Саванне перевелись преступники? Ни одной кражи со взломом? Ни единого ограбления? Полиции только и осталось, что гоняться за парнями, которые слегка превысили скорость?

– Я всегда начеку, если ты поблизости, Джеки. И, кстати, я рада, что ты не отрицаешь своей вины.

– Я не стал бы лгать тебе, детка. Конни полезла в карман за блокнотом.

– И где тот пожар, на который ты мчишься?

– М-м. Нигде. Я просто заболтался с... со своим дядей... да, с дядей Фредом... и, понимаешь ли, забыл посмотреть на спидометр.

Ридрек приветливо кивнул. Ни малейшего намека на клыки.

– Вечер добрый, – сказал он.

– Приятно познакомиться, – отозвалась Конни.

Я понятия не имел, что делать дальше. Похоже, нужно выбраться отсюда. Да поживее.

– Давай квитанцию и разбежимся. Не хочу тратить твое драгоценное время. Чего доброго, все грабители и убийцы попрячутся. – Я покосился на убийцу, который сидел рядом со мной. Помяни черта...

– А я не тороплюсь. Где твои манеры, Джеки?

– Дядя Фред, это офицер Консуэла Джонс, лучший коп Саванны.

Они кивнули друг другу, и Конни сказала: – Наверное, ты хотел сказать «один из лучших»?

– Я хотел сказать именно то, что сказал, моя сладкая.

– А ты умеешь быть лапочкой. – Конни открыла блокнот и вытащила ручку.

Ридрек впился в нее взглядом.

– Ты не хочешь выписывать штраф.

Я недоуменно уставился на него. Какого черта он делает? Конни тоже казалась озадаченной, но не более того.

¹ Алан Алда (р. 1936) – американский актер.

– Не хочу?

– Да. Не хочешь. Подойди-ка сюда.

Я повернулся к Ридреку, готовый ринуться в бой, если он сделает малейшее угрожающее движение в сторону Конни. Та неторопливо обогнула машину и подошла к ней со стороны пассажирского сиденья.

– Наклонись сюда, моя девочка, – пропел Ридрек. Конни повиновалась. Ридрек протянул свою жуткую руку и коснулся ее подбородка. Потом провел пальцами по щеке Конни и нагнулся вперед, будто намереваясь поцеловать ее. А затем я увидел, как из-под верхней губы быстро растут клыки. Ридрек готов был укусить, но Конни даже не думала сопротивляться. Она превратилась в безвольную куклу...

Я отпихнул Ридрека, сдернул с себя ожерелье и накинул его на шею Конни. Затем толкнул ее в плечо – достаточно сильно, чтобы она отшатнулась на пару шагов. Прежде чем Конни успела осознать происходящее, я завел мотор и вдавил акселератор.

– Хватит!

– Теперь ты мне веришь, малыш?

– Да.

Картины недавних событий вспыхивали у меня в голове разноцветным фейерверком. Итак, Уильям, чего еще ты не рассказал о вампирах?..

– Давай-ка навестим Уильяма, – сказал Ридрек.

Я знал, что не смогу отказаться. Особенно учитывая, что у меня больше не было амулета.

– Хорошо.

Я ехал в указанном Ридреком направлении, пока он не велел остановиться на тротуаре возле задрипанного готского клуба «Девятка». Сказать, что я был встревожен, – не сказать ничего. Не знаю, что произойдет, когда Уильям и Ридрек окажутся лицом к лицу, но мне очень хотелось бы в этот момент оказаться вне досягаемости их клыков. Кроме того, я был здорово зол на Уильяма. Если я приму предложение старины Ридрека и он научит меня всем этим штукам, что этот гад захочет взамен? Голову Уильяма на блюде? На несколько секунд мне показалось, что у Ридрека неплохие шансы получить желаемое.

Старый вампир направился к двери, и я последовал за ним. Несколько темных фигур болтались у входа, дымя сигаретками. Юные готы, все сплошняком одетые в черное. Точно так же, как... Тут я притормозил в своих рассуждениях, потому что из темноты вышел Верм собственной персоной. Он огляделся по сторонам и задержал взгляд на мне и моем прасоздателе. На тонких губах паренька появилась хищная улыбка: он понял, что Ридрек – вампир.

Я перехватил Верма на лестнице, поймав его за локоть, Ридрек, который шел впереди, остановился.

– Убирайся отсюда, да поживее, – прошипел я Верму.

– Почему? Что происходит?

– Тебе лучше не знать. Давай, вали! – Я отпихнул его от себя.

Глаза Верма удивленно расширились.

– Кто он такой?

– Не твое дело. Уноси задницу, или я вышибу из тебя дух.

Однако Верм не сводил зачарованного взгляда с Ридрека.

– Ни за что!

Вот ведь дерьмо! Как мне избавиться от этого маленького хорька? Если начнется ссора, она привлечет внимание Ридрека. Я рассудил, что в клубе Верм хотя бы сможет укрыться в толпе. Сдается мне, он на этом на собаку съел. Я повернулся к парню спиной и следом за Ридреком направился ко входу.

Господи, помилуй нас.

Уильям

Музыка была неимоверно громкой. Джеку наверняка бы понравилось. Он обожал подобный шум. Мне не понять, зачем люди столь целенаправленно портят свой слух жуткими звуками, которые не имеют права называться музыкой. Настоящую музыку можно извлечь из сложных и нежных инструментов, но никак не из этих электронных коробок.

Джек наверняка сказал бы, что я ретроград и ничего не смыслю в современном искусстве. Но если подобные вещи называются искусством, я согласен оставаться невеждой.

Единственное, что немного примирило меня с этой «музыкой», это барабаны. Завораживающий, пульсирующий ритм, который бился в воздухе как живое сердце – громко и гулко. Древние звуки, родственные моим собственным импульсам.

Оливия понимала меня. Она чувствовала себя на танцплощадке как рыба в воде, кружилась в водоворотах звуков, плыла сквозь толпу бледных смертных – словно акула, прорезающая сельдяной косяк.

Я прислонился к стене. Смертные, изуродованные гримом и татуировками, расступились, предоставив мне свободное пространство. Молодцы. Их инстинктивное чувство опасности работало отменно. Сегодня я был не в настроении толкаться среди людей, меня одолевала другая забота. Остро ощущалась злость и обида Джека: ему казалось, что я предал его. Я причинил ему боль, но все же не видел за собой вины, поскольку всего лишь пытался защитить отпрыска. Ладно, я давно привык к подобным обидам, хотя временами мне хотелось заслужить если не любовь Джека, то хотя бы его дружбу. Как бы там ни было, он не предаст меня, хотя сегодняшние события станут серьезным испытанием для его верности. Но что я мог поделать?

Я отвлекся от тягостных мыслей, ощутив чье-то легкое прикосновение. Прелестная блондинка с глазами цвета янтаря смотрела на меня так, словно она была созданием ночи, а я – луной на небосводе. Заметив, что я перехватил ее взгляд, девушка быстро отвела глаза. Я никогда прежде не видел ее, но тут же узнал. Запах этой крови был мне знаком. Маленькая овечка в атласном капюшоне, распластанная на столе... мой сладкий ужин...

Я взял девушку за подбородок и заглянул ей в глаза, пытаюсь понять, узнала ли она меня. Нет, ничего... Только животная тяга – прикосновение тела к телу. Плоть помнила наслаждение тех ночей, и она отыскивала в этой в человеческой сутолоке источник своего удовольствия.

– Привет... – Девушка снова опустила взгляд и погладила бархат моего пиджака. – Меня зовут Шейри.

– Здравствуй, Шейри.

Услышав мой голос, она подступила ближе, подняла голову и прошептала мне на ухо:

– Потанцуешь со мной?

Обычный человек не сумел бы разобрать ни слова. Я же расслышал не только вопрос, но и скрытое в нем желание, которое сама Шейри даже не осознавала.

– Нет, – ответил я, однако не отстранил девушку, когда она прильнула к моей груди. Ее тело обмякло. Я подхватил Шейри и придержал, прежде чем она успела опуститься на колени, а потом снова посмотрел ей в глаза.

– Ты не знаешь меня.

– Но хочу узнать, – медленно проговорила девушка.

Несмотря на грохочущую музыку, я слышал биение ее сердца; оно колотилось как бешеное, будто мы опять оказались в тайной комнате Элеоноры. Я наклонил голову и вдохнул аромат волос Шейри, рассыпавшихся по плечам и скрывавших мое любимое место на ее шее. На миг я задумался, кто же из нас кого околдовывает, ибо мой голод поднялся подобно голове кобры, учуявшей добычу.

Нет. Не здесь. Не сейчас.

Стараясь отвлечься от мыслей о крови, я отвернулся от девушки и посмотрел на людей, стоявших поблизости и созерцавших наш маленький тет-а-тет. Двое мужчин кивали с плотоядными, понимающими улыбками. Как Джек это называет?.. Да, они думали, что я

пытаюсь затащить Шейри в постель.

Им и в голову не могло прийти, что мысли мои только об ужине. Я едва заметно улыбнулся, потом взял себя в руки и предложил:

– Может, в другой раз?

– Позволь мне остаться. – Шейри вздохнула и обхватила руками мою талию, уткнулась носом в шею, прижимаясь все крепче. Ее сладкое сексуальное возбуждение вило вокруг меня как аромат духов. Отчетливо запахло пороком.

Нужно отослать ее прочь, но сперва маленькая овечка получит свою награду. Я наклонился к девушке и ухватил зубами кончик ее уха. Она тихо ахнула и замерла, как и любая жертва, покорно ожидающая укуса. Я еще сильнее сжал зубы, не прокусывая, однако, кожи, и тело Шейри отозвалось дрожью приближающегося оргазма. Я держал девушку, пока она постанывала и извивалась передо мной. Никакой крови, только немного боли, а затем – наслаждение.

Довольный собой, я поднял голову и тут заметил Джека. Того самого Джека, который должен был сидеть взаперти в моем подвале. Он показался в дверях клуба, и я ощутил исходящий от него страх. А в следующий миг я увидел, что за плечом Джека возвышается Ридрек.

В два шага старый вампир пересек комнату и оказался передо мной – так близко, что я мог притронуться к нему. Я отодвинул маленькую овечку себе за спину, потом толкнул назад. Она отшатнулась и упала в объятия своих товарищей по клубу, а я обратил все внимание на Ридрека, закутавшись в свою ненависть, словно в плащ. Мир смертных поблек, и мы остались вдвоем в нашем собственном магическом пространстве. Даже музыка стихла.

Ридрек выглядел чрезвычайно довольным собой – впрочем, как и всегда. Несколько столетий не улучшили его манеры и не смягчили моей ненависти к нему. Воздух дрожал от злобы и ярости. Благодаря магии раковин Лалии появление моего создателя не стало ошеломляющим сюрпризом: я видел его вместе с Элджером и знал, что он приехал в Саванну.

– А ты постарел, – сказал я, стремясь разозлить Ридрека и одновременно спешно активируя внутреннюю защиту. *Ты меня не получишь.*

– Я и впрямь стар, – признал Ридрек и мерзко улыбнулся, обнажив длинные клыки, отполированные кровью тысяч и тысяч жертв. Он обвел взглядом забитый народом клуб; смертные вокруг нас двигались медленно, словно под толщей воды. – Итак, я наблюдаю цвет общества этого захолустного городишки. Признаться, ожидал от тебя большего.

– Мне здесь хорошо. – Я не собирался обсуждать с ним достоинства и недостатки Саванны. Лучше бы он научился ненавидеть и бояться ее; ничто так не пойдет городу на пользу, как отсутствие здесь Ридрека. Он забрал мою настоящую жизнь и все, что я любил. От него исходил запах могилы. – Что тебе надо?

Я чувствовал, как Ридрек ищет во мне страх, слабость.

– Ты стал самым большим моим разочарованием, – заявил он. – Ты исчерпал свой потенциал.

Я сделал вид, что не понимаю его.

– Потенциал?

– Да. Ты мог бы стать настоящим властелином. Создать здесь собственную империю. Но не сделал ничего.

– Ах, надо полагать, ты разочарован тем, что я не подпитываю тебя силой через нашу связь крови?

Лицо Ридрека помрачнело.

– Верно. Ты не делал ничего для умножения собственной силы и еще меньше дал мне. Но теперь все изменится.

Я уставился на него с видом неофита, внимающего мэтру. Пусть продолжает.

– Отныне ты будешь питаться каждую ночь. Начиная с сегодняшней. Придется это проконтролировать. Я приехал, чтобы положить конец твоему маленькому контрабандному

бизнесу и этим побегам. – Он умолк. Похоже, ради пущего эффекта. – Иначе я вырву твое сердце и приколочу тебя к столбу на одной этих чудесных городских площадей.

Повиновение или смерть – такой мне предлагается выбор. Ничего неожиданного. К добру или к худу, но в этом мире господ и рабов я всегда стоял на вершине пирамиды, доминируя во всех смыслах слова. Сама идея покорности противна моей натуре. Истинный сын своего «отца». А смерть... смерть была и остается моей любимой фантазией. Пора узнать, что уготовила мне преисподняя.

– Зачем ты убил Элджера? – спросил я, надеясь хоть ненадолго заманить Ридрека в интеллектуальную ловушку.

Он помедлил, и тут я четко понял: старый вампир собирается солгать.

– Я убил его, потому что он был неудачником, трусом и позором своего клана.

– И ты не строил грандиозных планов на его счет?

– Нет. Удивительно никчемное существо.

– Кого еще ты убил?

– Только Элджера. Он это заслужил.

Я совладал со своей яростью, упрятав ее в дальний уголок сознания. Я отомщу за Элджера, но не сейчас. Настало время поставить шах.

– А как насчет Лиона?

Ридрек отшатнулся назад, словно я толкнул его.

Мне удалось удивить мерзавца. Я едва мог поверить в такую удачу. Теперь нужно развить успех, не позволив Ридреку опомниться.

– Хочу тебя обрадовать: Лиона нашли. Полярная экспедиция уже идет ему на помощь. – Я нанес последний удар: – Фредерика и Джейлан тоже на свободе и покинули Амстердам.

Вот тут я действительно ошеломил Ридрека, и он не сумел этого скрыть.

– Откуда ты...

Ярость кипела во мне, все труднее было держать ее в подчинении. Но время гнева еще не пришло. Сейчас следовало укрепить позиции. Однако я уже едва мог совладать с собой. Ноги мои оторвались от пола, и я почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Ридрек отступил на полшага.

– Ты был на яхте! Так и знал! Как тебе удалось? – воскликнул он.

– Неужели ты думаешь, что я стану отчитываться перед тобой? Какая наивность! Я не принадлежу тебе, Ридрек. И никогда не принадлежал.

Сейчас последует бросок, смертельный удар...

– Нет, не думаю. Но я создал тебя и могу прикончить. – Он тоже поднялся в воздух, и мы оказались лицом к лицу. Его волосы шевелились подобно клубку змей. Когтистая рука протянулась вперед и замерла в миллиметре от моей шеи. От резкого движения кожу овеяло ветром, но Ридрек не нанес удара.

Он улыбнулся, и я понял, что совершил какую-то ошибку. Старый вампир не собирался нападать. Более того, он отвернулся от меня. Размытый человеческий мир снова стал четким и ясным, и перед моими глазами возникло лицо Джека.

Ридрек постарается убить Джека, но сперва использует его, чтобы заставить меня повиноваться... Я опять ошибся. Ридрек обернулся к толпе и выхватил из нее мою маленькую овечку. Шейри. Не отводя от меня взгляда, Ридрек прижал девушку к груди и впился клыками ей в шею. Брызги крови разлетелись во все стороны, заляпав мой пиджак. Шейри вскрикнула от изумления, но Ридрек быстро утихомирил ее силой своей ядовитой воли.

Не очень четко помню, что случилось потом. Окружающий мир расплылся, перед глазами за клубился кровавый туман. Ярость, которую я так долго сдерживал, вырвалась на свободу. Настроение человеческой толпы вокруг нас мгновенно переменилось. Завсегдатаи клуба накинулись друг на друга, размахивая кулаками и стульями. Сыпались удары, переворачивалась и ломалась мебель. Чья-то рука ухватила меня за локоть, и из красного тумана выплыло лицо Оливии. Ее бледная кожа была покрыта мелкими каплями крови. Она

тянула меня вниз до тех пор, пока ноги не коснулись твердого пола.

– Где Ридрек? – заорала она, перекрикивая страшный шум.

Лишь теперь я осознал, что старый вампир исчез вместе с Шейри. Хотелось бы надеяться, что ад разверзся и поглотил его.

– А где Джек? – крикнул я в ответ.

В нашу сторону полетел стул, Оливия отбила его. Повсюду извивались и барахтались человеческие тела. Посреди самой большой кучи стоял Джек, одной рукой отражая удары, а другой придерживая тощего юнца, затянутого в черную кожу. Злоба и ненависть накрыли толпу подобно волнам бушующего моря.

– Сделай что-нибудь! – рявкнула Оливия.

Ярость была моей подругой. Она одновременно манила и отвергала меня. В этот раз, высвободившись, она обрушилась на клуб и его ни в чем не повинных посетителей.

Поэтому я забрал ее обратно.

Я распахнул магический синий пиджак и рубашку под ним, а потом воззвал к своей вечной спутнице – жизненной энергии. В мгновение ока разрушительный туман собрался во вращающуюся спираль и всосался в мое исполненное ненависти сердце.

Оглушительный рев торнадо сменился тишиной.

Я опустил глаза и увидел, как последние капли крови исчезают с моей кожи. Издалека долетел голос Оливии:

– Я иду за ним!

Обведя взглядом комнату, я понял, что вампирша тоже исчезла.

ГЛАВА 6

Я отпустил Верма и подошел к Уильяму.

– Куда делась Оливия?

– Не знаю. Она сказала, что идет за Ридреком. Уильям одарил меня взглядом, исполненным такой ярости, что я попятился.

– Пошли. Надо найти ее, – сказал он.

Широкими шагами он направился к двери, я поспешил следом, и тут рядом со мной оказался Верм.

– Что за херня тут случилась только что? – Верм едва не подпрыгивал на месте. Он напоминал мне одну из этих нервных маленьких собачек, чихуахуа. Из тех, кто в любой миг может написать человеку на ботинки.

– Не твое дело. Возвращайся в клуб и забудь все, что видел. Верм понизил голос:

– Шутишь! Тут была какая-то крутая магия, а ты хочешь, чтобы я просто взял и забыл? Черта с два! Расскажи мне...

– Не сейчас.

– Может, познакомишь меня со своим другом? – Нет.

– Пожалуйста...

– Исчезни.

Выскочив на улицу, Уильям резко остановился и выругался.

– Он забрал машину мэра!

– Черт! Нуда, точно.

Мало того, что дорогуша Ридрек был порядочный сукин сын, так он еще и угонял машины без зазрения совести. Если я однажды соберусь подзаработать на краденых авто, у нас сладится недурной семейный бизнес.

– Ладно, хотя бы «корвет» остался, – утешил я Уильяма.

– Можно мне поехать с вами?..

Я резко обернулся. Долбаный Верм по-прежнему тащился следом за нами. Какой смысл быть вампиром, если ты не можешь напугать даже мелкого засранца?

– Тебе непонятно слово «исчезни»? Я занят.

- Я... я ощущал там силу.
- Ты сейчас ощутишь силу моего пинка. На собственной заднице.
- Seriously, Джек. Я всего лишь хочу понять, что происходит...
- Нет, Верм.

Уильям уже устроился на пассажирском сиденье. Я влез в машину и завел мотор.

- Позволь мне поехать с вами...
- Ты видишь здесь свободное место?

Верм мертвой хваткой вцепился в дверцу. Вот кретин! У меня возникло непреодолимое искушение высосать его прямо здесь.

- Избавься от него, Джек, – сказал Уильям.

Я посмотрел на Верма. Его тонкие губы были упрямо сжаты, и я знал, что парень не сдвинется с места. Он нашел себе настоящего, живого – если можно так выразиться – вампира и присосался к нему как пиявка. Внезапно я вспомнил, что Ридрек сотворил с Конни. Как он это проделал? В отчаянии (терпеть не могу, когда люди выставляют меня на посмешище перед Уильямом) я заглянул Верму в глаза и сосредоточился изо всех сил.

- Ты хочешь уйти отсюда прямо сейчас. Его губы дрогнули, он недоуменно заморгал. – Да?

- Точно. Возвращайся в клуб и повеселись с друзьями.

Не сказав ни слова, не попытавшись объяснить, что у него нет друзей, Верм отступил назад, повернулся и деревянной походкой направился в сторону клуба.

– Хм. Ну и ну... – пробормотал я. Потом вернулся в «корвет» и вырулил со стоянки. Но еще раньше я успел уловить выражение лица Уильяма.

- Чему еще он тебя научил? – спросил он ледяным голосом.

Я немедленно ошетинился.

– А не пошел бы ты подальше? Он, между прочим, обещал показать, на что я способен. Предлагал меня учить. В отличие от тебя, папуля! – Так я называл Уильяма лишь в тех случаях, когда действительно хотел его разозлить. Не сиди я за рулем, думаю, он бы дал мне в зубы.

– Все, что я тебе говорил, и все, что не говорил за прошедшие полтора века, было для твоего же блага. Надеюсь, доживу до того дня, когда ты это поймешь.

– Ах, так это я виноват?! Полагаешь, скажу тебе спасибо за то, что ты манипулировал мной? За то, что держал в неведении? И еще за то, что запер меня сегодня? Ты, видать, совсем сбрендил. А может, правда, стоит плюнуть на тебя и уйти к Ридреку?

Неожиданно Уильям вцепился в руль. Я выругался и ударил по тормозам, но «корвет» уже вылетел на тротуар. Отличные у меня пассажиры в последнее время. Один другого лучше.

Уильям выпустил руль и схватил меня за горло.

- Не смей так говорить! Ни-ког-да так не говори! Ты не представляешь...

– Вот именно! Не представляю! Не имею ни малейшего понятия, кто таков этот парень, зачем он сюда явился и что вообще происходит. Потому что мне никто ничего не рассказывает. Отчего бы не поучиться у него, если ты не желаешь учить, а? Назови хоть одну причину!

Уильям неожиданно обмяк и откинулся на спинку сиденья.

– Джек, все эти годы ты доверял мне. Ты был в безопасности и жил как хотел. Я всего лишь хочу, чтобы это продолжалось и дальше. Думаю, очень скоро ты узнаешь все, что вообще можно узнать.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я обязан Уильяму всем, что имею. Если бы не он, я кормил бы червей у подножья холодного мраморного креста на каком-нибудь конфедератском кладбище у черта на куличках. Я вздохнул.

- Ладно. Но лучше не тяни слишком долго.

Тут Уильям уперся тяжелым взглядом в мою шею.

- Джек, а где ожерелье Лалии?

– Я его отдал.

– Что?!..

Я вырулил обратно на дорогу, поменяв направление, а заодно и тему разговора.

– Куда едем?

– Искать Оливию. Кати на Колониальное кладбище.

– Откуда ты знаешь, что она там?

– Я понятия не имею, где она, но Оливия пошла за Ридреком. Возможно, он доведет ее до своего дневного убежища. И ты не ответил на мой вопрос. Где амулет? И как ты выбрался из подвала?

– Черт побери! – Ночка обещала быть долгой. – Я выбил дверь.

– Неправда.

– Я не скажу тебе, как выбрался. Вдруг ты снова меня запрешь. А что до амулета, я отдал его Конни. – Я рассказал Уильяму о том, как Ридрек оказался в моей машине, как сработало ожерелье, как Конни остановила нас.

– Так ты, получается, подчинил волю того паренька, только один раз увидев, как это делается? – В глазах Уильяма затеплился интерес. – Впечатляет. Кажется, мы открыли в тебе еще один талант, Джек.

– Как ты сказал? Подчинил волю?

– Одна из наших способностей. Так называемый танец с разумом. Или влияние. Да, мы можем влиять на людей и других существ, уязвимых для нашей силы. Но, как правило, вампиры учатся этому много лет. Некоторые и вовсе не способны овладеть этим навыком. А у тебя получилось с первого раза.

Я прикусил губу, чтобы не вскрикнуть.

– То есть я в любой момент мог заставить человека делать то, что захочу? А ты не говорил мне об этом... Отлично! Просто отлично...

– Джек, ты всегда мог очаровать человека, просто-напросто используя свою харизму.

– Не отмазывайся. Это разные вещи. Так что еще я умею делать?

Уильям пропустил мой вопрос мимо ушей и поинтересовался:

– О чем вы говорили с Ридреком?

– Ни о чем. Зато он обещал позже рассказать все.

– Полагаю, старый мерзавец не сообщил, чего хочет взамен. Мою голову, может статься? Или Оливию? Я понимаю, почему ты отдал амулет офицеру Джонс, хотя и не должен был этого делать. А теперь она в большой опасности: Ридрек понял, что Консуэла тебе безразлична. – Уильям многозначительно посмотрел на меня, но я лишь пожал плечами. – Именно поэтому Ридрек забрал ту девушку в клубе. Он почувствовал, что между нами есть связь крови. Вот почему так опасно заводить близкие знакомства, особенно с людьми. Сперва жестокий вампир убивает твою семью... – Он осекся и замолчал, словно раздумывая, не сказал ли лишнего. Затем заговорил снова: – Нужно вернуть амулет.

– Как? Ты же сам сказал: Конни в опасности. Если бы Ридрек хотел меня убить, он бы это сделал... – Я замолк, вспомнив, как старый вампир тянулся к моему горлу и как ожерелье остановило его порыв.

– В клубе Ридрек вполне ясно обозначил свои намерения. Он пойдет за тобой, чтобы добраться до меня. Консуэла Ридреку ни к чему, ему нужны мы. Забери амулет.

Я смотрел на дорогу.

– Джек? Дай мне слово.

– Ладно, ладно.

Разумеется, я не стану отнимать у Конни ожерелье, но я должен поговорить с ней, и чем скорее, тем лучше. Рано или поздно женщина очнется и обнаружит у себя на шее эту гадость. Не исключено, что она просто выкинет амулет в ближайшую урну.

Добравшись до Колониального кладбища, мы перемахнули через забор и осмотрели территорию, по пути споря о достоинствах магии вуду и о том, почему мне не нужно знать всю историю амулета. Вампиров на кладбище не оказалось. Впрочем, если бы они там были,

то мы наверняка распугали бы их своей руганью.

– Куда теперь? – спросил я, когда мы вернулись к машине.

– Бонавентура, – отозвался Уильям.

Мы запрыгнули в «корвет» и направились к моему любимому убежищу.

– Как ты думаешь, что он сделает с Шейри?

– Боюсь, то же самое, что и с твоим другом Хью.

– А как насчет Оливии? Вдруг Ридрек поймает ее?

Какой смысл спрашивать? Я и сам понимал, в какой опасности оказалась милая вампирша. А Уильям вдруг сказал то, что я никак не ожидал от него услышать:

– Жми на газ.

Уильям

Бонавентура оказалась тупиком во всех смыслах этого слова. Мы с Джеком обыскали каждую аллею, но запах Ридрека улетучился. Определенно, он был здесь и мог вернуться, однако сейчас я не ощущал его присутствия.

Зато мы нашли «ягуар». Он стоял на траве у восточной границы Бонавентуры – там, где почтенное старое кладбище мало-помалу переходило в пойменное болото. Великолепное место, чтобы любоваться на восход солнца. Джек принялся рыться в машине в поисках ключей, а я огляделся по сторонам, проверяя, нет ли здесь ловушки.

– Ключи он, похоже, унес, но можно просто замкнуть провода и завести машину. Только возьму инструменты из «корвета».

Джек исчез в темноте. Я проводил его взглядом и отвернулся к воде. Почти полная луна поднялась над деревьями и свершала свой путь по небу. Я задержал взгляд на ее отражении, колеблющемся среди осоки, и попытался достичь разума Оливии без помощи раковин Лалии.

На мой призыв тут же слетелись разные сущности. Бледноликие бестелесные духи, уставшие таиться под холодным камнем могил. Они роились вокруг статуй ангелов, шныряли между обросших мхом дубовых ветвей. Я не обращал на них внимания – пусть немного развлекаются.

Вернись домой, Оливия. Вернись к нам. Вместе мы сильнее, чем поодиночке.

Я не ощущал ее присутствия, однако надеялся, что ветер донесет мой зов до вампирши. Джек вынырнул из темноты и принялся копать в «ягуаре». Спустя пару минут мотор заработал. Джек открыл для меня дверцу и уселся за руль.

– Тут воняет Ридреком, но он, кажется, ничего не сломал. Я прикоснулся к дверце автомобиля и... перед моим мысленным взором возникла Шейри.

– Открой багажник, Джек.

Он недоуменно посмотрел на меня.

– Придется ломать замок. Как ты мог заметить, у нас нет ключей от этой машины.

– Открой его.

Джек что-то проворчал, вынул из «корвета» ломик и подсунул его под крышку багажника.

– Просто позорище – ломать такую тачку, – сказал он и сильно надавил. Замок хрустнул, багажник приоткрылся. Джек поднял крышку.

– Ну, и на кой... – Он замолк, увидев тело. – О, черт! – Джек отложил ломик и аккуратно перевернул Шейри на спину.

Ее кожа была так бледна, что в лунном свете напоминала матовое стекло. Кровь еще сочилась из ран на шее, но лицо девушки казалось спокойным, даже счастливым. По крайней мере, Шейри умерла не в муках.

– Эй, – сказал Джек, прижимая пальцы к ее шее. – Она еще жива.

И вот тогда я почувствовал страх. Ридрек поклялся, что заставит меня напиться крови, заставит умножить свои силы и, таким образом, его собственное могущество. А еще мой создатель знал, что близких я в беде не бросаю.

Шейри умрет... Если только я не сделаю ее вампиром.

– Положи ее в машину, – сказал я Джеку и залез в «ягуар». Мне лучше не трогать девушку, так будет безопаснее. Но запах ее крови не давал мне покоя.

Я снял свой бархатный пиджак и протянул его Джеку.

– Надень его и носи постоянно. Так мы получим небольшое преимущество перед Ридреком. Временное средство, хотя и не такое сильное, как амулет Лалии, но все же лучше, чем ничего.

Разумеется, он возмутился.

– Ты хочешь, чтобы я шатался по Саванне в таком виде, будто сбежал с гей-парада? Никогда в жизни это не надену. Вернее, никогда в смерти.

– Джек...

– Ты меня не заставишь.

Времени на его капризы не оставалось. Да уж, Джек знал, как заставить меня потерять терпение. Нянчиться с ним некогда. Значит, придется действовать грубо.

– Не заставлю, говоришь? Джек смерил меня взглядом.

– Крутой, да? Можешь надрать мне задницу, да? Может, хватит выпендриваться?

Черт бы его побрал. Всю ночь я носился как угорелый, а теперь еще и снял пиджак, обладавший успокоительным эффектом. Гнев снова поднялся во мне, и Джек, разумеется, почувствовал это. Я вылез наружу, схватил его за горло, выдернул из машины и прижал спиной к толстому дубу. Джек так изумился, что даже не пытался сопротивляться. До этой ночи я пальцем его не трогал, и мне не хотелось делать это сейчас. Но выбора не было. Глаза Джека изумленно расширились при виде крови, которая словно пот выступала у меня на теле и пятнала рубашку.

– Как он работает? – сдавленно прохрипел Джек.

– На него наложена магия, – отозвался я, стараясь совладать с яростью. Я хорошо знал его и понимал, что он не станет слепо подчиняться, а предпочтет сам принять решение. – Синий цвет вуду – цвет неба, цвет твоих долбанных упрямых глаз. Он удержит зло на расстоянии. Я приказываю тебе носить пиджак, пока не вернешь оберег Лалии.

Подле тяжелой ветки дуба возникло призрачное лицо молодой женщины. Она переводила взгляд с меня на Джека и улыбалась, наслаждаясь нашей склокой. Джек сучил ногами, пытаясь дотянуться до земли.

– Я могу продержать тебя здесь всю ночь. А ведь твоей Консуэле угрожает опасность. Как и Оливии. Как и этой, – я кивнул в сторону «ягуара», – умирающей девочке. Но мы останемся здесь, пока не перестанешь строить из себя законодателя мод.

– Ладно, – сдавленно сказал Джек. – Отпусти меня. Я надену этот ужас.

– Как пожелаешь, – отозвался я и ослабил хватку. Джек плюхнулся на землю, издав цветистое проклятие. Призрачный смешок, подобный треску ветвей на ветру, эхом разнесся вокруг нас.

Я кинул пиджак Джеку и подождал, пока он наденет его. Проблемой меньше. Теперь нужно было позаботиться о Шейри: либо облегчить ей смерть, забрав последние остатки жизненной силы, либо провести ритуал ее превращения в вампира.

Моего вампира.

Джек

Не нужно было смотреть на небо, чтобы понять: солнце вот-вот взойдет. Я был на взводе, и отнюдь не в хорошем смысле этого слова. Вот уже полчаса я мерил шагами холл в доме Конни, совершенно позабыв, что она в ночной смене и вернется с работы часов в семь. Аккурат перед рассветом. Хорошо еще, что ее квартира располагалась в дальнем конце коридора; если кто-нибудь войдет, он примет меня за обдолбанного наркомана.

Время шло, и я уже был готов уйти – чтобы успеть вернуться домой до того, как превращусь в головешку, – но тут появилась Конни. Она все еще была одета в свою

полицейскую форму, но ожерелья я не увидел. Боже ты мой...

– У тебя нет синих замшевых ботинок? Они бы подошли к *этому*, – сказала Конни, указывая на мой пиджак рукой с зажатым в ней ключом.

Я оглядел себя, мысленно матерясь на чем свет стоит.

– Вот... Проиграл пари, и теперь придется носить это до Хэллоуина, – пробормотал я.

– Хм. Смотри, как бы тебя не приняли за призрак Элвиса.¹ А откуда кровь?

Я потер пальцем одно из самых больших пятен.

– Э... Ну, видишь ли... Я согласился надеть пиджак, но сперва набил тому парню морду. Чтобы было неповадно.

– Это нечестно. Тебе не кажется?

– Ну, может быть... Долгая история. Слушай, можно зайти на минутку? Надо поговорить.

– Конечно. – Конни отперла дверь, и я вошел в квартиру. – Садись. Хочешь кофе или еще чего?

– Нет, спасибо.

До сих пор я не бывал у нее дома. Мы встречались на дорогах или у меня в гараже – как правило, в присутствии пары-тройки «обычных». Едва ли это можно назвать романтическим свиданием. Сейчас, оказавшись в квартире Конни с ней наедине, я чувствовал себя немного странно. Хорошо, но странно. Обстановка была более... женственной, что ли, чем я ожидал. Я увидел несколько антикварных вещей, которые не слишком гармонировали с остальной мебелью, но выглядели неплохо. В квартире было чисто и опрятно, как я и представлял. Если честно, чаще всего я, конечно же, воображал спальню Конни (кровать, застеленная красным атласом... ах, мечты, мечты!), но отсюда ее не было видно.

Я все же слишком нервничал, а потому так и не присел. Ожидая прихода Конни, я прикидывал, как бы половчее рассказать ей об этом проклятом ожерелье, но все, что сумел выдумать, звучало чертовски неубедительно.

– Та штука, которую я надел тебе на шею... где она?

– Вот эта? – Конни раскрыла сумочку, выудила ожерелье и протянула мне. – Э-э... Джек. – Она указала на две куриные ножки, висевшие по соседству с бусинами и обшарпанными кожаными ремешками. – Это то, о чем я думаю?

– Хм... Э... – промычал я. А что еще сказать? Куриные ноги – они и есть куриные ноги.

– Знаешь, я боюсь показаться неблагодарной, но эта вещица не подойдет ни к одному из моих нарядов. Хочешь забрать назад?

– Нет. Сохрани ее. Честно говоря, я хочу, чтобы ты носила эту штуковину на себе. – Не будь я так взволнован, наверняка посмеялся бы над выражением ее лица, но сейчас чувствовал себя полным идиотом. – Носила все время, не снимая.

Конни смерила меня долгим недоверчивым взглядом.

– Стало быть, у нас все серьезно? Во мне затеплилась надежда.

– А тебе бы этого хотелось?

– Не крути, Джек. Я не вчера родилась. Это ведь гри-гри. Я и подумать не могла, что ты веришь в черную магию. Так что у нас стряслось и почему я должна носить вудуистский амулет?

Короче, мне пришлось отказаться от байки про медицинский эксперимент, и от байки о племяннике-антропологе, и вообще от всех баек, которые я придумал. Все, что мне оставалось, – это сказать правду. Или нечто очень близкое к ней.

Я сделал глубокий вдох.

– Помнишь моего дядю Фреда?

– Того, что любезничал со мной сегодня?

Вот как это выглядело с ее точки зрения. Бог ты мой! Этот парень действительно крут!

– М-мм... Да. Видишь ли, он не очень хороший человек...

¹ Имеется в виду Элвис Пресли (1935–1977) – американский актер и певец, «король рок-н-ролла». Его известность настолько широка, что многие люди называют его лишь по имени – Элвис.

– В каком смысле? – Глаза Конни сузились. Она снова превратилась в копа.
– Понимаешь, он верит во всю эту черную магию, а у нас с ним не очень-то теплые отношения. Своего рода семейная вражда.

– То-то ты выглядел таким напряженным, – кивнула она.

– Верно. – Конни хорошо чувствовала мое настроение, и я внезапно понял, что рад этому. – Вообще-то я не верю во всякие вуду-муду, но стараюсь держать ситуацию под контролем...

– Хм, – сказала она. На лице ее появилось непонятное выражение.

– Поэтому я хочу, чтобы ты поносила ожерелье.

– Но ведь дядя в ссоре с тобой, а не со мной.

– Да, но... он думает, что я... к тебе неровно дышу.

Я отвернулся, ощущая, как горячая кровь приливает к моим щекам. Потом взгляд мой упал на занавешенное окно, и я понял, что сейчас и впрямь станет горячо. Тонкие солнечные лучи пробивались сквозь штору. Я попятился к двери. Все будет в порядке, пока лучи не доберутся до меня.

– В этом доме есть погреб?

Женщина воззрилась на меня так, словно я сбежал из психушки.

– Есть подвал. – Она шагнула ко мне. – Три вопроса, Джек. Во-первых, почему твой дядя решил, будто ты ко мне неровно дышишь? Во-вторых, при чем тут амулет? – Конни положила руки мне на плечи. – И третье, но не последнее... это правда? Насчет неровного дыхания?

К тому времени я уже прижался спиной к двери, а солнечные лучи неумолимо расплзались по комнате. Ну и черт с ними. Я схватил Конни за талию и притянул к себе.

– Ответ на первый вопрос: я думаю, это очевидно. На второй: скоро я все объясню. И на третий... – Я наклонился к ней и поцеловал. Мягкие губы Конни пахли клубникой. Я прижал упругое трепещущее тело женщины к своему, мертвому и холодному, и купался в ее тепле, ее дыхании, ее жизни... Конни крепко обняла меня, и если бы между нами не оказалось твердого предмета, натянувшего мои джинсы, то, пожалуй, трудно было бы понять, где заканчивалась моя милашка и где начинался я.

Я прервал поцелуй, с трудом оторвавшись от губ Конни, и тут же почувствовал себя наркоманом в последней стадии ломки. Проклятое, проклятое солнце!..

– Ответ на второй вопрос: он изрядный сукин сын, этот мой дядя. Теперь, когда он знает, что я... неровно дышу... он может причинить тебе вред, чтобы сделать мне больно. Если ты увидишь его – сверни с дороги. И прошу: не снимай амулет. Знаю, это звучит глупо, но сделай так, как я говорю. Обещай, милая.

Я взял ее руку и поднес к губам. Под моими пальцами билась нежная жилка, и я с трудом поборол желание укунить ее – здесь и сейчас. Унести с собой немного вкуса Конни...

– Все это очень мило, – прошептала она, – но не по форме...

– Носи его под формой, – сказал я.

– Куриные когти жутко царапаются.

– Я не шучу. – Я заглянул в карие глаза Конни. – Обещай мне.

Она склонила голову набок.

– Ладно. Обещаю.

Я взял Конни за бедра и аккуратно отодвинул от себя.

– А сейчас мне нужно идти.

– Постой! Ты сообщаем о своем «неровном дыхании», а потом поворачиваешься и уходишь? Вот просто так? Никаких «я тебе позвоню» или «может, сходим поужинать»?

– Да-да, обязательно сходим. – Эй, а жизнь-то налаживается! Алан Алда отдыхает. – Только сперва мне нужно разобраться с дядей Фредом, пока не случилась беда.

– А нельзя ли его привлечь за что-нибудь?

Я прикрыл глаза, вообразив, что может натворить разъяренный вампир в полицейском участке.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

Конни посмотрела на меня долгим взглядом.

– Теперь я кое-что скажу. Я никогда бы не позволила поцеловать себя, если бы не чувствовала, что ты искренен. Но ты что-то скрываешь, это факт. Если действительно хочешь со мной встречаться, то придется рассказать все. И ты отлично понимаешь, о чем я сейчас говорю. – Ее тонкие темные брови изогнулись и сошлись над переносицей, подтверждая, что Конни серьезна как никогда.

Я сглотнул.

– Договорились. – Надеюсь, Конни не заметила, что я скрестил пальцы за спиной. – Расскажу все – и очень скоро.

Я повернулся к двери и уже был готов ретироваться, когда женщина поймал меня за рукав.

– Постой. – Она прошла в дальний угол комнаты, к маленькому алтарю. Я последовал за ней, но тут же отскочил назад: на стене висел крест – над нишей, где стояла статуэтка девы Марии, лежали четки и другие мелкие штучки.

– Если уж ты отдал мне свой амулет, то возьми что-нибудь для защиты. Моя знакомая монахиня ездила в Святую Землю и привезла мне флакон воды из Иордана. Она освящена епископом. В обмен на амулет я дам тебе эту святую воду. Носи ее с собой постоянно.

Конни протянула мне бутылочку. Насколько я знал, святая вода не оказывает на вампиров никакого особого воздействия. Думаю, байки о ее свойствах появились после фильмов про Дракулу. Я взял флакон.

И он тут же стал горячим.

Надеюсь, Конни не заметила, как я быстро перебросил бутылочку из руки в руку, опасаясь, что вода вот-вот закипит.

– Э-э... Спасибо.

И что мне теперь с этим делать? На свое счастье я вспомнил про пиджак и сунул маленький сосуд в карман, прежде чем он успел сфонтанировать как «Верный старик».¹ Я похлопал по карману, и заметил, что флакон остывает. Ладно, признаю: я был тупым ослом. Эти вещи работают. Святая вода против злобной сущности (ваш покорный слуга) и вудуистского синего пиджака.

Я поцеловал Конни в лоб, и она одарила меня сладкой улыбкой.

– Позвоню обязательно.

С этим словами я спиной вперед вышел из квартиры, прикрыл за собой дверь, а потом направился к лестнице, напевая «Blue Suede Shoes»² и раздумывая, были ли глаза у Элвиса такими же синими, как мои.

ГЛАВА 7

Уильям

Шейри, обмякшая на моих руках, весила не больше шерстяного зимнего пальто. В ней осталось очень мало тепла, очень мало жизни. Если бы я разжал руки, то не удивился бы, увидев, как она медленно парит в воздухе. Нужно торопиться, иначе ее дух и в самом деле улетит прочь, но я не знал, чем окажется для девушки мое предложение – благодатью или проклятием. Согласится ли маленькая овечка пить кровь вместо того, чтобы отдавать ее? Надо привести Шейри в чувство, чтобы разъяснить этот вопрос. С другой стороны, не исключено, что выбора уже нет. Впрочем, я был уверен: Ридрек знал, что делал, когда подвел девушку к порогу смерти. Он – великий мастер изменять чужие судьбы.

¹ «Верный старик» – название гейзера на территории Йеллоустонского национального парка в штате Вайоминг. Фонтан воды достигает высоты 45 м.

² «Blue Suede Shoes» (Голубые замшевые туфли) – песня Элвиса Пресли.

Дейлод открыл дверь гаража и придержал ее, пропуская меня в дом.

– Ты нашел свою машину, – констатировал он, а потом принялся. – Тут пахнет смертью. Она мертва?

Рейя, увидев у меня на руках очередную женщину, выскочила из комнаты и вернулась вместе с Мелафией, держась поближе к ней. Никто, похоже, не обрадовался еще одному чужаку в нашем доме.

– Она еще жива. Тарни прислал гроб для Оливии? – спросил я, направляясь в заднюю часть дома. Самый близкий путь к лестнице и моей спальне.

– Да, – ответила Мелафия. – Он там же, где все остальные.

– А Оливия не вернулась?

– Нет, капитан. И Джек тоже.

Надеюсь, Джек там, где я думаю. Ничего, кроме надежды, нельзя позволить себе, когда держишь в руках едва теплящуюся жизнь.

– Приготовь горячую ванну и помоги мне раздеть девушку. Едва я опустил Шейри в воду, ее ресницы затрепетали:

Тепло возвращалось, согревая умирающее тело. Маленькая овечка тихонько вздохнула и снова уплыла в неведомую даль. Я держал голову девушки над водой, аккуратно стирая кровь с ее кожи и волос, осторожно промывая маленькие раны на шее. Да, с ней славно поиграли – и не только Ридрек. Я провел пальцами по белому шраму, пересекавшему ее грудь. Моя собственная работа.

– Прости меня за Джека, – сказала Мелафия, – он... Я поднял руку, призывая ее к молчанию.

– Знаю. Ты была ему охранником, но не тюремщиком. В следующий раз запрю его в гробу, и хватит об этом.

– Как скажешь, – кивнула она. – Но я уже сплела заклинание терпимости, которое заставит человека сидеть смирно даже на раскаленной сковородке.

Я это запомнил. Можно ссориться с мелкими колдунами, но никогда, никогда не следует злить могущественного адепта вуду.

Однако следовало вернуться к более насущной проблеме.

– Шейри? – прошептал я над ухом девушки. Она застонала и попыталась повернуть голову в мою сторону, но я удержал ее. – Шейри, открой глаза.

Веки дрогнули. Казалось, крохотные капли воды на ресницах тянут их вниз. Я слегка встряхнул девушку и повторил:

– Посмотри на меня.

Всегда покорная моей воле, она повиновалась. Маленькая овечка уставилась на меня, моргнув, чтобы сфокусировать взгляд. Чудесные янтарные глаза поблели, их яркий оттенок словно бы выцвел. Обычно белая роговица была сейчас ярко-красной из-за разорванного сосуда. Очевидно, последствия борьбы с Ридреком. Я почувствовал, как пробуждается жажда крови...

– Пожалуйста, помоги мне. Он сказал, что ты меня спасешь...

Я пришел в бешенство. Ридрек отлично знал, на чем меня подловить.

– Ты согласна отказаться от жизни и поселиться во тьме? – спросил я.

– Просто хочу остаться с тобой. – Шейри выгнула спину, и ее груди выступили над поверхностью воды. Соблазняла меня, должно быть.

– Знаешь ли ты, кто я?

Она снова погрузилась в ванну. Тень замешательства проскользнула по ее лицу.

– О чем ты?

Я наклонился ближе, чтобы сомнений более не оставалось. А потом обнажил клыки.

– Нет!.. – тихо вскрикнула девушка, извиваясь в воде. – Не отдавай меня им!

По крайней мере, она запомнила зло, причиненное Ридреком. Я глубоко вздохнул, стараясь взять себя в руки, и выговорил то, что должен был сказать:

– Если ты станешь одной из нас, я сделаю все, чтобы защитить тебя. – Произнося эти

слова, я знал, что Шейри будет в большей безопасности, оставаясь человеком, даже если это означает для нее смерть. Да и сам процесс превращения в вампира может убить маленькую овечку, поскольку с женщинами все намного сложнее, нежели с мужчинами. Я посмотрел ей в глаза.

– Я могу отпустить тебя, упокоить в мире. Хочешь ли ты этого?

Оставалась надежда, что Шейри ответит «да». – Хочу быть с тобой, – сказала она. Ее голос становился все тише. Глаза закрылись. Она снова уплывала. Черт!

– Принеси мне одеяло, – сказал я Мелафии. – Еще понадобятся стол и свечи для ритуала. Мы начнем, как только вернется Джек.

Я расстрою планы Ридрека: Шейри инициирует Джек. Если я сотворю вампира, Ридрек, моей создатель, умножит свои силы. Этого допустить нельзя. А вот если ритуал поведет Джек, он получит львиную долю жизненной энергии. Мне достанется гораздо меньше, а Ридреку – всего ничего.

Вернулась Мелафия с одеялом. Я вынул Шейри из воды и закутал девушку поплотнее, спасая от холодного воздуха.

– Идемте со мной, – сказал я Рейе и Дейлоду, потом отнес Шейри в ближайшую спальню. Рейя сняла покрывало, я положил мою бесчувственную овечку на простыни. – Побудьте здесь. Она должна оставаться в тепле. – Рейя с Дейлодом забрались на кровать и легли возле Шейри, согревая ее своими телами.

А после мы ждали, и ожидание затянулось надолго.

– Солнце встает, – сказала Мелафия и принялась задергивать шторы.

Я тоже чувствовал, как над миром растекается солнечный свет. Ощущал зуд на коже и гнетущий вес дневного светила. Мелафия подошла и встала передо мной, скрестив руки на груди. Где же, черт побери, носит Джека? Неужели Ридрек перехватил его? Или Джек опять валяет дурака вместо того, чтобы просто выполнить мою просьбу? Теряя последние остатки терпения, я отправился в спальню, где оставил Шейри.

Рейя и Дейлод свернулись возле нее – теперь уже в своем собачьем облике. Рейя лежала неподвижно и лишь следила за мной взглядом, пока я проверял пульс Шейри. Он был слабым, но сердце девушки еще стучало.

Я откинул одеяло, осторожно взял маленькую овечку на руки и понес в подвал – мимо мерцающих на алтарях свечей, мимо стола, на котором она умрет, чтобы затем восстать к новой жизни... Явилась Мелафия и открыла черный металлический гроб, предназначенный для Оливии, а я опустил туда Шейри и обложил ее подушками. Рейя запрыгнула в гроб и свернулась подле умирающей девушки.

– Дейлод, за мной.

Если Джек не сумел вернуться сам, мне придется отыскать его. Я вышел из комнаты, и Рейя тихонько заскулила, прощаясь со мной.

Говорил ли я, что Саванна – мой город? Я знаю его лучше, чем самого себя. Я облазил и осмотрел каждый темный угол, каждое потайное местечко. Многие люди даже не подозревают, что даже старая часть города – уже второй слой зданий, построенных поверх изначальных улиц и площадей. В прежние времена река, обеспечившая процветание этому городу, иногда становилась его врагом. Случалось; она заливала улицы, принося гибель живым и разрушая дома и склады. Испорченный товар – потерянные деньги. Вот поэтому-то купцы воздвигли стену – утес, как ее здесь называют. Эту стену выстроили из камня, служившего балластом на кораблях, и она достаточно высока и прочна, чтобы выдержать любое наводнение и любой ураган. Река никогда более не проникнет в сердце Саванны. Как только стена была готова, сюда привезли речной песок и сделали насыпь, подняв таким образом город над уровнем моря. А потом просто выстроили новую Саванну. Даже в наши дни, если хорошенько порыться в водосточной канаве, можно отыскать старые черепки или докопаться до булыжников первоначальных улиц. Пираты и контрабандисты использовали эти тайники, чтобы прятать свое добро.

Я прошел по этим старым улицам, теперь больше похожим на туннели. В моем подвале

имеется дверь, ведущая в подземную Саванну. Только так создания ночи могут перемещаться по городу в дневное время.

Впрочем, темнота – не единственное, что можно здесь найти. На протяжении многих лет самые разные существа пользовались потаенными убежищами. Скажу просто: бездомные, обитающие в подземельях, – наименьшая из опасностей. Некоторые туннели так близко подходят к кладбищам, что порой можно наступить на хрупкую бедренную кость или ухмыляющийся череп. Здесь встречаются и беспокойные духи – те, кто не смирился с судьбой и не пожелал оставаться в своих могилах. Порой тут слышны звуки, которые не в состоянии уловить человеческое ухо. Станные лица, похожие на мое собственное, иногда выступают из тени. Люди, впрочем, страшатся этой тьмы и избегают ее.

До сих пор я не рассказывал Джеку о подземельях. Он и его рычащие автомобили учиняли достаточно шума на поверхности, так могу я обеспечить себе немного тишины хотя бы здесь? Вдобавок мне не хотелось, чтобы Джек узнал о возможности перемещений по городу в дневное время. У меня и без того хватало проблем. Однако сегодня выбора не было.

Я отпер тяжелую железную дверь и в сопровождении Дейлода шагнул в прохладную темноту. Холодная капель обрушилась на нас, когда Дейлод поднял голову и вдохнул могильный воздух.

– Идем, – сказал я. – Надо найти Джека.

Джек

Просто здорово!

Я отыскал вход в подвал и втиснулся в дальний угол, держась подальше от солнечных лучей, которые проникали сюда сквозь окошки под потолком, потом сгреб весь мусор в кучу и отодвинул подальше, но места все равно не хватало. Я даже не мог толком вытянуться – какой уж тут сон? Ладно, к черту. В любом случае не выплусь без своего гроба.

До заката оставалась еще прорва времени, и я просто лежал на полу, вспоминая поцелуй Конни. М-мм... Какая женщина! Все при ней. И еще – она была теплой. Обладала этим невероятным живым человеческим теплом. Я до сих пор ощущал ток крови, бегущей по ее венам. Закрыв глаза, я оперся затылком о стену, восстанавливая в памяти каждый изгиб тела Конни, вновь и вновь пробуя на вкус ее сладко-соленые губы.

Я поерзал, устраиваясь поудобнее, и тут услышал у противоположной стены шорох и негромкую возню. Крысы. Черт!

Помню, как-то раз, вскоре после окончания Первой мировой войны, мне пришлось провести два дня в кладовой больницы, забитой жертвами «испанки».¹ Я искал недавно созданное хранилище крови, но забрел не туда. Кто-то вошел, и мне пришлось спрятаться, а потом они заперли дверь. Вот так я остался наедине со своими мыслями и полудюжиной крыс – огромных как опоссумы и таких же противных. Я вынужден был жрать этих хищников, чтобы они не сожрали меня. И смею вас уверить: это не то блюдо, которое можно назвать кулинарным изыском.

Шорох сделался громче. Ишь ты! Эти крысы, должно быть, размером с собаку...

В следующий миг послышался глухой удар. Стена треснула, в ней появилась дыра и оттуда высунулась рука с длинными пальцами. Все произошло быстрее, чем вы успели бы сказать: «Сюрприз!» Прежде чем я опомнился, меня выдернули из подвала точно кролика из шляпы фокусника. Возможно, именно так себя чувствует ребенок, которого вынимают из материнской утробы. Неудивительно, что большинство людей не помнят этого факта своей биографии.

Ну а затем я увидел перед собой Уильяма и попытался вырваться из его железной хватки. Мои ноги коснулись пола, и босс отпустил меня.

– Черт побери! До тебя, конечно же, не доперло сказать что-нибудь вроде «эй, я

¹ «Испанка» или «испанский грипп» – эпидемия гриппа, прокатившаяся по Европе в 1918–1919 гг. Стала называться так потому, что впервые сведения о начавшейся эпидемии появились в испанских газетах.

пришел»? – прошипел я. – Или хотя бы сосчитать до трех? Я бы услышал.

– Почему ты не вернулся вовремя?

Я отряхнул штукатурку с синего пиджака и сказал почти всю правду:

– К тому времени, как мы встретились с Конни, уже поднималось солнце. Я решил переждать здесь до темноты.

Дейлод дышал мне в колени. Стоило почесать его за ухом, как он тут же вывалил язык. Хоть кто-то рад меня видеть.

– Ты забрал ожерелье?

– Я велел Конни держать его при себе и носить не снимая.

– Джек! – Уильям уставился на меня, обнажив клыки. Потом посмотрел вверх, точно желая пронзить взглядом потолочные плиты до самой квартиры моей милашки. На секунду мне подумалось, что мой босс, пожалуй, сможет взлететь и забрать амулет самостоятельно. – Я должен был догадаться, что ты откажешься от оберега в ее пользу. – Он посмотрел на меня, и лицо его неожиданно смягчилось. – Надо полагать, никакие угрозы не заставят тебя вернуться и забрать ожерелье?

– Точно. – Я напрягся, ожидая очередной взбучки – вроде той, что получил на кладбище, но Уильям просто вздохнул. Мне показалось, что он чем-то здорово расстроен – и тут же вспомнил об Оливии и Шейри. Ну, и о старине Ридреке, разумеется.

– Есть вести от Оливии?

– Нет.

– А как Шейри? Ты можешь что-нибудь для нее сделать?

– Да. Потому и искал тебя. Мне нужна помощь. Пошли. Уильям повернулся и зашагал по туннелю, уводившему во мрак. Дейлод побежал следом, а я наконец-то обратил внимание на окружающую действительность.

– Эй, а что это за место?

– Сеть подземных ходов.

Я притормозил и огляделся по сторонам. Пол под ногами был вымощен булыжником. С одной стороны я увидел полуразрушенный фасад здания колониальных времен, а с другой – остатки какого-то допотопного механизма. Уильям обогнул столб солнечного света, бьющего сквозь канализационную решетку над головой. Сверху доносился шум машин. Я ощутил, как у меня отвисает челюсть.

– Э-э?... – выдавил я и кинулся догонять Уильяма с Дейлодом. Слушай, ведь так можно ходить по городу даже днем!

– Да, – отозвался мой босс.

Я тут же все понял. Разумеется, Уильям знал о подземельях – и очень давно. Я вновь остановился и посмотрел ему в затылок. На эту гордо вскинутую голову... Я кинулся на Уильяма в тот момент, когда он проходил мимо очередного столба света, – но промахнулся и пробежал аккуратно под решеткой. Боль резанула макушку, словно острый нож.

Уильям оглянулся, бросив на меня короткий взгляд, но не замедлил шага.

– У тебя волосы горят, Джек.

– Да знаю, черт побери! – Я хлопал себя руками по голове, одновременно стараясь догнать остальных. Никогда не злоупотреблял косметикой для волос, но и той капли геля, которым я укрепил прическу, оказалось достаточно. Очевидно, гель был легковоспламеняющимся. К черту эту химию! Отныне буду пользоваться только природными средствами.

– Почему ты, сукин сын, не говорил мне о туннелях? Я знаю пару контрабандистских ухоронок на берегу реки, где мы с ребятами прятали спирт, – но и только. А это... – Я взмахнул руками. – Ты должен был рассказать!

– Допустим, рассказал бы. И что бы ты делал дальше? Устроил бы шопинг? Сходил с друзьями на ланч?

– Эй! Реальные пацаны не занимаются шоппингом, – обиженно сказал я.

– Это был всего лишь сарказм.

– И вампиру не нужен ланч.

– Именно. Зато ему нужно спать для восстановления сил. Я пользовался туннелями только по крайней необходимости. Может, пару раз за все эти годы. Сегодня необходимость снова возникла. Теперь ты тоже о них знаешь. – Уильям махнул рукой, дав понять, что дискуссия окончена.

Мне захотелось придушить его, но минуту спустя я позабыл о нем, очарованный красотой подземелий. Подумать только! Какую свободу передвижения они предоставляют! Нужно хотя бы запомнить путь до подвала дома Конни. Размышляя о новых открывающихся передо мной возможностях, я воспрянул духом.

Тем временем мы добрались до перекрестка. Уильям пошел прямо, я же притормозил, заглянув в темноту бокового туннеля. Интересно, куда он ведет?

– У тебя еще будет время изучить подземелья, Джек. Сейчас надо позаботиться о Шейри.

С тех пор, как мы нашли обескровленную девушку, прошло немало времени. Впрочем, наверное, она еще жива.

– Может, надо сделать переливание крови или что-то такое? Почему бы не отвезти ее в больницу?

– И что я скажу врачу? – Уильям остановился и развернулся на каблуках. – «Это моя подруга, доктор. Не обращайтесь внимания на раны у нее на шее. Кстати, в теле почти не осталось крови, хотя на коже и одежде ее нет ни капли. Да, я был бы рад остаться и поболтать с полицией, но мне нужно уйти, пока не встало солнце»...

– Ладно-ладно, – пробурчал я. – Все понял.

Раны оставил Ридрек. С нами у Шейри больше шансов выжить, чем в любой больнице.

Уильям издал отрывистый безрадостный смешок.

– Просто диву даюсь. Словно ты был смертным только вчера. Прошло полторы сотни лет, но ты по-прежнему мыслишь как человек, а не как вампир.

Временами мне кажется, что именно поэтому мой босс держит меня при себе. Возможно, я забавляю его. Или со мной он чувствует себя более... человечным. Идиотская мысль, в общем-то. Для компании у него есть Мелания и Рени. Они – настоящие люди.

– Чем мы можем помочь Шейри?

Теперь я шагал бок о бок с Уильямом, и он бросил на меня мрачный взгляд.

– Инициировать ее.

– Инициировать?.. – Секунду спустя я понял, что он имел в виду. – Превратить в вампира?

– Да. Но я не стану этого делать. – Уильям смотрел прямо перед собой. В его словах не было смысла. Мы не можем сотворить вампира. Это было против всех установок и принципов Уильяма. Я – единственный вампир, которого он создал, да и то лишь потому, что я...

...в любом бы случае умер.

Затем весь смысл сказанного наконец-то дошел до меня.

– Не станешь делать? Это как же?

Туннель закачивался массивной стальной дверью с хромированным колесом-рукояткой. Уильям открыл ее. За стальной дверью оказалась еще одна – деревянная. Она бесшумно захлопнулась за нашими спинами.

– Все просто, Джек. Я не буду инициировать Шейри. Это сделаешь ты.

Свечи горели на всех стенах, как светляки, раздражая мои уставшие глаза. И как, интересно, я буду делать вампира, если с трудом могу продрать глаза? Уильям вынул Шейри из нового гроба, которого я не видел у нас прежде, и положил на стол.

Шейри была обнажена. В иной ситуации я бы пялился на нее, наслаждаясь чудесным зрелищем. Никогда не упускаю возможности полюбоваться женскими формами, если вы понимаете, о чем речь. Но созерцание бесчувственной полумертвой девушки не вызывало никаких сексуальных фантазий. Она выглядела... жутко. Да, я хочу знать все о сотворении

вампиров, но не такой ценой. Одно дело – теория, и совсем другое – заниматься всем этим самостоятельно. Даже Мелафия сбежала от нас, сказав, что ей нужно забрать Рени из школы. А уж жрица вуду не боялась никого и ничего – ни живых, ни мертвых.

Я снова взглянул на Шейри – такую беспомощную и слабую. Ее руки были скрещены на груди, девушка лежала на столе, словно жертва, предназначенная на заклятие. А может быть, она и была ею, потому что по-прежнему оставалась человеком, а мы собирались отнять ее душу.

– Ты меня слушаешь? – спросил Уильям.

Лишь теперь я начал осознавать в полной мере, что именно мы делаем.

– Сосредоточься, Джек. У нас мало времени. Ее жизнь висит на волоске.

– Ты уверен? Я хочу сказать: ты уверен, что она хочет стать одной из нас? А куда денется ее душа?

Уильям вздохнул.

– Я спрашивал Шейри, прежде чем она потеряла сознание. Она согласна. Ридрек сказал, что мы спасем ее. В любом случае, от тебя зависит далеко не все. Сделаешь, что сможешь, а все остальное – в руках судьбы.

Он не ответил на вопрос относительно души, и я понял, что продолжения не последует. – Так что надо сделать?

– Сперва необходимо высосать остатки крови...

Это не составит труда. Кстати, мне давно уже пора подкрепиться. Я как раз собирался спросить Уильяма, можно ли начинать, когда он закончил фразу:

– ...укусив ее в сердце.

Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

– Почему не в шею?

– Потому что она женщина. Давай же. Ты сможешь, – Уильям приподнял Шейри за плечи. – Пора, – сказал он.

– В сердце, – пробормотал я. Бросив на своего босса еще один неуверенный взгляд, я наклонился к девушке. Под белоснежной кожей по-прежнему бежала кровь, но последние остатки жизненной силы быстро покидали Шейри. Сердце билось слабо, быстро и неровно. Я закрыл глаза и разбудил в себе жажду человеческой крови.

Эту жажду я целенаправленно давил в себе, как священник подавляет сексуальные желания... ну, или так считается. Разумеется, время от времени я пил человеческую кровь, и за эти полторы сотни лет даже убил несколько человек. Однако я никогда не пожирал невинных людей, просто чтобы усмирить свой голод.

Не сделай ошибки. Человеческая кровь – не то же самое, что кровь животных. Как уже было сказано, я в основном пользовался лавкой мясника. И все же вампиры созданы, чтобы пить людскую кровь. Именно она заставляет тело петь, только она дает нам силу. Возвышает нас, если угодно. Голод будет управлять тобой, если ты позволяешь ему взять верх. Я же привык сам контролировать ситуацию.

Мои губы коснулись кожи Шейри, и я почувствовал, как вырастают клыки. По телу пробежала горячая волна возбуждения. Инстинкт вампира подсказывал, где спрятано сердце, и я погрузил клыки на нужную глубину. Кровь хлынула мне в рот. Шейри заскулила, как раненый зверек, пойманный хищником. Я пил – жадно, охотно и долго, пока не почувствовал, как порвалась нить жизни девушки. Ее сердце остановилось, тело начало остывать. Теперь она действительно была мертва. Надеюсь, ненадолго.

Кружилась голова, ноги ослабели – словно крепко перебрал на пирушке. Я почувствовал эйфорию. Король мира! Будь все проклято! Казалось, каждая артерия в моем теле наполнена до отказа. Святая вода в кармане вдруг потеплела, будто отзываясь на нечестивое действие, которое здесь происходило... и это вернуло меня к реальности. Я только что отнял жизнь и собираюсь отнять душу – навсегда отрезать ее от благодати Господа. И впервые я в полной мере осознал свою истинную сущность. Я – зло. Я проклят. И вместе с тем я чувствовал себя неимоверно, невероятно живым. Наконец-то я понял, что значит быть

вампиром...

– Сосредоточься, Джек! Теперь ты должен позвать Шейри назад. Возьми немного собственной крови и нарисуй у нее на коже знак четырех ветров духа. Вот так. – Уильям прикоснулся к груди девушки, к ее лбу и плечам.

Наслаждаясь текущей сквозь меня энергией, я оскалился, показав клыки. Казалось, во мне прибавился добрый фут росту, и я даже глянул вниз, пытаясь понять, не воспарил ли над полом.

Уильям издал раздраженный возглас и схватил меня за руку. Ногти вонзились в кожу с такой силой, что я охнул от боли.

– Уй!..

Уровень эйфории мгновенно упал.

Уильям обмакнул палец в кровь, выступившую из раны, и коснулся лба Шейри.

– Зови ее, Джек, – приказал он.

На секунду мне подумалось, не назвать ли Шейри Джеком, но я решил не изгаляться. Сейчас Уильям вряд ли оценит мой юмор. И уж наверняка девушка не порадуетесь шутке. Я опустил глаза и посмотрел на существо, которое только что убил.

– Шейри? – Я потряс ее за плечо. – Шейри, очнись.

Уильям нахмурился, но вместо того, чтобы отдавать новые указания, наклонился над столом, приблизив губы к уху девушки.

– Ше-еейри, – прошептал он.

Волоски у меня на шее встали дыбом. Я узнал силу этого зова. Однажды он также позвал меня. Я отшатнулся, но Уильям схватил меня за руку, прижав ладонь к ране на груди девушки.

– Шейри? Вернись к нам, милая. Отныне ты одна из: нас. – Его шепот был едва слышен, но я чувствовал те же самые вибрации, что и в Бонавентуре, когда Уильям звал Оливию. Темные углы подвала наполнились странными шорохами; мне хотелось закрыть глаза и хотелось смотреть. Мертвецы явились сюда, я ощущал их присутствие. Бездумные пчелы, привлеченные медом голоса Уильяма...

– Позови же ее, Джек. Скажи, что она нужна тебе.

Я сглотнул. Если мне что-то и было нужно сейчас – так это поскорее покончить с ритуалом. Я старательно попытался симитировать интонации Уильяма:

– Шейри, милая... Возвращайся. Мы... хм... я жду тебя. – Я ощутил дрожание воздуха. – Шейри?..

Ее тело чуть заметно вздрогнуло. Сердце слабо трепыхалось под моей ладонью. Уильям выпрямился.

– Теперь напои ее своей кровью. Вскрой вену на запястье и прижми к ее губам. Пусть пьет, пока ты не услышишь биение пульса. Тогда остановись. Не позволяй ей забрать у тебя слишком много сил.

Пришла пора делиться. Я похлопал по карманам джинсов. Куда запропастился мой нож? А, черт с ним! Я всадил зубы себе в руку.

– А-а! Чтоб тебя! – заорал я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Как больно!

Схватив Шейри за голову, я повернул ее к себе и прижал запястье к губам девушки. Ее рот мгновенно наполнился кровью.

– Пей, детка. Ну, давай. За папу Джека...

Я уже начал волноваться, но тут Шейри наконец-то глотнула. Она тут же раскашлялась (синему пиджаку досталась очередная порция кровавых брызг), а потом начала пить. Ее широко распахнутые глаза были янтарного, почти желтого, цвета – как у дикой кошки. Казалось, Шейри не осознавала, где находится и что происходит вокруг. Единственное, что она знала: ей нужна кровь и жизненная сила. Пальцы девушки сомкнулись на моем запястье. Она пила, пока у меня перед глазами не поплыли круги. Свободной рукой я уперся Шейри в лоб и попытался высвободить запястье. Не тут-то было. Мне стоило больших трудов избавиться от ее хватки.

– Ладно. Что дальше?

– Положи ее в гроб, который доставили для Оливии, и запри там. Она должна оставаться в гробу до заката. За это время трансформация завершится. Наступит агония. Она будет звать тебя, ругаться, кричать. Но что бы ни происходило – не позволяй ей выбраться из гроба. Иначе тело погибнет, а дух будет вечно страдать. Шейри должна лежать в гробу, пока агония не закончится. Ты понял?

– Понял, – сказал я. – Так что, дело сделано? Шейри очнется – и все тип-топ? Она станет одной из нас?

– Не совсем. При сотворении женщины-вампира есть еще один этап.

– Положись на меня.

– Сразу после того, как она восстанет, ты должен заняться с ней сексом.

– Э... Зачем? То есть она симпатичная девчонка и все такое, но...

Уильям убрал светлые пряди волос с прелестного лица Шейри. Маленький жест нежности к девушке, цепляющейся за жизнь, но стоящей на пороге вечной тьмы.

– Так надо. Сила женщины – в ее умении создавать жизнь. Но если женщина становится вампиром, она больше не может производить потомство. Репродуктивная функция теряется во время трансформации, и это создает вакуум. Природа отвергает вакуум, а меж тем даже процесс сотворения вампира подчиняется природным законам. Эта утрата может быть восполнена через акт, смысл которого – сотворение новой жизни. Вот поэтому только мужчина способен создать женщину-вампира. Именно таким образом женщина компенсирует свою ущербность. Вместо того чтобы взять семя мужчины, она забирает его силу, и баланс в какой-то степени восстанавливается.

– Звучит неплохо. Но если я отдам Шейри силу, то стану слабым? Так, что ли, получается? – Во мне зародились нехорошие подозрения. Я спрашивал себя, почему Уильям отказался инициировать Шейри, перепоручив это мне. Как я ни старался скрыть свои истинные чувства, босс, разумеется, понял, о чем я думаю.

– Нет, Джек, – устало сказал он. – Если бы ты занялся любовью с Оливией, то она бы высосала твою силу. Но Шейри – другое дело. Вся энергия, отданная ей, вернется к тебе сторицей, поскольку ты – ее создатель. Я тоже получу порцию силы, но она будет невелика, а уж Ридреку останутся только жалкие крохи. Вот почему я попросил тебя инициировать Шейри, а не сделал этого сам.

– О... – сказал я. – Ну ладно.

Я взял Шейри на руки и положил в гроб Оливии. Прodelал я это, честно сказать, не слишком нежно, поскольку девушка обвила руками мою шею и принялась искать артерию. Она была уже наполовину вампиром. Я закрыл крышку гроба, мысленно поздравив себя с успешно проделанной работой.

И тут Шейри закричала.

ГЛАВА 8

Уильям

Теперь можно отдохнуть, Джек. Мы сделали для Шейри все, что могли, остальное не в нашей власти. Хозяева тьмы либо помогут ей, либо заберут к себе...

И тогда ее неприкаянная душа будет обречена на вечные скитания.

Из гроба раздался неприятный скрежещущий звук. Джек поморщился, но, к счастью, не задал ни единого вопроса. Он, конечно, не согласится со мной, но в мире есть множество вещей, которые ему лучше не знать. И процесс сотворения вампира – одна из них. После смерти Дианы я утешался лишь тем, что ей не пришлось мучиться, как мучилась сейчас Шейри. И я – в свое время. Слава Богу, мой сын Уилл был слишком мал, чтобы сгодиться Ридреку для чего-нибудь, кроме еды.

Ридрек... Всюду Ридрек!

Джек сделал свой выбор. Я гордился им: он сумел преодолеть себя и провести ритуал, несмотря на свое трепетное отношение к людям. Однако рано праздновать победу, у меня еще много дел. Нужно проверить, нет ли новых писем от Похитителей, а потом надо разыскать Ридрека и Оливию.

Выйдя из подвала, я едва не споткнулся об Рейю и Дейлода, которые ждали у порога. Еще один крик эхом разнесся по коридору за моей спиной; заплескало пламя свечей на алтарях; холодный порыв ветра овеял нас. Рейя упала на ковер, зажав лапами уши. Дейлод смотрел на меня грустным взглядом, будто хотел помочь, но не знал, как. Я присел на корточки возле него.

– Она в пути. Сейчас нам остается только ждать.

Собаки последовали за мной в кабинет, то ли намереваясь приободрить меня, то ли желая укрыться от жутких Звуков. Не знаю. Какая разница? Я уже давно научился ценить их молчаливую компанию.

На компьютере появилось новое письмо:

Фредерика покинула Амстердам. Она в безопасности, хотя сильно пострадала. Лилит позаботится о ней.

Что ж. Выходит, я соврал Ридреку лишь отчасти. Прекрасно. Вампиры плохо переносят ограничение свободы. Боюсь представить, какие ужасы пережила Фредерика в плену у Ридрека. Надеюсь, наши женщины сумеют ей помочь. Лилит знает, что делать. Если она не сумеет избавить Фредерику от последствий пыток, то просто прервет ее страдания.

Не сообщить ли моим американским друзьям, что Ридрек в Саванне? Они, конечно же, захотят узнать подробности, попытаются помочь, а это может означать всеобщую войну. Нет, лучше не торопить события. Представители кланов придут на мой прием, в день Хэллоуина – тогда и посмотрим, что можно сделать. А пока я попытаюсь поподробнее разузнать о планах Ридрека и выяснить, могу ли я хоть как-то ему противостоять.

Но для этого мне нужно его найти.

– Дейлод, ступай, открой сумку мисс Оливии и принеси мне что-нибудь из ее одежды, – приказал я.

Спустя пару минут он вернулся с шелковой рубашкой, тонкой, как паутина.

Костяная коробочка оказалась теплее, чем обычно – будто ожидала моего прикосновения. В прошлый раз раковины привели меня к Ридреку; я полагал, что они могут сделать это снова, если я задам правильный вопрос. Но сперва нужно разыскать Оливию. Я сел и устало потер глаза. Уже три часа, как рассвело. Надеюсь, недостаток сна не мешает мне воспользоваться подарком Лалии.

Я поднес рубашку вампишки к лицу, вдохнул ее запах. Затем встряхнул коробочку и вывалил ракушки на пол.

Оливия? Где же ты, Оливия?

Раковины раскатились в разные стороны, а потом собрались в причудливый магический узор. В тот же миг стены моего кабинета истончились и исчезли. Я снова оказался в туннелях под городом, паря над полом. Тихие шепоты и шорохи окружили меня. Влажная паутина смещенного времени липла к лицу и рукам. Поворот направо. Потом налево. Мертвые лица глядели на меня из серого воздуха.

Оливия...

Я нашел их в самом глубоком туннеле, где мне самому доводилось бывать всего пару раз. Кажется, я вошел в чужую могилу. Удобный склеп, но расположен в сыром, полном червей суглинке. Глубокие борозды пересекали стену туннеля, все кругом было завалено грязью. В углах вяло шевелились сонные змеи, забравшиеся под землю, чтобы переждать зиму. Здесь пахло смертью – тленом и гниением. Я спросил себя, что же заставило пламенную Оливию отправиться в это мрачное, холодное место, и тут увидел ее.

Яркая прядь серебристых волос мерцала во мраке подобно огню маяка. Вампирша спала, свернувшись клубочком. Спала в объятиях моего врага. Ридрека.

Оливия...

Она вздрогнула и приподняла голову, вглядываясь в окружающий сумрак, но тяжесть дня, безраздельно властвующего в людском мире, вновь погрузила ее в сон. Оливия плотнее прижалась к Ридреку и закрыла глаза. Пальцы старого вампира сомкнулись на ее запястье. Я услышал его безмолвный призыв.

Останься.

Тут я понял, что глаза Ридрека открыты. Он смотрел в пустоту, будто ожидая... Чего? Возможно ли, чтобы злобный создатель побаивался своего мятежного отпрыска? Хотелось бы верить.

Жаль, что сейчас я не могу нанести ему удар. Ах, как было бы славно, если б мои рассеянные в пространстве молекулы проникли к нему в легкие вместе с этим заплесневелым воздухом и удушили Ридрека изнутри... Должно быть, я улыбнулся при этой мысли, но предупреждающее шипение старого вампира вернуло меня к реальности. Ни одна змея не сумела бы более ясно обозначить свои намерения. Однако Ридрек не двигался. Он не знал наверняка, есть ли опасность. Так или иначе, мы потеряли Оливию. Если Ридрек до сих пор не убил женщину, значит, лелеет какие-то планы на ее счет. Он собирается держать Оливию в плену и использовать против нас. Эта мысль пронзила меня, как удар кинжала.

Я сильная. Я справлюсь, – шептал разум Оливии.

Маленькая глупышка. Ты не понимаешь, с кем связалась. Я проиграл. Эдджер был моим другом, и я должен защищать его отпрысков. А это значит, что я приду за тобой.

Я сделал еще шаг вперед, намереваясь... Сам не знаю, что я собирался сделать. Проплывая над ними, я попытался дотянуться до Ридрека, но пальцы схватили лишь пустой воздух. Знакомое чувство. Всю свою вампирскую жизнь я пытался сражаться с Ридреком, но до сих пор не нанес ни одного серьезного удара.

Пока я предавался этим мрачным мыслям, послышался свистящий звук, и туннели вокруг меня внезапно начали двигаться, проносясь мимо с такой скоростью, словно я видел их из окна курьерского поезда. Раковины тянули меня вперед по времени, пока не привели в пункт назначения. Свист прекратился, и воцарилась тишина.

Глаза мои были открыты, но полное отсутствие света ослепляет даже вампира. Я стоял в темноте и тишине, посреди пустого царства темных сущностей и проклятых душ. Но вот послышался скрежет, потом – негромкие проклятия. Я ждал. Если уж меня забросило в эту непроглядную тьму, значит, у Лалии были на то причины.

Где-то вдалеке мелькнул крошечный отблеск света, за ним другой. Какие-то искры заплясали перед глазами, крутятся и сливаясь в мерцающий шар. Потом свет обрел форму и стал таким ярким, что я невольно сощурился.

Передо мной стоял Джек. Но не тот добродушный, улыбчивый и твердолобый Джек, которого я знал. Этот парень был хозяином положения, господином в синем пиджаке, властелином всего сущего. Я стоял перед ним – беспомощный и беззащитный. Он держал мою жизнь в своих руках. Улыбнувшись, Джек протянул Ридреку флакон с кровью Лалии. Я забился, пытаясь вырваться из невидимых пут, тянущих меня к земле, потому что понимал: в этот миг все мы – Джек, Ридрек и я – ждем восхода солнца. И у каждого есть на то свои причины.

Джек

– Боже всемогущий! – в ужасе заорал я и отпрыгнул от гроба, будто он был объят ярким пламенем.

Казалось, этот жуткий визг и хрип никогда не прекратится. Стоны и причитания, которые я слышал от раненых солдат на поле боя, не шли ни в какое сравнение с жалобными криками Шейри. Она неимоверно страдала. Я закрыл уши ладонями, но это не помогло.

Может, я что-то сделал неправильно? Выпил слишком много крови? Или слишком мало? Да-да, Уильям сказал, что так и должно быть... Я проверил засовы. Конечно, обычные гробы не запираются снаружи, но этот ящик был сработан на заказ. Сами понимаете, почему.

Так что конкретно говорил Уильям? Охваченный паникой, я никак не мог припомнить. Да, верно, он предупреждал, что Шейри будет орать, и ни в коем случае нельзя выпускать ее из гроба, как бы она ни умоляла.

Хрип прекратился – ровно настолько, чтобы девушка успела набрать в легкие новую порцию воздуха, а потом раздался дикий, непрекращающийся вой, от которого у меня заломило зубы. Пошатываясь, я добрел до бара и смешал себе коктейль – кровь пополам с алкоголем. Расправившись с выпивкой, я взял початую бутылку, пододвинул к гробу стул и сел. Это будет долгая ночь. Или день. Или что там, черт возьми, творится наверху. В подземном убежище Уильяма очень легко потерять чувство времени.

Вой сменился канонадой злобных проклятий. Я сделал добрый глоток прямо из горлышка. Гроб затрясся и начал вибрировать. Черт меня побери! Я сожру свою шляпу, если она не переворачивается в гробу в буквальном смысле слова.

Бог ты мой, как же наша новоявленная вампирша будет выглядеть на закате, когда выберется из своего гроба?.. И вот этого монстра мне придется трахать? Я слышал о парнях, борцах сумо, которые могут засунуть член в собственную задницу. И черт меня побери, если я не чувствовал себя так, как будто со мной это самое и происходило. Я попытался представить самую жуткую, истеричную бабу, которую только могло нарисовать воображение. Получилось нечто среднее между Кортни Лав¹ и Франкенштейном в женском облики. Детка-конфетка.

Я не преувеличивал. Грохот, трясущийся гроб, сводящий с ума вой – все это было похоже на сцену из «Экзорциста» с участием Линды Блэр,² только еще хуже. Я отлично понимал, как ужасно страдает сейчас Шейри. Хотя, если вдуматься, откуда мне было это знать?.. Может, дело было в той связи с мертвыми, которую я имел и которая позволяла мне общаться с духами?.. Или...

Внезапно меня осенило.

Я сам прошел через это!

Мне стало неудобно. Пришлось снова хлебнуть из бутылки. Да, теперь начинаю вспоминать. Дело было давно, но я помнил всех мертвых солдат, окружавших меня. Уильям проводил ритуал прямо на поле боя, и никакого гроба у него, разумеется, не было. Я приобрел свои клыки дедовским способом – Уильям закопал меня в землю.

Вспомнил! Боже ты мой, я вспомнил все!.. Когда началась агония, я пытался выкопаться из земли, убежать от этого демона, который мучил меня. Но кто-то мешал мне выбраться. Он! Конечно же, он. Клыкастый красноглазый дьявол, спросивший, хочу ли я жить. Обещавший спасти меня. И что он сказал мне тогда? Поклялся, что я больше не буду голодать?

Однако мне пришлось заплатить жуткую цену, ведь ничто и никогда не дается даром. Казалось, будто меня выворачивало наизнанку. Стальные когти раздирали тело, скручивались жилы и трескали кости, я горел, точно в огне. Боль была невероятной. Я умолял прекратить ее. Бился, вырывался, но не мог сдвинуться более чем на дюйм. Наконец мне удалось высвободить два пальца на левой руке. Подняв пальцы над землей, я почувствовал, как их обдувает ветер и греет солнце. Становилось все теплее и теплее... пока пальцы не вспыхнули.

Я помню, как отдернул руку, спрятав ее обратно в землю. Что происходило со мной? Чем я становился? Затем пришла жажда – страшная, непереносимая, хотя в тот момент я не знал, чем она вызвана. Я хотел... нет, алкал чего-то, еще не понимая, что со мною творится. Казалось, это продолжается дни... годы. Мое тело менялось, превращаясь во что-то другое, чужое и странное. Я не узнавал его, мне были вновь ощущения собственной плоти.

1 Кортни Лав – американская актриса. Вдова лидера группы «Nirvana» Курта Кобейна.

2 Линда Блэр – американская актриса. В фильме ужасов «Экзорцист» она сыграла роль девочки, в которую вселились бесы.

Потом наступила ночь. Я чувствовал ее, осознавал своим новым, преображенным мозгом. Давящий вес надо мною исчез, и я выбрался из земли. Кто-то посадил меня, точно семя, и теперь снимал урожай. Я стал вампиром.

Передо мной стоял Уильям, одетый в офицерский мундир. Он был ничуть не похож на чудовище, возникшее перед моим угасающим человеческим взором, и я узнал его не столько по виду, сколько по запаху. Пятна крови исчезли.

Сапоги сияли. Он был просто образчиком блестящего офицера и джентльмена.

– Рядовой Макшейн, ты готов к новой жизни?

Я огляделся. Стояла ночь, но все вокруг было отлично видно – даже без помощи лунного света, освещавшего призрачный пейзаж. Незнакомые запахи плыли по ветру, необычные звуки нарушали тишину земли и леса. Я уставился на Уильяма. Тот стоял передо мной, прямой, как струна, и задумчиво рассматривал меня, видно, пытаюсь понять, что за существо он привел в мир.

– Так точно, господин капитан, готов, – услышал я собственный голос.

Жалобный вой вернул меня к реальности. Я был уже изрядно навеселе, но не переставал ужасаться страданиям несчастной Шейри.

Я отлично знал, что она испытывает в этот момент.

– Помоги-ииии мне-ееее! – вопила девушка.

Теперь ее крики стали осмысленными. Наверное, это хорошо. Я похлопал по крышке гроба и тихонько пропел:

– Все в порядке, милая, все в порядке. Я здесь, я с тобой и никуда не уйду. Ты не одна, слышишь?

– Выпусти меня-аааа!

Я пожал плечами.

– Не могу. Это будет нехорошо. Верь дяде Джеку. Нет ничего хуже, чем наполовину приготовленный вампир. Во всяком случае, мне так сказали. – Я выразительно рыгнул.

Шейри заорала и разразилась проклятиями. Она кляла меня и моих предков вплоть до каменного века. По ее мнению, женская линия моего рода просто никуда не годилась.

– Ну-ну, – проворковал я. – Скоро будешь как новенькая.

– Не-еееет! Выпусти меня-а! Мне бо-ооольно!

– Потерпи, солнышко. Через пару часов все закончится, ты ничего и не вспомнишь. Станешь сильной, сможешь жить вечно, и у тебя будут большие... зубы. Так что сиди тихо.

Забавно. Когда тебе плохо или когда ты пьян, трудно рассуждать о достоинствах вампирской жизни. Во всяком случае, мне.

Из гроба послышался еще один вопль. Потом Шейри крикнула:

– Выпусти меня, а не то я тебя убью! – Ее голос значительно изменился. Она ворочалась и билась в гробу как профессиональный борец.

– Тише, тише. Ты же знаешь, что это невозможно. И потом, я и так уже мертв. Понимаешь?

– Мне больно, а ты – гребаный урод, сволочь, сукин сын! – заявила она.

– Ничего, у меня много положительных сторон, – сказал я и осмотрел пустую бутылку из-под скотча. Я не стал говорить ей, что через пару часов нам предстоит от души потрахаться. Скоро сама все узнает. Боюсь, это не будет похоже на романтическое свидание.

Никогда не умел успокаивать женщин в истерике, но на этот раз все было иначе. И дело не только в том, что Шейри заперта в гробу и не может кидаться всякими предметами. Я понимал, что причастен к судьбе этой девушки. Это я заставил ее балансировать между двух миров, на границе света и тьмы. Мне оставалось только надеяться, что она сделала правильный выбор, и Уильям был прав, отказавшись везти ее в больницу.

Он часто говорил мне, что я мыслю не как вампир. Если честно, я никогда и не чувствовал себя полноценным вампиром. До сегодняшнего дня, во всяком случае. Я всегда хотел понять, что такое настоящий вампир.

Будь осторожнее со своими желаниями...

– Джек? Ведь так тебя зовут, да? – Дыхание Шейри было хриплым и прерывистым, словно она из последних сил сражалась с болью.

– Угу.

– Как ты думаешь, я ему нравлюсь?

– Кому?

– Этому красавчику с зелеными глазами.

Господи! Она была игрушкой Уильяма и даже не знала его имени.

– Думаю, очень нравишься, милая.

– Как его зовут?

– Уильям.

Я вздохнул, вспоминая, как Оливия едва ли не целовала ему ноги при первой встрече. Теперь у него появилась новая поклонница. Я оказался в самом центре мыльной оперы для нежити. «Юные влюбленные вампиры». Как вам такой поворот?

Видимо, Шейри скрутил новый приступ боли, потому что она взвыла громче прежнего. Я снова поплелся к бару, выудил из ящика две старых винных пробки, подстрогал их немного ножом и засунул в уши наподобие затычек. Вернувшись на стул возле гроба, я похлопал по крышке, чувствуя, как мало-помалу проваливаюсь в пьяное полузабытье.

– Тише, тише...

Уильям

Я очнулся в кабинете, на полу. Холодный мокрый нос Рейи тыкался мне в ухо. Кружилась голова, словно я был пьян. Образ Джека неотступно преследовал меня, и я чувствовал растерянность, которая постепенно превращалась в злость.

Зачем Джеку предавать меня? Или я сам как-то подтолкнул его к нарушению клятвы? Не хотелось в это верить. Или же искушение Ридрека слишком сильно даже для того, кто защищен кровью вуду, и Джек не сумеет ему воспротивиться?

Я отстранил Рейю, сел и прислушался, но все было тихо. Кажется, я отсутствовал несколько часов, однако по-прежнему чувствовал свет утреннего солнца. Надо поспать, отдохнуть хоть немного перед грядущей схваткой. Я должен спасти Джека от того, что он, возможно, намеревался сделать. Пусть мне не по силам спасти весь вампирский мир, но уж Джека я Ридреку не отдам. Сопровождаемый Рейей, я отправился разыскивать его.

Джек сидел на стуле, уронив голову на гроб Шейри, и спал мертвым сном. Одна рука свешивалась, касаясь пустой бутылки у его ног. Еще две такие же посуды валялись рядом. Я потряс Джека за плечо и окликнул, но он лишь застонал и крепче стиснул горлышко добившей его бутылки.

Ощувив мое присутствие, зашевелилась Шейри. Она забилась в своем гробу и крикнула:

– Уильям! Помоги мне!

Откуда девушка узнала мое имя? Наверное, мне следовало разозлиться, только вот на кого?..

– Тише, – сказал я.

– У... Уиль... Уильям?

Я не стал отвечать. Страдать ей осталось недолго. Я проверил замок на крышке гроба, потом осторожно вынул бутылку из пальцев Джека и отнес его в гроб. Расправив бархатные лацканы магического пиджака Мелафии, я закрыл крышку.

Сегодня мне не удастся отдохнуть. Я не смогу выяснит, когда и почему Джек решит предать меня. Будущее не определено – и неважно, что показали раковины. В любом случае мне не стоит впутывать Джека в свои разборки с Ридреком. С создателем – со своей судьбой – я должен встретиться один на один. Может быть, удастся спасти хотя бы Оливию.

Я снял рубашку и швырнул ее в огонь, потом извлек из шкафа свежую вместе с темно-синим модельным пиджаком. Этот пиджак не обладал магическими свойствами, зато он был

от Армани. Облачайтесь в лучшие свои одежды, идя в последний бой...

Присев к столу, я набросал короткую записку для Мелафии.

Дорогая!

Я ухожу по важному делу и не знаю, когда вернусь. Оставляю Джека вместо себя. Пусть он закончит то, что мы с ним сегодня начали. Присмотри за ним. Возможно, Джеку придется исполнять роль хозяина на нашем приеме в День всех святых. Передай ему, что я на него полагаюсь.

Твой Уильям.

Я еще раз сходил наверх – в компании Дейлода, который не отставал от меня ни на шаг, – положил заклеенное письмо на буфет в кухне и вернулся в подвал. Человеко-пес по-прежнему был со мной.

– Охраняй, – приказал я ему и дождался, пока Дейлод займет свое обычное место в коридоре, ведущем в дом. А затем открыл дверь туннеля и вошел в холодную темноту.

Туннели казались пустынными. Я долго шел по ним – точно так же, как во сне, навеванном магическими раковинами. Наконец я почувствовал, что приближаюсь к Ридреку.

Он выпрямился, когда я вошел в его каменное убежище. Не обращая внимания на старого вампира, я созерцал шевелящуюся массу змей, заполонивших комнату. Некоторые расположились вокруг головы Оливии, предавая ей вид древнегреческой Медузы.

– Оливия, проснись.

Она беспокойно пошевелилась, вынимая из серебристой копны волос запутавшуюся в них змейку. А в следующий миг Ридрек оказался подле меня. На расстоянии удара. Его дыхание пахло могилой. Я стоял перед ним без оружия, без магического пиджака, без ожерелья. Никакой защиты, кроме магии моей измененной крови.

Я перевел взгляд на вампиришу.

– Ты в порядке?

Ты уже принадлежишь ему? Или готова уйти со мной?

– Более чем, – сказала она, стараясь выдержать мой взгляд. Руки Оливии были сложены на груди – олицетворение покорности. Я не знал, что осталось от ее воли. И не было времени выяснять, кому она верна.

– Пойдем домой, Оливия, – сказал я, а потом обернулся к Ридреку. – Ты воняешь хуже гниющего трупа. Жрешь мервечину, не иначе. А?

Вампириша поднялась на ноги, но не трогалась с места.

– Говорю тебе: пошли домой.

Я ожидал, что Ридрек попытается отменить мой приказ, но он просто улыбнулся.

– Ах, как многое в этом мире остается неизменным. Ты снова готов пожертвовать собой ради женщины, как и во время нашей первой встречи. Как благородно. Как бессмысленно... – Он перевел взгляд на Оливию. – Все правильно, детка. Иди домой. Нам с моим рыцарственным отпрыском есть о чем поболтать.

Не колеблясь более ни секунды, вампириша кинулась к двери и исчезла в темном туннеле. При мысли, что она в безопасности, я почувствовал некоторое облегчение, потом, отодвинув зазевавшуюся змею носком начищенного ботинка, сказал:

– Замечательное укрытие ты нашел. Разным тварям удобно в нем прятаться. Местечко как раз по тебе.

Ридрек стряхнул землю с рукава пальто.

– Может, найдем норку поуютнее? Которая отвечала бы твоему утонченному вкусу, – предложил он. – Ты живешь в этом городе. Наверняка знаешь и другие убежища.

Я повел Ридрека по туннелям в противоположную от моего дома сторону. Чем бы ни кончилась наша встреча, пусть она происходит как можно дальше от тех, кто мне дорог. Мы остановились в хорошо известном мне месте – небольшом подземелье недалеко от реки. Здесь были гладкие сухие стены, вдобавок комната имела прочную стальную дверь. Скорее

всего, ее выстроили пираты, чтобы хранить здесь свое добро и прятать его от блюстителей закона. В центре стоял стол, сделанный из тяжелой каменной плиты, по обе стороны от него размещались две скамьи. В стенной нише горела лампа. Кто-то поддерживал порядок в этом месте, хотя я никогда не встречал здесь ни человека, ни вампира, ни какого-либо другого существа.

Удовлетворенно оглядевшись по сторонам, Ридрек сел, снял пальто, вытряхнул заблудившуюся в нем змею и положил одежду на скамейку. Я уселся напротив. Не утруждая себя долгими предисловиями, старый вампир перешел прямо к делу.

– Что это за история насчет магической крови вуду?

Я почувствовал, как что-то сжимается у меня внутри, хотя был уверен, что на лице не отразилось ничего.

– О чем ты?

– Не крути. Я знаю о твоей смешанной крови. Оливия рассказала мне.

Оливия... Мне следовало быть осмотрительнее.

– Она моя, ты же понимаешь, – сказал Ридрек с неприятным смешком. – Твоя жертва бессмысленна. Я отправил ее с наказом привести ко мне Джека.

– Оливия ничего не знает. Неужели ты думаешь, что я стал бы доверяться чужачке, взявшейся неизвестно откуда?

Ридрек печально покачал головой.

– Нет. Полагаю, что нет. Но ты ведь доверяешь Джеку, не так ли?

В самые черные дни своей жизни я иногда представлял, как Ридрек мучает или убивает Джека, чтобы отомстить мне. Посредством раковин Лалии я увидел истинную опасность – самую ужасную из всех возможных. Ридрек заставит парня предать меня... Я сделал глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Мне нужно спасти Джека и остановить старого мерзавца. Но как сражаться с ним? Для меня он неуязвим.

– Знаешь, из Джека ничего путного не вышло, – сказал я с печальным вздохом; – Мне хотелось сделать из него свое подобие, но в нем до сих пор остается слишком много человеческого. – Я покачал головой с самым что ни на есть удрученным видом. – Если честно, никто и ничто по эту сторону большой Атлантической лужи меня особо не радует.

– Ай-ай-ай. Бедный мальчик. Не говорил ли я тебе, что за дыра эта Саванна? Жуткое убожество. – Ридрек обвел рукой окружающее пространство. – Никакого духа состязательности, никаких интриг. Подумать только, контрабандисты и пьяные ирландцы. Ты позабыл Англию? А Елизавету? Черт тебя побери, Уильям! Ты же трахал королеву!

Кто бы мог забыть Бесс? Она была мне ровней во многих смыслах. Не вампиром, нет. Она бы никогда не захотела для себя такой судьбы. Елизавета обрела иное бессмертие – имя помазанницы божьей, законной королевы Англии. Я же много лет был ее ночным советником, доверенным лицом и любовником. Как-то она даже отправила меня в Тауэр к своей ненавистной кузине Марии.¹

– Если б ты сделал ее одной из нас, мы были бы непобедимы, – прошептал Ридрек. – А вместо этого ты просто имел ее во все дыры.

– ...Пока ты убивал ее придворных. Елизавета никогда тебя не любила, сам прекрасно знаешь. Она мирилась с твоим присутствием из-за меня.

Ридрек ухмыльнулся.

– Потому что я не ублажал «королеву-девственницу» так славно, как ты. В то время я спускал тебе с рук все эти развлечения.

Елизавете всегда нравились мужчины. Она беззастенчиво флиртowała с доброй половиной высшего света. В этот миг королева предстала перед моим мысленным взором – ангельское лицо в обрамлении золотисто-рыжих кудрей. Она стояла у камина, завернувшись в меха, чтобы уберечься от холодного английского ветра. В свете пламени Елизавета казалась очень бледной, словно всю ночь плясала с эльфами.

¹ Речь идет о королеве Елизавете I Тюдор, правившей в Англии в XVI веке, и королеве Шотландии Марии Стюарт.

– Расскажи о кузине Марии. Как она живет в заключении?

Я запустил пальцы в мех, погладив нежную теплую щеку королевы. Я видел, как ее кожа розовеет от нарастающего возбуждения, и решил, что солгу лишь чуть-чуть.

– Мария рассержена и напугана, и это старит ее. – Довольная улыбка тронула губы королевы. – И все же она по-прежнему прекрасна, – добавил я. Улыбка исчезла, Елизавета оттолкнула мою руку.

– Уолсингему¹ нет дела до красоты. Он несет службу протестантской Англии как крест Господа нашего.

– Мария тоже носит четки за корсажем. – Я умолчал о том, что мне стоило немалых усилий приблизиться к католической реликвии. Елизавета послала меня напугать Марию, и это не составило труда. Достаточно было забраться в высокое неприступное окно ее комнаты в Тауэре и показать клыки. Однако я уловил ее злость и вошел внутрь. У Марии был вкус вереска и безнадежности.

Елизавета повернулась ко мне и неожиданно кинулась на защиту своей кузины.

– В конце концов, она тоже королева. А Уолсингем снимет твою красивую голову, если узнает, чем мы тут занимаемся вдвоем. – Англичане всегда с готовностью жгли ведьм. Страшно подумать, что они сделают с тварью вроде меня. Я не стал отвечать на ее угрозы, а просто налил в чашу меда. Елизавета вздохнула, поднялась на ноги и подошла ко мне – так близко, что я ощутил тепло ее тела. Под горностаевой накидкой на ней не было ничего. Бесс взяла чашу из моих рук и отпила.

– Я твоя королева. А ты здесь затем, чтобы ублажать меня, не так ли? – В ее глазах мелькнула тень сомнения и тут же пропала.

Я улыбнулся.

– Повинуюсь. Я весь ваш. – Более не тратя слов, я отшвырнул чашу, подхватил Елизавету на руки и кинул на кровать, заглушив удивленный вскрик долгим поцелуем. Она сопротивлялась, пока мы оба не начали задыхаться. Наконец и оторвался от ее губ, и королева ухмыльнулась.

– У тебя вкус крови, – прошипела она.

– Да. Это кровь королевы Марии. – Я думал, что Елизавета снова закричит и оттолкнет меня, но она умела удивлять. Облизав губы, королева потянулась ко мне, чтобы попробовать еще раз...

Голос Ридрека вернул меня в реальность.

– Да, я позволял тебе развлекаться. Потом учил тебя охотиться.

После смерти Елизаветы – смерти такой же естественной, как и рождение – я едва не сошел с ума, а потом, утонув в своем горе, опять сошелся с моей вечной любовницей – яростью. Я рыскал по Лондону, охотясь на пару с Ридреком, будто мы были лордами этой земли. Словно право убивать и калечить было дано нам свыше.

Но нет; божественная воля не имела с нашими делами ничего общего.

Однажды вечером мы поднялись на торговый корабль, недавно приплывший из южных стран, груженный рабами и специями. Мне вспомнился запах корицы, карри и давленных оливок. Я метался по палубе, убивая команду, пока Ридрек освобождал рабов от их цепей и их крови. Словно зачарованный, я наблюдал, как он обезглавил одного раба, потом удушил другого. Вместо того чтобы бросить очередную жертву на палубу, Ридрек держал ее на весу, раздирая артерии, наслаждаясь криками и судорогами. В конце концов, мы так раздулись от крови, что едва добрались до своих гробов. И все же я не чувствовал ни удовлетворения, ни покоя.

– Или ты не помнишь, как это было? Мы ели, когда хотели и сколько хотели. Бродили по улицам и пили сладкую кровь... – Ридрек смотрел на меня в упор, и я знал, что он ищет слабину. – Как давно ты в последний раз ел? Я хочу сказать: ел по-настоящему, до полного насыщения и удовлетворения?

Возможно, никогда. Во всяком случае, очень и очень давно, хотя я не собирался в этом

¹ Уолсингем Фрэнсис – глава разведки и службы тайного сыска при королеве Елизавете I.

признаваться. Я научился контролировать свою жажду и способен сдерживать себя, если речь заходит об охоте. С помощью Элеоноры я нашел несколько добровольцев-доноров и довольствовался этим.

– Я утоляю жажду другими способами, – отозвался я, увильнув от прямого ответа.

– Покажи мне, – сказал Ридрек. – Стань моим проводником в Новом Свете. Покажи, как здесь умирают и как обедают.

Он бросал мне вызов, желая узнать мои привычки и склонности. Сосредоточившись, я закрыл от него мысли об Элеоноре и обо всем, касавшемся моей измененной крови. Если бы мне удалось убедить Ридрека, что у него есть шанс обратить меня на свой путь, я выиграл бы время. И тогда, возможно, я сумел бы отыскать способ разделаться с ним. Во всяком случае, есть вероятность на время отвлечь его от Джека.

– Где ты бросил машину мэра?

– На парковке возле какой-то вашей церквушки. Такая симпатичная, с золотым крестом в витражном окне. Отличная шутка; не находишь? А почему ты спрашиваешь?

– Потому что она нам понадобится, – ответил я. – Как только сядет солнце, я повезу тебя на охоту.

ГЛАВА 9

Кто-то стучал в дверь.

– Пять минут, – пробормотал я.

– Джек!.. – послышался приглушенный голос Дейлода. Я застонал. Память вернулась ко мне. Инициация Шейри. Ее жуткие крики. Слишком много виски. Я даже не мог вспомнить, как забрался в гроб.

– Джек, солнце садится. Мелафия велела напомнить, что у тебя еще масса дел. А Уильям сказал, что ты слишком много выпил, и велел мне разбудить тебя, иначе ты проспал бы все на свете.

– Наш босс везде поспевает, верно? – Я приподнялся на локте, размышляя, какого черта у меня так болит запястье. Потом вспомнил и об этом. Я откинул крышку гроба и воззрился на Дейлода.

– Да-да-да. Встаю. Уже встаю.

Он вздохнул с заметным облегчением.

– Я иду наверх. Дай мне знать, если что-то понадобится. – Человеко-пес развернулся на каблуках и исчез в коридоре.

Я посмотрел на гроб Шейри. Она больше не долбила изнутри по его крышке как по маримбе¹ и не визжала так, что закладывало уши. В подвале стояла тишина. Мертвая тишина, если тут будет уместно такое сравнение. Я выпрыгнул из гроба. Едва ноги коснулись пола, я почувствовал себя так, словно кто-то бил меня по макушке чугунной сковородой. Если вы думаете, что у вампиров не бывает похмелья, то сильно ошибаетесь.

Мне было худо, очень худо. Подозреваю, я и выглядел не лучшим образом. Один из тех дней, когда радуешься, что не видишь своего отражения в зеркале. Иначе немудрено и заикой стать. Я осмотрел свою одежду. Джинсы в грязи, рубашка измята, а магический пиджак заляпан кровью, Шейри бросит на меня один-единственный взгляд и снова заорет. Особенно когда я расскажу ей о финальном этапе сотворения женщин-вампиров.

Наверное, пиджак лучше снять и положить в укромное местечко для пущей сохранности. Ему и так уже здорово досталось. Я похлопал по карманам и обнаружил, что святая вода по-прежнему здесь. И что мне делать с этой штуковиной, скажите на милость?

Можно, например, устроить публичную акцию протеста – разбить пузырек и облить себя водой. Мое воображение мгновенно нарисовало эту картину: вот от меня поднимается пар, вот я начинаю кипеть. «Прошу прощения. Не возражаете, если я тут слегка

¹ Маримба – ударный музыкальный инструмент, состоящий из укрепленных на раме деревянных брусков, по которым ударяют колотушками, родственник ксилофона.

подымлюсь»? Я подумал: может, просто-напросто выплеснуть воду в раковину? Но кто знает, не пригодится ли она в один прекрасный день. В крайнем случае, я верну ее Конни, когда с этим Ридреком будет покончено. То есть, если я, конечно, переживу эту историю.

Я прошелся по коридору, рассматривая алтари Мелафии, потом, воровато оглядевшись по сторонам, быстро вынул флакон из кармана и спрятал его за статуэтку какого-то святого – или кто он там. Затем подождал несколько секунд, чтобы удостовериться, что он не загорится, но все выглядело нормально.

Повесив пиджак в шкаф, я вернулся к гробу Шейри. Пригладил волосы, как мог, и подумал, не принять ли душ. Ладно, обойдусь. Уильям говорил: все должно произойти сразу, как только Шейри проснется. Я легонько побарабанил по гробу, чувствуя себя подростком, стучащим в дверь девушки перед первым свиданием. Я припомнил, что Шейри была раздета. Что ж, меньше времени уйдет на глупости. Потом, вспомнил, что несколько часов назад она была как дикий зверь и извивалась как дервиш.

– Эй, кто-нибудь дома? – окликнул я и отпер засов. Крышка гроба распахнулась так резко, что повисла на петлях и чуть не захлопнулась снова. Однако существо внутри было невероятно быстрым. Оно подскочило вверх и опустилось на пол, приземлившись прямо передо мной – колени полусогнуты, словно свежее испеченная вампириша готовилась к решительной схватке на чемпионате по борьбе. Я не удивился. Сам я выскочил из могилы таким же образом. Ну, может, не в точности так же...

– Привет еще раз, – сказал я, потирая ладони. – Как ты себя чувствуешь? Готова ли к безумной любви?

Шейри смотрела на меня, округлив глаза, и будто бы чего-то ждала. Ее руки висели вдоль тела, как плети. Кожа имела нездоровый вид. То есть я не собирался придирается, но выглядела она не лучшим образом. Ее волосы были сухими и безжизненными, груди обвисли, в глазах плескалась пустота. В этом существе не осталось ничего от прежней Шейри. Оживший мертвец, зомби, как их показывают в кино, – вот на что она была похожа.

– Теперь ты не очень-то разговорчива, а? Ну и ладно. Ты ведь понимаешь, что произошло, верно? То есть Уильям сказал, что предупредил тебя насчет превращения в вампира... – Я помедлил, ожидая ответа или хотя бы какой-то реакции. Ничего. Шейри тупо смотрела на меня.

– Ладно... хм... Тут такое дело. Есть еще один этап, который надо пройти, и тогда...

Она толкнула меня с такой силой, что я отлетел назад. Под колени ударил край дивана, и я с размаху шлепнулся на него, нелепо взмахнув руками. А в следующий миг девушка уже сидела на мне верхом, раздвигая мои бедра.

– Ого! – сказал я. Это уже интересно.

– Эй, ты... – Она схватила меня за грудки и рывком распахнула рубашку. Пуговицы разлетелись в стороны, стучаясь о стены со звуком пулеметной очереди.

Ладно, она хотя бы обрела дар речи. Хороший знак.

– Рад, что язык у тебя не отсох.

– Да? Сейчас ты в этом убедишься. – Вампириша наклонилась и впечатала мне в губы яростный поцелуй. Язык проник мне в рот, пытаясь добраться до самых миндалин. А руки Шейри искали кое-что еще.

Я с трудом оторвался от ее губ и проговорил:

– Дай я тебе помогу, а? Стой, не рви ремень, это натуральная крокодиловая кожа и пряжка с эмблемой «Наскара», совсем новая. Друг мне привез его с последних гонок в Чамптоне...

Она отпустила ремень, и я его расстегнул. Потом уперся каблуками в ковер и приподнял зад над диваном, прежде чем Шейри успела разорвать джинсы. Мои любимые потертые заслуженные джинсы. Было бы жалко их потерять.

Она стянула джинсы до колен, а я кое-как ухитрился скинуть свои ковбойские сапоги и стряхнул штаны на пол. Затем Шейри ухватила меня за самое дорогое. Я поймал ее руку.

– Поосторожнее с этим, детка, лады? Остынь немного. – Я никогда не возражал против

хорошего секса, но тут просто-напросто испугался, как бы Шейри в порыве страсти не оторвала мое хозяйство.

Одним стремительным движением она вывернулась, стиснула мои запястья и задрала обе руки над головой, так что ее груди оказались прямо у меня перед носом. На этот раз, должен признать, я заинтересовался. Ничто так не привлекает внимания, как пара торчащих женских сосков. Шейри стиснула бедрами моего друга, и тот мгновенно отозвался. Ощувив, что я готов к бою, новоявленная вампирша одним быстрым движением оседлала меня – и пустилась вскачь.

С трудом переводя дыхание, я взглянул на нее. Шейри изменялась на глазах. Лицо порозовело, губы набухли и увлажнились, груди стали полными и округлыми. С каждым новым движением ее волосы становились все красивее. Она откинула голову назад; кожа на горле разглаживалась, становясь мягче и нежнее. Когда я вновь увидел лицо девушки, ее глаза были живыми и яркими.

Наши губы снова встретились. Я подумал о Конни и ощутил укол вины – но недостаточно сильный, чтобы прервать поцелуй. В конце концов, это была часть необходимого ритуала. Однако в следующем миг я подумал еще кое о чем – ну, насколько мужчина способен думать в такой ситуации. Как будут развиваться наши отношения с Шейри? Кем я стану для нее? Будет ли она подчиняться мне, как я подчиняюсь Уильяму? От этих мыслей у меня закружилась голова. Неужели наконец-то появится тот, кто будет принадлежать мне? Я больше не останусь один? Оставалось надеяться, что Шейри окажется милой, что я понравлюсь ей.

Когда поцелуй закончился, я сказал:

– Любишь «Наскар»?

Не прекращая ритмичного движения, Шейри посмотрела на меня, словно стараясь понять смысл вопроса. Потом сказала:

– Что, уже готов? Пытаешься отсрочить? Теперь настала моя очередь недоумевать.

– А?..

– Я слышала, некоторые парни думают о бейсболе, чтобы не кончить слишком быстро. Но гонки тоже годятся.

– Ничего подобного! Я просто хотел сказать... А, ладно, проехали. – Впереди еще куча времени, можно вернуться к этому и попозже. Я опять вспомнил о Конни. Она действительно нравилась мне, но если мы будем вместе, Конни в конце концов поймет, кто я, и, вполне возможно, не сумеет принять меня таким, каков я есть. А кто бы сумел, скажите на милость? Так что все к лучшему, ей-богу.

Я взял в каждую руку по груди и нежно поласкал их. О, да. То, что надо. Шейри оживала – в буквальном смысле – прямо на мне. Ей тоже нравился процесс. Она оглаживала ладонями мой торс, не слишком нежно дергая меня за волосы на груди. Эй, почему я все эти годы не делал женщин-вампиров?

Шейри застонала. О, это было совсем не похоже на звуки из гроба. Я слышал стоны живой человеческой женщины, приближающейся к экстазу. Я взял Шейри за задницу, чуть приподнял и вошел в нее снова. Теперь и я сам не мог сдержать стоны. Мы оба были почти на вершине. Шейри стиснула меня бедрами и выгнула спину.

Я ускорил темп, а она все подгоняла и подгоняла меня. До финиша мы дошли одновременно... Цветные огни, колокола, свист, гром и молнии, Дайтона-500, все девять ярдов. Тело Шейри выгнулось в спазме высшего наслаждения. Пора, Джеки.

Она расслабилась – мгновенно и полностью. А что еще надо после хорошего секса? Я придержал ее, ожидая, пока девушка переведет дыхание. А потом понял, что она вообще не дышит.

Что-то было не так. Чертовски не так...

– Шейри? Милая? – Я приподнялся и заглянул ей в лицо. Ее чудесные глаза цвета меда были широко распахнуты. По-прежнему яркие, теперь они стали пустыми и неподвижными. То, что с ней творилось, не очень-то походило на расслабленность после оргазма.

Это походило на смерть.

Я схватил Шейри за плечи и хорошенько встряхнул.

– Вернись! – умолял я. Мной овладела паника. Что же делать? Я схватил голову Шейри и повернул к себе, зажал нос и сделал искусственное дыхание рот в рот. Никакого эффекта. Массаж сердца? Я несколько раз нажал ладоням на грудь девушки, и лишь потом опомнился. Что я творю? У вампиров не бьется сердце, и массаж их не оживляет. А что оживляет вампиров? Я готов был отдать свои жизненные силы Шейри прямо сейчас, да вот только не представлял, как такое сделать.

Я стоял над ней, вцепившись руками в волосы и мучительно размышляя. Этого не может быть! Пять минут назад она была счастлива и полна жизни. Теперь же ее кожа снова становилась сухой, щеки посерели, тело снова умирало. Как же так? Ведь смерть настигает нас только один раз.

И где дьявол носит Уильяма, когда он мне так нужен? Что он там говорил? Все внятные мысли разом куда-то подевались. Да и что толку вспоминать? Даже если я соображу, где напортачил, это не обратит время вспять. И, как обычно, когда дела идут хуже некуда и надо шевелить мозгами, мне в голову полезла всякая чепуха. Я подумал об этой старой книге, «Волшебник страны Оз». Она не была «едва мертва». Она была по-настоящему, категорически мертва.

Я опустил на колени и завыл от гнева и боли. Во имя ада, что я наделал? Пару дней назад эта прелестная юная женщина жила полной, яркой жизнью. А теперь из-за пары злых кровососов она умерла и гнила у меня на глазах. Я убил невинного человека, не заслужившего смерти. Вот теперь я стал истинным, настоящим вампиром. Можете меня поздравить.

Я внезапно заметил, что плачу, утирая глаза кулаками. Не знаю, не помню, когда мне доводилось плакать последний раз. И почему я плакал? О Шейри? Или потому, что спустя полторы сотни лет реальность наконец-то обрушилась на меня?

Я – чудовище.

Краем глаза я заметил, что в подвал кто-то вошел.

– Джек! Я слышала, как ты кричал. Что случилось? – Ко мне спешила взволнованная Мелафия.

– Она умерла! Ты можешь что-нибудь сделать? Песнопение или заклинание? Или... что-нибудь?..

Мелафия подошла к телу, коснулась пальцами шеи девушки и заглянула в ее глаза. Потом аккуратно положила ладонь на веки Шейри и закрыла их.

– Нет, Джек. Я ничего не сумела бы сделать, даже если бы пришла раньше.

Жрица вуду подошла и положила свои мягкие золотистые руки мне на щеки. Я знал Мелафию с ночи ее рождения, помогал растить ее. Никого из нас не волновала моя нагота, но все же я поднял с пола джинсы и натянул их на себя.

– Что я сделал не так? Почему она умерла?

Мелафия села подле меня и обняла за плечи.

– Такое иногда случается. Вряд ли кто-то знает, почему именно. Многие люди умирают в процессе трансформации. И мужчины, и женщины, но женщины чаще. Ты не сделал никакой ошибки, поверь. Я понимаю, как тебе тяжело, но не вини себя.

Я прижался своей небритой Щекой к ее щеке – гладкой и нежной. Мелафия знала все о таинственных сумрачных пространствах, пролегающих между жизнью и смертью. Она была сведуща в магии, разбиралась в таких вещах, о которых люди даже не подозревали. Знания и сила, доступные лишь божественным существам, принадлежали ей по праву рождения. Жрица была мудра не по годам.

Я опустил глаза, взглянув на руку Мелафии, гладившую мою ладонь. Слеза упала на ее гладкую кожу. Она была розоватой от той крови, которая оживляет мое тело, и я почувствовал отвращение при мысли, что слеза коснулась Мелафии. Впервые я стыдился самого себя.

Я опустил голову и вытер глаза. Подумать только, в краткие моменты экстаза я имел

глупость мечтать о другом существе, похожем на меня. Существе, которое я мог бы назвать своим. Ты идиот, Джек Макшейн.

– Не плачь, прошу тебя. Все пройдет. – Мелафия снова погладила меня по лицу и поцеловала в щеку. Я чувствовал запах ее чистой, ничем не замутненной человечности – и отстранился, чтобы не запачкать собой.

– Что ты делаешь здесь в такой час? – сипло спросил я.

– Беспокоилась за вас с Уильямом. Ридрека до сих пор не обнаружили, и Оливия куда-то ушла. Так что решила тебя проведать.

– А где Рени? Разве ей не пора спать?

– Она наверху с Рейей и Дейлодом, делает уроки. С ней все в порядке.

Мне снова стало стыдно при мысли о том, что я только что занимался безудержным, бурным сексом под одной крышей с маленькой дочкой Мелафии. Щемящая нежность к этим двоим сдавила мне сердце, и по лицу снова покатались слезы. Однажды я потеряю их, как потерял мать Мелафии, ее бабушку и прабабушку. Со всеми своими знаниями и мудростью они не были, подобно мне, бессмертными. Я знал всех женщин в роду Мелафии с того момента, как началось мое вампирское существование, держал их на руках, когда они приходили в мир, и стоял рядом с плачущим Уильямом, когда они умирали на руках у него. Эти женщины были нашей семьей, и все же они никогда не станут подобными мне, а я – похожим на них.

– Ты должна отвести Рени домой и уложить спать. Со мной все нормально.

– Я не оставлю тебя одного. Кроме того, мне надо кое-что сделать. – Мелафия кивнула на тело. – Для нее.

– О чем ты?

– Сложно объяснить. Нужно провести ритуал. Произнести заклинания над бедной девочкой, чтобы духи, которые у вас тут шныряют повсюду, не забрались в ее тело.

– Здесь никого нет, иначе я бы почувствовал.

– А не было ли тут духа по имени Джек Дэниелс? – Мелафия потрепала меня по голове.

– Очень смешно... Я говорю о призраках и привидениях. И всяких сущностях, которые страшат людей по ночам.

– Пугают людей по ночам. – А, какая разница.

– Я знаю, что ты чуешь мертвых, но все же мне нужно произнести заклинания. Это самое малое, что мы можем для нее сделать.

– Самое малое и единственное, – пробормотал я. – Могу я чем-то помочь?

– Положи Шейри в этот пустой гроб. Кто знает, когда вернется Оливия? Если она явится, мы добудем ей другой. А больше ты ничем не поможешь. Я иду наверх. Нужно взять кое-какие книги и приготовить эликсиры. Потом я вернусь и позабочусь о Шейри.

– А Уильям ушел искать Оливию? – Я натянул джинсы и аккуратно положил девушку в гроб.

Мелафия сложила руки Шейри на груди и сотворила крестное знамение. Я отвернулся, когда она закрывала крышку.

– Да. Он оставил мне записку... Еще надо приготовить кое-что для банкета. Уильям оставил указания и тебе.

– И какие же? – Мелафия отлично знала, как я ненавидел эти чертовы вечеринки своего босса. А в особенности – их организацию.

– Тебе не понравится.

– Не сомневаюсь. – Я поднял с пола лохмотья, некогда бывшие моей рубашкой, осмотрел их и решил, что это уже не лечится. Убитая рубашка отправилась в мусорную корзину. – Итак? Что он сказал?

– Сказал, чтобы ты бросил напиваться и помог ему с подготовкой банкета.

– Вот дерьмо! Можно подумать, мне больше нечем заняться.

– Это не самое худшее.

– О, нет!

– Он хочет, чтобы ты занял там место хозяина. Голова снова загудела.
– Какого черта? Почему?.. – Если уж вампиры подвержены похмелью, то они могли бы, подобно людям, спасаться аспирином. Или сексом. Куда там! Нет в мире справедливости.

– Уильям сказал, что важные дела требуют его присутствия в другом месте.
– Футы нуты. Чем он думал, а? Я не могу пойти на эту вечеринку! Я не могу стать Уильямом! У меня нет приличного костюма, я не помню все эти великосветские титулы, я не умею вести дурацкие разговоры ни о чем. Даже ругнуться толком нельзя. Это будет кошмар! А еще там будут вампиры со всей Америки. Что мне с ними делать? До сих пор меня никуда не приглашали, я не умею общаться с вампирами, ничего не знаю о вампирской жизни. Я буду там белой вороной... или черной овцой. Совершенно чужим на этом празднике жизни.

– Послушай, я приду туда и помогу тебе. Но сейчас у нас есть, и другие проблемы, поважнее. Думается мне, я знаю, почему Уильям хочет отправить тебя на этот прием. Он боится, что не сумеет отделаться от Ридрека. А ему еще предстоит разыскать Оливию!

Внезапно я осознал, насколько сильно Мелафия взволнована.

Беспокойство за Уильяма было новым ощущением для нас обоих. До сих пор никто – то есть вообще никто – не представлял для него угрозы. Он был царем джунглей. Всемогушим и пуленепробиваемым. Теперь же, как мрачно подумал я, все разительно изменилось.

Настала моя очередь утешать Мелафию. Я нежно приобнял ее за плечи.

– Не волнуйся. Сейчас пойду и разыщу босса. Вдвоем мы сделаем того парня, точно тебе говорю. Вот увидишь, все будет хорошо.

– Ты никуда не пойдешь. Тебе и так уже досталось, и ты провел без сна почти весь день. Нужно отдохнуть, Джек, так кто полезай в свой гроб и сиди там, пока не вернется Уильям. Сам подумай: ты даже не представляешь, где его искать. Не так ли?

Я начал было протестовать, но понял, что Мелафия права. Найти Уильяма будет не проще, чем мелкую рыбешку в реке Саванна. Вдобавок я действительно чувствовал себя странно. Хорошо, но странно.

– Ты права, моя милая. Как обычно. – Я прижал Мелафию к груди. Пушистые волосы щекотали мой подбородок. Я отпустил ее и подергал один из упругих завитков, который жрица отобрала у меня в притворном возмущении. – Что бы мы без тебя делали?

– Вот именно. Я отправлю Рейю охранять вашу компанию, так что ты будешь не один. Уильям заглянет к тебе, когда вернется. А теперь забирайся в ящик. К тому времени, как я все приготовлю и вернусь, уже будешь видеть десятый сон.

– Слушаюсь, шеф. Поцелуй от меня Рени.

– Обязательно. Когда все уладится, я приведу ее к вам на уик-энд. Сможем все вместе сходить в кино на вечерний сеанс или еще куда-нибудь.

Непринужденный разговор. Для того, чтобы придать уверенности нам обоим. Надо надеяться на лучшее, даже если строишь планы в расчете на самый неблагоприятный исход.

– Жду не дождусь, – сказал я.

Мы пожали друг другу руки, и Мелафия ушла наверх. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду, потом пошел к бару и смешал еще один кроваво-алкогольный коктейль. Головная боль отступила, но я все еще чувствовал себя странно. С одной стороны, Мелафия права: мне и впрямь следовало отдохнуть. Биологические часы мертвого тела – забавная штука. Ты обязан спать днем, иначе неприятные последствия обеспечены. Но в то же время я чувствовал себя... очень сильным. Будто мог без проблем поднять лошадь.

К тому времени, как я допил коктейль, в подвал вошла Рейя, облаченная во что-то шелковое и розовое. Я поставил стакан, она обвила руками мою шею и сообщила:

– Мелафия велела составить тебе компанию.

– Чудесно, солнышко. У меня был тяжелый день. – Я погладил Рейю по длинным светлым волосам и прижал ее к себе не несколько долгих минут. Затем забрался обратно в свой гроб, а Рейя устроилась рядом, опустив голову мне на грудь.

– Скажи «спокойной ночи», Рейя.

– Спокойной ночи, Рейя, – отозвалась она.

Уильям

Ридрек напевал себе под нос:

– На охоту мы идем, хей-хо, хей-хо! На охоту мы идем...

Даже за все богатства мира я не сумел бы ответить на вопрос, с чего это он вдруг так повеселел. Было совершенно очевидно, что Ридрек собирается уничтожить меня – раньше или позже. Однако сейчас, насколько я мог судить, он был очень доволен жизнью. Я не доверял ему ни на, как это сейчас говорится, миллисекунду, блокировал свой разум, отстраняясь от его шуток, концентрировался на собственной ярости... Или страхе людского мира.

Мой персональный обеденный колокольчик...

Усевшись за руль машины, принадлежавшей мэру, я отвез Ридрека в одну из самых неблагополучных частей города. Думаю, для данного конкретного внедорожника это была первая поездка в подобные кварталы. Они состояли из старых обшарпанных домов, добрая треть которых была заброшена. Жители этих кварталов вынуждены ходить по темным, неосвещенным улицам – отличная приманка для любого убийцы. На сей раз настала наша очередь.

Я заглянул в себя, проверяя на прочность свой гнев. Если уж охотиться – то делать это здесь, среди уголовников и обитателей притонов. Все лучше, чем пить кровь невинных.

Нужно думать о деле. Сейчас я не мог позволить себе роскошь беспокоиться о Джеке или о том, что могло случиться между ним и Шейри в мое отсутствие. Джек уже большой мальчик, и ему пора это доказать.

Отыскав в себе эти необходимые сейчас темные мысли, я погасил фары и притормозил перед полуразрушенным трехэтажным домом, который уже давно стал ночлежкой для бездомных. Исполинские дубы свешивали во двор свои ветви, закрывая от взгляда верхние этажи. Дверь была заколочена, как и окна первого этажа, но внутри находились люди. Я слышал, как они скребутся там, точно крысы. Еще в доме кто-то орал пьяным голосом.

Я вышел из машины и отдался во власть своего гнева. Мне потребовалось немало времени, чтобы научиться контролировать его, выпуская наружу лишь в самые черные дни. Сегодня я снова высвобожу чувства, дабы уверить моего создателя, что я опять принадлежу ему безраздельно.

Ридрек улыбнулся.

– Идем?

Я кивнул. Едва мы достигли крыльца, как где-то внутри раздался выстрел.

– Так даже лучше, – сказал Ридрек. – Люблю, когда людишки дерутся.

Без малейших усилий я отодрал доски от входной двери.

– После тебя, – сказал старый вампир с церемонным поклоном. Я не стал тратить время и убеждать его, что гости входят первыми. Ярость бурила во мне, как сексуальное возбуждение.

Длинный темный коридор, воняющий нечистотами, делил дом на две половины. Справа поднималась изъеденная термитами лестница, лишенная половины ступеней. Пол в холле зиял темными провалами. Когда мы вошли, какое-то существо, отдаленно напоминающее человека, поспешно скользнуло в одну из дыр, укрывшись в темноте подпола. Я увидел несколько пар красных глаз, мигающих из углов, и ощутил легкое тепло их бегущей по венам крови. Это место не предназначено ни для людей, ни для тварей. И все же мы пыли здесь – и те, и другие.

Откуда-то слышались крики, эхом разнесшиеся по всему пространству дома. Раздался еще один выстрел. Отринув класть рассудка, я отдался на волю инстинкта, и тот привел меня к дверному проему одной из комнат. Тускло мерцала керосиновая лампа, в полуразрушенном камине горел огонь, сломанная мебель и несколько старых матрасов составляли убогую обстановку комнаты. Пахло прелой одеждой, мочой и спиртом. В стенах я

увидел дыры от пуль, оставшиеся, надо полагать, от других подобных ночей. Человек с пистолетом в руках был так пьян, что не заметил нашего появления. Он сосредоточил внимание на женщине и двух детишках, сжавшихся у камина.

– Я ж велел приготовить мне ужин, с-сука! – Мужчина попел пистолетом в сторону женщины и пнул разломанный ящик, подвернувшийся ему под ногу.

Женщина крепче обняла детей, прикрывая их своим телом.

– Не из чего готовить, – сказала она едва слышно.

– Найди че-нить! – приказал «стрелок», с трудом удерживая пистолет на весу, – А не то... – Внезапно он заметил меня. – Что за...

Взгляд Ридрека остановился на детях. Он испытывал особую тягу к юным и невинным. Я глянул на женщину, обнажил клыки и прошипел:

– Бегите!..

Мгновенно сообразив, что у нее появился шанс на спасение, женщина сгребла в охапку детей и исчезла в дверном проеме.

С видимым сожалением мой создатель повернулся к мужчине. Пьяный ухитрился еще раз нажать на курок, прежде чем Ридрек вынул пистолет из его дрожащих рук и отшвырнул в сторону.

Невероятно, как быстро инстинкт убийцы вернулся ко мне. Охота вдвоем похожа на танец или секс. Никакой спешки, никаких резких движений. Брать и отдавать, делая вежливые паузы, дабы партнер мог отыскать аппетитное местечко для укуса. Потом наступает время пить кровь...

Мы вздернули жертву в воздух. Ридрек пристроился с одной стороны, а я с другой. Мужчина издал последний клопочущий злобный вопль – и наши губы едва не соприкоснулись в кровавом поцелуе. Клык к клыку... Только горло жертвы разделяло нас. Потом мы насыщались – в тишине, без спешки и суеты. Один ботинок свалился с ноги мужчины и шлепнулся на пол. До меня донесся свежий запах мочи. Я заблокировал все свои чувства кроме жажды крови. Наверху тоже были люди, еще больше сладкого тепла, чудесной красной влаги – если придет их черед. Я ощущал чужой тихий страх, но злобы не было – лишь смирение и покорность.

А потом послышался вой сирен. Какой-то добрый самаритянин решил вызвать полицию.

Один вампир высасывает человека досуха примерно за пять минут. Двое могут сделать это гораздо быстрее, не потеряв не капли живительной влаги. Видимо, потому, что дух соревнования обостряет голод. Мы осушили жертву как раз в тот момент, когда полицейские фонари осветили холл. Что ж, копы оказались достаточно отважны, чтобы войти в эти темные покои. Здешние жители имели оружие, и кто-то из стражей закона мог поплатиться жизнью за свою работу. Если бы полицейские знали о нас, неуязвимых для их оружия, они, возможно, поумерили бы пыл. Ведь каждому хочется жить.

Ридрек подошел к заколоченному окну, выбил доски и выпрыгнул наружу, укрывшись в темном кустарнике. Я остался. Придерживая жертву, я созерцал две раны на ее горле, и жажда убийства не отпускала меня. Однако инстинкт самосохранения пробился сквозь кровавую эйфорию. В конце концов, Саванна была моим городом, и я потратил две сотни лет, чтобы упрочить здесь свое положение. Даже если эта ночь окажется для меня последней, я не стану предметом шумихи и сплетен, связанных с вампирами. Ведь Джеку еще жить в этом городе, даже если меня здесь уже не будет. Во всяком случае, стоило на это надеяться. Пойдя к огню, я порылся среди кухонных принадлежностей и нашел то, что искал. Нож. У него не было рукоятки, ну да ничего страшного. И так сойдет.

– Всем выйти! – крикнул полицейский в холле. Я вернулся к жертве и перерезал ей горло от уха до уха, проведя лезвием по отметинам клыков. Человеческий эксперт заметит отсутствие у жертвы артериальной крови, но навряд ли свяжет это с вампирами. Не идеальный вариант, но у меня было слишком мало времени. Ничего не поделаешь. Я отшвырнул нож, подобрал сравнительно чистый кусок какой-то тряпицы и последовал за

Ридреком.

Сердце у меня колотилось, как у страстного любовника в преддверии оргазма. После еды кровопийцу охватывает эйфория сродни наркотическому экстазу. Кроме приятного чувства насыщения, человеческая кровь дает нам силы.

«Еще, – шептало мое тело. – Я хочу еще».

Тряпицей мы утерли кровь с лиц и наблюдали за драмой на улице. Внедорожник мэра оказался заблокирован четырьмя полицейскими машинами. Несколько соседей – если это слово вообще применимо в таком районе – вышли опознать труп. И вот тогда я увидел офицера Консуэлу Джонс. Она разговаривала со свидетелем, но неожиданно замолчала. Будто ощутив мой взгляд, Консуэла обернулась и посмотрела прямо на меня.

Я покосился на Ридрека.

– Пора убираться отсюда, пока эти господа не стали задавать нам ненужные вопросы.

Он ухмыльнулся.

– А как же моя машина?

– Она не твоя. Между прочим, кое-кто здесь меня узнал. Ридрек глянул на офицера Джонс.

– А, маленькая подружка Джека. Жаль, что мы не встретились с ней при меньшем... – он оглядел толпу, – стечении народа.

– А что до машины... – Я кивнул в сторону внедорожника. – Кажется, один из офицеров ею очень заинтересовался.

Полицейский с блокнотом записывал номер. В скором времени он выяснит, кому принадлежит автомобиль. Наш мэр будет, прямо скажем, не в восторге.

В дальнем конце улицы показалась карета «скорой помощи».

– Наш новый приятель заимел собственный транспорт. – Ридрек вновь усмехнулся. Его зубы были красными от крови.

Жизненная энергия прошла сквозь меня как электрический разряд. Мною овладевало возбуждение: я привык к сексу после еды. Впрочем, нынче ночью секса не предвидится... вдобавок нужно спрятать воспоминания об играх с Элеонорой в самый дальний уголок сознания. Иначе Ридрек может прочесть мои мысли и узнать слишком много. Тогда он обратит Элеонору в собственную рабыню для удовольствий и вволю наиграется с ней перед тем, как сожрать ее сердце.

– Пойдем. Есть и другие места для охоты, – сказал я, направляясь прочь от места событий.

Мы отыщем немало жертв еще до того, как полиция закончит оформлять этот труп.

Теперь мы шли пешком по разбитым выщербленным тротуарам. Мои обостренные чувства звенели камертоном. Я улавливал обрывки разговоров за стенами домов, слышал плач ребенка, вздохи обколотого наркомана, стоны пары, занимающейся любовью. На миг мне захотелось остановиться, но я двинулся дальше. Пусть я нарушил сегодня множество собственных правил, кое-что остается неизменным. Гнев и ярость по-прежнему вели меня. Не прошло и десяти минут, как мы с Ридреком отыскивали новую жертву.

Джек

Я уже проваливался в сон, когда до моих ушей долетел странный звук. Горестные рыдания – тихие и жалобные. Я откинул крышку гроба, перевалился через Рейю, не обращая внимания на ее сонные протесты, и выбрался наружу. В первый миг мне показалось, что плач исходит от гроба Шейри, и я поспешно открыл его – в безумной надежде, что ужасы прошедшего дня (боже, как давно это было!) оказались ошибкой или дурным сном, а моя лапочка жива.

Увы! Я увидел лишь неподвижное бездыханное тело и опустил крышку на место.

– Я здесь, – произнес тихий голос. Мне следовало догадаться. Как я уже говорил, призраки пбили меня, хотя не сказал бы, что это чувство взаимно. Да, я их боюсь, ясно вам?

Девушка стояла, скрестив на груди полупрозрачные руки. От нее исходило странное мерцание, какое иногда встречается у привидений. Шейри!..

Знаю, это звучит глупо, но призрак походил на принцессу Лею в «Звездных войнах» – в тот момент, когда она появляется в виде голограммы и говорит: «Помоги нам, Оби Ван. Ты – наша единственная надежда». Мне казалось, что Шейри вернулась в поисках помощи и защиты. А я отнюдь не был Оби Ваном.

Я неопределенно помахал рукой.

– Ну, как ты тут вообще?..

В ответ девушка засветилась немного ярче и издала еще один скрипучий тихий стон.

– Этого я и боялся. Ты не можешь... ну... отправиться к свету или что-нибудь в этом роде?

– Здесь нет света. Тут темно и страшно. И повсюду странные звуки. Они пугают меня. Что-то движется в тенях. Мертвые, злые вещи. – Шейри покрепче обхватила себя руками. – И мне холодно...

– Слушай, мне очень-очень жаль, правда. Я сделал все возможное, чтобы превратить тебя в вампира, но ты умерла. Не знаю, как тебе помочь. Может, ты останешься в нашем мире? Даже если у тебя нет больше тела. Просто... ну... будешь обитать тут... или как-нибудь? – Мне очень хотелось помочь, но что я знал обо всех этих законах жизни после смерти? И кто вообще мог знать? Я хочу сказать: никто не даст тебе инструкцию или что-нибудь подобное. И никто не расскажет всей правды. Хотя, конечно, мертвые иногда говорят со мной...

– Нет, я больше не в вашем мире. Я застряла здесь. Мне страшно, тут кругом какой-то ужас, я не знаю, что это... – Шейри снова заплакала, жалобно и безнадежно. Бедная крошка. Ее рыдания разбивали мне сердце.

– Мне кажется, кто-то... какие-то твари гонятся за мной, и...

– Как они выглядят?

– Я не могу их увидеть. Я только слышу... и чувствую. Вот сейчас кто-то противный и скользкий притронулся ко мне!..

Черт бы их побрал, кем бы они ни были! Я хотел защитить Шейри, очень хотел, но не представлял, как это сделать, и чувствовал себя абсолютно беспомощным.

– Так там нет света? И выхода нет?

– Не-ееет! Пожалуйста, помоги мне!

Поговорим о чувстве вины категории «А». Если мне когда-нибудь снова придет в голову гениальная идея сотворить вампира, я пойду и брошусь на кол самостоятельно. С другой стороны, это была не моя идея. Уильяму просто следовало оставить эту девочку в покое... но нет же, ему непременно надо было связаться с Шейри в этом клубе, потом не углядеть за ней и позволить Ридреку ее укусить.

От этой мысли мне внезапно сделалось холодно. Как ни крути, я совершил ту же самую ошибку с Конни, показав Ридреку, что она дорога мне. Черт! Надеюсь, Конни будет носить ожерелье, не снимая, как и обещала.

Мои мозги едва не кипели от мысленных усилий, когда в комнату вошла Мелафия с полным подносом всяких эликсиров и трав. Под мышкой она несла большую, очень старую книгу.

– Ты зачем вылез из гроба? Кажется, я велела тебе поспать.

Я указал на девушку.

– Видишь это?

Мелафия прищурилась.

– Нет. Но я чувствую что-то... Призрак... Это Шейри?

Жрица Вуду чуяла духов почти так же хорошо, как и я.

– Да. Она говорит, что попала в страшное темное место, там какие-то твари, и Шейри очень боится. Она просит о помощи.

Положив поднос и книгу на стул возле гроба девушки, Мелафия обратилась к

маленькому привидению:

– Если ты чувствуешь что-то дурное, если оно приближается к тебе – убегай. Беги как можно быстрее.

– Л... ладно, – проскулила Шейри. – А куда мне бежать?

– Я слышала ее! – Мелафия ответила на вопрос до того, как я успел его задать. Ее лицо погрузнело. – Я знаю о месте, в котором ты сейчас находишься, – сказала она, обращаясь к девушке. – Никто из нас, тех, кто ходит по земле, никогда не бывал в этом измерении. И никто не возвращался оттуда, чтобы рассказать о нем. Знаю лишь одно: если что-то пугает или беспокоит тебя – беги прочь.

– Такого здесь очень много. Ты не можешь помочь мне?

– Я постараюсь. Посмотрю, что можно сделать отсюда, чтобы злые сущности не смогли тебя захватить.

Шейри издала еще один протяжный стон, будто лишь сейчас в полной мере поняла опасность, которая ее подстерегала. Она вся сжалась и засветилась еще ярче.

– А сейчас ты должна вернуться обратно в свое тело, сказала Мелафия. – Постарайся стать сильной и храброй, если можешь.

Шейри кивнула и начала таять. Наконец от нее не осталось ничего, видимого глазу. По крайней мере, здесь, на земле.

– Спасибо, – выдохнул я. – Спасибо еще раз.

– Обращайся, если что, дядя Джек, – устало улыбнулась Мелафия. Она давно уже не называла меня так, и при этих ее словах мне стало немного легче. Думаю, жрица знала, что так и будет. – А теперь полезай в гроб. И не высовывайся, даже если дьявол собственной персоной явится тебя будить.

– Не каркай. Учитывая все последние события, с него и впрямь станется заглянуть. – Я забрался в свой гроб и улегся рядом с Рейей.

Удастся ли мне отдохнуть? Мы, вампиры, спим беспробудно. Мы же нежить, в конце концов! Своего рода воплощение ночных кошмаров. Впрочем, это не значит, что кошмары не снятся нам самим.

ГЛАВА 10

Уильям

Мы направлялись к реке, избегая освещенных улиц с барами и ресторанами. Нас манили темные закоулки, городское дно. Места, служившие прибежищем для разного и всяческого отребья. Этот район был вотчиной мелких наркоторговцев и проституток. На каждом шагу нам попадались вездесущие сутенеры, похожие на сытых котов, ожидающие, когда их девушки вернутся с наваром. Мы скользили сквозь ночь, которая становилась все холоднее, и влажный воздух туннелей в сравнении с ней казался весенним. Однако зима уже стояла на пороге. Почти полная луна поднималась из толщи облаков на востоке; ночь еще только начиналась. Времени для охоты хватит с лихвой.

На углу двух темных улиц мы услышали какую-то ругань и повернули туда – заодно с еще несколькими любопытными.

– Хватит кланяться, чувак, ты мне и так уже должен. Так что вали отсюда, понял?

– Я тебе должен? Да ты наколот меня прошлой ночью. Вместо нормальной дури подсунул какое-то дерьмо!

Наркоторговец улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

– Нельзя обмануть того, кто тебе не заплатил. Компренде?¹ – Он вытащил из кармана нож и раскрыл его, мельком оглядев небольшую, но быстро растущую толпу зевак. – Пошел вон. А не то я отхвачу тебе яйца и скормлю крысам.

¹ Понял? (исп.).

– Он обречен, – прошептал Ридрек. – Люди никогда не перестанут меня забавлять. Резать друг друга на части – ну надо же!

Он ухмыльнулся и вышел на свет. Увлеченные ссорой, двое ее участников не заметили, что смерть уже рядом.

– Я сказал тебе: вали отсюда, е-мое! – рявкнул наркоторговец, но обманутый клиент не собирался отступать. Вместо этого он извлек из-под куртки нечто напоминающее мясницкий тесак. Стремительным движением дилер перехватил руку наркомана и отвел ее в сторону, а затем воткнул свой нож ему в живот.

– Долбанные торчки! Никогда не слушают умных людей.

Раненый издал удивленный возглас и согнулся пополам.

Мы с Ридреком присоединились к толпе зевак.

– Мы тут разберемся, – сказал я свидетелям.

– Кто вы, е-мое, такие, парни? – спросил дилер. Он смерил меня взглядом с головы до ног, держа нож наготове. – Ты не похож на гребаного копа, – усмехнулся он.

– Нет, я не коп.

Дилер поднял оружие.

– Тогда уноси задницу с моей территории, и поживее. – Я ощущал его страх, спрятанный под маской бравады.

Видя, что я не двигаюсь с места, наркоторговец покрепче стиснул нож и чиркнул лезвием по моей груди. Кровь выступила из пореза, пятная белую рубашку. Я легко мог бы уклониться от удара, но тонкая грань между вечной жизнью и проклятием смерти завораживала меня, заставив стоять неподвижно. В некоторых аспектах я больше был похож на своего создателя, чем соглашался признать. Мне нравилось, когда смертные сопротивляются.

Я провел рукой по выступившей крови и слизнул ее с пальцев.

– Только глянь, что ты натворил. Испортил мою новую рубашку!

За спиной раздался тихий смех Ридрека, я же не отрывал взгляда от своего будущего ужина. Молниеносным движением – слишком быстрым, чтобы дилер успел среагировать, – я выхватил нож из его руки и отшвырнул в темноту. Бросок был силен: нож шлепнулся в реку, от которой нас отделяло никак не менее пятидесяти футов.

– Какого хрена...

Человек захрипел, когда мои пальцы стиснули его горло. Мы с Ридреком одновременно обвели взглядом толпу зевак, готовых к драке. Касаясь их разума, мы успокаивали людей, сея равнодушие и забывчивость, и в скором времени толпа начала рассасываться. Смертные покидали поле недавней битвы, отправляясь по своим темным делам...

– Пора, – сказал я и, ухватив наркоторговца за загривок, потащил его за собой, как провинившегося пса. Я шел в сторону туннелей, позволяя своей жертве слегка сопротивляться. Исключительно для того, чтобы подогреть мой интерес. Ридрек шел следом, волоча полумертвого наркомана.

В темноте туннелей, вдалеке от любопытных глаз, я позволил своей жертве крикнуть последний раз, а затем успокоил ее. Навсегда. По крайней мере, смерть была мгновенной и безболезненной...

Миновала полночь. Мы поохотились всласть и опьянели от крови. Голова у меня кружилась, а тело прямо-таки пело. Нужно было поспать, но сильнее, чем сна, я жаждал секса. Более всего на свете мне хотелось сейчас оказаться в постели Элеоноры. Она поняла бы, что со мной происходит, помогла бы дать выход бурлящей энергии, бежавшей по пенам вместе с моей горячей кровью. Элеонора могла успокоить мой разум, приняв в себя часть этой бушующей силы. Потом мы сыграли бы в нашу любимую игру жизни и смерти... Но нет. Все эти мысли следовало держать подальше от моего создателя.

Ридрек едва не шатался под тяжестью выпитой крови. Мы прели по пустынным улицам и площадям, плечом к плечу, точно два пьяных ирландца, которых так презирал старый вампир. Он хотел спать, а я чувствовал, что схожу с ума от желания потрахаться.

Где-то возле Колониального кладбища мы пришли к выводу, что нужно прилечь хотя бы на пять минут. Сражаясь с головокружением, я и Ридрек отправились на поиски уютного склепа или могилы, подходящей для сна. Вскоре нам на глаза попался богато отделанный склеп, где вполне хватило бы места для двоих, но тут до меня долетел запах ароматного дыма. Послышались голоса и хриловатый смех. Ридрек улыбнулся, словно подвыпивший карточный игрок, взявший в прикупе четыре туза. Он еще не закончил охоту. Мы неслышно подошли к склепу, точно призраки, возникшие прямо из воздуха.

Восемь удивленных подростков молча взирали на нас.

Потом они разразились хохотом. Смех мгновенно утих, когда я протянул руку и отобрал самокрутку – или косяк, как это называет Джек, – у одного из мальчишек.

– Разве ты не знаешь, что от этой штуки у тебя мозги съедут набекрень? – спросил я с отеческой улыбкой.

– Не-а, – возразил паренек. – От нее разве что жор находит. Хочешь курнуть?

– Жор находит? – переспросил Ридрек, с трудом сдерживая смех. – Объясни-ка, что это значит?

– Вау, дядя, из какого нафталина ты вылез? – Последовал новый взрыв хохота. – Это значит, что после косяка тебе жрать охота. Есть хочется. Догнал?

– А! Тогда с твоей стороны не очень-то благоразумно предлагать нам этот косяк.

– Почему? Вам-то, чуваки, поди, хватит бабла, чтобы перекусить у «Дэнни».

– Да потому, что они вампиры, – раздался чей-то голос. На мгновение наступила тишина, а потом ребята снова зашлись в приступе бурного веселья. Один парень хохотал так, что опрокинулся на могильный камень и с трудом перевел дыхание.

– Вампиры! Слушай, а ведь правда!

Мальчик, говоривший о вампирах, поднялся на ноги. Он тоже улыбался. Секунда – и я вспомнил его. Это он увязался за Джеком в клубе «Девятка». Джек называл его Вермом.

– Ваш друг Верм прав, – сказал я. – Стоило бы к нему прислушаться.

Ридрек отвесил клоунский поклон.

– Злобный вампир к вашим услугам. Снова раздался смех. Верм подошел ближе.

– Вы знаете, как меня зовут, – потрясенно сказал он. – Это круто.

Я отдал ему папиросу.

– Да, и поскольку Джека здесь нет, я бы сказал, что вы с друзьями выбрали не очень удачное место для своих посиделок.

– У вас, ребята, похоже, не все шарики на месте, – сказал один из парней, вызвав очередной взрыв смеха.

Ридрек задумчиво рассматривал мальчишек. Я чувствовал, как его разум изучает их затуманенные наркотиком мысли. Я порылся в кармане и вынул пачку купюр. Нужно что-то предпринять, прежде чем у Ридрека снова разыграется аппетит. Впрочем, сейчас он был сыт. Привалившись к могильному камню, он лишь лениво наблюдал, как я передаю деньги Верму.

– Уведи отсюда своих друзей, – сказал я, мягко, но настойчиво оплетая сознание Верма паутиной собственных мыслей.

– Но я хочу остаться, – пробормотал он, не сводя взгляда с Ридрека. Дурная привычка – приставать к вампирам.

– Ты слишком голоден, чтобы остаться, – уверил я Верма. – Тебе так хочется есть, что ты сдохнешь, если не побежишь к «Дэнни» сию секунду.

Не знаю, чувствуют ли смертные такой зверский голод, какой я транслировал Верму в мозг. В детстве мне порой случалось класть зубы на полку, но как вампир я был более чем сыт и надеялся, что Ридрек испытывает сходные чувства. Впрочем, это не мешает ему убить просто так, развлечения ради.

– Ступай! – приказал я. Мальчишки поднялись на ноги и, все еще хихикая, исчезли в темноте.

Ридрек ослабился.

– Так я и думал! Что тебе до этих щенят? Они все равно когда-нибудь умрут.

– Просто я немного устал и слегка переел, – солгал я. – А теперь, когда здесь наконец-то стало тихо, собираюсь поспать.

Ридрек был изрядно пьян. Он шатался и явно не испытывал ни малейшего желания ворочать десятифутовую бетонную плиту, преграждавшую вход в фамильный склеп. Я же чувствовал себя так, словно мог свалить автомобили, припаркованные вдоль улицы, в одну огромную кучу. Если захочу, разумеется.

Нет, сегодня мне поспать не удастся.

Ридрек заполз под грудой костей прежних обитателей склепа. Он уснул, едва приняв горизонтально положение. Вид давнего врага, сонного и беспомощного, снова всколыхнул мою ненависть. Я подумал, что могу убить его прямо сейчас и отправиться в ад вслед за ним. Но сперва я должен был повидать Элеонору – в последний раз. Если завтра Ридрек убьет меня, после такой грандиозной ночи умирать будет не жалко. Единственное, что я мог сделать – оставить склеп открытым в надежде на то, что солнце застанет Ридрека спящим. Я сдвинул массивную плиту, оставив своего ненавистного создателя под звездами. А потом, не чуя под собою ног, кинулся к Элеоноре.

Я опустился на стул возле кровати Элеоноры, благодаря судьбу за то, что она сегодня одна. Довольно нынче убийств, теперь мне потребны другие упражнения. Вдобавок смерть клиента дурно сказалась бы на бизнесе моей подруги. Ведь мы живем в цивилизованном мире...

Моя кожа пылала. Он нее исходил такой жар, что Элеонора не могла его не почувствовать даже на расстоянии. Она вздохнула во сне и стряхнула с себя одеяло. Я с удивлением увидел, что Элеонора одета в мужскую рубашку с длинными рукавами. Отчего-то мне казалось, что женщины ее профессии спят без одежды. А в следующий миг я с еще большим изумлением и радостью понял, что это моя собственная рубашка. Ладно, не проблема. В скором времени Элеонора разденется донага.

Я поднялся со стула, намереваясь разбудить ее, но тут Элеонора вздрогнула и села в постели, будто я уже притронулся к ней. Может быть, она услышала безмолвный зов? Ведь мой разум и тело были заняты только мыслями о ней.

– Кто здесь? – спросила она и целомудренно натянула простыню на голые ноги. Сонная, теплая, такая уязвимая... Я почувствовал, как нарастает мое возбуждение.

«Ты ведь уже догадалась, – мысленно прошептал я, – не так ли?».

– Уильям?... Элеонора зажгла свет и ахнула, увидев меня – Что... что с тобой?... – В ее голосе я услышал страх. Она умела притворяться, но сейчас была искренна.

Я подошел и сел на краешек кровати. Но вместо того, чтобы кинуться мне в объятия, Элеонора отшатнулась, не сводя с меня испуганных глаз.

– Ты... сегодня какой-то не такой... И на тебе кровь...

– Да? Не такой? – Возможно. Как знать? Я ведь не мог увидеть своего отражения.

Моя кровь едва не кипела от желания. С превеликим трудом я сдерживал свои порывы, но чувствовал, что еще немного – и уже не смогу совладать с собой.

– Твои глаза. Они... – Элеонора отвела взгляд.

Я протянул руку, чтобы погладить ее по щеке, и увидел кровь под ногтями. Разумеется, в своих ночных похождениях я не потруился вычистить ее. Могу себе представить, как я выгляжу и как пахну. Этой ночью мне было не до внешнего лоска. Хотелось только крови, а потом – секса.

«Давай же, давай!» – кричало тело.

– Я пришел поиграть с тобой, – сказал я, запуская пальцы в волосы Элеоноры.

Она осторожно накрыла ладонью мою руку, но на лице ее отражалось сомнение. Может быть, мой вид сделал нашу игру чересчур реальной?

– Не хочешь ли зайти в ванну? Обработать порез на груди? Я высвободил руку и скинул пальто.

– Не сейчас, моя девочка. – *Скорей же! Скорей!* – Скоро встанет солнце.

Секунду спустя я уже был раздет и зубами сдирал с Элеоноры рубашку. Она закричала,

когда я вошел в нее, и всадила ногти в мою горячую кожу, но сопротивление я едва ощутил. Элеонора принадлежит мне, и я буду трахать ее в свое удовольствие. С чувством, с толком и с расстановкой. Хотя какая уж тут расстановка? Я имел мою женщину как дикий зверь, все глубже всаживая в нее свою плоть. Элеонора снова закричала, и я с трудом перевел дыхание, остановившись на миг, но по-прежнему оставаясь внутри нее.

Я вдавил Элеонору в простыни, и она перестала сопротивляться. Ее сердце стучало так, что казалось, будто кто-то долбит по моей груди сжатыми кулаками. Наконец она пошевелилась и слабо отпихнула меня. – Отпусти...

Я перекатился на спину и потянул Элеонору за собой, так и не разъединившись с ней. Потом провел ладонями по ее животу и груди, поласкав татуированную змею от головы до хвоста. Я взял Элеонору за бедра и надавил вниз, все сильнее насаживая женщину на себя. Она пискнула и слегка поморщилась, а потом одарила меня неуверенной улыбкой. Мало-помалу Элеонора становилась собой – той женщиной, которую я знал. Высвободившись из моих рук, она начала двигаться в своем собственном ритме, и вскоре мы оба застонали, приближаясь к высшей точке наслаждения. Уперев руки мне в плечи, она выгнулась в оргазме, и я последовал за ней в пучины блаженства.

– У тебя кожа как огонь, – выдохнула Элеонора, соскальзывая с меня.

Я разглядывал лепнину, украшающую потолок. *Это из-за крови. Это из-за убийств. Это то, что я есть на самом деле.*

Слова предназначались не для ее ушей, но Элеонора напряглась, словно истина просочилась в нее сквозь мою кожу. Я приподнялся на локте и посмотрел на свою любовницу. У меня был интересный вечер.

– Вижу, – сказала Элеонора, проводя пальцем по заживающей царапине на моей груди.

Я был уверен, что она не захочет знать подробности. Стараясь отвлечь Элеонору, я погладил ее по животу, потом опустил руку ниже, лаская промежность. Пальцы тут же стали влажными.

– Кажется, я скучал по тебе.

– Кажется? – Она вздохнула и раздвинула бедра, побуждая меня продолжать исследования.

Я погрузил пальцы глубже в ее лоно, опустив взгляд, чтобы полюбоваться результатами своих трудов, и тогда увидел, что влага была красной. Кровь залила бедра Элеоноры. Я почувствовал, как мой желудок сворачивается в тугий ком, и сказал, не в силах отвести глаз от алых пятен на ее коже:

– Я поранил тебя.

Элеонора медленно отстранилась и посмотрела мне в лицо.

– Да, – сказала она, укладываясь на спину. – Но не волнуйся, ничего страшного.

Взяв мою руку, она снова утвердила ее между своих ног. Позволь мне помочь. – Не дожидаясь ответа, я приподнял мою любовницу, переместив ее выше, к изголовью постели. Потом принялся собирать кровь языком и губами.

Это было приятно и ей, и мне, и вскоре Элеонора стонала от удовольствия. В обычный день я счел бы это опасной игрой: слишком сильное искушение для меня, изголодавшегося по человеческой крови. Но сегодня все было иначе. Я пресытился, и небольшое количество алой влаги на ее бедрах казалось, не более чем изысканным десертом после долгой охоты. Сладким и возбуждающим. Очевидно, Элеонора думала так же, потому что ее тело снова напряглось в преддверии оргазма. После я отнес ее в ванную, и мы потратили некоторое время, смывая с себя кровь. Казалось, Элеонора все еще беспокоится за меня, но не настолько сильно, чтобы не чувствовать себя счастливой. Ее руки скользили по моему телу, стирая с него пыль и грязь, она прижалась ко мне, и я уже подумывал о следующем раунде, когда почувствовал опасность.

Я схватил полотенце, протянутое Элеонорой, но не стал вытираться, а поспешно подошел к окну и выглянул наружу. До восхода солнца оставалось менее часа, и мне пора было возвращаться во тьму. Я вспомнил о Ридреке и представил, как он становится пеплом

под кровавыми лучами рассвета. Если есть во вселенной хоть какое-то милосердие, мой создатель умрет жалкой смертью и отправится в ад, которому принадлежит... Холодок пробежал по спине, словно дуновение осеннего ветра. Зло было где-то рядом, совсем близко. Я обвел взглядом задний двор и увидел его. Он стоял, прислонившись к железному забору. Он ждал меня.

Ридрек.

Я поспешно натянул штаны, готовясь выйти наружу и встретиться с ним, когда внизу послышался стук.

– Нет!.. – крикнул я. Стремясь помешать Ридреку войти, я вышиб запертую дверь спальни моей любовницы, ненароком сорвав ее с петель, кинулся вниз, в три прыжка преодолел лестницу и оказался на первом этаже как раз в тот момент, когда одна из девушек Элеоноры уже взялась за дверную ручку.

– Не открывай! – приказал я.

Ее руки тут же упали вдоль тела. Стук повторился – более настойчиво. Девушка мельком посмотрела на меня и повернулась в сторону лестницы. Я проследил за ее взглядом и увидел Элеонору. Завернувшись в шелковую простыню, она вышла из комнаты и остановилась на верхней площадке. Я готов был приказывать ей уйти, но тут же понял, что в этом нет смысла. Поздно. Ридрек обнаружил нас. Из-за моей похоти Элеонора оказалась в опасности. Мог ли я совершить большую глупость?

– Назад! – сказал я заспанной девушке. Потом подошел к двери и рывком распахнул ее.

Ридрек улыбнулся.

Я обернулся к Элеоноре и со всей возможной убедительностью произнес:

– Этого человека ни в коем случае нельзя приглашать в дом. Все понятно? – Элеонора и ее девушка одновременно кивнули. – Предупредите всех остальных.

– Уильям, мальчик мой, как же так? Я-то думал, что мы помирились и снова стали друзьями. А теперь ты не пускаешь, меня на порог?

– Мы никогда не были друзьями.

Улыбка исчезла. Ридрек протянул руку в дверной проем и выдернул меня наружу. Я почувствовал запах паленой плоти. Он пересек запретную черту, не получив позволения, и здорово обжегся.

– Не выходите из дома! – крикнул я, стараясь вырваться из хватки старого вампира. Мы взвились в воздух: он – повелевая воздушной стихией, я – охваченный яростью. Но сейчас левитация работала на Ридрека и против меня...

Погружаясь во тьму, я думал о том, что Ридрек сделает с Элеонорой, когда прикончит меня.

Джек

Яркий свет ударил мне в глаза, и я поспешно закрыл лицо руками.

– Эй! Что за черт?! – Я прищурился и открыл один глаз, воззрившись на того, кто так бесцеремонно меня разбудил. – Оливия!.. Где тебя черти носили?

И тебе привет, – беспечно отозвалась она. Рейя уже приняла свой собачий облик, а это значило, что и мире наступил день. Бесцеремонно ухватив собаку поперек живота, Оливия выкинула ее из гроба.

– Проваливай, Лэсси,¹ – распорядилась вампирша.

Рейя приземлилась на лапы, по-кошачьи перевернувшись в воздухе, взвизгнула и ретировалась на диван – тот самый, где я безуспешно пытался завершить трансформацию Шейри, потом положила голову между лапами и устала на меня. Единственным, что могло ее отвлечь, стало бы появление Уильяма. Тогда она переключила бы все свое внимание на него.

¹ Колли по кличке Лэсси – главная героиня приключенческого телесериала «Лэсси, вернись», основой для которого послужил одноименный фильм.

Глаза Оливии горели каким-то хищным огнем. Мне пришло в голову, что она, возможно, околдована Ридреком. Иными словами, я не могу ей доверять. Впрочем, не сказал бы, что я вообще когда-нибудь верил ей безоговорочно.

Мне стало интересно, кто мог бы одержать верх в бабской сваре (извините за выражение), устроенной двухсотлетней египетской бойцовой собакой-оборотнем и могущественной вампиршей. Подумав получше, я решил, что не хотел бы увидеть эту схватку. «Сверхъестественное атакует»... Даже компания «Fox» не решилась бы поставить подобное шоу на телевидении.

Соблазнительно улыбаясь, Оливия заняла место Рейи, обняла меня и принялась поглаживать мою голую грудь.

– Поскольку мой гроб занят, видимо, нам придется делить твой. – Она обернулась к своему гробу, где по-прежнему лежало тело Шейри. – Кто эта Златовласка, оккупировавшая мою постель?

Я охнул, когда Оливия не слишком нежно стиснула мой, сосок.

– Это Шейри. Я пытался сделать из нее вампира, но ничего не вышло. Она умерла.

В мгновение ока Оливия переменилась. Кокетливая улыбка исчезла, ярко-красные губы сжались в узкую линию. Вампирша прыгнула на пол, изящно приземлившись на свои высокие каблуки, подошла к гробу и, помедлив секунду, подняла крышку. Я подошел и встал рядом, наблюдая, как Оливия с мрачным видом рассматривает тело девушки.

Благодаря ритуалам Мелафии сейчас труп выглядел несколько лучше. Песнопения и эликсиры произвели некоторый восстанавливающий эффект. Хотя, разумеется, этого было недостаточно, чтобы вернуть Шейри к жизни. Тело было обложено веточками и пучками трав. Теперь я понял, почему Оливия приняла мертвую девушку за спящего вампира.

– Пока я спал, Мелафия одела Шейри и произнесла над ней несколько заклинаний. Думаю, для того и травы. Она обещала, что не позволит никаким сущностям завладеть телом.

Оливия взяла веточку, похожую на лаванду, понюхала и отложила в сторону.

– Да. Мелафия – хороший человек. Я тоже должна кое-что сделать для Шейри. Дам ей своей крови и... еще кое-что. И запишу ее.

– Запишешь? – растерянно переспросил я.

– Не обращай внимания. Потом объясню. Я вздохнул.

– Я не хотел причинить ей вреда, честное слово. Все сделал в точности так, как велел Уильям. Не понимаю, как это вышло. Мелафия сказала, что иногда подобное бывает, но наверняка есть какое-то более внятное объяснение. Ты разбираешься в женщинах-вампирах? Я хочу сказать: ты ведь тоже женщина, и тебя как-то сотворили. Я не помню собственную инициацию и просто хотел понять...

Оливия прижала пальцы к моим губам.

Никто не помнит свою инициацию. Но ответ на твой вопрос – да. Я знаю очень много о том, как создаются женщины-вампиры, о том, чем они живут, какие опасности их подстерегают и сколько им нужно пройти, прежде чем стать полноправными вампирами. Они сталкиваются с определенными... трудностями на всех этапах. Мелафия была права: процесс трансформации очень сложен, и многое может пойти не так. Однако никто никогда не занимался этим вопросом. Наверняка ты сделал все возможное, так что не бери в голову.

– Прошлой ночью Шейри явилась ко мне в виде призрака. – Правда? – сказала Оливия. Ее глаза удивленно расширились. – Как необычно. Ты, должно быть, сенсуал.

– Кто?

– Вампир, который умеет общаться с нежитью низшего ранга – духами, призраками и так далее.

– Можно подумать, существует какая-то классификация типов нежити...

Оливия улыбнулась.

– Совершенно верно.

– И я, очевидно, стою в этой иерархии довольно высоко?

– Ну да, – кивнула вампирша и снова улыбнулась. – Как говорится, *la creme de la creme*.

– Это по-французски? Нечто вроде «лучший из лучших»?

– Типа того.

– Ух ты! Надобно встать очень рано поутру, чтобы взять верх над стариной Макшейном!

На самом деле я чувствовал себя полным невеждой. Оказывается, у нежити существует какая-то кастовая система, а я нахожусь где-то наверху. Ребята вроде меня, способные общаться с духами, имели собственное название. Оказывается, я не просто смысленный мертвый белый парень. Я еще и сенсуал. О, брат, как! Кто бы мог подумать?

– Мы, вампиры, подобны звездам в царстве тьмы, – продолжала Оливия. – Мы господа. Властители, если угодно.

Каждый день узнаешь что-то новое. Ну, ладно, ладно. До недавнего времени все было совершенно иначе.

– Ты просто пытаешься приободрить меня.

– Да, пытаюсь. Но от этого истина не делается менее истинной.

– Ладно, если мы такие крутые чуваки, то не можем ли что-нибудь сделать для Шейри? Кроме того, чтобы отдавать ей кровь и куда-то там ее записывать?

– Тут уж тебе должно быть виднее. Но, боюсь, заклинания Мелафии и моя небольшая помощь – максимум возможного.

– Шейри сказала, что попала в какое-то страшное место. Там темно, и какие-то странные злые твари гонятся за ней.

– Плохо. Но если Мелафия все сделала правильно, то Шейри в безопасности. Я точно не знаю, что умеет ваша колдунья и откуда она черпает силу, но методы, которыми она пользуется, мне немного знакомы. Они очень древние. Ее колдовство во многом похоже на магию друидов.

– Это не те ребята, которые раздевались догола и плясали вокруг майского дерева ночью в полнолуние?

– Все немного сложнее.

У меня снова заболела голова. Теперь она раскалывалась от обилия новой информации. Я перевел взгляд на мертвую девушку в гробу.

– Ридрек высосал Шейри почти досуха, и Уильям спросил ее, согласится ли она стать одной из нас. Шейри сказала «да». И кстати, где черти носят Уильяма? Ты не в курсе?

Странное выражение появилось на лице Оливии в тот миг, когда я произнес имя Ридрека. Она словно бы внезапно вспомнила о чем-то важном. Еще раз взглянув на Шейри, вампирша прикоснулась к волосам мертвой девушки и что-то тихо сказала ей. Казалось, смерть Шейри – с которой она даже не была знакома – глубоко тронула ее.

Помолчав немного, Оливия проговорила:

– Если Шейри решила пройти трансформацию и стать вампиром, она поступила правильно, даже если этому не суждено было случиться.

Я мельком отметил, что вампирша пропустила мимо ушей мой вопрос насчет Уильяма.

– Никак не могу отделаться от мысли, что здесь есть доля моей вины. Думаю, со мной что-то не в порядке.

Руки Оливии легли мне на плечи, разминая и массируя их. – Бедный Джек... Как бы мне хотелось утешить тебя, – прошептала она. Ее щека коснулась моего лица, и я почувствовал запах вампирши. Оливия была с Ридреком. Теперь я не сомневался, что она плясала под его дудку. Чтобы ни случилось, я должен быть чертовски осторожен.

С дивана донеслось недовольное ворчание Рейи. Оливия посмотрела на нее и уселась ко мне на колени. Она взяла мои руки, поцеловав по очереди каждую ладонь, а потом положила их себе на щеки и заглянула мне в глаза.

– Ты же совсем ягненок, да? Милый, сладкий, невинный; ягненок...

Она сделала акцент на слове «невинный». Женщины называли меня по-всякому, поверьте, но это была принципиально новая ассоциация. Я пытался понять, что же имела в виду Оливия – то ли провал с сотворением вампира, то ли мое общее невежество... Тут она

начала расстегивать мою рубашку, и я очень быстро отвлекся от своих раздумий.

– М-м-м, – согласился я – Маленький ягненок. Бе-е-е... – Кажется, Рейя прыгнула с дивана и переместилась под стул, исчезнув из поля моего зрения. Я надеялся, что она тоже меня не видит.

Оливия одарила меня поцелуем, от которого я бы, наверное, свалился с ног, если бы не сидел. Поцелуй был долгим и страстным, а к тому времени, как он закончился, блузка Оливии оказалась расстегнута и груди, затянутые в кружево бюстгальтера, маячили у меня перед глазами.

– Так вот, насчет умений Мелафии. В чем ее секрет? Где она научилась своей магии?

– Хм-м?... – Какие могут быть разговоры в подобный момент? Мой язык был занят совсем другим. Я старался просунуть его под бюстгальтер и добраться до напряженных сосков, спрятанных внутри. И зачем она спрашивает меня о... а о чем там она спрашивала?..

– Мелафия. Где она обрела свои знания? Это вуду? Я слышала, что в Саванне много вудуистов.

– Вуду. Да. Она знает о вуду...

Вуду-муду. Сейчас меня гораздо более занимал вопрос, как расстегивается кокетливый лифчик Оливии. Где вообще у него застежка? Впереди или на спине?..

– И защитная магия Уильяма тоже происходит оттуда? В ночном клубе он устроил впечатляющий спектакль. Ридрек не сумел даже притронуться к нему.

Эврика! Я нашел застежку и управился с ней в мгновение ока. Такая ловкость нарабатывается десятилетиями практики. Эластичный бюстгальтер прыгнул с груди Оливии и обмотался вокруг ее шеи. Сиськи выскочили наружу, и я зарылся в них лицом... Вот тогда-то я снова почувствовал смердящий запах Ридрека, но махнул на него рукой и пропустил мимо ушей вопрос вампирши. Мне было не до того.

Она потянулась к моему ремню – так же, как давеча Шейри. Картины недавних событий вспыхнули в моей памяти безумный секс с недоделанной вампиршей и его печальный исход.

– Эй, – сказал я, отрываясь от груди Оливии. – Последний раз, когда я делал это с женщиной-вампиром, она сыграла в ящик. Что, если дело вовсе не в процессе трансформации? Вдруг я ядовит для вампирок или что-нибудь в этом роде?

Оливия хрипловато рассмеялась, расстегивая мой ремень.

– Не говори глупостей. Ты не сможешь мне навредить, даже если очень захочешь.

Ладно, о'кей. Если что-то случится, пусть потом не жалуется: я ее предупредил. Я поймал губами набухший сосок, и все рациональные мысли выветрились из головы. Внезапно оказалось, что штанов на мне уже нет, а Оливия задирает юбку, которой, впрочем, изначально было не так уж и много. Я сунул под нее руку и обнаружил, что там нет ничего лишнего. Мои пальцы скользнули между бедер вампирши.

– Нет, постой. Сперва я с тобой разберусь, – прошипела Оливия. С этими словами она опустила на мой воздетый агрегат – так быстро и резко, что я едва не вскрикнул. На один краткий миг выражение торжества на ее лице сменилось удивлением. Оливия ищуще заглянула мне в глаза. Потом, поудобнее утвердив меня на стуле, она ухватила за спинку, чтобы держать равновесие, скинула туфли и обвила ногами ножки стула. Выражение уверенности вернулось к ней, и вампирша снова поцеловала меня.

Я застонал, желая продолжения. Оливия приподнялась и вновь наделась на мой жаждущий член.

– Скажи мне, Джек. Скажи, в чем секрет Уильяма. Я должна знать...

Я ухватил Оливию за бедра и приподнял, чтобы снова насадить на себя, но она крепко держалась ногами за стул и не позволила мне довершить начатое. Вампирша явно намеревалась сама контролировать ситуацию. Если она не уступит, в скором времени я буду умолять ее о милосердии. Но ей требовалось совершенно другое. Оливия желала знать тайну Уильяма, секрет его силы. Наконец-то я понял! Она пыталась вызнать все это для Ридрека, потому что он держал вампиршу под контролем.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаюсь совладать со своим жаждущим секса телом. Разумеется, я не стану выдавать Ридреку тайны Уильяма, но пусть же Оливия как следует поработает, если хочет вытянуть их из меня. Видимо, лавры Мата Хари¹ не давали ей покоя. Что ж, посмотрим, кто на самом деле будет вести этот маленький допрос с пристрастием. Я открыл глаза и смерил вампиршу спокойным взглядом.

– Не представляю, о чем ты.

Ах, не это она желала услышать! Оливия снова приподнялась надо мной и опустилась вниз.

– Врешь! – Ее лицо покраснелось. Невероятно для вампира, если только он не поел совсем недавно. Возьми на заметку, Джек.

Я постарался удержаться от стонов. Моя плоть была тверда как алмаз, а кровь бурлила от желания. Каждый раз, как Оливия насаживалась на меня, я готов был взорваться. Мне хотелось кричать, но я не доставил ей такого удовольствия. Она поднялась и снова вернулась, и еще раз, еще раз. Я молчал. Оливия в очередной раз оседлала мою плоть, и я оказался внутри нее.

– Почему ты защищаешь Уильяма? – Она теряла контроль, и дело касалось не только секса. Здесь было что-то еще. – Погляди, как он обращался с тобой все эти годы! Скрывал от тебя твою собственную силу, ничего не рассказывал о природе вампиров. Ты ничего не знал о роскоши, которая давно могла бы стать твоей. Какой позор! Все, что он делал – это помыкал тобой. А ты по-прежнему служишь ему, глупец! Вот теперь я припомнил еще кое-что. Уильям не советовал заниматься любовью с Оливией. Вместо этого он подсунул мне Шейри. Почему? Он сказал, что инициация девушки сделает меня сильнее, но правда ли это? Может быть, все дело в том, что Шейри не могла дать мне никаких новых знаний, а Оливия могла?

Она снова задвигалась, и я стиснул зубы, едва сдерживая крик.

– Ридрек – вот за кем нужно идти, – прошелестела Оливия. – Он, а не Уильям мог бы дать тебе все, что ты заслуживаешь.

– И что же приказал тебе Ридрек? Приказал прийти сюда и трахать меня, пока я не раскрою всех тайн Уильяма? Велел пообещать золотые горы и великое знание? – Оливия расслабила ноги и вновь попыталась подняться, но я держал ее за плечи, демонстрируя, кто здесь сверху на самом деле.

Она рассмеялась, и в этом смехе прорезалась истерическая нотка.

– Он пытался околдовать меня. О да, он пытался. Но я сильнее его! И сильнее тебя, долбаный безмозглый щенок!

– Неужели? Ну, посмотрим.

Я отпустил плечи Оливии и схватил ее за ноги, отрывая от ножек стула. Потом приподнял вампиршу и изо всей силы надел на себя, затем нагнулся вперед, высоко задрал ноги Оливии и перекинув колени через спинку стула. Пальцы вампириши разжались, и она беспомощно всплеснула руками в воздухе: Я держал ее за талию стальной хваткой, не позволяя изменить позу.

– Отвечай... мне... где... Уильям! – проговорил я, двигая Оливию вверх-вниз с каждым произнесенным словом. Позиция, в которой мы находились, донельзя сужала ее дырочку. Это сводило меня с ума.

– Иди к черту!

– Ты первая!

Оливия закричала – уж не знаю, от удовольствия или от боли. Мне было на это плевать. Она сама виновата, нечего было играть со мной. Вдобавок вампириши, кажется, желала испытать мою силу. Что ж, нет проблем. Я имел ее и так, и этак, с каждым движением все глубже вбивая в нее свое бревно. Оливия старалась найти опору для рук, чтобы восстановить контроль или, может быть, чтобы освободиться, но тщетно. Потом она попыталась высвободить ноги, но я крепче прижал ее бедра к груди. Мне показалось, будто Оливия

¹ Мата Хари (1876–1917) – танцовщица и куртизанка. Во время Первой мировой войны занималась шпионажем в пользу Германии.

мало-помалу слабеет.

– Что со мной происходит? – прошептала она, едва дыша. – Этого не должно было случиться. Что-то пошло не так...

Продолжая ритмично двигать вампиршу вверх-вниз, точно сбивая масло, я посмотрел на нее. Взгляд Оливии стал безжизненным, лицо осунулось. Она словно увядала на глазах. Ее мышцы – за исключением тех, что сжимали моего дружка – стали дряблыми и безвольными. Она что, тоже собирается умереть прямо на мне? Черт, я и понятия не имел о такой своей силе! В любом случае, пора заканчивать: оргазм надвигался стремительной волной. Тело Оливии вздрогнуло, и я ощутил, как свело ее мышцы, стискивающие мой член. Она издала еще один пронзительный крик; я застонал и кончил в нее.

Глаза Оливии наполнились ужасом, и я увидел в них отражение Ридрека. Не картинку, нет, но его присутствие. Будто бы мой оргазм разрушил ее защиту, и я увидел вампиршу в ее истинном состоянии. Ридрек был здесь, он каким-то образом подглядывал за нами через Оливию. Не отводя взгляда от глаз вампирши, я уловил момент, когда Ридрек исчез из нее, и Оливия вновь обрела контроль над собой.

Несколько секунд я молча переводил дыхание, а потом разжал руки. Оливия повалилась назад, и мне пришлось подхватить ее, чтобы она не ударилась головой об пол. Поддерживая вампиршу, я медленно поднялся со стула, не зная, сумеет ли она устоять на ногах без посторонней помощи. Еще пара секунд – и ресницы Оливии затрепетали, взгляд стал осмысленным. Она забилась в моих объятиях, и я отпустил ее. Задранная юбка вернулась на бедра, но выше талии Оливия была обнажена и стояла на полу босиком. Казалось, она собирается с силами и приводит в порядок мысли.

Я всегда чувствую себя немного неловко, заговаривая с женщиной после нашего первого секса, но на этот раз все было вообще из рук вон. Схватка, которая здесь произошла, походила на бой без правил в каком-нибудь бойцовском клубе ада. И вот так выглядит секс двух вампиров? Всякий раз? Круто.

Оливия внезапно покачнулась, как пламя сечи на ветру. Я снова подхватил ее. Нужно сказать что-нибудь, чтобы снять напряжение. Ясное дело, я, как настоящий толстокожий мужлан, ляпнул несусветную чушь.

– Э... Мне понравилось. А тебе?

Для существа, выглядевшего как измочаленная тряпка, Оливия была изумительно быстра. Она размахнулась и дала мне в зубы с такой силой, что я отлетел назад. Ноги запутались в полуспущенных джинсах, так что мое приземление нельзя было назвать грациозным. Я налетел на деревянный стул и шлепнулся на него со всего маху, так что мои пятки взбрыкнули в воздухе.

– Что ты сделал со мной?! – рявкнула Оливия.

– О чем ты? – Я потер саднящую щеку. Больно, черт возьми!

Лицо вампирши пылало яростью.

– Знаешь, ты прав: с тобой что-то не так. И очень здорово не так, скажем прямо!

– Со мной? – Я повозился на стуле, натягивая джинсы. – А как насчет тебя? Пока мы занимались любовью, ты транслировала все кино Ридреку! – Только теперь я в полной мере осознал масштаб катастрофы. – Какая мерзость!

– Ладно, может, и так. – Оливия сняла с шеи лифчик и неторопливо надела его. – Но теперь мне гораздо лучше. А вот что действительно интересно, так это почему я выжата как лимон.

– Что?..

Оливия принялась застегивать блузку.

– Ты вытянул из меня силу, болван. Все должно быть наоборот. Но я чувствую себя слабой, как новорожденный котенок.

– Ну, прости. Мне жаль.

Она одарила меня убийственным взглядом.

– Еще бы.

– Я не нарочно. Честное слово.

Оливия пригладила волосы и прищурилась.

– Так что же случилось, когда ты трахался с Шейри? Что произошло в тот конкретный момент, когда она начала чахнуть?

Жуткое понимание снизошло на меня.

– Я... я думаю, то же самое, что и с тобой. Как раз в это время ты начала слабеть...

Долгую минуту Оливия рассматривала меня.

– Как ты себя чувствуешь, Джек? Счастлив и доволен, как положено после хорошего секса?

Я напряг мускулы, потом расслабил их.

– Точно. Я отлично себя чувствую. Просто великолепно. – Сказать по правде, я ощущал себя сильным. Как супермен. Я пялился на сиськи Оливии, пытаюсь понять, не прорезалось ли у меня рентгеновское зрение, чтобы заглянуть за покровы ее одежды. Казалось, еще чуть-чуть, и дело выгорит. – Будто бы я могу горы своротить.

– Черт меня побери. – Оливия скрестила руки на груди и уставилась на меня так, словно только что открыла новый вид вампиров. – Я много лет изучала тендерные связи в вампиризме, но никогда не видела ничего подобного.

Черт! Может, я действительно новый вид вампира?..

– Поясни.

– Я не получила от тебя ни капли силы, зато ты высосал меня почти досуха. Я до сих пор чувствую себя так, как будто вот-вот сдохну.

– Надо поесть, Оливия. Я плесну тебе немного крови. Уильям хранит запас на всякий случай. Так ты быстрее восстановишь силы.

Я направился к маленькому холодильнику под баром, нашел пакет с кровью, припрятанный у задней стенки, и опорожнил его в стакан. Оливия медленно подошла к бару и облокотилась на него. Она взяла стакан и как бы через силу отпила из него. – Маленькими глотками. Это сильная штука, – сказал я. Дождавшись, когда вампириша прикончит первую порцию, налил ей еще. Потребуется много больше двух порций, чтобы вернуть ее в нормальное состояние. – Оливия, – начал я, не желая задавать этот вопрос, но понимая, что должен знать наверняка, – я действительно убил Шейри?

Вампириша посмотрела на полированную мраморную поверхность бара, словно изучая свое несуществующее отражение.

– Скорее всего, – сказала она. – Джек, дай мне слово, что больше никогда не будешь делать вампиров из женщин.

– Разумеется, не буду.

Я поставил локти на бар. Как бы мне ни хотелось утопить свои печали в новой порции скотча, я старался держать свои желания при себе. Мир и так вращался слишком быстро. Я гнал от себя мысли о Шейри. Я уподоблюсь Скарлетт О'Хара и подумаю об этом завтра. Уильяма нет, и я не знаю, можно ли доверять Оливии. Кажется, сейчас она в здравом уме, по, возможно, Ридрек способен снова взять над ней контроль. Когда я проснулся, вампириша вела себя совершенно нормально. Она была искренне тронута судьбой бедной Шейри, и ничто не предвещало беды. Потом Оливия изменилась. Было бы крайне неразумно поворачиваться к ней спиной. Я совершенно запутался и сейчас даже не знал, можно ли и дальше доверять Уильяму. В словах Оливии была доля прав-пи: может быть, мне и впрямь стоило встать на сторону Ридрека. Это могло многое упростить. Отчего бы не поддаться очарованию зла? Я знал, что Оливия сказала об этом, находясь под контролем Ридрека, однако идея не становилась менее привлекательной.

Вампириша все еще нетвердо стояла на ногах, одной рукой придерживаясь за бар.

– Тебе лучше? – спросил я.

– Да, немного.

– Хорошо. Так где Уильям?

Оливия опустила глаза.

– Он с Ридреком.

– Что?! Как?..

– Ридрек поймал меня и держал при себе. Пришел Уильям. Он остался там, а мне велел возвращаться сюда.

– Черт подери! Ты можешь проводить меня в то место? Оливия покачала головой.

– Я совсем запуталась в этих проклятых туннелях и никогда не найду Ридрека, пока он не позовет меня. Джек, что нам делать?

– Тебе – ничего. Ты не можешь охотиться на Ридрека в таком состоянии. Он тебя плевком перешибет. Поэтому останешься дома. – Я не сказал Оливии, что есть и другая причина оставить ее здесь: я не мог ей доверять. И не смогу, пока не разберусь, что к чему. А может быть, не смогу и после этого.

– Черта с два! Если ты идешь за Уильямом, то и я с тобой. – Она со стуком поставила стакан на бар и вздернула свой изящный подбородок.

– Я не собираюсь тащить на себе такую обузу. День на дворе. Ты должна поспать, чтобы восстановить силы. Может быть, я позволю тебе выйти, когда стемнеет. – Оливия принялась возражать, но я обогнул бар и взял ее на руки. Она была легкой как перышко. Я мог поднять ее над головой одним пальцем.

Я отнес Оливию к своему гробу и положил туда.

– Джек, ты не посмеешь!

Рейя вылезла из-под стула, виляя хвостом и оскалившись в язвительной собачей ухмылке.

Я устроил Оливию на подушках, закрыл крышку и запер ее. Изнутри донеслись приглушенные проклятия.

– Выпусти меня, сукин сын! Я должна позаботиться о Шейри!

– Сделаешь это, когда восстановишь силы. Она никуда не убежит.

– Черт бы тебя побрал, Джек!

– Спокойной ночи, солнышко.

Я натянул сапоги и выпустил Рейю из подвала.

– Иди к Мелафии, детка.

Она облизала мою руку и убежала.

А я направился к двери, ведущей в туннели, и шагнул туда, не очень-то представляя, куда именно иду, но не слишком об этом беспокоясь.

Я шел приблизительно в ту сторону, где находился гараж. Мне хотелось оказаться в знакомой обстановке, а еще срочно требовался душ и новая рубашка, которая не была бы разорвана в клочья. Не знаю, сколько сейчас времени. Может, добреду туда как раз к темноте. А даже если нет – черт возьми!.. В своем теперешнем настроении я был готов выйти на солнце и осветить мир, как новогодняя елка. Тру-ля-ля.

Возле первой канализационной решетки я приостановился и глянул вверх, в мир живых. Если встать сбоку, куда не достают солнечные лучи, можно увидеть кусочек тротуара, ноги прохожих и их тени. Сейчас мне более чем когда-либо хотелось стать одним из них.

Но нет. Я тот, кто я есть. Джек Макшейн, кровосос, убийца слабых женщин-вампиров, постоянный клиент ночных бабочек. Я опустил голову и подумал о Конни. Волна тоски прокатилась по мне, как прилив возле Тайби. Моя прекрасная темноволосая латиноамериканская леди... По крайней мере, у нее теплое живое сердце, стало быть, я не смогу ее убить. То есть смогу, но не стану. Я не допущу, чтобы хоть полосок упал с ее головы.

Осенний лист сорвался с дуба на площади, подлетел к решетке, помедлил на краю и провалился между железных прутьев. Он подплыл ко мне как дар из невидимых рук, и я потянулся за его золотой красотой, забыв о лучах утреннего солнца. Кожу опалило, и я поспешно отдернул руку, а потом сунул пальцы в рот, чтобы облегчить боль.

Лист засветился в том месте, где я коснулся его. Почти тут же появились язычки

пламени. Это было как знамение, как намек. Конни никогда не будет принадлежать мне, и даже смерть не соединит нас, а разлучит навеки. Даже если бы я завоевал ее сердце, даже если бы женщина полюбила меня так, как я ее люблю, мы все равно не смогли бы остаться вместе. Я не сумею сделать ее вампиром, ведь моя необычная сила убьет Конни, как убила Шейри и чуть не погубила Оливию.

Я зачарованно смотрел на лист, пока он не превратился в струйку дыма. Дым поднялся вверх, за решетку, исчезнув в солнечном мире живых. Я же отступил в тень, которой принадлежал.

ГЛАВА 11

Уильям

Я очнулся в темноте.

Почти невозможно довести вампира до бессознательного состояния, но Ридрек практиковался сотни лет. Я не шевелился, пытаюсь понять, где нахожусь. Меня окружали знакомые запахи гниения, мокрой глины и болотной воды. Я ощущал, что старый вампир где-то поблизости; его мерзкая вонь пронизывала все вокруг.

Говорил ли я, что убить Ридрека не в моих силах? В мире вампиров существует определенное правило – или, если угодно, закон: отпрыск не может уничтожить собственного создателя. Не знаю, откуда это взялось; возможно, появилось после печального инцидента с царем Эдипом несколько тысяч лет тому назад. Или просто заработал защитный механизм, возникший при мутации крови нашего вида. Иначе поголовье вампиров могло сильно упасть. Я – отличный пример отпрыска, который с радостью убил бы создателя в первую же ночь своей новой жизни. Если бы только сумел...

Плохо дело. Я попытался шевельнуться и обнаружил, что мои руки вытянуты и привязаны к стене ладонями вверх. Не хватало только гвоздей в запястьях. Тело отказывалось повиноваться; я был словно замотан в кокон, как муха, пойманная пауком. Я лежал спиной на холодном камне, и что-то невероятно тяжелое давило на грудь. Я казался себе сэндвичем с вампиром.

Несмотря на свое печальное положение, мне не удалось удержаться от улыбки. Вот бы Джек посмеялся, если б увидел меня сейчас... Впрочем, мысли о Джеке тут же отбили всякую охоту веселиться. Где-то он теперь? Что с ним сделала Оливия?

Я заставил себя отвлечься от этих раздумий и обратился к более актуальным проблемам. Я знал, что наверху царит день, а солнце стоит высоко в небе. Может быть, Джек оказался хорошим мальчиком и спокойно спит в своем гробу. Впрочем, у Оливии была целая ночь, чтобы разыскать его и обратить на свой путь. Джек умен и находчив, но в моем положении было глупо надеяться, что ему удастся перехитрить Рид-река. В конце концов, я сам устроил целое представление, чтобы обмануть создателя – но тщетно. Кроме того, я помнил свое видение – Джек, который предаст меня. Я пытался разделаться с Ридреком, прежде чем это случится, но не вышло. Оставалось лишь надеяться на истинно ирландское упрямство моего отпрыска. Я отлично знал, что его невозможно заставить что-либо сделать насильно. Но очаровать – другой разговор. Здесь у Оливии имелось явное преимущество.

Я вспомнил, как вампириша вела себя в доме Элеоноры. Если Ридрек приказал ей соблазнить Джека, с каждым новым оргазмом мой отпрыск будет терять силу, пока не станет легкой добычей.

Проклятый Ридрек! Гнев охватил меня, я задержался в своих путах, но они держали крепко.

– А! Вижу, ты очнулся. – Звук шагов и плеск воды возвестили о приближении Ридрека.

– Это не твоя заслуга, – процедил я.

Он хихикнул. Яркий свет неожиданно ударил в глаза, и я увидел часть комнаты. Я

лежал на каменном столе. Мы находились в старом фамильном склепе в центре кладбища. Истлевшие кости заполняли ниши, возвышавшиеся над поверхностью воды, узловатые корни растений паутиной обвивали влажный камень. С верхней ниши на меня смотрела человеческая голова, лишь недавно отделенная от тела. Очевидно, Ридреку нравился средневековый обычай класть череп на обеденный стол. К противоположной стене были приделаны три пары цепей с наручниками, и в двух из них еще остались руки: полусгнившие кости болтались в проржавевших браслетах. Очевидно, какие-то люди были похоронены здесь еще до того, как умерли. В отличие от обезглавленного тела, лежавшего в углу. Этот труп был совсем свежим.

– Бонаventura, – сказал я.

– Точно. Здесь нам никто не помешает. – Ридрек посмотрел на меня взглядом, исполненным печали. – Давно пора было уяснить, сынок, что я всегда получаю желаемое. Не в твоих силах обмануть или остановить меня.

– Я тебе не сынок.

– Но ведь так оно и есть на самом деле. И хватит уж играть в эти детские игры. – Он уселся справа от меня. – Сейчас поглядим на твою кровь вуду. Я хотел, чтобы ты при этом находился в сознании. Давай-ка попробуем, какова она на вкус. – С этими словами старый вампир обнажил клыки и запустил их в мое запястье, будто голодный пес.

Боль чувствуют все – и живые, и бессмертные. В этом есть определенное неудобство. Многие годы я учился справляться с ней, блокировать худшие ее проявления. Но подобной боли мне еще не доводилось испытывать. Бритвенно-острые клыки Ридрека пронзили плоть и проскрежетали по кости. Боль прошла сквозь меня, как электрический разряд.

Пока тело корчилось в муках, моя ненависть пылала ярким огнем. С криком ярости, эхом, отдавшимся от стен, я дернулся, что было сил, и выгнул спину, сражаясь с весом державшего меня камня. Тяжелая плита, давившая на грудь, помедлила мгновение, а потом начала неторопливо сползать в сторону.

Ридрек зашипел от злости, разбрызгивая мою кровь по моим же рукам и лицу. Ему пришлось отскочить, чтобы не попасть под падающую плиту; он поспешно подхватил ее. Я снова дернулся, но Ридрек держал плиту крепко. Мне подумалось, что он осыплет меня проклятиями или попросту убьет. Я надеялся на второе. Но вместо этого увидел камень размером с кулак, летящий мне в лицо. Потом – ничего.

Звонили колокола. Печальный, заунывный погребальный звон. Без помощи раковин Лалии я парил над похоронной процессией, словно птица, подхваченная ветром. Английским ветром. Меня окружали запахи солнца, травы и камня. Глядя на залитые солнечными лучами поля и извивы дороги, я почувствовал, что тяжесть на сердце ослабла, и полной грудью вдохнул воздух родного дома.

Внизу, подо мной, люди несли два деревянных гроба. Они шли к могилам, вырытым в стороне от церковного двора. «Неосвященная земля», – слышался шепот какой-то женщины. Я опустил глаза ниже и посмотрел внимательнее. Священник, шагавший за процессией, показался мне знакомым. Да это же отец Гиффорд из моего прихода в Дербишире! Я наблюдал собственные проводы. Это меня они хоронили. Меня и мою милую Диану.

Она была совсем близко. Я приблизился к ее гробу и тронул одинокий цветок, который кто-то положил на крышку. Сердце разрывалось от желания хоть на один краткий миг увидеть мою возлюбленную жену.

Мне так жаль. Я не сумел спасти тебя, любимая. Так жаль...

Горе захлестнуло меня, словно и не было этих пятисот лет, прошедших со дня утраты. Едкие слезы жгли лицо. Мне хотелось сбить крышку гроба, открыть его и освободить любимую. Да только в этом нет смысла. Она мертва. Она уже в каком-то смысле свободна. Тьма не поймала ее в ловушку, как это случилось со мной.

– Душа моей жены чиста. Ее нужно похоронить на церковном кладбище, – сказал я, хотя никто не мог услышать. Люди поспешно опустили гробы в могилы без крестов.

– Сжался, господи, над их душами, – произнес священник, а потом отряхнул руки, будто эти нечестивые похороны запачкали их. По крайней мере, селяне не сожгли нас как колдунов.

– Я хочу к маме! – послышался плачущий голос ребенка.

– Тс-с, милый. Твоя мама умерла, и папа тоже.

Я посмотрел на женщину, которая обнимала малыша своими грубыми натруженными руками. Джуни Сесил. Она была служанкой Дианы.

– Не плачь, – тихо сказала женщина. – Теперь ты будешь жить со мной и Джеймсом.

Я в изумлении взирал на своего сына Уилла. Живого Уилла. Он был ранен – грубая повязка облегла его шею – но жив! Джуни поднялась на ноги и пошла по тропинке, держа на руках плачущего Уилла. Итак, он все-таки выжил. Горю желанием помочь сыну, я летел за ними, пока не осознал, что ничего не сумею поделать. Ничего не смогу ему предложить – ни помощи, ни защиты, ни даже объяснений. Глазами, которые прожили так долго и видели столь много, я смотрел, как сын снова исчезает из моей жизни.

Прощай, малыш... Папа по-прежнему любит тебя. Я помнил о тебе все эти бесчисленные годы и века...

Я вернулся к могильщикам, засыпающим могилы землей. Если мое видение показало реальные события прошлого, значит, Уилл не погиб. Как бы ни сложилась его судьба, он жил – возможно, долго, – и умер нормальной человеческой смертью. Кто послал мне это видение? Ад или рай? Я не знал. Но если Бог существует на самом деле, как он допустил, чтобы моя семья так жестоко страдала?

– Не надо особо стараться, – сказал я одному из могильщиков. – Я все равно выкопаюсь оттуда, и довольно скоро.

Он обратил на мои слова не больше внимания, чем на крик птицы.

Я посмотрел вверх – на небо, где не было Бога, и вновь оказался среди облаков, белых, как волосы ангелов. Солнце освещало их. С высоты открывался великолепный вид, и боль снова пронзила мое израненное сердце.

Я поднимался все выше, пока облака не исчезли. Внизу расстилалась океанская гладь, а над головой мерцали звезды. Далеко впереди маячила береговая линия. Приблизившись, я увидел реку и летел над ней, пока не достиг гавани с кораблями.

Саванна.

Исчезли огромные отели и новое здание муниципалитета на Хатчинсон-айленд. Подо мной лежала Саванна прошлого, когда доки на реке были меньше, а дорога, ведущая вдоль реки, – не залита асфальтом и гораздо уже. В те времена в городе не хватало уличных фонарей, и гораздо больше темных дел творилось в открытую. Я пролетел мимо собственной пристани, стараясь понять, какой нынче год. Поскольку внешние доки еще не были построены, я предположил, что попал в начало 1930-х годов, во времена Великой Депрессии, незадолго до Второй мировой. Эта война изменила облик Саванны.

Размышляя о морской торговле и войне, я приземлился и в полумраке увидел знакомое лицо.

Джек!

Он и его напарник выгружали какую-то контрабанду из трюма небольшого суденышка, перекладывая все в один из уродливых длинных автомобилей Джека – черный, с боковыми подножками, похожими на ступеньки двуколки.

– Что ты здесь делаешь? – изумленно спросил Джек. Я мог понять его растерянность. Этот полет вне тела, без помощи ракушек Лалии, вряд ли подчинялся каким-то правилам и законам магии. Видимо, тут не обошлось без заколдованной крови вуду, текущей в моих жилах.

Странно, что отпрыск сумел увидеть меня.

– Да вот, завернул поглядеть, как тут поживает нежить, – усмехнулся я. Человек, помогавший Джеку, остановился и уставился на меня, словно увидел привидение.

– И заодно распугать моих помощников, – буркнул Джек. Потом он обернулся к своему

приятелю. – Все в порядке, Лео, я тут закончу. Завтра ночью на прежнем месте.

Парень кивнул, не сводя с меня глаз.

– Приятных снов, – услышал я собственный голос. Лео растворился во тьме. Я тронул бочонок, который он оставил на земле. – Это оно и есть?

Джек остановился, уперев руки в бока.

– Надеюсь, ты явился не затем, чтобы читать мне лекции о нарушении законов? Ты отлично знаешь, что я занимаюсь контрабандой спиртного. – Он потыкал бочонок ногой. – Да, это оно и есть.

– О, – сказал я. – Разумеется, знаю. Просто не предоставлялось случая увидеть процесс работы.

Джек пожал плечами.

– Не слишком красиво, но это приносит деньги. Мне нужно отвезти эту партию в Чарлстон. – Он продолжал грузить свой товар в машину. – Так что же привело ваше лордство в доки? Мне казалось, что ты и прочие «золотые мальчики» по пятницам играют в карты в «Десото».

– А, ну да. «Десото». Я забыл про этот старый отель... – Я стал одним из первых инвесторов его строительства. Когда же это было?.. В 1890-х или около того.

– Что значит – забыл? Не так-то просто забыть отель, который занимает целый квартал. Знаешь, такой, с верандами и цветными окнами. – Джек прищурился и пристально взглянул на меня. – Ты пьян? Или что?

– «Или что», возможно, правильный ответ.

Джек досадливо махнул рукой и поставил последний бочонок в машину.

– Останешься здесь?

– Я бы покатался с тобой, пока ты развозишь товар.

– Ну, точно пьян. Только посмотри, как ты одет. В тех местах, куда я поеду, такие франты ни к чему. Это все равно что играть в домино в смокинге.

Я опустил глаза и обнаружил, что воображение одело меня в костюм от Армани. Я снял пиджак, расстегнул манжеты и засучил рукава.

– Так лучше?

Джек выпучил глаза. Не обращая на него внимания, я забрался в машину и устроился на сиденье рядом с водительским. До меня там стояло два небольших бочонка. Доля Джека, не иначе. Я закинул их на заднее сиденье.

– Так едем?

Мы катили по городу в молчании. Я обнаружил, что мне нравится рассматривать старые дома и улицы. Для бессмертного Время идет медленно, но если даже двигаться, как улитка, трудно будет заметить все перемены, происходящие вокруг.

Я словно ехал по живой истории города, который называл своим. Как и людей, живущих в нем.

Большинство смертных романтизируют прошлое. Якобы в минувшие дни жизнь была проще и лучше. Прожив полтысячи лет, я с этим не могу согласиться. Каждое десятилетие и каждое поколение имеет свои достоинства и недостатки. И люди, которые населяют те или иные времена, полагают, что их победы и поражения уникальны. Философ, сказавший, что история повторяется, был абсолютно прав. Одежда, обычаи и лидеры могут меняться, но человеческая природа остается неизменной. Слава богу, я мертв и долго учился на своих ошибках.

– А на кой хрен тебе ехать со мной, вообще-то говоря? – спросил Джек, когда мы пересекли небольшой мост, направляясь в город.

– Сложно объяснить.

– Ну, ты попробуй.

– Ладно. – Я причину Джеку боль, если скажу правду. Но ведь все равно он мне никогда не поверит. – Уильям, которого ты видишь, – не тот, которого ты знаешь.

– Э?

Это прозвучало скорее обеспокоенно, чем удивленно.

– Уильям, которого ты знаешь, в этот момент, вероятно, играет в карты в «Десото», как ты и предполагал.

– Ты пытаешься сказать, что один в двух лицах? – Джек притормозил, словно раздумывая, не высадить ли меня.

– Я думаю, ты можешь назвать это видением.

– Из рождественского прошлого, я так полагаю? – фыркнул он.

– Нет. Из рождественского будущего.

Теперь мы мчались по шоссе, не зажигая фар. То ли Джек торопился, то ли давил на акселератор, сам того не замечая. Я посмотрел в сторону болота, но темнота была почти непроглядной, хотя луна мало-помалу поднималась над деревьями. Теплый ветерок попахивал плесенью, зацветшей водой и гнилой растительностью.

– Так значит, ты ненастоящий? В смысле именно ты, а не другой Уильям?

– Верно. – Так много всего хотелось ему сказать. Я не знал, с чего лучше начать. Впрочем, сперва следовало объяснить свое появление. Так, чтобы он поверил мне. – Мое сознание находится здесь, но тело...

Внезапно я ощутил жуткую слабость. Мое физическое тело по-прежнему находилось в ловушке подземного склепа. Может быть, оно умирало. В этот раз все иначе. Вот почему кровь вуду отправила меня в это путешествие по времени. Не в моих силах было вернуться к Уиллу, защитить его, вырастить или хотя бы сказать, что папа не позабыл о нем. Однако я мог спасти Джека. Или хотя бы попытаться помочь ему выжить. Все, что я должен был сделать, – это найти слова, которые заставят его поверить. Я чувствовал, как убегает время.

– Я хочу сказать тебе, Джек: что бы ни случилось в будущем... прости меня... я действительно...

Машина притормозила. Джек остановился, мельком взглянув на дорогу, и в упор уставился на меня. Что-то сжало мне грудь. Я едва мог дышать.

– Не... доверяй Рид... реку, – умудрился выдать я. До меня донеслись последние слова Джека:

– Постой! Кому не доверять? Да что с тобой?!..

Но я был уже слишком далеко, чтобы ответить. Боль вернулась приливной волной, захлестнув меня с головой. Я воссоединился со своим телом.

– Прощай, Джек, – прошептал я. А потом открыл глаза и увидел улыбающееся лицо Ридрека.

– Добро пожаловать домой.

Я осторожно шел по туннелям, ориентируясь по уличным решеткам над головой. В конце концов, я сообразил, что нахожусь где-то под гаражом. По пути я нашел старую киркомотыгу, с помощью которой теперь пытался прокопаться наверх через сточную яму. Я надеялся, что не промахнулся: яма располагалась под стеной здания, вдали от окон.

Энергия переполняла меня – и не только физическая. Я использовал силу, которую случайно позаимствовал у Оливии и Шейри, чтобы пробить тонкий слой бетона и выбраться в яму, куда мы спускались, чтобы поменять масло в машине. Кстати, это был недурной способ выпустить пар. Я все еще злился на Уильяма за то, что он бросил меня наедине с недоделанной Шейри, и за что, что не рассказал мне о туннелях.

Пока я трудился над бетонным днищем ямы, гнилая ручка кирки сломалась. Остальное пришлось выдалбливать лезвием. Говорила ли Оливия правду, утверждая, что с Ридреком мне будет лучше? Может, и впрямь стоило пойти поглядеть, так ли страшен черт, как его намалевали?

Внезапно я *почувствовал* Уильяма. Не то чтобы он оказался рядом или где-то поблизости, просто... не знаю... это было странное ощущение, которое я не мог объяснить. Внезапно в памяти всплыл «кадиллак ла-салль» тридцать второго года выпуска, который я использовал, чтобы возить спиртное. Полиция тех дней отлично знала эту машину и мои делишки, но когда я бил по газам, ни одна из их колымаг не могла меня догнать. Я удивился,

поскольку не мог припомнить, чтобы Уильям участвовал в тех проделках. Он закрывал глаза на мой бизнес и делал вид, будто ничего не знает... Потом видение исчезло так же быстро, как и возникло.

Пробив дыру, сквозь которую можно было протиснуться, я поднял руку и помахал туда-сюда. Она не вспыхнула ярким пламенем, так что я высунул голову и посмотрел вверх. Солнце, светившее в окна, не добиралось до края ямы. Отличненько. Я пролез в дыру (думаю, теперь ее можно использовать, чтобы пробираться в гараж в любое время суток) и выполз на ступеньки.

Мой кабинет располагался в центре здания и, разумеется, не имел окон. Равно как и ванная с душевой. Я зашел внутрь, зажег свет и короткими перебежками добрался до ванной. Стоя под душем, я наслаждался струями горячей воды, омывающей мое тело. Мне о многом нужно было подумать. Будь я человеком, то закинул бы в «корвет» свою коллекцию музыкальных дисков, немного одежды и убрался бы с Западного побережья. Всегда хотел посмотреть на Калифорнию и Тихий океан. Но для вампира это непозволительная роскошь. Пришлось бы все время ехать с поднятым верхом. Кроме того, существовало дурацкое правило вампиров – одно из немногих, о которых Уильям сподобился мне рассказать. Возраст вампира должен перевалить за две сотни лет, прежде чем он сможет существовать вдали от своего создателя. Мне ждать еще шестьдесят лет... Я вздохнул и подставил лицо под водяные струи.

Несмотря на шум, я услышал, как в замке поворачивается ключ. Стальная дверь открылась. Черт! Может, Ридрек уже прикончил Уильяма и явился за мной? Я выключил воду и отряхнулся, как спаниель. Мой великолепный слух сегодня был особенно тонким. С момента этого сексуального безумия все мои чувства несказанно обострились. Не исключено, что я мог бы услышать треск крыльев колибри в полете. Вошедший направлялся к моему кабинету, и настал момент, когда он оказался точно напротив двери в душевую.

У меня не было оружия, но я знал, что мне достанет сил голыми руками свалить кого угодно. Даже не самого слабого вампира. Может, и самого Ридрека. Я сделал глубокий вдох и, распахнув дверь, ринулся на звук шагов.

И смачно впечатался в Конни, толкнув ее на металлический верстак.

Она грохнулась на него и проехала по гладкой поверхности, раскидав по полу мои бумаги, карандаши и фотографии Рени. Конни долетела до середины стола и остановилась. Она сидела, раскинув ноги, ее рот превратился в маленькую «о». Вовремя скольжения она ухитрилась выхватить свой служебный пистолет, но, к счастью, узнала меня прежде, чем нажала на спуск.

Дуло смотрело мне прямо грудь. Глаза Конни смотрели на мой член.

– Хм... Привет, Джек. Э... Отлично выглядишь.

– Что ты здесь делаешь? Разве ты работаешь днем? – Я сказал это так равнодушно, как только мог. И просто на всякий случай поднял руки. Если Конни выстрелит в меня, она тут же узнает все, что можно знать о Джеке, бессмертном вампире. Не говоря уж о том, что я терпеть не могу, когда в меня палят почем зря.

– У меня сверхурочные. Я проходила мимо, и свет в гараже был выключен, а потом, когда возвращалась, увидела, что он горит. Ренье говорил, будто ты закрыл лавочку на несколько дней, вот я и решила проверить, все ли тут в порядке. – Она наконец-то посмотрела мне в глаза. – Или ты забыл, что дал мне ключ?

– А, да. Точно. Ну... спасибо. – Я опустил руки.

– Знаешь, после нашей прошлой встречи я решила, что неплохо бы встретиться еще раз. – Конни снова опустила глаза, обозревая мои принадлежности оценивающим взглядом. – Хотя, признаться, думала о более романтической обстановке... Но ты не позвонил.

– Знаю. Прости. – Я взял штаны, висящие на дверной ручке, и быстренько влез в них. В последнее время я только тем и занимаюсь, что надеваю штаны на глазах у дам. За пару дней пять разных женщин видели меня голым. Пять – если считать Рейю. Для меня это был маленький личный рекорд. – Думаю, пушку уже можно убрать, – сказал я, застегивая

молнию.

– Это мне решать. – Конни ухмыльнулась и направила пистолет мне под ноги. – Станцуешь?

– Что?.. – Я замер.

– Шуток не понимаешь. – Она вздохнула и сунула пистолет в кобуру. – Мне всегда хотелось так кому-нибудь сказать. Я решила, что тут подходящий случай.

Я снял запасную рубашку с вешалки за дверью.

– Прости. Мне сейчас не до шуток.

И впрямь, не самое удачное время для свиданий. Хотя если все так пойдет и дальше, другого шанса мне может не представиться.

Конни прыгнула со стола, и я помог ей собрать рассыпавшиеся бумаги.

– Черная полоса?

– Ты даже не представляешь, как усложнилась моя жизнь со времен той нашей встречи.

– Это несколько спасает мою уязвленную гордость. Будем считать, что тебе помешали позвонить необычайно важные и срочные дела, которые затмили собой даже тот обалденный поцелуй.

– О, да. Именно так.

Разве мог я сказать Конни, что аккурат после этого поцелуя и договоренности о свидании я выяснил, как дурно влияю на женщин-нелюдей? Будь она полностью человеком, ей бы не грозило ничего подобное. В конце концов, я бесчисленное число раз занимался сексом со смертными женщинами. Однако теперь, когда моя сила возросла многократно, я все более убеждался, что Конни является... нет, не нелюдем... но каким-то сверхчеловеком. В ней было что-то от иного мира. Еще одна тайна... Просто еще одна долбаная тайна вдобавок ко всем прочим секретам и загадкам, которыми я займусь вплотную, едва закончится эта история с Ридреком.

А может быть, ждать не придется. Мне казалось, что Конни сама не в курсе, кем является, но, возможно, это просто притворство. Не исключено, что она отлично все понимает, и если я намекну – расскажет мне. Я точно знал, что Конни не вампир, но она могла оказаться кем-то... ну... сравнимым по силе и возможностям.

– Хм. Это все связано с моим дядей Рид... Фредом, я хочу сказать. Он отнимает прорву времени, и я не всегда могу позволить себе делать то, что хочется. Но я и правда мечтаю провести с тобой время, узнать тебя получше. Знаешь, ты никогда толком ничего не рассказывала. Откуда ты... и все такое.

Конни приподняла брови и сморщила носик, будто унюхала что-то неприятное.

– Хм? Тебя интересует мое происхождение? Вот уж не думала, что ты такой же сноб, как Уильям Торн.

– Совсем нет. Просто любопытно, вот и все. – Я присел на край стола и похлопал по столешнице, предлагая Конни присоединиться. – Ты говорила, что выросла в Атланте. А родилась? Тоже там?

Она уселась рядом.

– Нет. Я из Мехико. Пара из Атланты удочерила меня.

– Без шуток. Ты знаешь своих настоящих родителей?

– Не-а. Я осталась одна, когда мне было всего несколько дней. Монахиня нашла меня на пороге храма какой-то языческой богини или типа того – и отнесла в приют. Потом я переехала в Атланту, ходила в частную школу, занималась спортом, состояла в группе поддержки, все в таком духе. Затем окончила колледж правоохранительных органов и – бац, вот я здесь. Ну, собственно, и все. – Она перекинула волосы за плечо и посмотрела в сторону.

– Тебя оставили возле языческого храма? Как будто хотели защитить от кого-то... или от чего-то...

Конни пожала плечами.

– Может быть.

– Почему же, интересно, такой прекрасный лидер группы поддержки, ходивший в

частную школу, пожелал стать обычным копом? И почему тебя заставили начинать с самого низу, если ты окончила колледж? Если не секрет, конечно.

– Ты не первый, кто об этом спрашивает. – Конни убрала со щеки прядь иссиня-черных волос. – Скажем так: меня заинтересовала проблема бытовой жестокости. А где лучше всего ее исследовать, как не на передовой? У... моей хорошей подруги был парень, который вел себя очень жестоко. Думаю, это повлияло на мой выбор. А что до ранга... посмотри на вещи трезво: старики правят миром.

Старики... Да. Конни сама не знала, насколько близка она к истине.

– И все?

– Ну да. – Женщина не смотрела мне в глаза. Она что-то скрывала, и этого «чего-то» было довольно много. Но я чувствовал, что, по крайней мере, рассказанное было правдой.

– А как насчет тебя, Джек?

– Меня? О, тут многого не скажешь. Вот моя витрина. – Я обвел рукой свою лавочку.

– А где ты живешь? Кажется, ты никогда этого не говорил.

Живу?

– Э... нигде.

Строго говоря, я вообще не живу. Конни шлепнула меня по руке.

– Не увиливай от ответа. Я знаю много способов развязывать языки.

– Наручники у тебя на поясе – один из этих способов?

– Вполне возможно. Если не скажешь, где живешь, я применю все методы допросов, которым меня учили.

– Сдаюсь. Я живу возле Бонавентуры.

– А дядя Фред живет с тобой?

– М-мм... Если честно, я не знаю, где сейчас дядя Фред. И это часть моей проблемы.

– Почему? За ним, что, нужно присматривать? Мне он показался довольно активным.

– О, он активный. Очень. – Достаточно активный, чтобы убить Уильяма, меня и большинство наших друзей в Саванне.

– Кстати, о дядюшке Фреде. Прошлой ночью я видела его с Уильямом Торном в одном из криминогенных районов – прямо на улице, без машины. Местные услышали стрельбу и вызвали нас. Очень странно: у парня была перерезана глотка и ни одного пулевого ранения. Что мистер Торн мог там делать в такой час?

У меня отвисла челюсть. Оливия утверждала, будто бы Ридрек держит Уильяма в плену. А теперь Конни говорит, что Уильям прогуливался по улицам на пару со своим якобы заклятым врагом.

– Ты шутишь! Скажи-ка, где именно ты его видела и что он делал?

Конни описала мне место, где происходили события. Криминогенный район, все верно. Если мне придется буксировать оттуда машину, я буду регулярно оглядываться через плечо, готовясь всадить клыки в какого-нибудь бандита или обколотого торчка.

– Думаю, мистер Торн видел меня, – сказала Конни, – но не уверена. Они просто стояли там поблизости. А потом ушли.

– Ты не заметила в них ничего необычного?

– Нет, ничего. Если не считать места и времени, конечно. Все верно. Конни стояла слишком далеко, чтобы увидеть кровь. Да и то они вполне могли стереть ее. Что может понадобиться вампиру в подобном районе? Да ничего, кроме...

«...у парня была перерезана глотка, но ни одного пулевого ранения...»

Охота.

Кварталы, полные бездомных наркоманов и бродяг, предоставляли легкую добычу. И дело не только в том, что здесь легко найти мертвецки пьяную жертву, которая не сможет убежать. В таких местах жизнь была дешева. Даже закадычный дружок мог перерезать вам горло за деньги или порцию наркоты. Полиция знала это и не стремилась выяснять, кто именно освобождает город от очередного подонка. Иногда здесь случались облавы, но, разумеется, не на вампиров.

Да, Уильям прожил здесь сотни лет и знал город лучше кого бы то ни было. Он знал, куда отвести Ридрека поохотиться. Возможно ли, чтобы Ридрек околдовал Уильяма? Нет. Я не мог в это поверить. Уильям отлично умел блокировать свои чувства, когда это было необходимо. Я полагал, что он с той же легкостью способен пресечь и воздействие извне. Даже Ридрек не сумел бы принудить Уильяма делать что-то против его воли. Так какого же дьявола?..

– В чем дело, Джек? У тебя взгляд какой-то отрешенный... мне даже страшно стало. Проблемы с мистером Торном? Может, тут есть нечто, что мне следовало бы знать? Почему он болтается ночью по таким местам?

Я перевел взгляд на Конни.

– Нет. Ничего... Мне это тоже кажется довольно странным. Я спрошу у него, когда мы увидимся.

Я все выясню. Даже если мне придется выбивать ответы из Уильяма. Теперь, когда моя сила возросла, возможно, я сумею превзойти его в открытом бою.

– Ладно, расскажи еще что-нибудь о себе, Джек. Давно ты работаешь в этой мастерской?

– Хм. Давай поговорим об этом в другой раз?

– Ладно. – Конни выглядела немного обиженной.

– Ну, помнишь, я упоминал о всяких сложностях? Они действительно... сложные.

Она пристально посмотрела на меня.

– М-мм... И они имеют какое-нибудь касательство к той платиновой блондинке, которая приехала в город несколько дней назад и остановилась у мистера Торна?

Вот черт! Ничто не укроется от этой женщины. Я удивлен, как она до сих пор не сообразила, что я вампир. Впрочем, думаю, для этого сперва нужно поверить в вампиров.

– Ну, да... Но...

– Пока, Джек. Дай мне знать, когда твоя жизнь станет менее сложной.

С этими словами Конни встала и вышла. Вот просто так. Я хотел остановить ее, кинуться следом, притянуть к себе и обнять... но какой прок? У нас нет будущего. Черт возьми! Я – долбаный вампир, кровосос, убийца, а Конни – представитель закона. Добавьте сюда то, что она была не вполне человеком, и я не знал, чем это может грозить. А что, если она принадлежит к виду существ, которые конфликтуют с вампирами? Мы могли быть естественными врагами или что-нибудь в этом роде.

А помимо всего прочего я забыл спросить Конни, носит ли она ожерелье. Черт!

Я сел на стул и попытался привести мысли в порядок. Разложить по полочкам все, что знал. О'кей, ладно. Оливия вернулась домой, но она находится под воздействием заклинания, которое наложил Ридрек. Уильям болтается черт знает где: последний раз его видели в компании все того же Ридрека в одной из худших частей города. Я должен исполнять роль радушного хозяина на приеме Уильяма – произносить тосты и ручкаться с представителями вампирской аристократии, которые едва ли заговорили бы со мной, встретив меня на улице. Несколько часов назад я случайно убил одну девушку и чуть не прикончил другую, а вдобавок обидел Конни. Длительная поездка в Калифорнию казалась все более и более заманчивой перспективой, даже если в процессе я сгорю ярким пламенем.

Прикрыв глаза, я откинулся на спинку стула.

– Ну что, страннее уже некуда? Или еще есть куда? – пробормотал я себе под нос.

– Не знаю, Джек. А что, все настолько плохо? Черт и черт!

Не открывая глаз, я спросил:

– Это ты, Хью?

Разумеется, это был он. Я узнал этот голос, который ни на йоту не изменился после смерти.

– Да, это я, Джек.

Я открыл глаза. Он сидел на металлическом стуле у дальней стены, с бутылкой пива в руке. Я прокашлялся и моргнул несколько раз.

– Как дела, дружище?

– Не жалуюсь. – Он сделал глоток пива и довольно улыбнулся.

– Ты... тебе хорошо там... там, где ты сейчас?

– Да. Вполне себе. Тут нет сложной работы и... – Он оглянулся через каждое плечо поочередно, потом наклонился вперед и заговорщическим шепотом произнес: – Здесь нет *ее*.

– О! О... – должно быть, это он о своей жене. Той, которая наложила на Хью заклятие, чтобы он перестал заливать за воротник. – Я вижу, ты добыл немного освежающего?

Он отсалютовал мне бутылкой.

– Точно. Отличная марка, кстати. И я могу пить.

– Хм. Импортное. Недурно. – Хорошее пиво и никто тебя не пилит. Хью попал в рай или, по крайней мере, свою версию такового. Может, для каждого создается его собственный рай? Очевидно, я никогда этого не узнаю. Все, на что я мог рассчитывать – какой-нибудь уютный тупик. Во всяком случае, там мне не будет лучше, чем здесь. Оптимальный выход для меня – как можно дольше оставаться в живых, даже если то обозначает увеличение энтропии и умножение зла. Я искренне пожелал Шейри найти для себя такое же хорошее место по ту сторону бытия, какое досталось бедному старине Хью.

– Не переживай, Джек, у меня и правда все хорошо. Теперь. Хотя мой конец на земле был, прямо скажем, не очень. Какой-то вонючий парень перерезал мне горло. Он был жутко сильный. Я пытался вырваться от него, но не смог. – Хью выразительно рыгнул.

Я хотел сказать ему, что разыщу Ридрека, и тот получит по заслугам. Но сделаю ли я это на самом деле? Сумею ли? Я посмотрел на Хью, одетого в свою спецовку, сидящего на стуле и потягивающего отличное пиво элитной марки...

– Почему ты решил заглянуть ко мне, приятель? – спросил я.

– Просто поздороваться. Ведь все в порядке, верно? Я вздохнул.

– Разумеется, дружище. Рад слышать, что с тобой хорошо обращаются.

– О, да, – сказал он. – Кажется, мне пора уходить. Спасибо за отличные похороны, кстати. Вы сказали обо мне столько хороших слов. Это было чертовски приятно.

Вот и еще одна причина не говорить о мертвых дурно. Они могут тебя услышать.

– Был рад повидаться, Хью. Заходи в любое время. Хью помахал мне рукой и медленно растаял в воздухе, словно колечко дыма. Полагаю, он ответил на мой вопрос: неважно, насколько странными кажутся вещи, которые творятся вокруг тебя, они всегда могут стать еще более странными.

Я набрал номер Ренье и велел ему пригнать мою машину к дому Уильяма. Потом позвонил Мелании.

– Джек? Что происходит? Как ты попал в гараж? – сказала она, увидев на определителе номер мастерской.

– Прошел по туннелям. Тем самым, о которых мне никто никогда не рассказывал. – Я сделал паузу, ожидая реакции.

– Прости, Джек...

– Поговорим об этом позже. Уильям уже вернулся?

– Нет еще.

– Ладно. Я пойду, поброжу по подземельям до темноты. Может, сумею почувствовать что-то, если окажусь поблизости от него. Потом приду к тебе. Оливия спит в моем гробу. Я ее запер, чтобы она не увязалась за мной. Она была... очень слаба, ей требовался отдых. Да, Оливия сказала, что хочет как-то помочь Шейри – записать, благословить... что-то такое. Как ты думаешь, вы вдвоем сможете найти место в туннелях, чтобы ее похоронить?

– Без проблем. Только надо сперва убедиться, что это неосвященная земля.

– А?..

– Если Шейри хотя бы отчасти трансформировалась и ее похоронят в освященной земле, она будет страдать весь остаток вечности. Нам нужно держаться подальше от кладбищ, церковных участков и всяких военных монументов. Ради ее безопасности.

Видимо, откровения никогда не закончатся. У меня была масса вопросов... но не

сейчас.

– Спасибо. Я свяжусь с тобой на закате. Может, к тому времени Уильям уже вернется. Думаю, он нашел место, где можно хорошо вздремнуть. – Я не сказал ей того, что узнал от Конни. Нет смысла волновать ее еще больше. Даже если Уильям перешел на сторону Ридрека, он никогда не причинит зла Мелафии.

– Ах да, не выпускай Оливию. Следи, чтобы она никуда не свалила, – добавил я. – Возможно, она околдована Ридреком, я ей не доверяю. И вообще, не поворачивайся к ней спиной. Используй свою защитную магию или что у тебя там. Когда я уходил, Оливия была в здравом уме, но мало ли...

– Не волнуйся. Я использую связывающее заклятие, так что она, как ты изволил выразиться, никуда не свалит. Я способна защититься от этой бледной девчушки, вампир она там или нет. Вот за тебя я действительно беспокоюсь. Обещай, что будешь осторожен. Я не знаю, что сделаю, если вы с Уильямом оба исчезнете.

– Буду осторожен, даю слово. Ладно, до вечера.

Я снова прыгнул в яму, через дыру проник в туннель и побрел по нему, совершенно не представляя, куда попаду и что буду там делать. Стыдно признаться, но без Уильяма я пребывал в полнейшей растерянности.

В скором времени это должно измениться.

Уильям

Я изо всех сил старался удержать меркнувшее видение и вернуться к Джеку. Ведь я не успел сказать ему самого важного. А разве не так было всегда? Меня постоянно отвлекали дела и заботы, и времени пообщаться с Джеком, чтобы закончить его обучение, совершенно не оставалось. Бессмертие не оправдывало меня. И неважно, что Джек казался таким самостоятельным, счастливым и свободным... от всех, кроме меня. Вот так-то. По крайней мере, я успел предупредить его о Ридреке. Уже кое-что. К сожалению, я не знал, запомнит ли Джек эту встречу.

Да и была ли она вообще? Не исключено, что я просто наблюдал иллюзию. Может быть, это все, на что способна моя измененная кровь. Ненависть поддерживала и вела меня, но у каждого есть свой предел возможного.

– Ты не сказал, что случилось с той малышкой из клуба, – заметил Ридрек. – Я не почувствовал никакого прилива сил. Неужели ты, образец благородства, позволил ей умереть?

Я пытался восстановить свое чувство времени. Сколько длилось видение? Секунды или часы? Нет, ничего не понять...

– Да, – прошипел я, проверяя на прочность пути. Если б я мог высвободить, хотя бы, одну руку, у меня появился бы шанс достать Ридрека. Я послал бы своего создателя в ад, даже зная, что отправлюсь туда следом за ним. Впрочем, в каком-то смысле я *уже* был в аду.

Ридрек оперся о камень, удерживающий меня, и некоторое время вглядывался в мое лицо.

– Знаешь, похоже, в твоей дурацкой крови действительно есть что-то этакое. Я чувствую необычайный прилив бодрости. Не знай я тебя как облупленного, решил бы, что ты лжешь.

Я перестал сражаться с путами и посмотрел в глаза старому вампиру, укрепляя свою внутреннюю защиту. Не представляю, как моя кровь влияет на Ридрека. Скорее всего, сделает его сильнее. *Хочешь заглянуть мне в голову? Смотри, папочка.* Я мысленно воссоздал образ Шейри, лежащей в ванной; розоватая вода оттеняла ее бледное, безжизненное лицо. Я делал все возможное, чтобы утаить от Ридрека мысли о Джеке, который, надеюсь, уже инициировал девушку. К этому времени все должно быть закончено, однако я не чувствовал никакого движения силы. С другой стороны, я мог и не заметить перемен: последние двенадцать часов мое тело было слишком занято другими вещами.

Охота. Потом секс. Затем – глубокий обморок.

Ридрек нахмурился.

– Вижу, ты пытаешься что-то утаить от меня. Интересно, что? Может, сведения о том доме, куда ты помчался после нашей прогулки?

Я вызвал в мыслях картины огня и крови. Все что угодно – лишь бы не показать Ридреку мою Элеонору.

– Может, этот малыш? Для начала? Ридрек втащил что-то в склеп. Я обернулся... О, нет!

Ридрек стоял передо мной, держа за шею Верма. Он выглядел испуганным, но любопытство пересиливало все. То самое любопытство, которое сгубило кошку.

– Я пригласил его сюда. Мы собираемся устроить маленькую вечеринку и сотворить нового вампира, – сообщил Ридрек.

Если начать просить за жизнь Верма, мой создатель наверняка убьет его. Ридрек крепче ухватил паренька за шею и выпустил клыки. Удивление на лице Верма сменилось испугом, он закричал. Долгий, полный ужаса вопль. Еще одна милая особенность Ридрека: он не делал ничего, чтобы уменьшить страдания своей жертвы.

Старому мерзавцу не понадобилось много времени. Вскоре гонимое тело Верма, пустое и неподвижное, начало оседать. Ридрек подхватил его и прислонил к стене. Растянув красные губы в ухмылке, он погрузил пальцы в рану на моем запястье и кровью нарисовал на теле Верма знак четырех ветров.

– Позови его! – приказал Ридрек.

Я молчал. Он взял мою кровь, но больше ничего не поручит.

Ридрек обернулся и уставился на меня.

– Позови его, иначе я убью всех в том доме на Ривер-стрит. Они не будут сидеть по ту сторону порога целую вечность. Да я... Я просто подожгу этот дом и убью тех, кто выскочит. Позови его – и я сохраню им жизнь. Даю слово.

Элеонора...

Слово Ридрека значило меньше прошлогоднего снега. Он убьет, кого захочет и когда захочет. Если я позову Верма, мой создатель поймет, что у него на руках козырь – жизнь Элеоноры. Ридрек будет использовать его против меня снова и снова. Однако я был не в том положении, чтобы сражаться с ним. Я мог только отсрочить конец. Выиграть немного времени. Что до сопляка – он получит свою награду. «Если ты играешь с огнем... или с вампирами...»

– Верм! – В моем голосе было больше злобы, чем покорности.

– Делай это как следует, мальчик мой. Ты всегда умел обращаться со словами.

Сарказм Ридрека больно ударил меня, но я проглотил оскорбление. Используя весь свой дар убеждения, я позвал снова:

– Верм, вернись ко мне. Иди сюда...

Рука мальчика пошевелилась. Ридрек поднял его и поднес к моему растерзанному запястью. Не прошло и двух секунд, как новоявленный вампир почуял кровь и присосался к ране.

«Бедолага Верм, – подумал я, погружаясь в забытие отчаяния. – Бедняга Джек. Он сейчас потеряет еще одного друга и обретет... брата».

ГЛАВА 12

Джек

Несколько часов я исследовал туннели, заглядывая в каждый укромный уголок и в каждую щель, куда никто, кроме грызунов, не совал свой нос десятки лет. Проходы вели к подвалам жилых зданий, фундаментам офисных помещений, гаражам, канализационным

люкам и тупикам. Я тщательно запоминал все эти закоулки, полагая, что они могут пригодиться мне в будущем. Никогда не знаешь заранее, в какой момент понадобится быстро убраться с глаз долой. Неизвестно, когда тебя застигнет врасплох рассвет или другая тварь ночи, с которой ты в данный момент не желаешь иметь дела. Вроде этого хорька Верма... Да, туннели иной раз могут оказаться очень кстати. Если я проживу достаточно долго, чтобы ими воспользоваться.

В лабиринте встречались интересные запахи. Я видел, что подземелья были пристанищем многих бездомных бродяг, по нигде не мог уловить присутствия Уильяма или Рид-река. Когда последний солнечный луч угас, я вернулся в дом своего босса и поднялся наверх, в кухню. Мелафия и Оливия пили чай.

Мелафия обеспокоенно взглянула на меня.

– Нашел его?

– Нет. Нигде нет ни следа. Я так понимаю, тебе он тоже не присылал весточки?

– Нет. – Мелафия откинулась на спинку стула и потерла лоб.

К моему облегчению, Оливия выглядела вполне нормально – не слишком бледная и вполне бодрая. Казалось, в данный момент Ридрек не воздействовал на нее: глаза вампирши были ясными и серьезными.

– Как самочувствие, Оливия? – спросил я. – Надеюсь, получше?

– Да, намного, – мрачно сказала она. «Но не благодаря тебе» – повисла в воздухе недосказанная фраза.

Очевидно, девушки нашли общий язык. Мне стало малость неуютно, когда взгляды обеих красавиц одновременно остановились на мне. Я не знал, рассказала ли Оливия Мелафии о том, что произошло между нами. Как мы безудержно трахались и как я лишил ее сил, доведя до состояния безвольной лапши. Не знал и не хотел знать, потому что, взглянув на меня, Мелафия чуть вздернула бровь, как делала всегда, когда была мною недовольна. Этот был тот самый пронизывающий до печенок взгляд, которым обладали ее мать и мать ее матери – и так всегда, насколько я помнил. Впрочем, существовали и другие, более опасные взгляды, предназначавшиеся для самых страшных прегрешений.

Смущенный этим женским союзом, я отвернулся и открыл холодильник, притворившись, что поглощен изучением его содержимого. Я разыскал пинтовый сосуд с кровью, который выглядел весьма многообещающе (кровь выцежена на этой неделе, не ранее), и закрыл дверцу.

– Отлично. Рад, что у тебя все в порядке...

Только не наседайте на меня вдвоем разом, подумал я и начал пить. Бродя по туннелям, я прикидывал, рассказать ли жрице вуду о том, что видела Кони. Мне не хотелось волновать ее лишний раз, но я решил, что она должна знать. В конце концов, я понятия не имел, что теперь делать и нуждался в помощи.

– Мелафия, мы виделись с Конни. Она рассказала кое-что странное. – Я передал им слова моей женщины. – Уильям с Ридреком охотились. Другого объяснения я не вижу. Но почему? Какого хрена он делает? Как ты думаешь, не мог ли Ридрек околдовать Уильяма, как и Оливию?

– Черт побери, – пробормотала вампирша. Казалось, известие, что Уильям охотится на людей – пусть даже это были отбросы общества – потрясло ее даже больше, чем Мелафию. Странное дело.

Жрица вуду порывисто поднялась на ноги и принялась мерить шагами кухню, нервно теребя в руках ткань своей пестрой юбки.

– Ладно, давайте для начала взглянем на положительную сторону дела. Уильям жив. Возможно, он просто ублажает Ридрека, пытается обхитрить его и втереться в доверие к этому старому дьяволу.

– Это было бы лучше всего, – кивнула Оливия. – А отрицательная сторона?

Мелафия резко остановилась.

– Не ходите туда.

Я допил кровь и поставил стакан на стол. Что-то подсказывало мне, что Мелафия и Оливия по-разному представляли себе худший вариант развития событий. В последнее время вдобавок к своим прочим способностям я, кажется, приобрел недурственную интуицию, поэтому решил вставить словечко:

– Если Уильям не вернется в ближайшее время, мы больше не будем сидеть и гадать, что с ним. Ридрек придет за мной. И за тобой, Оливия. И никто не предскажет, что может случиться. Мелафия, вам с Рени лучше на время уехать из города. Я опасюсь...

– Я уже отправила Рени к ее тете в Брансвик. А сама никуда не поеду. Я могу понадобиться вам с Уильямом. – Мелафия расправила складки на юбке и выпятила челюсть.

Я вскинул руки... но тут же опустил их.

– Если с нами что-то случится, у Рени никого не останется, кроме тебя.

Я видел, какого труда стоит Мелафии сохранять самообладание. Уильям заменил родного отца сперва ей самой, а теперь и ее дочери...

– Я мамбо Саванны, забыл? Верь мне, когда я говорю, что могу постоять за себя и свою дочь.

Я знал, что спорить бесполезно. К тому же Мелафия, скорее всего, права. Никто из нас не знал истинной ее силы. Да, она помогала Уильяму и мне в разных сложных ситуациях, и некоторые из ее действий требовали значительных умений. Но до сих пор нам не приходилось сталкиваться со злом такого масштаба, которое являл собой Ридрек.

– Ладно, допустим. И что ты предлагаешь?

– Я думаю, мы должны делать дело и верить, что Уильям вернется, как только отделается от Ридрека, – сказала Мелафия.

– Что значит «делать дело»?

– У нас банкет на носу.

Ах, да! Эта проклятая вечеринка совсем вылетела у меня из головы. Изучая туннели, я думал совсем о другом. Может быть, потому, что прием и моя грядущая роль на нем внушали мне страх.

– Слушай, какой смысл заниматься банкетом? Ведь основной целью было представить обществу Элджера, а его больше нет.

– Я – почетный гость, – заявила Оливия и встала между мной и Мелафией, скрестив руки на груди.

– Не спорю, но что с того? У нас тут наметился кризис, если ты не заметила.

Мелафия потеряла переносицу, словно у нее внезапно разболелась голова.

– Джек, ты кое о чем забываешь. Прием нужен не только затем, чтобы представить Элджера Саванне. Уильям собирался познакомить Элджера, а теперь Оливию, с некоторыми вампирами Западного побережья, которых он перевез сюда раньше.

– Да-да, я знаю. Ну и что?

– Это не просто визит вежливости, – сказала Оливия. – Прежде чем уехать в Америку, Элджер говорил мне, что им с Уильямом нужно встретиться с некоторыми вампирами, которые являются лидерами уже существующих общин или создают на Западе новые. Они собирались обсудить некоторые важные... вопросы.

Если что-то и могло выбить меня из колеи еще больше, то это как раз какие-то новые загадочные «вопросы». У меня и своих вопросов имелось предостаточно, и чем дальше, тем больше их становилось.

– Какого рода вопросы?

– О взаимопомощи и защите. О возможности перемещения сюда мирных европейских вампиров вроде меня или Элджера.

– О помощи и защите?.. Но от чего?

– От демонов вроде Ридрека.

– И сколько же таких, как он? – Дрожь прошла по моему позвоночнику. Сходное чувство я испытал однажды, когда проходил мимо дробилки для щепы и едва избежал встречи с острым колом, некогда бывшим стволом рождественской елки, которую кто-то

перерабатывал себе на мульчу.

– Чертовски много, – ответила Оливия и потерла ладони, словно ей внезапно сделалось холодно.

– Я думал, что у Ридрека и Уильяма просто какая-то личная вражда. А ты говоришь, есть и другие вампиры вроде Ридрека, и они приезжают сюда для... Для чего?

– Пока неизвестно. Именно эти вопросы и предполагалось решать на встрече.

– И как я узнаю этих самых «мирных вампиров», когда они явятся сюда?

Оливия пожала плечами.

– Затрудняюсь ответить.

– Нет, ну ты просто долбаный дельфийский оракул, а? – Я был уверен, что Оливия многого недоговаривает. Интуиция опять разбушевалась. Мне хотелось схватить вампиршу за плечи и трясти, пока она не расскажет все до последнего слова, но вместе с тем я недоумевал: неужели меня действительно это колышет? Уильям недвусмысленно дал понять, что со всем разберется сам, а мне не стоит лезть не в свое дело. Ну, так и черт с ним!.. И тут я заметил виноватое выражение на лице Мелафии. Она теребила одну из своих косичек-дредов и смотрела в пол.

– Полагаю, лучше не спрашивать, знала ли ты обо всем, – сказал я ей.

– Прости. Он должен был сам тебе рассказать. – Мелафия подняла глаза. – Когда вернется. И поэтому обязательно нужно идти на прием.

– «Поэтому» – это почему?

– Пять вампиров в одном месте будут большим искушением для Ридрека. Я думаю, он придет. Тайно.

– А до того времени, – сказала Оливия, – я, ты и Джек должны заняться приемом. Вампиры уже прибыли, а раз Уильям выпал из игры, мы должны их встретить.

– Вот как? Мы должны?.. – Я взял пустой сосуд из-под крови, борясь с искушением швырнуть его в стену, но вместо этого лишь подкинул его и поймал одной рукой. – Ну, и кто записал тебя во встречающую делегацию, солнышко? У меня есть идея получше. Может, ты сама пойдешь туда и сыграешь роль радушной хозяйки?

– Я просто хочу помочь, – ровным голосом произнесла Оливия. – Мы должны объяснить, что случилось с Эджером.

– Только не говорите им, что Уильям пропал, – предостерегла Мелафия.

– А что сказать? Что он катается на лыжах в Аспене? Занимается дайвингом на Таити?

– Правду, – ответила Мелафия. – Скажем, что он ушел искать убийцу Эджера.

Отвернувшись, я кинул стакан в раковину. Я еще не научился управляться со своей возросшей силой: стакан разлетелся, окатив сияющую сталь осколками и кровавыми каплями.

– Я вообще не представляю, какова моя роль в этой истории. А вы не можете или не хотите мне объяснить. Ну-ка, скажите: почему я не могу просто выйти в дверь и никогда не возвращаться?

Темные глаза Мелафии подозрительно заблестели.

– Потому что Уильям рассчитывает на тебя, Джек. И потому что он... он – твоя семья.

Вот ведь какое дерьмо.

Мелафия знала, что я не вынесу ее слез. Она поняла это еще прежде, чем научилась говорить. Оливия выжидающе смотрела на меня. Черт и черт. Назвался груздем – полезай в кузов. Да и куда я пойду в любом случае? Я подозревал, что и Калифорния расположена недостаточно далеко, чтобы спрятаться от грозы, бушующей в Саванне.

Я кивнул вампирше.

– Надевай свое моднявое пальтишко. Пошли.

По дороге на плантацию Оливия рассказывала, что они с Мелафией отыскивали возможность переправить дух Шейри в лучшее место, где девушке будет хорошо, и похоронили тело В подземельях. Я был рад за бедную Шейри, но, сказать правду, большая часть рассказа в одно ухо влетела, а из другого вылетела. Я не мог толком врубиться во все

эти хитрости и особенности вампирского существования, когда меня ожидали пять настоящих кровопийц.

Я мечтал познакомиться с другими вампирами. Будьте осторожнее со своими желаниями...

Ах, как же мне хотелось вернуться в нормальный мир образца недельной давности, когда мы с Уильямом спокойно жили в городе, занимались своими делами и были единственными кровососами Саванны, не считая «транзитных» вампиров, которых Уильям привозил из Европы, представлял обществу и отправлял восвояси. Да, мистер Макшейн, добро пожаловать в большой мир вампиров, где ты не сможешь отличить хорошего парня от плохого без подробной инструкции.

Плантация Уильяма располагалась в трех четвертях часа езды от Саванны, между болотом и островом Надежды. Ну, сорок пять минут для большинства людей и полчаса – для меня. Оливия ахнула, когда мы вывернули на подъездную дорожку, или аллею, как любил называть ее Уильям. Она походила на рисунок из книжки с картинками – длинные ряды дубов по обеим сторонам дороги. Мне хотелось бы увидеть их при дневном свете. Разумеется, существует масса вещей, на которые я с удовольствием посмотрел бы днем, но нет смысла плакать над пролитой кровью.¹

В конце аллеи возвышался дотошно реконструированный особняк, который Уильям использовал в основном для приемов. Он называл его своим загородным домом. Здесь и правда до сих пор находилась плантация, хотя ручной труд людей давно, заменили сельскохозяйственные машины. Уильям нанял профессионального фермера, следившего за обработкой земли и сбором урожая. Помимо того, мой босс держал штат вышколенных слуг, которые содержали особняк в порядке и обслуживали гостей. Дом был полон антикварных вещей – серебро, фарфор и другие бесценные безделушки. В каретном сарае стояло несколько старых машин. Сизый «Тандерберд»² был моим любимцем в этой коллекции.

Едва мы с Оливией подъехали к дому, как навстречу вышел местный садовник, он же шофер, чьей обязанностью было припарковать вашу машину, когда вы проехали под porte cochere.³ Оказавшись во дворе, я поздоровался с Чандлером, здешним дворецким, и представил его вампирше.

– Я проводил гостей мистера Торна в гостиную. Развел огонь и принес напитки. Нужно ли еще что-нибудь, мистер Макшейн? – Чандлер взял кожаное пальто Оливии и вопросительно посмотрел на меня.

– Пока нет. Может быть, позже. Я позвоню, если вы понадобится. – Чандлер кивнул, повесил пальто в шкаф и удалился. Подобно Мелафии, он принадлежал к семье, которая издавна верно служила Уильяму и получала за свою работу недурственное жалованье. Я иногда раздумывал, какую именно наследственную сделку этот род заключил с Уильямом, но не отваживался спросить. Мне это представлялось невежливым. Чандлер был образцом корректности. Он подавал теплую кровь в чистом хрустале так же невозмутимо, как дорогое бордо из винного погреба. Истинный джентльмен.

Мы с Оливией остановились перед закрытыми двойными дверьми гостиной, и я сделал глубокий вдох.

– Ничего не хочешь мне сказать, прежде чем я встречусь с этими ребятами? – Не исключено, что мне случалось мимолетно видеть их раньше, когда Уильям контрабандой протаскивал в Америку очередных вампиров. Впрочем, он не позволял мне общаться и вообще контактировать с европейскими гостями, посему я полагал, что не опознаю их. И уж наверняка эти богатые баловни судьбы меня не вспомнят.

– Просто будь собой, Джек, – сказала Оливия и, встав на цыпочки, поцеловала меня в щеку. Ишь ты! Что за бес в нее вселился? С тех пор, как мы покинули дом Уильяма, ее

¹ Джек перефразирует английскую пословицу: «Нет смысла плакать над пролитым молоком». Что сделано – то сделано.

² «Тандерберд» – мощный полуспортивный двухместный автомобиль компании «Форд Мотор», выпускавшийся в 1955–1957 гг.

³ Porte cochere – въездные ворота (фр.).

настроение разительно изменилось. Может, вампирша поняла, что я на полном серьезе готов все бросить и уйти?

Я открыл двери. Мы вошли. Двое парней моего биологического возраста сидели перед камином, о чем-то беседуя. Увидев нас, они поднялись на ноги.

Один из вампиров протянул руку.

– Я – Ибан. А вы, должно быть, Джек и Оливия. Мы с Мелафией недавно говорили по телефону, и она сказала, что вы скоро будете.

Парень был среднего роста и хорошо сложен. Одет в просторный (Мелафия сказала бы «бесформенный») темный костюм и дорогие кожаные туфли. Лицом вампир немного походил на Антонио Бандераса: темные, чуть волнистые волосы падали ему на плечи. Да и говорил он с легким испанским акцентом. Представьте себе Риккардо Монтальбана¹ и дорогую коринфскую кожу.

Его рукопожатие было твердым, улыбка – искренней, несмотря на мое предубеждение, этот Ибан мне сразу понравился. Он поцеловал руку Оливии, а та присела в шутовском реверансе.

– А это Тобиас, – сказал Ибан, кивнув на блондина в хлопчатобумажных брюках и гавайской рубашке.

– Для друзей просто Тоби, – сказал светловолосый вампир, улыбаясь и пожимая нам руки. – Приятно познакомиться. – Он показался мне столь же приятным, как и Ибан.

Я почесал в затылке.

– Тоби, по-моему, я тебя где-то видел. Ты не проезжал через Саванну, когда Уильям переправил тебя из Европы?

Казалось, Тоби на секунду смутился, а потом покачал головой.

– О, нет. Я не из числа «контрабандных товаров» Уильяма, а местный уроженец. Мой создатель принадлежит к одному из древних вампирских кланов Запада.

Честно признаться, я впервые услышал о существовании на Западе (и вообще в Северной Америке) каких-то древних кланов, но почел за лучшее не показывать свое невежество. Боже, мне еще многое предстоит узнать о вампирах...

– Ты мог видеть его по телевизору, – сказал Ибан. – Смотрел гонки в пустыне? Калифорния и Невада, верно? Тоби у них там бессменный чемпион.

Тоби скромно развел руками.

– На Восточном побережье не показывают прямую трансляцию, потому что это происходило бы очень поздно ночью. Но ты мог видеть записи на канале ESPN4² по понедельникам. Ничего особенного.

У меня перехватило дыхание. Ничего особенного? Ничего особенного?! Стать гонщиком – мечта всей моей жизни. Настоящая большая мечта. А этот Тоби воплотил ее. Почему меня не сделали вампиром на Западе, где все это происходило? Так нет же! Я оказался на Востоке. Почему, ну почему некоторым кровососам достается все, а другим – пшик?!

– Как тебе это удастся? Ты... ты ведь не можешь тренироваться днем? – спросил я.

– Не могу. Но все схвачено. Я давно уже заработал репутацию отшельника. И меня называют...

– Ночная Молния, – потрясенно сказал я. – Знаю. Я твой большой поклонник.

Тоби улыбнулся.

– Спасибо. Да, мы тренируемся только по ночам, якобы из-за жары, так что нет проблем. Спасибо Уильяму, это он придумал этот вариант. Мы познакомились как раз перед тем, как он инициировал тебя. Сперва я пропадал на железных дорогах, потому что поезда в то время были самым быстрым средством передвижения. Потом ездил на всем, что движется. Например... э... в шестидесятые я занимался подлунным серфингом и немного увлекался

¹ Риккардо Монтальбан (род. 1920) – американский актер, режиссер. Уроженец Мехико.

² ESPN4 – один из каналов кабельного телевидения, по которому круглосуточно показывают только спортивные передачи.

драг-рейсингом.¹

– Не там ли, случайно, ты познакомился с ребятами из «Бич бойз»?² – спросил Ибан.

– Ну да. Жаркие были деньки. Помню эти их легендарные вечеринки, которые продолжались целыми днями... я хочу сказать, ночами. Я даже был у них на подпевках в некоторых композициях. Мы с Уильямом поддерживали связь по телефону, потом по Сети. Знаешь, он никогда не теряет контактов, у него отличная база – что тогда, что сейчас. Лига гонок в пустыне – его придумка. Как и Ночная Молния. Он очень изобретательный, наш Уильям. Просто кладезь всяких идей.

Я вздохнул. Боже ты мой, я многое отдал бы, чтобы поучаствовать в знаменитых гонках. Пока Тоби добывал себе отличную гоночную машину, опытный экипаж, деньги и славу, я трюхал по грязным дорожкам под дешевыми тусклыми мигающими фонарями стадиона. К вопросу о нечестной сделке... Увы, дурацкие гонки на разрушение³ были моим единственным путем к славе...

Задумавшись, я не сразу заметил, что Оливия тычет меня локтем под ребро.

– Джек, Ибан задал тебе вопрос, – мягко сказала она. – А?..

– До вашего прихода мы говорили об этом портрете. Старую школу сразу видать. Должно быть, кто-то из фламандцев? Какой реализм! Только гляньте на отсвет огня на лице! Я годами пытался найти для своих фильмов таких же харизматичных людей, как Уильям. Держу пари: он всем говорит, что это портрет его предка. Верно?

– Верно. – Я посмотрел на висящий над мраморным камином портрет Уильяма, словно никогда не видел его прежде. Да, нет смысла плакать над пролитой кровью. Уильям не виноват в том, что я упустил в своей жизни какие-то возможности. Он не мог изменить правила вампирского сообщества, каковы бы они ни были. Не везет тебе, Джеки. Знаки объезда и дорожные шлагбаумы судьбы убивали мою мечту. Я застрял в этом городе, прикован к Саванне, обречен прозябать здесь в компании своего дражайшего папочки.

Уильям

Ворм застонал, когда Ридрек надевал ему на запястья цепи. Ридрек оказал Верму любезность, приковав его: ведь здесь не было гроба, чтобы держать мальчика в неподвижности. Сдается мне, кричащий и бьющийся о стены Ворм будет изрядно раздражать Ридрека. А раздражать старого вампира небезопасно для вашего здоровья. Уж что-что, а это я знал наверняка.

– Итак, проведем маленький научный эксперимент. Посмотрим, что может сделать твоя ублюдочная кровь. – Ридрек отряхнул руки. – Теперь давай-ка вернемся к нашему делу.

Я все еще пытался высвободить руку из держащей ее веревочной петли.

– Не назвал бы это делом...

Ридрек одарил меня печальным взглядом.

– Возможно, нет. Но я наводил справки о твоём маленьком контрабандном бизнесе.

Вот теперь он привлек мое внимание. Я-то думал, что Ридрек снова собирается говорить о крови вуду. Мой создатель был знаменит своей дотошностью, и если уж что-то интересовало его, он не успокаивался, не выяснив все досконально. Старый хрыч обожал чужие секреты и не стеснялся убивать и мучить людей ради получения необходимых ему сведений. Однако на сей раз я не мог позволить Ридреку раздобыть желаемое. Это обозначало бы конец всего, ради чего я жил, и гибель моих союзников и друзей, которые шли за мной и верили мне. В том числе и тех, кто приехал сейчас в Саванну, чтобы встретиться с

¹ Драг-рейсинг – гонки на ускорение. Вид автогонок одновременно двух или четырех машин на дистанции в четверть мили (402 метра). Выигрывает тот, кто при старте с места первым пересекает финишную линию.

² «Бич бойз» – поп-группа из Лос-Анджелеса, ставшая известной в 60-е гг. Популяризаторы «музыки серферов» и «хот-род рока».

³ Гонки на разрушение – вид автоспорта, популярный в Америке. На арене находятся несколько десятков машин, которые по сигналу старта начинают крушить друг друга. Последний автомобиль, оставшийся на ходу, объявляется победителем.

Элджером (а теперь Оливией) на банкете. И, разумеется, это также означало бы, что все человеческое население превратится в кормовую базу для вампиров. В первую очередь – женщины и дети...

Я отказался от попыток скинуть с груди плиту или разорвать веревки, предпочитая поберечь силы. Они мне понадобятся, когда Ридрек приступит к допросу.

– Все операции свернуты, – сказал я, и это было отчасти правдой. – Ты убил Элджера и...

– Нет! – Ридрек отпихнул горку костей подальше к стене и сел на выступ возле моей головы. Он наклонился так низко, что меня обдало его зловонным дыханием. – За дурака меня держишь? Даже и не пытайся. Ответь на вопросы, и я оставлю тебя в покое.

Он лгал. Мы оба это знали.

Громкие стоны Верма, нашего будущего вампира, нагнетали ужас, лишний раз напоминая мне о том, чего стоит Ридрек и его пустые обещания. Потом раздался жалобный голос:

– Помогите-еее!

Мне в пору было сказать то же самое.

– Почему я должен тебе верить?

– А разве не этого ты хочешь? Всю свою жизнь ты желал не того, что тебе предлагали. Я дал тебе бессмертие и собственную кровь, а ты только ныл – вместо того, чтобы занять принадлежащее тебе по праву место властелина мира. Две сотни лет я показывал тебе достопримечательности и удовольствия Европы, но ты возжелал этого занюханного «нового света». Я предлагал тебе женщин, готовых на все, а ты только и знал, что страдать по своей мертвой жене. Воистину печальная картина. А теперь отвечай на вопросы или страдай. Сколько вампиров ты переправил? Где они сейчас?

Я собрал волю в кулак, готовясь к боли, к смерти или к тому и другому одновременно, и ничего не ответил. Ридрек был прав относительно моих желаний, он только позабыл кое о чем. О том, что я хотел умереть. Создатель не дал мне свободы, а держал возле себя более двухсот лет. До тех пор, пока я не сбежал за океан. Но даже расстояние не разорвало узы крови. Если бы я вынудил Ридрека убить меня, то унес бы свои секреты за грань бытия. Единственное мое спасение.

– Держу пари, что твой юный мастер Джек мог бы рассказать мне все, – сказал Ридрек, ударив в самое болезненное место.

Я выдавил улыбку.

– Джек не посвящен в мои тайны. Можешь пытать его сколько угодно, он ничего не знает.

Ридрек улыбнулся в ответ. Обрывки моей кожи все еще висели у него на клыках.

– Кто сказал хоть слово о пытках? Я предложу Джеку его, так сказать, собственный ключ от королевства. Он займет твое место и станет правой рукой самого могущественного вампира на земле. То есть меня.

– Джеку ты не нравишься.

– Возможно. Но ему понравится моя наука.

Что ж, все верно. Джек будет в восторге. Он добр к людям и потому будет держаться подальше от темных уроков убийств и пыток, но со временем Ридрек преодолеет его человечность. Мой создатель был не просто гнилым яблоком в бочке, а истинным червем разрушения.

– А как же твои старые приятели на континенте? Они уже дали добро на владение миром? Большинство голосов избрали тебя властелином вселенной?

– Большинство голосов? – На лице Ридрека появилась брезгливая гримаса. – Ты вконец отравлен этим дерьмом демократии. Жизнью и смертью управляет сильнейший, а не какая-то там амеба, толкующая о гражданских правах.

– Рано или поздно они узнают, что ты творишь. И тогда тебе придется очень худо.

– Все может быть, все может стать. Но тебе станет худо гораздо раньше, чем подойдет

моя очередь. Так вот, насчет Джека...

– Джека ты не получишь. Я лучше сам его убью.

Верм дико заорал, корчась от боли и уже предчувствуя свою смерть. Потом он обвис на цепях и затих.

Ридрек расхохотался. Представление явно забавляло его.

– Вот на это хотелось бы взглянуть. С удовольствием полюбуюсь, как ты, мистер Самообман, убиваешь своего единственного отпрыска. – Он вздохнул. – Только не верится, что тебе хватит мужества. Жаль, что не могу предоставить возможность помучиться выбором. Но я с упоением понаблюдаю, как ты будешь идти против своих желаний и против собственной крови. Ладно, Джек и так уже наполовину мой, а остальная его часть в скором времени будет принадлежать Оливии.

– Он умнее, чем ты думаешь, – сказал я, убеждая скорее себя, чем Ридрека.

Верм снова очнулся. Теперь он кричал почти не умолкая, так что нормально разговаривать стало невозможно. Если, конечно, этот разговор вообще можно было назвать нормальным.

– Ничего, – усмехнулся Ридрек, – Оливия знает, как с ним управиться. Думаю, уже пора позвать ее сюда. Ее и Джека. Но сперва...

Старый мерзавец исчез из моего поля зрения, и я услышал, как он возится с фонарем. По комнате поплыл маслянистый запах керосина. Ридрек старательно обрызгал им мои ступни и лодыжки, а потом зажег факел.

– Ну а пока мы ждем, не желаешь ли немного помучиться?

ГЛАВА 13

Я смотрел на портрет. Уильям выглядел лишь немногим старше меня, а ведь к тому времени, как картина была написана, мой босс уже прожил на свете не одну сотню лет. На портрете он был одет в какую-то униформу с высоким воротом и бронзовыми пуговицами. Возможно, Уильям только что вернулся с очередного поля боя, где славно пообедал, пожирая умирающих солдат. Старый опытный пес войны...

Почему именно я, подумалось мне уже не в первый раз. Почему он проходил мимо всех прочих бедолаг на всех этих нескончаемых полях сражений, но вдруг неожиданно задержался подле меня, чтобы превратить в ночную тварь? В создание, подобное себе. Предлагал ли он другим этот выбор? Или все отвергли его? Был ли я единственным, кто настолько хотел жить, что принес в жертву собственную душу?

Или же Уильям посмотрел в мои угасающие глаза и углядел там нечто, невиданное ранее? Может быть, он понял, что сумеет взять меня под контроль?..

– Так где же наш хозяин? – спросил Ибан, указав бокалом на портрет Уильяма. – Я спрашивал Мелafiю, когда звонил ей, но она дала крайне уклончивый ответ.

– У него возникли срочные дела, – объяснила Оливия. – Такие, о которых он должен позаботиться лично.

– Уильям вернется сегодня? – уточнил Тоби. – Очень хотелось бы его повидать. И прокатить в моем новом доме на колесах.

– Дом на колесах? – Оливия ухватила за возможность сменить тему.

Тобиас одарил вампиршу чарующей улыбкой.

– Да. Он будет здесь с минуты на минуту.

Тоби отнюдь не был похож на обитателей трейлеров. Я раздумывал, что за бред он несет, когда услышал сигнал грузовика. Черт побери, ничего себе домик!

– О! Должно быть, прибыла моя хибарка, – сказал Тоби. – Я позволил водителям отдохнуть несколько дней в Тайби, прежде чем двигаться в обратный путь. Так что Мелafia предложила пока нанять твоего друга Ренье, и он привел все в порядок. Не желаешь ли прокатиться?

Я оторопело кивнул и пошел за ним на улицу. Восемнадцатиколесный трейлер стоял в

конце подъездной аллеи, поскольку оказался слишком высоким, чтобы пройти через арочные ворота. По всему борту тянулся гигантский логотип Ночной Молнии, выполненный в черно-красно-золотых тонах. Несколько логотипов спонсоров были гораздо более скромными и почти терялись в темноте. Ренье выскочил из кабины и подошел к нам. Он был доволен, как кот, нажавшийся сметаны.

– Я все сделал, как ты велел, Ночная Молния, – сказал Ренье. – Дом блестит и сияет. – Его темные глаза за толстыми стеклами очков сейчас казались особенно большими и едва не светились. Если б я не знал Ренье как облупленного, то решил бы, что он влюблен.

– Спасибо, приятель. Кстати, можешь называть меня просто Тоби. – Ренье протянул ключи, и блондинистый вампир вложил в его руку толстую пачку банкнот.

– О'кей... Тоби, – сказал Ренье с таким видом, словно ему не хватало воздуха. – Эй... – Он стянул с жирных волос свою избитую жизнью наascarовскую бейсболку и вынул из кармана ручку. – Не распишешься на моей шапке? А то ребята ни в жизнь не поверят.

– Нет проблем, – отозвался Тоби Великолепный. Быстрым росчерком он изобразил стилизованную версию своего логотипа, а потом подписал имя.

– Спасибо, – промямлил Ренье, держа шапку так, словно она была сделана из золота.

Тоби, Ибан и Оливия пошли к трейлеру, а я наклонился к уху Ренье.

– Хочешь получить здесь работу, Рен?

– Брось, Джек. Сбавь обороты. Вспомни, сколько раз мы с тобой и ребятами смотрели гонки по кабельному, перлись от этого парня и трепались, какой он крутой. Нуда, я его фанат. Кстати, тебе непременно нужно посмотреть эту чертову штуку изнутри. Пошли.

Следом за Ренье и вампирами я подошел к дому на колесах. Не сказать ли Ренье, что весь этот ажиотаж вокруг знаменитых друзей Уильяма может плохо сказаться на его здоровье. Только гляньте, что случилось с бедным Хью... А потом я оглянулся на свою собственную машину, припаркованную на противоположной стороне, одинокую и позабытую. Даже моя тачка жила собственной жизнью, в которой мне не было места.

Тоби вставил ключ в замок в задней части трейлера, и гидравлическая дверь медленно открылась. Из пола плавно выплыла лесенка. Да уж, этот парень выбирал только самое лучшее.

Мы поднялись в гостиную, где стояли диваны с льняными покрывалами, стулья и огромный кофейный стол со стопками газет и журналов. Здесь же я увидел небольшую видеокамеру и пару ноутбуков с беспроводными сетевыми картами. Настоящий передвижной офис, который вполне мог потягаться с берлогой Уильяма в стиле хай-тек. Широкоэкранный телевизор стоял у одной из стен, фотографии в рамках покрывали другую. Окон, разумеется, не было.

Затем Тоби показал столовую и кухню. Оливия заахала и заохала при виде новейшей кухонной техники и всяких встроенных штукovin вроде автоматического термостата для вина, который умел поддерживать оптимальную температуру для каждого сорта изысканного пойла.

Потом мы перешли в спальню, декорированную в цветовой гамме Ночной Молнии. Разумеется, здесь стояла огромная кровать. Отдельные двери вели в туалет и ванную.

– Похоже, тут можно славно поразвлечься, – заметила Оливия, игриво подмигнув на последнем слове. Тоби ухмыльнулся и пожал плечами.

Меня скоро переименуют в лягушку – последнее время я только и делаю, что зеленею от зависти. Убейте меня, наконец. Ткните колом в сердце и избавьте от мук. Этот парень вел жизнь моей мечты. Гонимые машины и шикарные девчонки, которые вручают призы на аллее победителей. Боже, пристукните меня кто-нибудь, явите милосердие!

– А где твой гроб? – мрачно спросил я.

Если Тоби и уловил мое настроение, то не подал виду. Он указал на дальнюю стену комнаты.

– Потайная дверь.

– Разумеется, – пробурчал я.

– Я вижу, вы приехали сюда с понтом и шиком, – сказала Оливия, когда мы вернулись в гостиную.

Тоби широким жестом указал на легкие стулья.

– Присаживайтесь, – предложил он. – Вы правы. Мы с Ибаном приехали вместе. Такой путь занимает немного больше времени, но если иметь пару доверенных водителей, это гораздо проще и удобнее, чем самолет.

– Или поезд, – вставил Ибан, присаживаясь на край длинного дивана. – Железнодорожная система в этой стране... как бы сказать? Просто комизм.

– Курьез, – поправил Тоби. Ибан кивнул.

– Временами приходится торчать на запасном пути по два-три дня. Вокруг всегда какие-то чужаки, слишком много потенциальных неприятностей. – Он откинулся на спинку стула. – Я собираюсь продать свой автомобиль-амфибию и купить такой же трейлер, как у Тоби. Вот машина для истинного мачо.

– Постой-ка! – сказала Оливия, усаживаясь рядом с темноволосым вампиром. – Наконец-то я тебя узнала! Твоя фамилия Круз, верно? Ты Ибан Круз, кинорежиссер!

Ибан широко улыбнулся, слегка выпустив клыки. Казалось, он был абсолютно спокоен, расслаблен и не опасался подвоха, поскольку находился среди своих.

– Виновен, признаю.

– Я видела все твои фильмы! «После заката, милая» – мой любимый. Я смотрела его четыре раза.

Ну, вообще зашибись. Автогонщик экстра-класса и режиссер. Просто какой-то долбаный день карьеры. Поговорим о работе вашей мечты. Я с размаху шлепнулся в кресло, на проверку оказавшееся креслом-качалкой. Мои ноги взбрыкнули в воздухе. Чудесная иллюстрация для определения «оказаться поверженным». Нет, ну черт же возьми!..

– Как же ты снимаешь фильмы, если можешь выходить наружу только по ночам? – спросил я.

Ибан начал что-то отвечать, но охваченная восторгом Оливия перебила его.

– Он снимет только ночью. Это его бренд, – сообщила она. – Кино в стиле «нуар» – отличное прикрытие. Просто гениально!

Ибан улыбнулся и развел руками.

Чандлер заглянул в открытую дверь трейлера. Он стоял на нижней ступеньке, так что над полом виднелась только его голова, будто бы лишенная тела. Нечто в этом роде я сейчас и чувствовал...

– Прибыл мистер Бушар, мистер Макшейн.

– Кто?

– Ученый, – сказала Оливия.

– Прекрасно. Пригласите его сюда, – распорядился я.

Ученый. Надеюсь, он скучный зануда и полный ботан.

Чандлер исчез, и появился высокий, худой вампир в темно-синем спортивном пиджаке, белой рубашке и строгих брюках. Он пригладил рукой длинные, чуть тронутые сединой волосы. Новоприбывший держался скромно, но, к сожалению, отнюдь не производил впечатления унылого книжного червя. Внешне он выглядел старше всех нас; очевидно Бушара инициировали, когда ему перевалило за сорок. Он огляделся по сторонам, явно не зная, к кому из нас обратиться.

Я встал и протянул руку.

– Джек Макшейн.

– А, – сказал он и кивнул. – Помощник Уильяма.

Я почувствовал себя оскорбленным. Он мог с тем же успехом сказать: «прислужник Уильяма». Ладно. Я выкинул это из головы и представил остальных.

– Меня зовут Герард Бушар, – сказал вампир. – Рад познакомиться.

На лице его, впрочем, не замечалось особой радости. Он выглядел так, как будто бы с удовольствием – оказался где-нибудь в другом месте. Мне было знакомо это чувство.

– Какой вы наукой занимаетесь? – спросила Оливия.

– Я генетик. Изучаю разные аспекты вампиризма.

Столь же мило, сколь и загадочно. Ну и черт с ним. Если ему охота разводить тайны – на здоровье. Может взять свои пробирки и засунуть их туда, где солнце никогда не светит. Я ощущал нервозность и скованность. Никогда прежде мне не доводилось сидеть в комнате, набитой вампирами. Да-да, я тосковал по представителям своего вида, но теперь, когда вампиры окружали меня, я испытывал тошноту, потому что даже здесь, среди себе подобных, оставался белой вороной...

Ладно, хватит сокрушаться! В конце концов, дело у нас серьезное.

– Присаживайся, Герард. Надо ввести тебя в курс дела. – Ученый сел. На его лице застыло выражение легкой брезгливости, будто он унюхал какую-то мерзость, которую мечтал отшвырнуть носком своего итальянского ботинка. Я остался стоять. – У меня две новости: плохая и очень плохая. Я не в курсе, хорошо ли вы знали Элджернона, создателя Оливии, который должен был стать почетным гостем на приеме... И для начала хотелось бы понять, почему мы вообще ничего не таем друг о друге.

Ибан обвел взглядом остальных вампиров, словно в поисках поддержки.

– Это мера предосторожности, Джек. Предполагалось, что никто из нас не знает остальных – для нашей же собственном безопасности. Мы с Тоби знакомы, потому что живем в одном штате и наши пути часто пересекаются. Но Уильям и Элджер – единственные, кто имеет в распоряжении все куски мозаики...

– Уильям и Элджер – единственные вампиры, которых мы знали за пределами наших общин, – прибавил Герард.

– Общин? – переспросил я. Вроде бы Оливия однажды упоминала это слово, но я не до конца понимал, что оно значило применительно к вампирам.

– Каждый из них представляет отдельную общину вампиров. Все они расположены в разных частях страны, – пояснила вампирша. – Элджер рассказывал мне об этом, но до сих пор я не знала подробностей.

– Ладно. Как бы там ни было, Элджернон мертв. – Я покосился на Оливию, которая изо всех сил старалась казаться спокойной. – Он был убит на корабле Уильяма, «Алебастре», еще до того момента, как высадился в Саванне.

Трое новоприбывших вампиров дружно ахнули, а Оливия впустила глаза.

– Элджера проткнули колом, и он сгорел прямо на палубе. Экипаж корабля тоже погиб. Мы нашли только одно тело и думаем, что остальных сбросили за борт. Уильям велел мне затопить корабль, чтобы городские власти не задавали вопросов. Мы сказали вам, что Уильям ушел по личному делу, но... это неправда. На самом деле он отправился искать убийцу Элджера. – Это тоже было неправдой, но наши гости и так уже пережили потрясение. Я не собирался рассказывать им, что Уильям охотится в компании Ридрека.

– Вы... вы знаете, кто его убил? – спросил Тоби. Его голубые глаза округлились от изумления и ужаса.

Оливия поднялась на ноги и встала рядом со мной.

– Да. Это сделал Ридрек, создатель Уильяма. Он каким-то образом ухитрился пробраться на «Алебастр». Теперь Ридрек в Саванне. – Она сделала паузу и посмотрела на меня. – Мы оба видели его.

«И один из нас, возможно, находится под его контролем», – чуть не вырвалось у меня. Я по-прежнему не знал, можно ли доверять Оливии. Но, с другой стороны, я не мог верить и этим ребятам. Судя по лицам вампиров, они были наслышаны о Ридреке; лучше не болтать лишнего насчет него и Оливии.

– Стало быть, начинается, – сказал Герард. Его губы сжались в твердую тонкую линию. Ибан и Тоби обменялись встревоженными взглядами.

– Что? – спросил я. – Что начинается?

– А может, и нет, – сказала Оливия, игнорируя мой вопрос. – Сейчас Ридрека, кажется, интересует только кровь вуду.

– Он знает о ней? – обеспокоенно спросил Герард. Как и все они, ясное дело. Очевидно, некогда Уильям поделился информацией с каждым из этих вампиров.

– Думаю, да, – тихо сказала Оливия.

– Откуда? – сказал Герард.

Я глянул на вампиршу, гадая, признается ли она. Вампирша проговорила:

– Мы встретились в ночном клубе. Я уже знала, что Ридрек убил Элджера, и кинулась за ним, прежде чем Джек и Уильям сумели меня остановить. Что происходило дальше, помню смутно... да, Ридрек был рядом, а я не могла убить его. И во время допроса... думаю... не исключено, что я сказала ему о крови.

– Ты имеешь в виду... Он что, пытал тебя? – возмущенно воскликнул Ибан.

Плечи вампириши поникли. Она снова уставилась в пол, но ничего не сказала, оставив всех пребывать в уверенности, что Ибан не ошибся. Эта птичка могла бы играть в его фильме и получить «Оскара».

Некоторое время все хранили молчание, а потом Герард спросил:

– Сколько времени ты в Америке?

– Около недели. А что?

– Если Ридрек узнал о крови вуду лишь несколько дней назад, значит, он прибыл не по этому поводу. Зачем же тогда? Не для того ли, чтобы уничтожить всех нас?

– Кто еще с ним приехал? – поинтересовался Тоби.

Я припомнил свою беседу с Оливией и Мелафией. Они говорили о других «плохих» вампирах и о том, что «наша сила в числе». Вот же ведь какое дерьмо, черт возьми.

– Видимо, он был один. То есть мы больше никого не видели.

– Если Ридрек собирается бросить нам вызов, то почему явился без сопровождения? – спросил Тоби.

Тишина. Потом Ибан спросил:

– Что же нам делать?

Никто не ответил. Я был уже сыт по горло всеми этими кризисами. Один за другим! И никаких конструктивных решений. В довершение всех неприятностей Оливия вдруг начала судорожно подергиваться.

– Ты в порядке?

Идиотский вопрос. Если кто-то начинает прыгать, словно его окунули в кипящее масло, с ним явно не все в порядке.

– Я... я должна идти, – проговорила вампирша, скрипнув зубами. – Мне больно!

– Что происходит? – спросил я.

– Не знаю. Мне просто надо идти. – С этими словами она кинулась к выходу.

Ибан сказал:

– Возможно, остаточный эффект после пыток? Какой-то невроз?

Герард прищурился.

– Она была в полном порядке минуту назад. Тут что-то другое.

Я же имел собственное мнение на этот счет. Магия Ридрека снова набирала силу. Однако я решил подыграть Оливии и ничего не сказал.

– Может, дело в крови, которую она сегодня выпила? Донор мог поесть каких-нибудь несвежих устриц или еще чего...

Я перехватил вампиршу, прежде чем та успела выскочить из трейлера. Она немедленно утихомирилась и всем телом прижалась ко мне.

– Твое прикосновение... Мне от него лучше.

Ну, ничего себе!

Трое мужчин обменялись задумчивыми взглядами, созерцая, как я поглаживаю Оливию по спине.

– Что такое? – спросил я у них. Ибан почесал в затылке.

– Кажется, ты передаешь ей силу обычным прикосновением, Джек. Может, тебе следовало бы... э... ну, ты понимаешь...

– Заняться с ней сексом, – закончил Герард. Ученый сухарь – он и есть ученый сухарь. – Если ты даешь Оливии силу, просто обнимая ее, подумай, что может получиться в результате полового акта.

– Ребята, посерьезнее, – сказал Тоби, посмотрев сначала на Герарда, а затем на Оливию. – Имейте хоть немного такта.

– Спасибо за совет, Герард. Я подумаю, что можно сделать. – Смешно, но мне вспомнилась старая песня «Sexual Healing»,¹ Однажды Оливия получила его по полной программе. Мы с ней обменялись взглядами, молча согласившись, что сейчас не время делиться результатами наших изысканий. – Ладно, нам надо идти. Ничего не предпринимайте, пока не получите вестей от меня или Уильяма.

– Мы можем помочь в охоте на Ридрека? – спросил Тоби, когда мы с Оливией направились к выходу. Мне показалось, что он не слишком-то горит таким желанием, но чувствует себя обязанным предложить свои услуги.

– Нет. Это слишком опасно. Вы плохо знаете город. Позовите Чандлера, если вам что-то понадобится. Я выйду на связь завтра ночью, если не раньше. Ничего, если мне придется разбудить вас днем?

– Конечно, – сказал Герард. – Дворецкий сказал, что возьмет на себя труд найти удобное место для моего гроба. Я полагаю, он будет стоять в подвале, как это обычно бывает. – У Герарда был старомодный стиль речи, который временами использовал Уильям, и легкий французский акцент.

– Если понадобится поднять меня и Ибана, просто стукните чем-нибудь тяжелым по задней стенке, – сказал Тоби. – Я сплю чутко.

– Заметано.

На средней ступеньке я решил, что проще нести Оливию, чем тащить ее за собой. Я подхватил вампиршу на руки. Мне показалось, будто она вообще ничего не весит. Моя сила все еще была огромна, а слух оставался острым. На полпути к машине, когда я уже должен был выйти из зоны слышимости, до меня долетел голос Тоби.

– Вы видели? Вот это жеребец! Ребята, только представьте, что будет, если он ее трахнет. Со всей силой, которую Оливия получит, она станет супервампишей!

Просто отлично, мистер Тактичность. Просто отлично. Я устроил Оливию на пассажирском сиденье и обошел машину, чтобы сесть на водительское. Вампирша застонала.

– Не уходи. Мне больно.

– С чего вдруг? – сказал я, вытаскивая ключи и не притрагиваясь к ней. Пусть немного помучается. Может, это заставит ее поделиться какой-нибудь информацией. – Я думаю, ты отлично знаешь, что с тобой сейчас происходит. Верно?

Оливия придвинулась так близко ко мне, как только смогла – разве что не залезла на колени, – и вцепилась в мою руку.

– Я должен завести мотор, дорогуша. Сдай назад. – Я отпихнул Оливию и выехал на аллею. – Так что происходит?

– Он зовет меня к себе!

Вампирша снова прикинула к моему боку, и на этот раз я не стал ее отталкивать.

– Кто? Ридрек? – Я начал выворачивать на шоссе, но тут Оливия перехватила руль. – Эй!..

– Да-ааа. – Слово прозвучало длинным болезненным стоном. – К нему туда. – Она указала в противоположную сторону.

Я собирался возмутиться, когда до меня дошло, что это отличный способ найти Уильяма. Ридрек притянет меня и Оливию к ним обоим. Оливия показывала дорогу, и скоро я понял, куда мы едем.

К Бонавентуре.

Уильям

¹ «Sexual Healing» (исцеление сексом) – песня Марвина Гэя.

Огонь...

Мое сознание отлетало все дальше в прошлое, прочь от мучительной боли настоящего.

Пламя...

Весь город, казалось, ярко пылал. Люди бегали и кричали... некоторые из них горели.

Два грандиозных пожара опустошили Саванну. Один – через несколько лет после того, как Джорджия ратифицировала конституцию, а второй, гораздо более страшный, – двадцать четыре года спустя, в январе 1820-го.

К своему несчастью, в это время я уже проживал в Саванне.

Боль...

Теперь, как и в ту ночь, я брел через дымные, засыпанные угольями улицы. Ужас переполнял меня. Кричащая женщина кинулась ко мне в объятия, юбка ее пылала, я ощущал запах паленой кожи. Сбив женщину с ног, я катал ее по земле, стараясь потушить одежду, но несчастной было уже нельзя помочь. Люди пробегали мимо, неся на руках детей и какие-то пожитки. Один мужчина тащил собаку, другой – горшок, наполненный водой. Они бежали к площадям, подальше от обжигающего жара горящих зданий, и там собирались в толпы, надеясь, что благословенная прохлада колодца или фонтана сможет защитить их. Но бедолаги позабыли о деревьях. Огромные дубы, чьи ветви обросли бородастым мхом, освещали небо как масляные факелы, роняя пламя и смерть на поляны внизу. Я стоял в центре улицы и кричал в ночь – о смерти, о милосердии, о дожде. На мне была защита Лалии, и я знал, что не сгорю. Уцелеет и мое имущество у реки. Но город... Магии старых *оришас*¹ не хватит, чтобы спасти Саванну.

Перекрывая рев огня, раздалась песнь Лалии. Слова были непонятны, но звук тотчас же позвал меня. Я опустил глаза и увидел, что ступни и щиколотки окутаны голубоватым пламенем, но боль отступала, запах паленой плоти стал не таким сильным. Лалия помешает мне умереть. Во всяком случае, на этот раз. Я буду гореть, но выживу и исцелюсь.

...Ведь я должен спасти Джека...

Время сместилось. Неожиданно я оказался возле дома Элеоноры на Ривер-стрит и увидел, как жирный черный дым поднимается из окон третьего этажа. Языки пламени лизали шторы в спальне Элеоноры, в окне маячило ее лицо. Она кричала и протягивала ко мне руки, покрытые пузырями ожогов. Вдалеке слышался звук сирен, но я знал, что они опоздают. Я должен был спасти мою женщину, сломать входную дверь, но к своему ужасу понял, что не могу сдвинуться с места. Мои ноги приросли к земле, страх стиснул грудь. Все вампиры боятся огня, но Элеонора – человек.

Элеонора...

Я мог только беспомощно наблюдать, как стекло разлетелось от жара, забрызгав осколками тротуар. Любимое лицо исчезло. Пламя перекидывалось из комнаты в комнату, и огненный ад поглотил здание целиком.

Джек

Мы приближались к кладбищу. Всю дорогу Оливия цеплялась за меня и мало-помалу оживала. Я слышал о прилипчивых женщинах, но это было уже слишком. Вам бы не удалось просунуть между нами монетку, даже если бы от этого зависела ваша жизнь. В конце концов, вампириша настолько пришла в себя, что даже выдала собственную теорию относительно моего влияния на нее.

– Я знаю, почему так происходит, – заявила она. – Это из-за того секса. Обратный эффект. Ты привязал меня к себе так, как всегда мужчина привязывает женщину, забрал мою силу вместо того, чтобы отдать свою. А теперь, когда я слышу зов Ридрека, эта связь с тобой ему противодействует. Такое чувство, что меня разрывает пополам. Но сейчас я ближе к тебе, мы направляемся к Ридреку, и... – Она вытянула шею, чтобы взглянуть на спидометр. – И

¹ Оришас – низшие божества, духи в мифологии вуду.

едем очень быстро, так что я чувствую себя гораздо лучше.

После всех моих страданий по поводу карьеры в Калифорнии этот «обратный эффект» не слишком-то подсластил горькую пилюлю разочарования в жизни. Но если я умудрился получить через Оливию дополнительные силы, это и впрямь было уже кое-что. Может быть, мне даже удастся опробовать свое приобретение на добром дядюшке Ридреке.

– А что будет, когда мы с ним встретимся?

– Не знаю.

– Просто отлично.

Мы подъехали к кладбищу. Ворота были закрыты, но цепь не могла конкурировать с моей силой... и ломиком, извлеченным из багажника. Ну, вы поняли. Не возьмусь сосчитать, сколько раз я ломал эту цепь. Охрана кладбища, должно быть, полагала, что имеет дело с сумасшедшим коллекционером замков. Вдобавок я частенько просил Ренье втихую заменить местный замок на наш собственный, а потом оставить ключи в тайнике под каменным львом перед воротами.

Оливия целеустремленно рвалась вперед. Мы миновали еврейскую часть кладбища с надписями на иврите и звездами Давида на каменных плитах и направились к самым старым могилам, расположенным у края болота. Именно здесь мы с Уильямом в свое время нашли «ягуар» и Шейри. Оливия снова начала судорожно подергиваться; она выскочила из «корвета» и поспешила к древней могиле, покрытой мраморной плитой – такой старой, что эпитафию можно было бы прочесть только после серьезной реставрации. Вампирша наклонилась над изъеденной ветрами и временем поверхностью плиты и прижала к ней ладони.

– Там, внизу, – сказала она. – Скорее! Я словно горю. Я приподнял плиту и отодвинул в сторону. С моим обостренным ночным зрением не составило труда разглядеть земляные ступени, ведущие под землю. Взяв Оливию за руку, я начал спускаться. К тому времени, как мы достигли дна, не оставалось сомнений, что этот путь приведет нас к Уильяму и Ридреку.

Нужно было просто идти на крики.

О, теперь я знал, что это за вопли. Бездумные, жуткие звуки, издаваемые агонизирующим существом в процессе трансформации. Что за дьявольщина там происходит? Сперва Ридрек с Уильямом пошли на охоту, а теперь они делают вампира? Какого хрена? Мысль о Калифорнии казалась все привлекательнее. Может, угнать трейлер Тоби? Вот черт!..

Луч лунного света за нашими спинами исчез, но теперь появился новый огонек. Глаза вампиров похожи на кошачьи. Мы не видим в абсолютной темноте, но можем уловить любой слабейший источник освещения. Сделав еще несколько шагов, я понял, что горит впереди. Факел. Настоящий старомодный факел, с какими обычно ходят злые крестьяне в фильмах про Франкенштейна. Не знаю, как я сумел это определить, но сумел. Казалось, я угодил прямоком в фильм ужасов. Хотя, если вдуматься, вся история моей жизни – сплошной ужасник. Вот только не знаю, кто я в этом кино – хороший парень или один из монстров.

Мне стало чертовски грустно.

Пол в туннеле начал понижаться. Он заканчивался несколькими ступеньками. Спустившись, мы оказались в небольшом помещении... комнате, за неимением лучшего определения. Пол был залит маслянистой черной водой. Я огляделся, и у меня пересохло во рту, а небоьющееся сердце болезненно жалось. Я инстинктивно подался назад, но заставил себя остановиться и встал между Оливией и... ними.

Уильям лежал на каменном столе, прижатый сверху тяжелой плитой. Его губы, шея и грудь были покрыты кровью, а руки связаны от самых плеч. В дальнем конце комнаты висел на цепях, вделанных в стену, мой персональный маленький проводник – Верм. Сейчас он молчал, но я был уверен, что это ненадолго. В нише лежала отрезанная человеческая голова. Ничего себе! От смеси запахов – затхлой воды болота, озона из тела трансформирующегося Верма и горелой плоти вампира – к горлу подступила тошнота.

Посреди комнаты, сверкая окровавленными клыками на бледном лице, стоял господин Старая Вонючка собственной персоной. Ридрек. Он поманил нас рукой, словно приглашая

меня с Оливией в сказочный дворец, а не в камеру пыток.

– Дети мои! – сказал Ридрек. – Наконец-то вы пришли.

Уильям

– Что за херня тут происходит?

Голос Джека и давящая тяжесть камня на груди вернули меня к реальности. *Прости, Элеонора.* Я сражался с нарастающим потоком боли и отчаяния, но сил оставалось все меньше. Вся энергия, которой, как я думал, у меня предостаточно, уходила на то, чтобы сохранять сознание и исцелять обожженное тело.

Со своего места я видел лишь спину Ридрека и несчастного Верма, но знал: Джек находится где-то в комнате. Плохо дело. Я полагал, что буду в лучшей форме, когда настанет время выступить против Ридрека. Теперь мне оставалось надеяться только на бунтарскую натуру моего отпрыска. Возможно, его твердолобость и ослиное упрямство теперь окажутся как нельзя кстати.

– Добро пожаловать на мою маленькую вечеринку, – сказал Ридрек. Он был так весел и доволен жизнью, что я ощутил укол ярости – и попытался раздуть эту искру.

Послышался плеск воды, шаги, и я увидел искаженное ужасом лицо Джека.

– Какого хрена ты делаешь?.. – спросил он, не сводя с меня ошеломленного взгляда.

– Ну, я же объясняю, – отозвался Ридрек. – Я...

Очередной вопль Верма прервал его на полуслове. Похоже, это разозлило великого властелина мироздания.

– Молчать! – рявкнул он. Дыхание словно застыло в горле Верма, и он замер, протянув одну руку к Джеку. Глаза его были расширены, в них плескались боль и страдание.

В поле моего зрения возникла Оливия. Она прошла по воде и приникла к руке Джека, будто всецело принадлежала ему. Плохой знак.

– Развлекаюсь, прежде чем убить свое непослушное чадо. Не хочешь ли принять участие?

Джек все еще выглядел ошеломленным, но я видел, что он пытается взять себя в руки.

– И почему бы мне вдруг захотеть? – спросил он, возвращаясь к своей довамampirской манере речи. Верный признак того, что Джек потрясен до глубины души.

Ридрек улыбнулся.

– Таким образом ты сможешь заслужить право стать моим наследником.

Джек не успел ответить: Оливия издала какой-то странный мяукающий звук и еще сильнее прижалась к нему. Движение привлекло внимание Ридрека, и он обернулся к вампирше.

– Иди сюда, милая. Ты отлично выполнила мое задание, приведя его сюда, но теперь...

С пальцев Ридрека сорвались голубоватые искры и, собравшись в полукруг, полетели к Оливии. Но тут же старый мерзавец отдернул руку и нахмурился.

– Джек... – сумел выдавить я. – Иди домой. – Больше ничего путного мне в голову не пришло. Я строил блок за блоком в своем сознании, чтобы не впустить туда Ридрека. Если теперь я открою его для Джека, мой создатель выиграет без боя.

Я же намеревался еще немного побороться.

– Просто уйти и бросить тебя здесь, а? Тебе не нужна моя помощь. Как обычно.

Горечь в голосе Джека изумила меня.

– Какая уж тут помощь, – ухмыльнулся Ридрек. – Он не научил тебя даже тому, как помочь самому себе.

– Это верно, черт возьми, – процедил Джек. Ридрек скрестил руки на груди и прислонился к придавившей меня плите.

– Что ж, я научу тебя всему, что ты хочешь знать. Мой отпрыск перевел на него тяжелый взгляд.

– А что взамен?

– Теперь видишь, Уильям? – Ридрек похлопал меня по плечу. – Он не такой дурак, как ты о нем говорил.

На этот раз нахмурился Джек. Он поднял руку и потер лоб.

Неожиданно полыхнуло ярким светом; Оливия отлетела от Джека, закричала и рухнула на колени, корчась в черной воде.

– Сопротивление бесполезно. – Ридрек протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

Оливия отшатнулась назад.

– Не делай мне больно, хватит.

Ридрек сделал нетерпеливый жест.

– Я сделаю с тобой все, абсолютно все, что пожелаю. Элджер мертв, и поскольку я – его создатель, ты теперь моя. Принадлежишь мне целиком и полностью, безраздельно.

Джек вздернул Оливию на ноги. Она припала к нему, словно ее жизнь зависела от этого прикосновения.

– Оставь ее в покое. С ним, – Джек кивнул в мою сторону, – можешь делать все что угодно, но Оливия – со мной.

Да, не слишком-то радужная перспектива.

ГЛАВА 14

Уильям

Я ощутил, как вся сила мысленной энергии Ридрека обрушилась на Джека. Облегчение наступило незамедлительно. Старый вампир так резво переключился на моего отпрыска, что напрочь позабыл про меня. Джек прищурился, словно мог видеть невидимые руки, охватившие его голову, а потом посмотрел на Оливию, очевидно, пытаясь понять, не ее ли это работа. Я собрал все оставшиеся силы и передал Джеку собственное послание.

Он лжёт, пытается зачаровать тебя. Блокируй мысли. Любыми средствами блокируй мысли.

Джек чуть нахмурил брови и коротко глянул на меня. Затем он снова обернулся к Ридреку.

– А ты перенял от Уильяма больше, чем кажется, – заметил старый негодяй. – Он тоже вечно рвется спасти дам, попавших в беду.

– Кажется, сейчас его самого надо спасать, – буркнул Джек.

Я мог только надеяться, что это не простая констатация факта.

Джек отлепил от себя Оливию и слегка подтолкнул ее к лестнице.

– Подожди меня снаружи.

Взгляд вампириши метнулся к Ридреку. Она колебалась.

– Иди же, – подбодрил Джек. – Не ты ему нужна, а я. – Он повернулся к Ридреку и вызывающе скрестил руки на груди – Верно я говорю, ты, вонючий старикашка?

Ридрек молчал несколько секунд, очевидно, оценивая своего потенциального союзника. К счастью, Джек начал демонстрировать свое знаменитое упрямство.

– Иди, – велел Ридрек Оливии, словно изначально это была его идея. Вампириша не заставила повторять дважды. Ее шаги простучали по ступенькам лестницы, и снова воцарилась тишина.

– Ну? И что ты предлагаешь? – поинтересовался Джек.

– Я научу тебя всему, что знаю сам, сделаю принцем вампиров. Ты будешь кузнецом своего счастья. Сумеешь получить все, чего только пожелаешь.

Джек перевел взгляд на меня.

– А взамен?..

– Мой милый мальчик... – Ридрек двинулся вперед, словно хотел дружески обнять Джека за плечи, но тот отступил назад, и Ридрек развел руками. – Что ж, тут вся штука в этой

крови вуду. Я желаю узнать, как она действует на вампиров. Как изменяет их.

Джек пожал плечами.

– Я не в курсе.

– Неправда, сынок, неправда. Расскажи мне об этом – и начну твое обучение.

Пауза.

– Ну, есть маленький флакон со старой кровью. Уильям прячет его...

– Не надо... – прохрипел я.

Ридрек хихикнул.

– Отличное начало. Принеси мне флакон, и мы начнем наши занятия.

– А как насчет Уильяма? – спросил Джек.

– О, как только завершится трансформация, – Ридрек кивнул в сторону Верма, – я поручу моему новому отпрыску прикончить его.

Не верь. Я буду жить, пока Ридрек не получит от тебя то, что хочет, – мысленно прошептал я, обращаясь к Джеку. – *Верм не может убить меня, я его создатель.* Не раскрывая сознания, я не мог понять, услышал ли меня Джек. Его лицо немного порозовело: парень пытался привести в порядок мысли, пока мы с Ридреком боролись за контроль над его разумом.

– Может, отпустишь Уильяма на его драгоценный прием? Он так тщательно готовился к этому дню. Там будут все его приятели. Небольшое публичное унижение пойдет ему на пользу. Пусть все увидят, в какую развалину он превратился. – Джек обернулся ко мне. – Тебе не нужно инвалидное кресло... босс? – Он чуть ли не выплюнул последнее слово. – Или еще можешь ходить самостоятельно?

Я не понимал, разыгрывает ли Джек это жестокое представление для Ридрека или впрямь измывается надо мной. Предложение могло означать, что у него есть какой-то план. Увы. Я знал Джека как никто другой, и мне было отлично известно: он не обучен использовать свои таланты, которые могли потребоваться, чтобы управиться с Ридреком. Все это время я держал Джека в неведении, и он понятия не имел, что к чему.

– Приятели, говоришь? – Ридрек пихнул меня в бок. – Не те ли самые ребята, с которыми я так мечтал познакомиться?

Я молчал, удерживая старого вампира, который пытался продраться сквозь мои мыслеблоки. Мне хотелось заорать, крикнуть: «Нет!», но любая реакция только поможет Ридреку. Впрочем, он без труда получал от Джека ответы на все свои вопросы. Моего участия уже не требовалось. Итак, мой отпрыск собирается отвести Ридрека напрямую к нашим друзьям. К тем, кто мне верил. А это значит, что все они умрут.

– Завтра вечером, – сказал Джек. – В восемь часов, в Гамильтон-Хаус на площади Лафайет. Захочешь получить свою фиговину – придешь туда. А нет, так сам себе будешь дурак.

Джек

Я вернулся назад тем же путем, каким мы с Оливией вошли сюда – пошатываясь и обхватив голову руками. Я сошел с ума! Как иначе объяснить, что я бросил там Уильяма в таком положении? Страшная мешанина мыслей не давала сосредоточиться. Уильям и Ридрек одновременно вторглись в мой разум и чуть не взорвали мозг изнутри. Мне стоило грандиозных усилий взять себя в руки. Казалось, они пытались выпихнуть меня из собственных мозгов и захватить полный и безраздельный контроль над ними. Как бы я ни поступил, но уже не мог быть уверен, что это мой собственный выбор, а не чья-то навязанная воля. Так что же делать? Единственный разумный выход – бежать как можно дальше отсюда, и чем скорее, тем лучше. И подальше от Верма. Я не мог смотреть, как он корчится в агонии. Цепи растягивали его руки в разные стороны, словно символизируя раздвоенное состояние: половина в мире живых, половина – в мире нежити. И медленное умирание тела, зависшего между двумя мирами...

Более же всего ужаснул меня вид истерзанного Уильяма с потрескавшейся от огня кожей. Даже в туннеле меня преследовал этот запах паленой плоти – тот же, что я чувствовал на «Алебастре», где лежали останки Элджернона. Сгоревшая плоть вампира пахнет адом...

Первым моим порывом было подбежать к Уильяму, скинуть каменную плиту, освободить его... но я уже не знал, кто враг, а кто друг. Может быть, на самом деле именно Уильям был мне врагом все это время?..

Я слепо брел по туннелю в сторону выхода. Найти его не составляло труда, поскольку я уже прошел здесь один раз и чуял свои следы. Оказавшись на улице, я пытался понять, что же чувствую к Уильяму – гнев, жалость, негодование? Но я не знал и был уверен лишь в том, что должен как можно скорее уйти прочь.

Оливия ждала возле могилы. Она судорожно стискивала руки, пока я задвигал на место мраморную плиту. Не обращая внимания на вампиршу и бросив машину, я пешком пошел домой. Да, к своему дому. Растерянность и усталость давили на меня тяжким грузом. Вдобавок я никогда не проводил столько часов на ногах без отдыха и сейчас чувствовал себя так, будто весь день бегал под воздействием какого-то стимулятора, но теперь его время закончилось, и приближалась жестокая расплата.

Я слышал, что Оливия идет следом за мной, но мне было плевать, какого черта она делает и куда направляется. Я миновал ворота склада, который называл своим домом, вынул из кармана джинсов ключи и отпер комнату. Вампирша не отставала. Игнорируя ее, я пошел напрямик к холодильнику.

– Джек, – сказала Оливия, – что ты собираешься делать?

– Смешать себе коктейль, черт возьми.

– Ты знаешь, о чем я.

Я вынул из холодильника пинтовый сосуд, до половины наполненный кровью, открыл шкафчик над раковиной и вынул бутылку.

– Какого хрена я вообще должен что-то делать? Почему бы мне просто-напросто не свалить подальше от всего этого дерьма? – буркнул я, доливая кровь «Джеком Дэниелсом».

Оливия пропустила мои слова мимо ушей.

– Ридрек хочет, чтобы ты бросил Уильяма и последовал за ним, верно? Что ты об этом думаешь? Как собираешься поступить?

– А как, по-твоему, надо поступить, детка? – Я привалился к раковине, потягивая жгучий коктейль. – За дверью номер один сидит Ридрек со своими знаниями и могуществом, который обещает сделать меня гребаным вампирским принцем. Просто вот так. – Я щелкнул пальцами. – Все, что от меня требуется, – явиться на вечеринку и отдать ему флакон с кровью вуду. А за дверью номер два мой дражайший папочка, Уильям. Который больше сотни лет обращался со мной как с каким-то грибом.

– С грибом? – Оливия посмотрела на меня так, словно усомнилась в моем рассудке.

– Угу. Держал в темноте и подкармливал навозом. – Я издал короткий смешок. – Шутка, дорогуша. Но только в ней все правда. – Я сделал еще один большой глоток.

– Джек... – начала Оливия, но я перебил ее.

– Да, Ридрек может дать мне то, о чем я мечтал. Сделать меня... как это говорят коммерсанты?.. полновесным вампиром. Разумеется, при условии, что я последую за ним. Или же я могу попытаться спасти Уильяма и эту его развеселую компанию автогонщиков, режиссеров и не знаю там кого еще – балерин, ковбоев, рок-звезд, черт их разберет. С риском, что Ридрек меня убьет. Он, или его помощнички, о которых я столько слышал, но ни хрена толком не знаю. Вот и думай тут. Слушай, а чем так уж плох этот Ридрек?

Я вспомнил о своем человеческом отце. Он никогда ничего мне не обещал. Я отработывал свое содержание, и даже более того, но все равно оставался для него обузой. Еще одним ртом, который надо кормить.

По крайней мере, Ридрек дал мне понять... что я кому-то нужен.

Оливия вспыхнула от негодования.

– Он убил Элджера!

И что с того, захотелось мне спросить. Мы с Уильямом тоже убивали других вампиров, если они вели себя неподобающим образом. Если Ридрек и Элджер не поделили территорию или еще чего – то при чем же тут я? Затем я припомнил, что вроде как есть и другие вампиры – злые и нехорошие приспешники Ридрека.

– А что это за история о «плохих» вампирах?

Лицо Оливии затуманилось. Она отвела глаза, не желая встречаться со мной взглядом.

Джек, я обещала Уильяму не обсуждать с тобой эти пещи.

Ничего другого и не стоило ожидать. – Я всегда подозревал, что мой босс держит меня в неведении, чтобы удобнее было мной вертеть. За последние несколько дней эта убежденность несказанно окрепла.

– Ты должен понять, – жалобно сказала Оливия. – Если нарушишь слово, данное старшему вампиру, то последствия будут ужасны...

Я вздрогнул. Она не знала, что я сам почти дал слово старшему вампиру – гораздо более старому и могущественному, нежели Уильям. Я почти физически ощущал темную ауру Ридрека, обволакивающую меня, и... и мне это нравилось. Голос Оливии звучал словно издалека.

– Джек, ты странно выглядишь. Тебя... тебя точно не околдовали?

Я отставил пустой сосуд и помассировал виски. Околдовали? А какая, к чертовой матери, разница?

– Они оба пытались забраться мне в мозг, – признался я. – Не знаю, кто залез глубже. Я даже не уверен, что эти мозги до сих пор мои. Я очень... устал.

– Ты обещал Ридреку кровь вуду или нет? И если да, то принесешь ли? Или хочешь его обмануть?

Можно подумать, я обязан ей отвечать. Оливия тоже играла в собственные игры, как и все остальные. Кажется, мне давно уже следовало уяснить, что ближе всего к телу только своя рубашка.

– А тебе хотелось бы узнать наверняка, да?

– Не будь идиотом, – холодно сказала Оливия. – Ридрек не выпустил бы нас, не получив гарантий. Он для тебя слишком крут, ты не справишься. Думаю, пора позвать на помощь Ибана, Тоби и Герарда.

Каждый имеет свою точку срыва. Слова Оливии истощили мое терпение.

Я шагнул к ней, подхватив метлу из угла между раковиной и холодильником. Мимоходом я двинул по раковине и сломал ее. Метелка куда-то улетела, а палкой я вдарил по лампе, погрузив комнату во мрак.

– Не будь идиотом?! – заорал я. Оливия попятилась. – Стало быть, я идиот, да? А ты... кто, черт возьми, ты такая, чтобы я делился с тобой своими планами? Сдается мне, именно ты та самая цыпочка, которая пыталась меня соблазнить, лишит силы и выведать все секреты. Ты плюнула на опасность, отказалась от нашей защиты и побежала за Ридреком – вот почему он поймал и околдовал тебя. Из-за тебя Уильям сдался старому козлу, который пытается его и грозит убить. Ты отлично знаешь, что происходит вокруг, но даже теперь, когда Уильям попал в беду и ничего уже не решает, ты все равно не желаешь мне ничего рассказать. И сейчас только из-за того, что я немного растерялся, ты обзываешь меня идиотом? – Я взмахнул палкой от метлы, со свистом разрезав воздух; мои глаза еще не до конца привыкли к темноте. – Да пошла ты! Начинаю понимать, что ты – тоже мой враг!..

Я услышал вздох Оливии и почуял запах ее страха. Глаза наконец-то приноровились к темноте, хотя единственным источником освещения была узкая полоска света под дверью. Теперь я видел Оливию, прижавшуюся к дальней стене. Мгновение спустя я был рядом с ней, одной рукой схватил вампиршу за горло, а другой прижал острый обломок палки к ее груди напротив сердца. Потом наклонился поближе и выпустил клыки. Мои зрачки расширились до последней степени; казалось, комната залита каким-то нездешним светом, идущим из иных миров.

– Не указывай мне, что делать, – прошипел я. – Я сделаю все, что захочу. В том числе и

с тобой. – Я посильнее прижал кончик самодельного кола к ее груди и сжал пальцы на горле вампириши.

– Я не враг, – прохрипела Оливия. – Джек, Ридрек завладел тобой. По крайней мере, частью тебя... Я вижу его в твоих глазах, как ты видел в моих, когда мы занимались любовью...

Она была права.

Я уронил рукоятку и добрел до ближайшего дивана. Да, теперь я чувствовал Ридрека внутри. Это ослабляло меня. И пугало до дрожи.

Оливия подошла и села рядом.

– Скажи, что с тобой сейчас происходит?

От ее мягкого голоса стало немного легче. Я постучал себя кулаком по лбу.

– Уильям... велел мне блокировать мысли Ридрека и прятать от него свои собственные.

– Ты умеешь это делать? Прикрывать мысли от создателя и всех вампиров его линии крови?

– Кажется, да... Я иногда блокировал Уильяма. Он никогда меня этому не учил, я сам обо всем догадался. Уверен, босс чувствовал, что я могу от него закрыться, но ни разу ничего не сказал... Слушай, я совершенно запутался, и у меня жутко болит голова.

Я откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

– Как ты думаешь, насколько глубоко Ридрек проник в твои мысли?

– О чем ты?

– Мог он понять, где прячутся остальные вампиры? В смысле – здесь, в Саванне?

– Не знаю. Вряд ли.

– Тебе нужно отдохнуть, – мягко сказала Оливия. Она положила свои холодные как смерть пальцы мне на висок и провела рукой по волосам.

– Нам нельзя здесь оставаться. Тут слишком близко к Ридреку. Давай вернемся в дом Уильяма.

– Ладно. – Убраться подальше от Ридрека и Уильяма было наилучшей идеей за весь день. – К слову: да, я собираюсь отнести эту кровь Ридреку. Чтобы спасти Уильяма.

Кажется, Оливию ответ удовлетворил. Она не спросила, буду ли я учиться у Ридрека. И хорошо. Мне не хотелось обсуждать этот вопрос.

Рейя встретила нас у дверей.

– Что это за запах? – спросила она, прикрыв рукой нос. Потом в ужасе выдохнула: – Не Уильям!..

Отшатнувшись от меня, Рейя кинулась к Дейлоду, спрятала лицо у него на груди и горестно завывала. На кухне Мелафия выронила телефонную трубку и даже не стала ее поднимать.

– Нет... – сказал я, слишком усталый, чтобы вдаваться в подробности. – То есть и да, и нет. Он слегка обгорел, но все еще жив.

Дейлод увел сестру в другую комнату, а Мелафия надела на меня:

– Где Уильям? – спросила она. Ее губы превратились в тонкую линию.

– В Бонавентуре. Мы только что оттуда, – сказала Оливия. Она пересказала Мелафии все события ночи, опустив лишь историю с метлой и разговор в моей комнате. – Мы не сумели вытащить его, но у Джека есть план. Он заключил с Ридреком сделку, чтобы вернуть Уильяма. Скажи ей, Джек.

Я знал, что жрица будет не в восторге. Кровь вуду являлась самой большой ее ценностью, за исключением Рени. Дар ее предков. Мелафия мгновенно заподозрила неладное и обожгла меня взглядом, от которого защищало в глазах.

– Я сказал Ридреку, что отдам флакон с кровью, если завтра он приведет Уильяма на прием. – Я умолчал о том, что именно Ридрек пообещал мне взамен.

– Кровь Лалии...

– Послушай, – сказал я, ощущая прилив раздражения, который перекрыл чувство вины, – это было единственное, что я сумел придумать. Все будет нормально.

– Нет, не будет. Впрочем, я вижу, тебя это не особо заботит.

Слова Мелафии удивили и обидели меня. Готов поклясться, что если бы только нашелся другой способ, я выбрал бы его. Так или иначе, Мелафия сделает все, чтобы вернуть Уильяма, я знал это наверняка. И она знала, что я знаю.

– Наши друзья на связи? – спросила Оливия. Мелафия все еще смотрела на меня. Прошло несколько секунд, прежде чем до нее дошел смысл вопроса.

– Да, телефон не смолкает всю ночь. Ибан беспокоится. По его мнению, дела наши совсем плохи. Я обещала, что Уильям появится в ближайшее время. И потом еще леди Элеонора... Она звонила по крайней мере раз пять.

Затем Мелафия снова обратила все свое внимание ко мне, она умела читать мысли даже лучше, чем язык тела. Я слишком устал, чтобы беспокоиться об этом, но все же постарался сохранить невозмутимость.

– Ты не все рассказал об этой сделке. – Мелафия приблизилась на шаг. – Не так ли, Джек? Я чувствую.

Интуиция Мелафии никогда ее не подводила. Очевидно, она догадалась, что я хочу извлечь из этой сделки еще какую-то выгоду. Ну и черт с ней. Пусть подозревает что угодно. Эта старая кровь вуду вроде бы бежала по моим венам, но она не сделала меня сильнее или умнее. Если тут и возможен был какой-то компромисс, я его не видел.

Стук в парадную дверь избавил меня от необходимости отвечать.

Рейя и Дейлод направились к двери. Угрожающее ворчание оборотней – даже в их человеческом обличье – вселяло страх. Я в очередной раз подумал, что не хотел бы оказаться с ними по разные стороны линии фронта.

Положив ладонь на дверную ручку, Дейлод помедлил и взглянул на Мелафию.

– Это женщина. Человек.

– Скоро рассвет. Кто бы мог прийти в такое время? – вслух удивилась Мелафия, но кивнула Дейлоду, позволяя открыть дверь.

– Элеонора... – изумленно сказал я. Насколько мне было известно, Уильям никогда не приводил ее сюда. Он всегда ходил к ней сам.

– Огонь, огонь, огонь!.. – закричала Рейя. Все по нашу сторону порога, кажется, ждали от меня каких-то действий.

Элеонора выглядела так, словно у нее была тяжелая ночь, и явно чувствовала себя здесь неуютно.

– Простите за вторжение... – начала она.

– Входи, дитя мое, – сказала Мелафия, переводя Элеонору через порог мимо насупившегося Дейлода. – Что случилось?

Забавно было слышать, как Мелафия называет Элеонору «дитя», хотя была с ней одного возраста, если не младше. Очевидно, она хотела сделать комплимент. Рейя фыркнула, неодобрительно покосившись на гостью, а потом отступила, кинулась на диван и уткнулась лицом в подушку. Нет, мне не дано понять, как мыслят женщины.

Элеонора моргнула, и слезы потоком потекли по ее щекам, однако она тут смахнула их и выпрямилась.

– Я хочу знать, все ли с ним в порядке?

– Огонь!.. – снова крикнула Рейя с дивана. Мелафия молча смотрела на Элеонору.

– Расскажи мне об этом огне, – наконец сказала она, а потом перевела взгляд на меня. – Джек, я думаю, тебе надо бы помыться. Ты выглядишь как бродяга. Я приготовлю леди Элеоноре чашечку чая.

Спасибо, дорогая Мелафия, что ты не упомянула, как я пахну. Оливия выглядела немногим лучше. Я был рад возможности хоть ненадолго убраться из-под взгляда жрицы вуду.

– Угу, ладно. Вернусь через минуту. – Я направился в сторону ванной.

Оливия увязалась за мной.

– Тебе придется подождать своей очереди, – сказал я, открывая краны.

– Не ерунди, – отозвалась она. – Можно подумать, ты меня голой не видел.
Я перестал расстегивать рубашку и одарил ее самым недобрым из своих взглядов.
– Забудь. Я не в том настроении. Вампириша хихикнула.
– Э, нет. Теперь это табу. Секс с тобой больше не входит в мои планы. Слишком большая нагрузка для бедной девушки.

Просто отлично. Как я ни пытался побороть ее, Оливия всегда оказывалась сверху. Я стянул через голову рубашку и отшвырнул ее в сторону, а потом сел на ящик для белья, чтобы стянуть сапоги.

– Просто держись от меня подальше.
– Не могу, – сказала она, тоже разуваясь. – Часть меня теперь принадлежит тебе. Если я тебе понадобится, то должна буду прийти на твой зов.

Я снова встал, расстегнул ремень и неторопливо стянул джинсы, предоставляя Оливии возможность полюбоваться чудесным видом.

Она полюбовалась – и снова посмотрела мне в глаза.

– Иди сюда. Я потру тебе спинку.

Кажется, это было самое приятное мытье в моей жизни. Никакого секса, нет. Оливия действительно просто терла мне спину, словно гейша в японской бане. Казалось, она позабыла обо всех моих угрозах. И к лучшему, поскольку в ином случае вампириша могла выкинуть какую-нибудь милую шутку. Например, попыталась бы укусить меня, а я был как раз в подходящем настроении, чтобы приложить ее головой о кафедру. Видимо, давала о себе знать наследственность, ведь вспыльчивость Уильяма давно уже стала легендой, а я был его творением и потомком.

Слова Ридрека по-прежнему зудели в моей голове, но мне требовалось больше информации.

– А что за вампиры живут там, откуда ты приехала? – спросил я, пока Оливия терла мне плечи.

– Ты имеешь в виду Англию или всю Европу?

Так. Беседа могла оказаться слишком сложной для моих перегретых мозговых клеток.

– Скольких ты знаешь лично?

– Ну, в Англии... Наверное, несколько десятков. – Губка переместилась на мой копчик. – Впрочем, далеко не все они мне нравятся.

– Поразительно.

Оливия повернула меня лицом к себе, чтобы потереть грудь. Наши взгляды снова встретились.

– Некоторые из них принадлежат Ридреку.

А, снова мой дедуля. В каждой бочке затычка. Похоже, так просто мне от него не отделаться.

– Ладно, расскажи о тех, кто тебе нравится.

– По большей части это женщины. Все интереснее и интереснее.

– А почему Уильям привозил сюда только мужчин?

– Думаю, это не так. Возможно, о женщинах ты просто не знал. Им приходится вести себя осторожно. От этого зависят их жизни.

– Почему? Они слабее?

– Напротив. Потому что они сильнее.

Нет, определенно, все эти запутанные отношения Венеры и Марса не для моих мозгов.

– Почему? – снова спросил я.

– У вампиров отношения между полами не так уж сильно отличаются от людских. Секс между смертными мужчиной и женщиной – это своего рода обмен силой. Мужчина создает новую жизнь, а женщина сохраняет и возвращает ее. Ребенок становится связующим звеном между ними. Если один зовет на помощь или просит защиты, другой скорее всего выполнит эту просьбу, поскольку эти двое связаны плодом своего союза. Однако у вампиров не бывает детей.

– Я в курсе! – Почему, интересно, Оливия считает меня существом с интеллектом устрицы? – Продолжай.

– У вампиров мужчины тоже вносят свой креативный потенциал, но не порождают новую жизнь. Женщина забирает эту силу себе в виде чистой энергии, но все равно привязывает мужчину к себе.

– Так что же получается? Чем больше женщина-вампир трахается с мужчиной-вампиром, тем сильнее она становится? В жопу такой секс!

Оливия ухмыльнулась.

– В жопу не считается. – Она ущипнула мой набухший член. – В нашем случае, как я уже говорила, все получилось наоборот. Когда мы занимались любовью, я не получила твоей силы. Вместо этого ты забрал мою и привязал меня к себе.

– Правда? – Я приободрился. – Так значит, ты должна подчиняться моим приказам?

Вампириша фыркнула.

– Не так резво. Мы делали это только один раз. – Я молчал, ожидая продолжения. – Но это связало нас – вот почему ты сумел забрать меня от Ридрека. – Оливия сладко поцеловала меня в губы. – Спасибо, Джек.

Мне все больше и больше нравилась эта штука с «обратным эффектом». Но я никогда ничего бы не узнал, если бы Уильям по-прежнему был рядом.

– Если женщины так сильны, зачем им скрываться? Улыбка Оливии померкла.

– Некоторые мужчины злятся, когда мы забираем их силу, и могут даже убить женщину, чтобы освободиться. Если только она не перехитрит партнера. На наше счастье, это не так сложно сделать.

– О!.. – Вот и все, что я сумел сказать. Горячая вода помаленьку остывала.

Поскольку Оливия, по ходу, не стремилась мыть мою драгоценность, я забрал у нее губку и управился сам. Она вымыла голову, потом я последовал ее примеру, и в процессе мы оба перемазались в мыльной пене и стали чище некуда. Какое счастье, что после всех этих безумных дней и ночей мне не надо изображать Ромео.

– Ну что, тебе лучше? – спросила Оливия, вытирая мне спину.

Пожалуй, да, но я по-прежнему был слишком недоволен жизнью, чтобы это признать.

– Возможно, – проворчал я.

Она рассмеялась, вытерлась и принялась одеваться.

К тому времени, как мы вернулись на кухню, Элеонора пила вторую чашку чая и выглядела несколько более вменяемой. Я чувствовал, что до рассвета осталось менее часа. Голова пухла от новоприобретенных знаний. Я засыпал на ходу.

– Мелафия сказала, что Уильям сейчас недоступен, но он будет на благотворительном вечере, – сказала Элеонора. На лице ее появилась болезненная гримаса. – После того, что произошло в моем доме, я просто не знаю, что делать. Тот человек... тот жуткий человек забрал его. Уильям велел мне оставаться внутри, но когда начался пожар, это было уже невозможно.

– Пожар? – переспросил я.

– Ее дом сгорел, – проговорила Мелафия. Элеонора поставила чашку на стол, встала и подошла ко мне.

– Пожалуйста, скажи ему... – Она считалась женщиной с завидным самообладанием, но теперь голос ее дрожал, а в глазах я увидел мольбу. Элеонора с трудом перевела дыхание. – Пожалуйста, позаботься о нем...

Жалость и чувство вины сжали сердце, но злость тут же выбила их вон. Позаботиться о нем? Как он заботился обо мне? Разумеется, Уильям никогда не просил моей помощи или заботы!.. Напротив, он всегда обращался со мной как с ребенком...

Я молча кивнул.

Мелафия взяла меня за руку и повела в сторону подвала.

– Я позвоню Ибану и расскажу ему новости. Как только рассветет, Рейя и Дейлод проводят леди Элеонору в отель. А тебе надо поспать. – Она оглянулась на Оливию. – И тебе

тоже. Всем нам необходимо подготовиться к завтрашней ночи.

Мне снились чудные сладости и маленькие радости... и лучшей среди них оказалась Конни. Мой сладкий персик. Во сне я был вампирским принцем для моей Золушки Джонс. Мы танцевали под красной охотничьей луной. Я держат Конни в объятиях, и она улыбалась, как будто в мире не было ничего прекраснее моего лица. Притянув женщину ближе, я вдыхал запах ее волос, а она уткнулась носом мне в шею. Я ощутил острый укол клыков и тут понял ее намерение. Конни принадлежала Уильяму, а не мне, и она желала моей крови. Я был как раз в подходящем настроении, чтобы позволить ей попробовать меня на вкус.

Уильям

Казалось, минула вечность, прежде чем Ридрек уснул. Ожидание сводило меня с ума. Трансформация Верма завершилась, и Ридрек позволил ему выпить моей крови, а потом снова приковал к стене. Первый обед вампира должен быть сытным. Поскольку я был создателем Верма, это кормление придало сил нам обоим. В скором времени Ридрек отведет вампира-неофита на настоящую охоту.

Я истратил большую часть силы на исцеление своего тела и борьбу за разум Джека. Не осталось почти ничего. И все же я надеялся, что сумею прорваться к Джеку, разыскать и предупредить его.

Ридрек пошевелился, всхрипнул и скинул с полки несколько костей, принадлежавших давно умершему владельцу склепа. Кости с плеском посыпались в воду. Я подождал. Храп не смолкал. Я сосредоточился, приводя в порядок мысли. Потом закрыл глаза, глубоко вдохнул и представил подвал своего дома и серебристо-черный гроб Джека.

А затем отправился на поиски.

Тугой воздух бил мне в лицо, но я сохранял концентрацию. Последовал резкий удар – оказалось, что я смотрю прямо на тройку, нарисованную на гробе Джека. Кажется, я парил в воздухе над ним.

– Джек?..

Ничего не изменилось. Изнутри не доносилось никаких звуков. Я удвоил усилия.

– Джек, где ты? – Еще одна волна упругого воздуха прошелестела в моем мозгу, словно ветер в опавших листьях. А потом я увидел своего отпрыска. Он танцевал с какой-то женщиной под яркой кровавой луной.

– Джек!..

Он посмотрел вверх, и женщина исчезла. Музыка все еще играла, но Джек стоял, разведя в стороны руки и недоуменно созерцая пустое место, где только что была его партнерша.

– Какого черта?.. – Джек уронил руки и воззрился на меня. – А ты какого хрена здесь делаешь?! – Он огляделся по сторонам. – Ну почему ты не можешь оставить меня и покое даже во сне?

– Нам надо поговорить о Ридреке. Он обманывает тебя. Он...

– Можно подумать, ты всегда говорил мне правду.

– Это не одно и то же.

Джек рассмеялся, но в этом смехе не было веселья – лишь пренебрежение. Музыка смолкла.

– Итак, твоя ложь во благо. А его? Что? Во зло? И это зло готово дать мне то, что было моим по праву все эти годы. Не так ли?

Я чувствовал, как уходят мои последние силы. Луна, парившая над головой, внезапно исчезла.

– О чем ты?

– Я о знаниях. О том, кто я есть. И о том, что могу делать. И о... дружеской поддержке. Мне следовало поторопиться. Я видел, что Джек начал исчезать, бледнеть и истончаться.

– Неважно, чему он научит тебя, что предложит тебе, – сказал я. – Одного он тебе не

даст. Свободы.

Джек испарился. Я вернулся в реальность и увидел глаза Ридрека, мерцающие в темноте. Похоже, он слышал каждое слово. Старый вампир хихикнул, перевернулся на другой бок и снова захрапел.

Джек

Уильям исчез также быстро, как и чудесный сон с Конни в главной роли. Затем что-то опять постучалось в дверь моего сознания. Ридрек. Слава Богу, в этом сне я не чувствовал запахов.

– Ты готов, Джек?

– К чему?

– Я покажу, что ты получишь, если перейдешь на мою сторону.

– Слушай, мне надоели эти игры разума! Я ментально оттолкнул Ридрека от себя.

– Расслабься, мой мальчик, ты ничего не теряешь. Пока, во всяком случае. Это просто маленькое шоу, тайный взгляд в мир, который может стать твоим. Наслаждайся им. Смакуй его. Я буду твоим проводником. Считаю меня кем-то вроде Санта Клауса с мешком подарков.

В следующий миг какой-то смерч подхватил и закружил меня. Не успел я опомниться, как увидел, что стою на подиуме где-то... похоже, в Лас-Вегасе. Повсюду неон и бесконечные каскады разноцветных огней, озаряющих Стрип.¹ От яркого света моим чувствительным вампирским глазам сделалось больно, и я зажмурился. Снова глянув на мир вокруг, я увидел длинную шеренгу развеселых девиц. Из одежды на них были лишь крошечные трусики и бюстгалтеры, украшенные перьями. Их замысловатые прически и длиннющие ноги создавали впечатление, будто девицы никак не менее семи футов ростом. От всего этого блеска, пестроты и разнообразия мои глаза едва не выскочили из орбит. Ридрек схватил меня за локоть и развернул лицом к передней части подиума.

– Смотри, Джек!

Сам Ридрек был одет в смокинг и накидку с пелериной. Настоящий вампирский бархатный плащ с золотым галуном и кисточками. Я хихикнул, но тут увидел такое, что всякая охота потешаться над старым вампиром сразу пропала.

Перед нами на подиуме стоял чудесный «шевроле монте-карло», разукрашенный в черный, синий и серебристый цвета. С огромным номером «3» на боку.

– Дейловский номер, – выдохнул я.

– Да, – кивнул Ридрек. – Лига пустынных гонок полагает, что ты должен ездить именно с этим номером, поскольку ценит тебя не меньше, чем «Наскар» – Дейла Эрнхардта.² Да, и выбери себе прозвище, какое понравится. Черный Рыцарь? Как тебе? Не слишком банально?

Я посмотрел на логотип машины. «Черный Рыцарь» – гласила надпись, выполненная старыми готическими буквами. Над ними был нарисован стилизованный рыцарский шлем. И впрямь, выглядело недурно. Более чем... Мой собственный гоночный автомобиль, выглядевший как настоящее произведение искусства... Но это невозможно! Уильям не раз говорил мне, что я не могу удаляться от него на долгое Время, пока мне не сравняется двести лет. Если, конечно, я доживу.

– Кто ты? – спросил я Ридрека. – Мой персональный полковник Том Паркер?³

– Точно, – отозвался Ридрек с широкой улыбкой. – Особенно удачное сравнение здесь, в Лас-Вегасе. Я могу все устроить в мгновение ока. Но погоди, тут еще есть на что взглянуть. – Вампир указал вниз. – Я знаю, тебе нравятся смертные женщины.

Все устроить?... Что устроить? Этот парень настолько силен, что может плюнуть на все вампирские законы? Я глянул Вниз и, когда мои глаза привыкли к сиянию, увидел их. И

¹ Стрип – широко распространенное название двухмильного продолжения улицы Фримонт на окраине Лас-Вегаса, где построено более 300 отелей, а также расположены казино и рестораны.

² Дейл Эрнхардт – знаменитый автогонщик. Был победителем 76 автогонок, а также семикратным обладателем кубка Winston Cup.

³ Томас Паркер – менеджер Элвиса Пресли.

услышал их. Две сотни самых разнообразных девиц бесновались под подиумом, выкрикивая мое имя.

– Дже-еееек! – вопили они, умоляюще глядя на меня. Женщины подпрыгивали, размахивали руками, протягивали их ко мне, вертелись и извивались. Со своей обзорной площадки я видел море накрашенных губ, выпирающих сисек и упругих бедер. И все эти бабы хотели меня, я видел это в их глазах. Лас-Вегас – город богинь. Никаких скучающих домохозяек и потасканных ангелов из дешевых баров, с которыми я обычно имел дело. Ого го. Есть такая штука, как количество versus качество. Так вот, тут было в избытке и того, и другого.

– Ну... э-ээ... – услышал я собственный голос. А потом увидел, что за толпой женщин стоят еще люди, множество людей, взирающих на меня с восхищением, завистью, благоговением. Они хотели быть мной. Черт возьми, а кто бы не захотел?..

Рука Ридрека легла на мое плечо. Я обернулся и увидел, что рядом с ним стоит лохотный, респектабельно одетый мужчина.

– Джек, познакомься. Это представитель твоего главного спонсора – компании «Бастерс Брюэри». Они хотели бы работать с тобой. В частности, создать новую марку пива, сваренного с учетом твоих собственных вкусов, которое будет продаваться во всем мире.

Мужчина протянул руку, и я пожал ее.

– Просто невероятно! Я разговариваю с самим Великим Джеком! От имени компании хочу сказать: добро пожаловать в нашу корпоративную семью. Это вам.

Он протянул огромный портфель. Ридрек взял его и открыл, показав содержимое. Там были деньги. Самая здоровенная куча денег, какую я только видел в своей жизни.

– Возьми их, мой мальчик, – сказал Ридрек. – Это все тебе. Вступительный бонус.

– А?.. – потрясенно прошептал я. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что в портфеле лежат пачки очень крупных купюр. Да там, должно быть, миллион долларов. Никак не меньше.

– Менеджер уже присмотрел для тебя дом на колесах. Я слышал, что он даже круче, чем у Ночной Молнии. Давай посмотрим, хватит ли тут денег, чтобы оплатить его. Если нет – ничего страшного. Тебе причитается гораздо, гораздо больше.

– Сюда, Рыцарь!..

Перед нами появились четыре фотографа, настраивающие свои камеры. Ридрек сунул мне в руку портфель, а пивной чувак надел на меня шапочку, украшенную логотипом компании и моим номером. Потом они встали по бокам от меня.

– Улыбочку, – сказал один из фотографов, и вспышки блицев ударили мне в глаза.

А когда вспышки померкли, понимание обрушилось на меня как поток холодной воды.

Ридрек знал о Тоби!..

Пивной чувак только что упомянул Ночную Молнию, а Ридрек говорил о Лиге пустынных гонок. Означает ли это, что он знает и о Герарде с Ибаном? Я украдкой покосился на Ридрека. Если он и читал сейчас мои мысли, то не подал виду. Казалось, он слишком увлекся, пялясь на девочек и улыбаясь в камеры. Как же ему удалось проникнуть в мой разум?.. Ответы лежали на поверхности. Дело было в моей зависти к Гоби и его образу жизни. Этот зеленоглазый монстр пожирал меня изнутри.

– Пару слов для публики! – сказал репортер, взмахнув диктофоном. Ридрек выпихнул меня вперед.

– Я... я очень счастлив... что эта славная пивоварня стала моим спонсором. Полагаю, нас ожидает... – тут я поймал и взгляд зашибенной блондинки, стоявшей под подиумом как раз напротив меня. Она провела кончиком языка по своим ярким пухлым губам. – ...долгое плодотворное сотрудничество.

Пивовар пожал мне руку и отступил на дальний край подиума. По ступенькам взбежал Ренье, облаченный в черно-серебристо-синюю униформу. Он улыбался до ушей.

– Твой старший помощник кое-что принес, – сообщил Ридрек. Ренье держал в руках гоночный костюм и шлем, расписанный как средневековый шлем рыцаря. Меня поразила не

столько экипировка, сколько выражение иступленного восторга на лице моего друга. Выходит, Ридрек подарил мне возможность облагодетельствовать этого маленького паренька. Изменить его жизнь.

О, Ридрек знал, за какие веревочки дергать. Тут была моя страсть к гонкам, моя любовь к женщинам и симпатия к моим друзьям-людям. Он вытянул все эти вещи из моего сознания, а я ничего не заметил.

– Спасибо, что сделал меня шефом своей команды, – сказал Ренье. Слеза радости выкатилась из-под толстой оправы его очков и поползла по небритой щеке. Ренье положил шлем и форму в машину и обнял меня. Я неловко похлопал его по колючему затылку. Парень разжал руки и ушел с подиума, украдкой утирая глаза.

Пивной крендель снова вылез вперед.

А теперь позвольте мне представить вам финалисток конкурса «Мисс Лига Пустынных Гонок». Вам, Джек, предстоит выбрать победительницу, и впереди весь уик-энд, чтобы определиться. – Он похабно подмигнул мне и слегка ткнул локтем под ребра.

На подиум, стуча высокими каблуками, вышли три самые прекрасные женщины, которых я когда-либо видел. Просто богини.

Голубоглазая блондинка в коротенькой кофточке и облегающих шортах подошла первой. Она обвила нежными руками мою талию и прижалась ко мне упругими грудями.

– Выбери меня, Джек. Я дам тебе все. Я имею в виду, *все*. – Она поцеловала меня, и я ощутил во рту вкус меда и молока. Потом девушка обиженно надула губки, неохотно уступая место второй претендентке.

Рыжеволосая зеленоглазая красотка оказалась еще более страстной, чем блондинка. Она обняла меня за шею, плотно прижавшись ко мне. Знойная красавица тоже приникла к моим губам, чуть приоткрыв рот и продемонстрировав игривость своего язычка. Потом она проговорила глубоким грудным голосом:

– Выбери меня, Джек. Даю слово, ты не пожалеешь.

Я почувствовал, как напряглось ее тело, когда третья девушка тронула конкурентку за плечо, требуя уступить место.

Последняя прелестница, брюнетка с глазами лани, прижалась ко мне и заглянула в глаза. Взгляд девушки был полон обожания и желания. Ее темная красота показалась мне знакомой. Кого же она напоминала? Кэтрин Зету-Джонс? Близко, но не совсем. Моя девушка была даже горячее, чем кинозвезда. Кто же это? Она выглядела такой родной, такой близкой...

– Все это может стать твоим, Джек. Прямо сейчас, – прошептал Ридрек. Он стоял передо мной, и я чувствовал его горячее дыхание. В другое время это изрядно подпортило бы мне настроение, но сейчас... То, что он сказал... то, что он мог дать мне... Это было реально. Возможно. – Все, что ты должен сделать, – продолжал старый вампир, – это доказать мне свою верность. И выполнять задания... иногда.

– Какие такие задания? – спросил я. Девушка по-прежнему была в моих объятиях, словно время остановило свой бег. Если она и слышала Ридрека, то не подала виду.

– О, да просто иногда пить человеческую кровь. Даю слово, тебе понравится. Когда ты наконец-то признаешь свою истинную сущность, когда примешь себя таким, какой ты есть, когда поймешь, кто ты и что ты такое – вот тогда ты станешь по-настоящему счастлив.

Я не смотрел на Ридрека, сосредоточив взгляд на влажных глубинах угольно-черных глаз женщины в моих объятиях.

– И что же я такое?

– Ты чудовище, Джек. Отпрыск древней линии самых искусных и безжалостных убийц, которых когда-либо знал мир. Ты – наследник царственной крови, принц нежити, будущий великий вампир.

В любом ином случае я, надрал бы парню задницу за то, что обозвал меня чудовищем, даже если это было правдой. Но сейчас мне стало сильно не по себе. Я восставал против собственной демонической натуры с той ночи, когда был создан, однако теперь все выглядело

иначе – и неоновые огни были тут ни при чем. Может, и вправду настало время признать очевидное и отдаться тьме?..

Во рту пересохло от жажды крови. Я увидел пульсирующую артерию на шее девушки. Теперь я понял, кого она мне напоминала. Казалось, Ридрек сделал мое зрение еще более острым.

Конни.

Он прихватил ее вместе с прочими моими желаниями.

И это было еще не все. Конни обхватила меня обеими руками, и мы оказались на атласных простынях – катались и кувыркались, раскидывая розовые лепестки, которые тут же подхватывал горячий ветер пустыни. В первый раз женщина превосходила меня в постели. Чем больше мы трахались, тем более неземной становилась Конни. Она была сразу повсюду – за мной, передо мной, надо мной. Дикая и неистовая сексуальная фурия.

Я проснулся в кровавом поту, тупо уставившись в обитую черным атласом крышку своего гроба.

ГЛАВА 15

Джек

Знакомый сумрак гроба успокоил меня. Кажется, никто не узнал, что я провел на ногах весь день и всю ночь – за исключением, может быть, Ридрека. Надо отдать ему должное, он устроил впечатляющее представление. Если простого наведенного сна оказалось достаточно, чтобы мои волосы встали дыбом, то какова же реальность? Она должна была оказаться просто ошеломляющей. Во рту пересохло при мысли об открывающихся передо мной возможностях. Я откинул крышку гроба и напрямик направился к бару.

За кровью.

Я ощущал, что мне просто необходимо промочить горло. То же самое, должно быть, чувствовал себя бедняга Хью: остальные ребята пьют столько пива, сколько душе угодно, а ты подышаешь от жажды. Слова «нет ничего невозможного» эхом отдавались в моей голове и во всем теле.

Ты можешь иметь все, что пожелаешь.

Моему телу было плевать, кого я предал или собирался предать. Оно просто хотело крови. Человеческой крови. Я не потрудился опорожнить пакет в стакан, а надкусил его и высосал досуха. Подумать только: я пытался приобрести какие-никакие манеры. Теперь это казалось несусветной глупостью.

За спиной раздался шорох, и я обернулся. Оливия выглянула из гроба Уильяма и вопросительно смотрела на меня.

Рейя и Дейлод сидели на полу по обе стороны гроба, точно ожившие статуи на могиле фараона.

– Доброе утро, – сказала вампирша. Рейя поднялась и пересекла комнату, усевшись у моих ног.

Трудно сосать и говорить одновременно, так что я просто кивнул. Мне было важнее утолить свою жажду, чем болтать с этой чужачкой, затесавшейся в нашу компанию. Пусть даже мы с ней и трахались вчера. Я выкинул опустевший пакет и мусорную корзину и потянулся за следующим. Оливия села в гробу Уильяма, скрестив ноги; она все еще выглядела осунувшейся и бледной. Я поймал себя на том, что сравниваю ее с Конни. Английская цыпочка казалась слишком хрупкой, особенно на фоне той Конни, какой я видел ее и своим сном. О-о!..

Я схватил третий пакет и тут почувствовал головокружение. Оно возникло так неожиданно, что я пошатнулся – и внезапно осознал, что делаю. Наливаюсь человеческой кровью и думаю о сексе с женщиной из своего сна. На самом деле никакой Конни не было, не

так ли? И уж точно она не принадлежит мне – во всяком случае, пока что.

Все это может стать твоим...

Я отлепился от пакета, разорвал его, вылил остатки кропи к стакан и предложил Оливии.

– Как тебе спалось? – спросил я, утирая губы рукавом рубашки. Яркие картинки недавнего сна по-прежнему неотступно преследовали меня.

Оливия взяла стакан и сделала глоток. Ее губы тут же окрасились алым, и я вздрогнул. Нет, определенно нужно взять себя в руки.

– Замечательно. Никаких сновидений. – Она выпрыгнула из гроба и шагнула ко мне. – А тебе?

Я не собирался отвечать на вопрос, но, раздумывая, как бы половчее перевести разговор на другую тему, внезапно ощутил запах Оливии. Она пахла Уильямом – наверное, потому, что спала в его гробу. Это знакомое и приятное воспоминание о моем создателе коснулось меня, как дружеская рука, обнявшая за плечи. Но едва я успел осознать это, резкая боль обрушилась на меня как удар в живот от Эwandера Холифилда в девятом раунде. У меня перехватило дыхание.

– Что с тобой? – спросила Оливия, подходя ближе. Я поднял руку, отстраняя ее.

– Ничего, все отлично, – с трудом сказал я и скорчился на диване, обхватив руками голову. – Слишком много выпил.

Рейя подошла и села рядом, положив голову мне на колени. Я провел ладонью по ее светлой мягкой шерсти, борясь с желанием вскочить и убежать со всей возможной скоростью. Куда-нибудь... неважно куда, лишь бы подальше отсюда.

– Добрый вечер, – послышался голос Мелафии.

Я поднял взгляд. Мелафия выглядела как-то странно, будто решила уподобиться своим предкам-туземцам. Босиком, но на пальцах ног сверкали золотые и серебряные кольца. Слои тонкой прозрачной голубой материи разной длины являли собой подобие юбки, а блузка со шнуровкой на груди была ярко-красной. Черная паутина шали обволакивала ее плечи, среди нитей мерцали бусины, вспыхивающие, как темные звезды, при каждом вздохе жрицы ВУЗу. Свои чудесные волосы она превратила в бесформенную слипшуюся массу с вплетенными в нее костями и раковинами. Делания излучала силу, которую способен почувствовать только мертвец.

Мертвец. Должно быть, речь обо мне.

– Пойдем, – сказала она тоном, не допускающим возражений. – Нам нужно приготовиться.

Уильям

Со второй попытки Ридреку удалось столкнуть камень с моей груди. Я с трудом сделал несколько глубоких вдохов и попытался сесть, чувствуя, как моя сила мало-помалу возрастает. Не потому, что я освободился от камня. Из-за Верма.

Ридрек отвел свежее испеченного вампира на первую охоту сразу после захода солнца, и мы оба, Верм и я, стали немного сильнее. Еще одна оторванная голова украсила нишу, облюбованную Ридреком в качестве полки для трофеев. Мне было недосуг выяснять, кто оказался злополучным донором. В бурю порт не выбирают, как говаривали в дни моих морских приключений. Трудно быть разборчивым, когда ты настолько слаб, что вот-вот развалишься на части, так и не отомстив ненавистному врагу.

А я отомщу. У меня накопился слишком большой счет к своему создателю – от убийства моей семьи до пожара в доме Элеоноры. Часы начали тикать в тот миг, когда Ридрек освободил меня. Дай только выбрать момент.

Верм, мой новый отпрыск, сидел на одной из устланных костями плит. Его волосы, прежде выкрашенные в лиловато-черный цвет, приобрели свой природный светло-русый оттенок и светились здоровьем. С кожи исчезли все юношеские прыщи. Мускулы на тощем,

все еще угловатом, теле приобрели некоторый рельеф. Я наблюдал, как Верм лениво выковыривает камушки из стены и швыряет их в воду. Каждый бросок сопровождался неприятным всплеском. Ящерицы проскальзывали в пещерки новообразованных дыр.

– Ну, хватит! – приказал Ридрек, и Верм немедленно посмотрел на него.

– Кажется, он принадлежит больше тебе, чем мне, – сказал я, признавая неприятную правду.

– А чего же ты ожидал? Похвал и наград? После того, как ты вставлял мне палки в колеса при любой возможности?

– Надежда умирает последней.

– Надежда? – Ридрек фыркнул. – Ты и впрямь глупец. Я уже отказался от попыток убедить тебя в чем бы то ни было. Сегодня придет конец всем твоим планам... и тебе самому. Жаль, Элджера нет с нами. Пожалуй, мне не стоило торопиться. Я получил бы несказанное удовольствие, убивая его у тебя на глазах.

Я отвернулся от Ридрека и отдал беззвучный приказ Верму. *Подойди и пожми руку своему создателю.*

Во взгляде вампира-неофита скользнуло удивление. Он поднялся, отряхнул одежду и направился ко мне. Я протянул руку, и Верм потянулся к ней.

Ридрек ударил, прежде чем наши руки встретились. Он схватил Верма за шею и швырнул его на камни. Я ощутил панический страх своего отпрыска.

– Я оторву тебе голову и скормлю кровь собакам!

Мое горло сжалось, ощутив хватку Ридрека на шее Верма.

– Ты не двинешься с места и не издашь ни звука, пока я не разрешу. Или не хватает ума понять, кто здесь отдает приказы?!

– *Он тебя не убьет*, – прошептал я. – *Ты ему нужен*. Верм попытался ответить, но только закашлялся. Ридрек толкнул его к двери, потом схватил кучку ближайших человеческих останков – горку истлевшей одежды и костей – и кинул в сторону Верма.

– А теперь иди и делай то, что я тебе велел!

Несколько секунд Верм стоял неподвижно, точно оглушенный. Очевидно, он постепенно осознавал свое место в пищевой цепочке вампиров.

– Пошел!!! – заорал Ридрек.

Мой новый отпрыск отряхнул пыль мертвецов со своей кожаной куртки, вспомнил, как надо передвигать ноги, и кинулся вон из склепа.

Джек

Мелафия отвела нас в подземный коридор, к стене с алтарями. Все тринадцать были вычищены, появились новые свечи и свежие цветы. Здесь стояли миски с едой и лежали подношения – павлиньи перья, африканские бусины и раковины. Я почувствовал острый запах ямайского рома и теплой куриной крови. Казалось, ни один дух, демон или бог не остался без внимания. Интересно, поспала ли Мелафия хоть немного...

– На колени, Джек.

Я уставился на жрицу вуду, не веря своим ушам.

– А?..

Она положила руку мне на плечо и с силой надавила.

– В мире есть более могущественные существа, нежели вампиры, мой мальчик. Делай, как я говорю.

Слово «мальчик» прозвучало как раз в тот момент, когда мои колени коснулись пола. Я уже собрался возмутиться, но тут обнаружил, что Мелафия на меня и не смотрит. Ее взгляд был устремлен на Оливию.

– Я защищаю лишь тех, кто помогает нам. Если ты не друг, значит, ты враг. – Мелафия приковала к себе внимание Оливии, как змея, гипнотизирующая птицу. – Сделай выбор. И знай: если ты солжешь, *оришас* это запомнят. Знаки защиты легко могут стать знаками

смерти.

Оливия кивнула и медленно преклонила колени.

Рейя и Дейлод в человеческом облике слонялись у входа в коридор. Мелафия указала на них пальцем и зашипела, как разъяренная кошка. Они мгновенно исчезли из дверного проема. В человеческом облике Рейя не могла использовать свое любимое место для прятков между диваном и креслом. Я готов был поспорить, что она укрылась в гробу Уильяма.

– Начнем.

Мелафия подошла к алтарю в центре, на котором лежал флакон с кровью Лалии, и зажгла свечи. Я заметил какую-то костяную коробочку, раньше ее здесь не было.

Жрица вуду напевала под нос странную мелодию и раскачивалась; бесчисленные слои ее юбки вздымались и опадали, танцевали, как лепестки цветов в порывах ветра. Когда все свечи были зажжены, Мелафия провела пальцами сквозь пламя, омывая руки в энергии огня. Потом она захлопала в ладоши в необычном, только ей одной понятном ритме, а затем взяла в руки серебряную чашу с кровью. Свежей человеческой кровью.

– Снимите рубашки.

Я даже и не пытался посмотреть на сиськи Оливии – не время думать о сексе, сейчас хватает других проблем. Никто и ничто из того, что я знал, не останется прежним после нынешней ночи. Ни Мелафия, ни Конни... черт, ни даже близнецы. А ведь была еще Рени. Уильям споткнулся и упал со своего пьедестала бога вампиров. Что бы ни случилось дальше, это касалось меня. Если бы Мелафия читала мои мысли, я бы весь покрылся ожогами от ее яростных взглядов. Для жрицы Уильям был настоящей семьей: в нем текла кровь ее предков. И все же здесь и сейчас Мелафия защищала меня – того, кто мог предать Уильяма. Серебряная чаша была наполнена ее собственной кровью, я чувствовал это по запаху.

Жрица опустила два пальца в теплую алую влагу.

– Я взываю к Айизан, Маман Бригитт... – Она втерла кровь мне в волосы. Кожа на голове словно горела от прилива энергии. Казалось, мои волосы колыхнутся, словно трава на ветру.

– Я взываю к Огуну Ге-Ружу, – бормотала Мелафия и рисовала кровью в центре моей груди. – Воину-лоа крови, огня, молнии и меча. Несущему мщение.

Порыв ветра, от которого с громким стуком захлопнулась дверь, заставил меня подскочить на месте. Кожа заledenела в тех местах, где Мелафия касалась моей обнаженной груди. Если бы нежить могла снова пережить момент умирания, это походило бы именно на него. Лично для меня одной смерти было вполне достаточно...

– Лалия-яяаааааа! – Вопль отразился эхом от каменных стен. – Дочь твоей души просит защитить сыновей твоего рода. Охраняй и веда, исполни свою клятву. – Мелафия откинула голову назад и снова крикнула: – Маман Лалия-яяаааа!

Вопль этот внушал ужас. Даже мне, вампиру, сделалось не по себе. Я прищурился, глянув в сторону алтаря, и увидел, что одна из статуй плачет кровавыми слезами. Мурашки побежали по моей заledenевшей коже; помимо собственной воли я покосился на Оливию.

Обнаженная по пояс, она скрестила руки над сердцем, Однако в этой позе не было страха. Ее глаза были закрыты, но Оливия улыбалась таинственной женской, какой-то заговорщической улыбкой. Один взгляд на ее восхищенное лицо и я снова почувствовал себя аутсайдером. Если б я не был знаком с Оливией, то решил бы, что она молится.

Мелафия перестала завывать и снова положила руку мне на плечо.

– Идем.

Она помогла мне подняться и повела в угол комнаты, где стояла большая лохань из красного дерева, наполовину запомненная водой.

– Омой голову, – велела она.

Как послушный мальчик, я наклонился над лоханью, но тут же мне в голову закралась неприятная мысль. Вместо того, чтобы окунуть голову, я посмотрел на Мелафию и хитро улыбнулся.

– Надеюсь, там не святая вода, а?

Она крепко ухватила меня за ухо.

– С каких пор ты перестал доверять мне, мальчик?

– Ай!.. Слушай, в последний раз, когда я тебе доверился, ты заперла меня в подвале. Пусть Оливия идет первой.

С раздраженным восклицанием Мелафия подвела вампиршу к лохани и дождалась, когда она опустит лицо в воду. Потом настала моя очередь. Я задержал дыхание и погрузил голову до самой шеи. Мелафия принялась тереть меня – волосы, плечи и грудь. Вода обжигала, и это было похоже на покалывание тысяч крошечных иголок и булавок. Неприятно, но не опасно. Впрочем, можно подумать, я справился бы с Мелафией, если она вдруг мне навредить. И тут мне в голову пришла некая мысль... – Еще раз.

Чувствуя себя полнейшим идиотом, я выполнил ее приказ. В конце концов, что я знал о вуду?

Секундой позже я стоял перед Мелафией, и капли воды стекали по моему лицу. Она вытерла их, улыбнулась и поцеловала меня в щеку.

– Хорошо. Одевайся. Я принесла твой костюм, – сказала она и переключила внимание на Оливию.

– На кой черт мне опять надевать это идиотский пиджак? Если уж я буду хозяином вечеринки, то хочу хотя бы нормально выглядеть!

Нет, это уже слишком! Я мог привести сотни аргументов в ответ на вопрос, почему дурацкий синий пиджак был не лучшим выбором для нашего банкета. И я бы использовал их все, прежде чем назвать истинную причину: это был пиджак Уильяма. Тот, который он дал мне для защиты. Тот, который я носил, когда поцеловал Конни... кажется, это было сто лет назад...

– Он чистый, Джек. И на вечере предполагается дресскод в стиле ретро. В чем проблема?

– Ретро там или нет, а эту гадость я не надену. Мелафия посмотрела на меня как на непослушного ребенка.

– Так надо, – терпеливо сказала она. – Уильям хотел, чтобы ты носил его.

Уильям...

– Ты собираешься сразиться с древним вампиром, чтобы вернуть нам Уильяма. Я наложила на этот пиджак самые мощные заклинания, какие только были мне под силу.

Появление Оливии спасло меня от необходимости отвечать. От необходимости лгать о том, с кем и как я собираюсь сражаться. Вернее, не столько ее появление как таковое, сколько внешность вампириши.

– Как красиво! – сказала она, повертевшись перед нами. Украшенный бисером край ее платья, похоже, жил собственной жизнью.

– Мода 1920-х. Платье принадлежало подруге Уильяма.

– Я снова чувствую себя девчонкой. – Оливия рассмеялась. – Что скажешь, Джек?

– Скажу, что лучше надену платье, чем этот уродский пиджак!

– Ой, не капризничай. Мелафия плохого не посоветует. Думаю, тебе надо ее послушаться.

Я уже собирался сказать, как устал от разных и всяческих эгоистов, но тут раздался звонок в дверь. Я двинулся в сторону гостиной, но Мелафия остановила меня.

– Подожди.

Дейлод коснулся дверной ручки и посмотрел на Мелафию.

– Вампир. Незнакомый.

Она придвинулась поближе ко мне и кивнула.

– Открой.

– Верм... – сказал я, не веря собственным глазам. Его чернильно-черные волосы теперь стали почти белыми. Кожа имела бледный матовый оттенок, присущий большинству вампиров, и Верм в своей черной куртке смотрелся гораздо лучше, чем в тот последний раз, когда я видел его хилое тельце. – Что ты здесь делаешь?

– И тебе привет, брат мой.

Он выглядел великолепно и казался невероятно довольным собой. Я отступил на шаг и пригласил его в дом.

– Ты получил то, что хотел. Стал вампиром. Рад за тебя.

– Верно, Джек. Ты отказался мне помогать, но Уильям все сделал. Теперь я крутой вампир. Точно как ты.

Рейя хихикнула и прикрыла рот ладошкой; полагаю, она увидела ужас на моем лице. А вы бы что почувствовали, если бы вас сравнили с таким хорьком?

– Да, один в один, – подлила масла в огонь Оливия.

– Очень смешно, – буркнул я. – Даже и не мечтай, маленький засранец. Я до сих пор могу порвать тебя напополам. И я не в настроении любезничать, так что говори, зачем пришел.

Возможно, мне следовало посочувствовать парню, но что-то не было охоты. Я, отдаваясь тьме, понятия не имел, во что ввязываюсь. Верм же выбрал путь нежити сознательно и добровольно, точно зная, кем и чем он станет. Черт бы его побрал...

– Значит, вот он какой – дом Уильяма, – сказал Верм, пропустив мой вопрос мимо ушей. Он раскинул руки в стороны и огляделся по сторонам. – Родное жилище...

– Родное? – Мелафия скрестила руки на груди и уставилась на него. – Джек, кто этот тощий ребенок? Уильям и правда инициировал его?

– Боюсь, что да, – буркнул я. – Друзья, это... черт... как там тебя зовут?

Верм обиженно надулся.

– Мое имя – Ламар Натан фон Верм. – Он вытянулся во весь рост. – Но вы можете называть меня Верминатор.

Твою вампирскую мать за ногу!.. Я возвел глаза к потолку. Некоторые ночи просто не стоят того, чтобы выбираться из гроба.

– Зовите его Верм. Не представляю, зачем Уильям его инициировал, но, думаю, тут не обошлось без Ридрека.

– А может, Уильяму просто захотелось второго ребенка? – сказал Верм с негромким смешком.

Вот чего я терпеть не могу, так это всяческих рассуждений на темы, о которых стараюсь не думать. Да, отныне я не единственный отпрыск Уильяма. До нынешнего дня я был первым и последним вампиром, которого создал Уильям. Во всяком случае, так он утверждал. Все эти годы я оставался его помощником, его правой рукой, его единственным... сыном. Теперь по какой-то причине он решил обзавестись еще одним потомком. Как раз в то время, когда началась мое, скажем так, взросление. Что ж, ладно. Пусть отныне Верм будет его марионеткой. Не имею никаких возражений. По мне, так оно и к лучшему...

Я протянул руку, схватил Верма за тощую шею и поднял в воздух, оторвав от пола почти на фут, потом выпустил клыки и громко зарычал – звук вышел яростный, какой-то звериный. Такой, что я сам изумился. За спиной слышались женские ахання, а собаки, хоть и были в человеческом облике, испуганно заскулили.

– Не суй свой нос в чужие дела, – сказал я, прожигая Верма взглядом. Его глаза наполнились страхом. Надеюсь, теперь я заслужил хоть толику уважения. – Я не шучу.

– Костюм, – прохрипел Верм. – Ридрек послал забрать праздничный костюм Уильяма. И еще... я должен передать, что они придут, как ты и хотел.

– Да! – прошептала Мелафия. – Я знала, что они явятся...

Я не спускал глаз с Верма, но услышал, как ее каблуки выбивают стакатто на лестнице по дороге к комнате Уильяма. – Джек, – мягко сказала Оливия. – Мне кажется, уже можно поставить его на пол.

– Это я сам решу, – прорычал я, не спуская глаз с маленького гаденыша. А ведь мне действительно хотелось убить его. Высосать кровь, которую отдал ему мой создатель. Взять ее себе.

От жажды алой влаги заныли клыки. Я никогда не пробовал крови своего рода, но

сейчас внезапно отчаянно захотел ее. Ридрек назвал меня чудовищем, прирожденным убийцей. Может быть, я слишком долго отрицал свою истинную природу? Бон аппетит, Джеки. Взревев, я дотянулся до горла Верма и погрузил клыки в его холодную шею.

Словно издалека, до меня донеслись смутно различимые крики. Кровь текла мне в рот, и я жадно глотал драгоценную влагу. Какая бы сила не оживила новое вампирское тело Верма, я подчинил ее своей воле, и сила эта перетекала в меня. То была кровь древнего рода – Ридрека, Уильяма, Лалии, моя собственная. Она опьяняла.

Верм безвольно обвис. Оливия закричала и попыталась оттащить меня от него. Собаки завyli: инстинкт хищников заставлял их реагировать на горячую кровь. Оливия вцепилась и меня и в Верма одновременно, стараясь разнять нас.

Я оторвался от шеи молодого вампира, оставив на ней кровавую борозду. Кровь капала с моих клыков, пятная белую рубашку. Я швырнул Верма на пол. Оливия подхватила его и помогла подняться на ноги.

– Добро пожаловать в... как ты это назвал? Братство крови, да? Ну, так вот: ты находишься внизу пищевой цепочки кровососов, маленький брат...

Верм заскулил, отступая, и прижался спиной к входной двери. Оливия положила руку мне на плечо.

– Похоже, тебе нужно сменить рубашку.

Я обернулся к ней. Хватка Оливии чуть усилилась, ее лицо сохраняло невозмутимое выражение, и я понимал, что она пытается утихомирить меня.

– Это воздействие Ридрека, Джек. От него так просто не избавиться. Поверь, я знаю, что говорю. Ты на время потерял контроль, но все будет в порядке.

– Все уже в порядке. Я просто показал ему истинное лицо вампира, потому что он сам этого хотел. И потом, этот мелкий хам имел наглость...

Вошла Мелафия. В руках она держала вешалку с каким-то костюмом. Жрица вуду остановилась и посмотрела на Верма, который обеими руками зажимал свою рану. Она уже подживала, но, судя по выражению лица маленького гаденыша, он этого не знал. Я высосал не так много крови, чтобы замедлить естественную регенерацию вампира. Верм будет в полном порядке через несколько часов – если, конечно, раньше не умрет от страха, когда сообразит, во что вляпался.

– Наверное, нет смысла спрашивать, что тут был за шум, – сказала Мелафия. Я решил, что она будет ругать меня, но вместо этого жрица прикоснулась пальцем к разодранному горлу Верма.

– Ты теперь нежить, мальчик. Это значит, что ты попал в мир тьмы. Будь хитрым и мудрым – и тогда, может быть, выживешь. Дразнить вампира, даже такого спокойного, как наш Джек, значит умереть очень быстро. Если ты не поумнеешь в ближайшее время, то вряд ли доживешь до зимнего солнцестояния.

– Д... да, мэм, – прохрипел Верм.

Я повернулся к ним всем спиной и направился к лестнице. Мне по-прежнему хотелось человеческой крови – несмотря на то, что я выпил почти три пакета, да еще и изрядно опустошил Верма. Обычно я отказывал себе в этом удовольствии, если только мне не требовалось быстро восстановить силы или вылечить рану. Укусив Верма, я чувствовал себя прекрасно. Просто лучше не бывает. Интересно, это тоже влияние Ридрека? Или все дело в том, что я перестал бороться со своими инстинктами?

В спальне Уильяма царила почти больничная чистота. И неудивительно, ведь он ею почти не пользовался. Разве что изредка приглашал сюда женщин. Я вошел в отделанную кедром гардеробную и оказался среди дорогих модельных костюмов. Здесь я скинул синий вудуистский пиджак и измазанную кровью рубашку. К счастью, мы с Уильямом примерно одного телосложения. Разнообразие рубашек – по большей части шелковых или сшитых их тончайшего хлопка высшего качества – вызывало легкое головокружение. Уильям был несколько стройнее меня, так что я отказался от приталенных моделей и взял первую подходящую рубашку, которую нашел. У нее были отложные манжеты и крошечные складки

спереди.

Я расправил манжеты и открыл отделанную бархатом шкатулку, стоявшую в шкафчике. Здесь лежали любимые серебряные запонки Уильяма. Ручная работа от Поля Ревере, украшенные инициалами У. К. Т. Я продел их в дырочки на манжетах, снова влез в пиджак и оглядел себя. Обычно я не скучаю по своему отражению в зеркале, но теперь жалел, что не могу себя увидеть. Так или иначе, я посмотрел на все эти модные тряпки и погладил борт пиджака, наслаждаясь цветом ткани – глубоким синим цветом горного озера.

Недурно, совсем недурно. Я поддернул рукава рубашки, чтобы белоснежные манжеты на дюйм выступали из-под рукавов пиджака. Да, весьма недурственно. Лицо Конни проплыло перед моим мысленным взором, и неожиданно показалось, что она на шаг приблизилась ко мне. Я заслужил ее заслужил право обладать ею. Иметь ее. Иметь любыми способами, какие мне по вкусу.

Я открыл верхний ящик шкафа и порылся там, выбрав льняной платок с монограммой, потом поворошил галстуки и другую фигню. Мне попался белый шелковый квадратик, я сунул его в нагрудный карман – так, чтобы он высывался на дюйм, как обычно носит Уильям, – и после всех этих манипуляций снова осмотрел себя. Может, в конце концов, пиджак не так уж и плох? Он хорошо оттенит мои глаза, на женщин подобные штуки действуют безотказно. Да, пиджак определенно мне шел. И за что я его так возненавидел?

Я взял расческу Уильяма и привел в порядок волосы. Потом расправил ворот рубашки поверх ворота пиджака. Точно как делал Уильям. Если прожить рядом с таким франтом полторы сотни лет, волей-неволей перенимаешь кое-какие фокусы.

Долгую минуту я разглядывал свое облачение. Отлично выгляжу. Настоящий хозяин поместья в дорогой одежде и шикарных запонках. Правду говорят люди: встречают по одежке. Если уж на то пошло, чем я так уж сильно отличался от Уильяма? У него были деньги и знания. Это правда. Если верить моему прасоздателю, я имел все шансы получить знания уже сегодня ночью. И что-то подсказывало мне: если это случится, деньги будут не так уж важны. Я наконец-то буду принадлежать только самому себе. Смогу жить так, как захочу.

Это просто...

А потом я опомнился. Что я делаю? Стою, вальяжно облокотившись на шкафчик, и думаю... о чем? Реальность обрушилась на меня подобно потоку ледяной воды. Искушение делает слабым. Должно быть, это колдовство Ридрека. Иного объяснения нет. Бросить Уильяма и пойти за Ридреком? Отказаться от моей семьи? Не только от Уильяма, но и от Мелафии, Рени, Рейи и Дейлода... Предать память матери Мелафии, ее бабушки и всех этих женщин-колдуний, чья кровь текла сейчас во мне, делая меня таким, каков я есть...

Человеком? Я посмотрел в зеркало, ожидая хоть на долю секунды увидеть свое отражение. Разумеется, ничего там не было. Я не человек. Теперь – не человек. Вампир. Уильям часто повторял, что иногда я об этом забываю. Я пытался идти двумя дорогами одновременно, стоя одной ногой в мире людей, а другой – в нашем проклятом мире вечной тьмы. Может быть, настало время выбрать один путь и не болтаться как говно в проруби?..

Потом я вспомнил, что должен взять выкуп с подземного алтаря Мелафии. Я выскользнул из гардеробной, открыл секретную дверь в спальне и по потайной лестнице пошел вниз, в темноту подвала.

Погода и луна, казалось, сговорились между собой для того, чтобы создать должную атмосферу на вечеринке Уильяма. Ночь была прохладной, но не холодной, и лишь несколько туч плыли по низкому небу. Полная охотничья луна, похожая на хэллоуинский фонарь, висела над Гамильтон-Хаус, освещая двор и затмевая свет мерцающих гирлянд на деревьях. В доме горели свечи, столы были покрыты белоснежными скатертями. Официанты в белых рубашках сновали в толпе гостей. В углу бальной залы пристроился струнный квартет, наигрывая мягкую мелодию. Нежную и грустную – именно такие и нравились Уильяму.

Лично я предпочел бы что-нибудь из Джорджа Торогуда¹ или даже Тима Макгроу,² но в остальном вечер обещал быть чудесным.

Я занял место возле входной двери, чтобы приветствовать гостей. Мелафия крутилась поблизости – на тот случай, если мне потребуется помощь. А еще на тот случай, подумалось мне, если появится Уильям.

– Привет, как дела? Как поживает ваша матушка, и вообще? – Я потряс руку биржевого маклера, облаченного в точную копию формы офицера Конфедерации. Для полного соответствия этому мундиру не доставало потертости и грязи. За все время, проведенное в армии, я, кажется, ни разу не видел у южан чистой или новой формы. Поражение в войне огрубляет все – и людей, и их одежду. С другой стороны, здесь была не война, а всего лишь вечеринка в стиле ретро... Белокурая жена маклера присела в реверансе, покачивая своим кринолином, и чуть заметно подмигнула мне из-за старинного веера.

– Отлично, спасибо, – ответил маклер. – Мама очень хорошо отзывается о вашей мастерской. Учítывая, как она водит, я думаю, ее «кадиллак» появляется у вас с завидной регулярностью.

– Так оно и есть. Она наша постоянная и любимая клиентка.

– Чудесно, чудесно. Фантастический вечер. Уверен, сегодня вы получите массу денег для постройки нового больничного крыла.

– Спасибо, очень на это надеюсь. Первый шаг сделан, пора двигаться дальше.

Я знал, что планы Уильяма относительно больницы включали и создание нового банка крови. При этой мысли мой рот наполнился слюной. За прошедшие несколько дней я заново открыл для себя вкус человеческой крови, и теперь меня тянуло на охоту. Ах, как давно это было...

– Скажите, Джек, а где же Уильям?

– В последний раз, когда я видел его, он был, так сказать, погребен... под грудой дел. Ну, вы понимаете. Но мы ожидаем, что он вскоре освободится и присоединится к нам. Буквально с минуты на минуту. А пока его нет, я исполняю роль хозяина на нашем банкете. Бар вон там, чувствуйте себя как дома.

Я похлопал маклера по спине и направил в сторону выпивки. Жена последовала за ним, поднеся руку к уху – мизинец и большой палец расставлены в известном жесте «позвони мне». Я чуть приметно кивнул ей.

Случалось, я развлекался с женами больших шишек, но они обычно впускали меня через черный ход, и только лишь потому, что боялись разоблачения. Эти женщины ценили мои постельные таланты, но никто из них не стремился тереться об меня задницей на публике. Они разве что иногда заглядывали в мастерскую поговорить об автомобильных проблемах. А флиртовать среди толпы оказалось очень приятно. И не просто в толпе, а на элитном суаре, среди цвета общества. Отличная штука.

Я и сам удивился, поняв, как комфортно мне в этом обществе теперь, когда я поменял взгляды на некоторые вещи. Может, в этих людях вовсе не было спеси и чванства, которые так пугали меня, заставляя шарахаться от них? А вдруг все дело в моей низкой самооценке и отцовском воспитании? Я имею в виду человеческого отца, который предсказывал мое будущее со словами «ты не стоишь и медного полуцента». Вся моя неуверенность вдруг куда-то исчезла; после стольких лет, проведенных под крылышком Уильяма, я внезапно словно прозрел и обрел возможность думать собственной головой, войдя в спальню своего босса и облачившись в его одежду, я словно надел часть его могущества. Метаморфоза произошла так просто и естественно... Черт, все могло бы перемениться уже давным-давно, если б я взял на себя труд просто подумать об этом.

Мелафия дефилировала в традиционном африканском костюме. Нечто подобное темнокожие люди носили в шестидесятые и семидесятые, когда в моде было «возвращение к

¹ Джордж Торогуд – американский гитарист, исполнитель блюзов.

² Тим Макгроу – американский певец кантри.

своим корням». Пестрая дашики,¹ соответствующая прическа и бусины делали ее похожей на африканскую принцессу, которой Мелафия, собственно, и была. Она не забыла и про священный цвет вуду: вокруг ее шеи был обмотан легкий синий шарф. Мелафия проницательно посмотрела на меня, словно пытаясь что-то понять.

– Роль хозяина отлично тебе дается. А я-то думала, ты боишься всего этого общества.

– О, ну... ты знаешь. Я могу приспособиться к ситуации не хуже, чем любой другой.

Я обвел взглядом комнату, которая быстро наполнялась роскошно одетыми представителями высшего света. Ничего, кроме лучшего. Некоторые из этих дизайнерских ретро-костюмов наверняка стоили сумасшедших денег. Я отпил глоток из своего бокала. Стороннему наблюдателю его содержимое могло показаться обычной «Кровавой Мэри». Мало кто знал, насколько кровавой она была на самом деле.

– Почему я не могу прочитать тебя, Джек? Почему именно сегодня не могу понять, что творится в твоей голове?

Возможно, потому что я и сам не мог этого понять.

– Кто его знает.

– Черт бы тебя побрал!..

Мелафия сказала, что не может меня прочитать. В действительности же она просто не хотела принять того, что увидела: я более не принадлежал Уильяму.

Поздоровавшись в дверях с Ибаном, Тоби и Герардом, я весь оставшийся вечер старательно их избегал. Вампиры рассредоточились по залу, легко и непринужденно смешавшись с остальными гостями. Я не хотел, чтобы они вмешивались, когда придет время действовать. Предчувствия бурлили во мне. Старина Джек трансформировался во второй раз. Нынче – первая ночь моей новой жизни.

Уильям

Даже у мертвых бывают решающие моменты. Такие, когда отчаянные «что, если...» и «нужно было...», лелеемые пять веков, сталкиваются в единый миг.

Сейчас для меня настал один из таких моментов. После плена, казавшегося бесконечным, ощущения буквально обрушились на меня, и не последним из них была возможность снова дышать воздухом. Собственная чистая одежда казалась невероятной роскошью. Моя старая британская морская форма напоминала мне об Англии, о доме, о строгом капитане, о штормовом ветре и волнах, что вздымались до самой луны.

На свете найдется очень мало мест красивее Бонавентуры под полной луной. Лес резных камней, поставленных в память о мертвых, словно ожил в игре света и тени, напоминая людям об их богатом наследии и неизбежной судьбе. Упокоение в мире (что, тем не менее, приведет всех под землю)... В конечном счете, старое кладбище есть место отдохновения, островок спокойствия в бурном море жизни. Однако в День всех святых оно разительно изменилось. Сегодня покоя здесь не было и в помине. Все шевелилось, двигалось – от червей в песчаной почве до бородатого мха на деревьях. Несколько надоедливых духов кружили над нами подобно любопытным москитам. Один из них то и дело хлопал моего создателя по плечу, отлетая в сторонку, когда Ридрек оборачивался, чтобы отогнать его. Другой безостановочно сыпал проклятиями, словно жертва синдрома Туретта.² Призрачные зеваки метали в отдалении, созерцая наше маленькое шоу.

– Почему ты бросил машину у ворот? – раздраженно спросил Ридрек.

Верм, несколько поникший после похода за моим костюмом, растерянно посмотрел на него.

– Они были заперты, – сказал он.

¹ Дашики – рубашка в африканском стиле с круглым вырезом и короткими рукавами.

² Синдром Туретта – психическое расстройство, характерной особенностью которого является, в частности, навязчивое повторение слов, слогов или звуков. При синдроме Туретта возможны вокальные тики с неприличными ругательными словами, а также неприличные жесты.

– Не будь идиотом, ты же вампир! Никакие ворота тебе не преграда! Надо было проехать сквозь них!

– И поцарапать мамину «эскаладу»? Нет уж, спасибо. Мамаша меня убьет.

Судя по взгляду, которым Ридрек одарил нашего нового собрата, у Верма был шанс умереть прямо здесь и сейчас, Я понимал чувства Ридрека, ибо нечто подобное зачастую испытывал сам, общаясь с Джеком.

Чем ближе мы подходили к воротам, тем меньше духов показывались на глаза. Они прятались в ветвях, скрывались за надгробными камнями или просто таяли в воздухе. Я видел, почему это происходит: к кладбищу приближались живые. Они несли бенгальские огни, свечи и фонари-тыквы. Дети, выпрашивающие традиционные хэллоуинские сладости, смешивались с любопытными подростками и приглядывающими за ними взрослыми. Большинство из них, возможно, полагали, что было бы здорово увидеть приведение. Что ж, сегодня, в конце концов, Хэллоуин. Современная человеческая версия Дня всех святых. В средневековье всех, кто носил маски и стучались в двери, сожгли бы на костре. Портить хорошую тыкву – вот настоящая ересь.

Наблюдая за ребятами, которые подзуживали друг друга перелезть через забор, я вспомнил, как мой Уилл дразнил мать, свешиваясь с высокой ветки. «Я не упаду!». Мы с Дианой тогда не знали, что падение с дерева – наименьшая из бед, поджидающих нас в будущем. В этот миг временного затишья перед грядущим штормом я не удержался от искушения поддеть Ридрека.

– Я знаю, что ты не убил Уилла, – сказал я, покосившись на него.

На лице Ридрека появилось забавное выражение: смесь удивления и, странное дело, веселья.

– Да ты что? – сказал он, и голос его сочился сарказмом. – И откуда же ты это взял?

Я пожал плечами.

– Неважно. Он жил. Может быть, у меня даже есть потомки человеческой крови. – Я изобразил лучшую из своих глумливых улыбок. – Тебе так и не удалось уничтожить наш род.

– Эй, смотрите! Призраки! – закричал кто-то. Мы подошли достаточно близко к забору, чтобы люди нас заметили.

Приободрившийся Верм кинулся на решетку ограды.

– Бу-уууу! – завыл он.

Большая часть толпы в ответ отшатнулась назад – просто так, на всякий случай. Кто-то заорал в ответ:

– Сам дурак, ослиная задница!

Люди утихомирились, увидев, как мы перебираемся через ограду.

– Эй, ребята, вы кто?..

– Вампиры, – сказал Ридрек с зубастой ухмылкой. – Мы пришли-иии выпить вашу кро-оовь! – С этими словами он подтолкнул Верма к дверце водительского сиденья автомобиля его мамочки.

– Ну что, ни у кого нет с собой деревянного кола? – спросил я у людей.

Ответом мне было молчание.

– После тебя, – сказал Ридрек, заталкивая меня в салон.

Толпа наградила нас аплодисментами, когда машина тронулась с места.

Джек

– Дже-ек. – Мелафия не желала сдаваться без боя. Ее подозрения усиливались с каждой минутой.

– У тебя просто слишком разыгралось воображение, – солгал я. – Уильям скоро будет здесь, и тогда все... все закончится.

В ответ Мелафия лишь вздохнула – и замерла на месте. Я проследил за ее застывшим взглядом и увидел Рени. Девочка прошла через двойные двери бальной залы. Она казалась

такой маленькой и беззащитной в своей католической школьной форме и белых носочках. Мы с Мелафией встретили ее в центре комнаты. Жрица тут же схватила дочку на руки.

– Что случилось, детка? Как ты сюда попала?..

Она старалась говорить тихо, не привлекая внимания толпы, но в ее голосе звучал гнев.

– На автобусе. От станции «Грейхаунд» на Монтгомери-стрит...

Я наклонился к Рени.

– Ты добралась сюда из Брансвика? Сама? Одна? Ночью? Кажется, тебе было велено оставаться с тетей.

– Я знаю, что ты гораздо на безумные выходки, но это уже чересчур! – обрушилась Мелафия на девочку. Малышка была смышленной не по годам и очень своевольной. Если бы мы все не ждали сейчас беды, я бы рассмеялся, припоминая тот день, когда сказал маленькой Мелафии, что однажды она заплатит за собственные шалости.

– Зачем ты это сделала? – прорычала жрица вуду.

Рени скрестила маленькие руки на груди в том же самом упрямом жесте, который я наблюдал у ее матери и бабушки бесчисленное число раз.

– Здесь будет беда. Я чувствую.

Мелафия ахнула. Я выпрямился во весь рост и огляделся по сторонам, пытаюсь понять, не слушает ли нас кто-нибудь.

– И что же ты собираешься предпринять по этому поводу, кроме того, как болтаться под ногами?

Рени сжала маленькие кулачки.

– Я не хочу сидеть с глупой тетей в глупом старом Брансвике, когда вы все деретесь с чем-то опасным!

Мелафия уставилась на меня.

– Кто говорил о драке?

– Я не при чем, – поспешно сказал я.

Правду сказать, я понятия не имел, что именно тут должно произойти. Если Ридрек получит кровь вуду, у него не будет резона плодить лишние проблемы. Конечно, Уильям говорил, что старому вампиру нельзя верить, но, вполне возможно, он лгал, опасаясь потерять меня, свою послушную марионетку. Может быть, я сумею убедить Ридрека оставить всех, включая Уильяма, в покое. И все же мне не хотелось, чтобы Мелафия и Рени присутствовали при этом.

– Слушай, – сказал я, поставив опустевший бокал на поднос. – Думаю, вам обоим лучше вернуться домой.

– Ага! Драка все-таки будет! – торжествующе заявила Рени.

– Ори громче. А то тебя еще не все слышали, – прошипел я и огляделся по сторонам.

И тут же встретился взглядом с офицером Консуэлой Джонс.

– Что за драка? Пора доставать пистолет? – Конни улыбнулась, и мое мертвое сердце прыгнуло к горлу.

Я увидел ее всю, в единый момент, и лишь потом смерил девушку с головы до ног долгим изучающим взглядом. Я рассматривал ее золотистые шнурованные сандалии и длинную юбку из тонкой полупрозрачной материи телесного цвета, пронизанной золотыми нитями. Тугой лиф охватывал тонкую талию и поддерживал упругие... хм... груди, которые чуть виднелись над его верхней кромкой, если вы понимаете, о чем я. Самая красивая Конни, какую я когда-либо созерцал наяву. И в реальности все оказалось даже лучше, чем во сне. Но как бы ни заманчивы были ее формы, я оторвал от них взгляд и посмотрел Консуэле в лицо. Она почти не пользовалась косметикой, но сегодня подкрасила глаза темными тенями, став похожей на ацтекскую или инкскую богиню из детской книжки с картинками. И я почувствовал, как заныло мое мертвое сердце.

Мелафия и Рени потрясенно молчали. Я услышал собственный голос, представляющий им Консуэлу. Слава Богу, это случилось раньше, чем тишина стала гнетущей.

– Дамы, познакомьтесь. Это моя приятельница Консуэла Джонс. Она работает в

полиции. Конни, это Мелафия и ее дочь Рени.

– У тебя правда есть с собой пистолет? – спросила Рени, округлив глаза.

– Да. – Конни подмигнула. – Но я тебе этого не говорила.

Рени хихикнула, а я заметил, что Конни по-прежнему носит ожерелье, которое я ей дал. Эта уродливая вещица на удивление гармонично сочеталась с нарядом женщины-воительницы.

– Рад, что ты носишь мое украшение, – сказал я. – И... после нашей последней встречи я решил, что ты больше никогда не захочешь со мной разговаривать.

– Знаю. Поэтому пришла сюда. Мне не понравилось, как мы расстались в тот раз. Особенно после того, как ты сказал, что... у тебя могут возникнуть проблемы.

– Спасибо. Я рад тебя видеть. Выглядишь как богиня. Мелафия издала какой-то непонятный булькающий звук. – Все в порядке? – спросил я. На лице жрицы вуду застыло странное выражение. Она поспешно оттолкнула Жени в сторону, словно опасаясь взрыва. Прежде чем я успел спросить, в чем проблема, к нам подошла Оливия и протянула Конни руку.

– Оливия Спенсер, – сказала вампирша, смерив Конни взглядом. – Отличный наряд. И сиськи тоже ничего.

Не колеблясь ни секунды, Конни пожала вампирше руку.

– Консуэла Джонс. Для друзей – Конни. Ты можешь называть меня «офицер Джонс». Кстати, в этом платье твоя задница смотрится просто отпадно.

Оливия весело рассмеялась.

– Спасибо. Я старалась. Верно, Джек?

Я словно стоял на поле, заминированном эстрогенными минами, и не знал, куда бежать. Три с половиной самые могущественные женщины, которых я когда-либо знал, смотрели на меня, и все как-то по-своему. Рени нужна была защита, Мелафии – верность Уильяму. Конни и Оливия делили территорию. Когда первый шок пройдет, я, возможно, еще порадуюсь этому женскому вниманию.

Словно по сигналу, толпа у входной двери расступилась, и появился Ридрек в сопровождении Уильяма и Верма. Молодой гаденыш, выпучив глаза, оглядывался по сторонам с таким видом, словно был готов в любой момент выскочить из своей новоприобретенной вампирской кожи и отчаянно этого желал. На этом приеме его куртка, цепи и пирсинг наконец-то выглядели уместно. Этаким Билли Айдол¹ в стиле ретро.

Мундир Уильяма – тот самый, в котором он был изображен на своем старом портрете – был безупречен вплоть до отполированных бронзовых пуговиц. Но сам он выглядел так, словно побывал между жерновами. Алые рубцы казались особенно яркими на его бледной коже. При виде этих ран я испытал какое-то непонятное чувство, которое сам не мог объяснить.

Ридрек со свойственной ему ироничностью облачился в костюм киношного вампира – со всем положенным антуражем. Так же, как и в моем сне, он был одет в смокинг, белую рубашку и черный бархатный плащ, подбитый красным атласом. Злобные создания тьмы не всегда лишены чувства юмора.

Едва троица двинулась вперед, как все разговоры, звон бокалов и прочие звуки толпы разом утихли. С восхищением и ужасом я понял, что Ридрек в единый миг околдовал всех, кто находился в зале. Черт, он и впрямь был хорош в своем деле! Может ли старый вампир и меня научить таким штукам? При одной мысли об этом я ощутил прилив энергии; показалось, будто я вырос на добрый дюйм.

Ридрек раскинул руки в стороны, прихватив края плаща, так что стал похож на гигантского канюка, готового взмыть в воздух.

– Вот ты где, Джек, мальчик мой! – Он очень похоже изобразил акцент Белы Лугоши.²

¹ Билли Айдол – британский певец, гитарист, композитор; исполнитель музыки в стиле панк-рок.

² Бела Лугоши (1882–1956) – актер театра и кино, уроженец Венгрии. Исполнитель главной роли в фильме «Дракула» (1931) – знаменитой картине, ставшей классикой фильмов ужасов.

Вдобавок ко всем своим прочим талантам, Ридрек был прекрасным актером. – Скажи мне, сынок, – продолжал он, – у тебя в кармане и впрямь флакон с кровью вуду или ты просто пришел меня повидать?

ГЛАВА 16

Уильям

Гамильтон-Хаус был украшен именно так, как я распорядился – хрусталь и свечи, камелии и японские пионы... И музыка Чайковского. Поскольку я жил уединенно, оставаясь недостижимым для большинства обитателей Саванны, мои приемы походили на званые вечера в Европе времен монархий. Вышность и блеск. Мне нравилось удивлять смертных... и обирать их карманы для своих собственных целей.

Плохо лишь то, что звездой вечера сегодня окажется Ридрек. И он станет последним моим воспоминанием, которое я заберу с собой в ад.

Я отвлекся от великолепия интерьеров и сосредоточился на Ридреке. Мне нужно остановить его. Иначе все, кого я любил, умрут... снова. Стоя в фойе, я гадал, что же придумал Джек.

Что он приготовил для нашего создателя?

Именно в этот миг я нашел взглядом Элеонору – и у меня перехватило дыхание. Она вовсе не сгорела. Это была всего лишь очередная пытка, придуманная Ридреком. Что ж, шутка удалась на славу. В подобных делах ему не было равных. Впрочем, мерзавец все равно сожжет Элеонору, если я проиграю.

Она увидела меня, и на ее лице отразилось невероятное облегчение – словно Элеонора весь вечер ждала, когда же я наконец войду в эти двери. Моя прекрасная леди была одета в вечернее платье, которое вполне могло оказаться частью коллекции Джеки О;¹ ее длинные темные волосы были скручены в причудливый узел на затылке. Даже в своем скромном наряде Элеонора могла дать сто очков вперед многим в этом зале. Я, впрочем, помнил слишком много ночей, когда эти волосы были рассыпаны по моей груди и животу, а Элеонора готовилась подарить мне высшее наслаждение...

Сегодня она превратилась в холодную неприступную королеву, а этот мир – мой мир – был определенно более жестоким, чем Камелот.² А может, и нет. Элеонора молча смотрела на меня, а я мог лишь сказать ей безмолвное последнее «прости», прежде чем вновь обернуться к своему создателю.

Взмахом руки Ридрек утихомирил публику, точно искусный гипнотизер. Люди замерли в тех позах, в которых их застигло заклинание Ридрека. Время застыло. Музыканты продолжали играть, но звуки, которые они извлекали из своих инструментов, были нестройными, беспорядочными – одна хриплая нота, растянутая до бесконечности. Даже я был поражен. Сейчас в зале собралось трое отпрысков Ридрека, и силы у него хватало с избытком.

Я же был ослаблен до последней степени – и совершил ошибку. Не стоило надолго задерживать взгляд на Элеоноре, но я не сумел совладать с собой. В следующий миг Ридрек подошел к моей женщине, увиваясь вокруг нее, словно надоедливая пчела, кружащая над росистой лилией. Он наклонился к шее Элеоноры, вдыхая ее запах, но взгляд старого вампира был прикован ко мне.

– Она пахнет дымом. Какая досада, что ее чудесный домик сгорел. – Ридрек печально вздохнул. – Полагаю, я разберусь с этой малышкой, когда закончу с тобой, – сказал он. Вывалив язык, как довольный пес, Ридрек лизнул шею моей женщины, оставив влажное

¹ Джеки О (настоящее имя – Жаклин О'Нил Хендерсон) – австралийская актриса и телеведущая.

² Камелот – легендарная столица короля Артура, придуманная поэтом Кретьеном де Труа, жившим при дворе королевы Франции Элеоноры Аквитанской.

пятно. – Из нее получилась бы отличная секс-рабыня. Как ты полагаешь?

Я видел растерянность в глазах Элеоноры, но она не могла сдвинуться с места. Элеонора не видела это страшное создание, однако смутно осознавала опасность. Я мог унять ее страх, но не стал этого делать. Пусть лучше боится. Я загородил мысли моей женщины от Ридрека и сам старался не думать о ней, когда мы двинулись дальше и вошли в зал.

– Если у тебя столько отпрысков, почему ты явился один? – спросил я. – Почему не привел свору своих псов?

Он колебался лишь мгновение, прежде чем ответить, но между слов я уловил мимолетное видение – звук раздраженных голосов в темной комнате.

– Ты мой, – сказал Ридрек. – И мне не нужна ничья помощь, чтобы избавиться от тебя.

– Возможно. Но почему бы не привести с собой безупречных свидетелей? Или собираешься провернуть все втайне? Я-то думал, ты хочешь покрасоваться перед своими друзьями. А откуда им знать, что здесь произошло? Только с твоих слов? Они не поверят, что это правда.

– Поверят. Потому что твоя маленькая контрабандная авантюра закончится... Потерпит крах, как говорится.

А ты станешь королем Запада, – мысленно сказал я. Ридрек не стал со мной препираться. Его рука легко коснулась груди Элеоноры.

– Стоит ли игра свеч? – спросил я. – Если ты убьешь меня, то потеряешь энергию моего гнева. Зачем разбазаривать собственное имущество?

Моя уловка удалась. Ридрек отвлекся от Элеоноры и обернулся ко мне.

– Как будто ты был моим имуществом с той поры, как переехал в это богом забытое место. Слышал о законе сокращающегося дохода? Я вложил в тебя две сотни лет, но после твоего побега с каждым голом получал все меньше и меньше. Ты бесполезен. Я раздавлю тебя, а заодно и твоих друзей.

Друзья...

Я оглядел комнату и увидел Джека с Оливией. Еще – Мелафию и Рени. Я быстро отвел от них взгляд, стараясь унять тревогу, потом мельком глянул на Конни. Они не были заморожены, подобно всем прочим гостям в зале, хотя Конни двигалась невероятно медленно, словно лунатик. Ридрек не мог этого не заметить.

Мы сошлись с Джеком, Мелафией и Рени в центре комнаты.

– У тебя в кармане и впрямь флакон с кровью вуду или ты просто пришел меня повидать? – сказал Ридрек Джеку, ухмыляясь во весь рот.

Джек проигнорировал его и уставился на меня. Он был одет в тот самый синий пиджак с магией вуду и одну из моих лучших рубашек. Пока я разглядывал Джека, он демонстративно поддернул манжеты, сверкнув моими серебряными шпонками.

Настоящий бунт на корабле. В другое время я бы или рассмеялся, или дал ему в зубы. Но время зуботычин прошло. Гонг возвестил о начале боя в тяжелой весовой категории.

– Ты выглядишь лучше, чем можно было ожидать, – скачал Джек.

– Ты тоже, – кивнул я. – Рубашка тебе к лицу.

Он поморщился. Ридрек держал меня за плечо. Теперь рука его соскользнула и переместилась мне на шею. Предупреждение или готовность убить – все было возможно. Когда Джек отдаст флакон, Ридреку я стану не нужен. Я чуть повел плечами и придвинулся поближе к нему. Если он вздумает подкинуть меня в воздух или толкнуть на Джека, я постараюсь ему помешать. В мои планы отнюдь не входило сдаваться без борьбы.

– Где кровь, Джек?

– У меня в кармане, как мы и договаривались, – отозвался он.

Ридрек протянул руку.

– Ну?

– О, сперва нам нужно обсудить пару вопросов.

– Кажется, мы уже все обсудили. – Сознание Ридрека снова потянулось к Джеку, но на

этот раз я был наготове. Видение – неон, гоночная машина и полицейская красавица Конни. Горячий ветер пустыни, вопящие толпы и восхищенные женщины. Все, чего только может пожелать мальчишка.

Свобода.

Так вот что он предложил Джеку. Я отказывался даже разговаривать с ним о таких вещах. Да, Ридрек умел искушать. Если бы я не знал, что он живет на свете всего-то тысячу лет, то держал бы пари, что именно Ридрек стал прототипом христианской версии Сатаны. Все мифы на чем-то основаны.

Джек смотрел в одну точку в пространстве, ничего не видя вокруг себя. Перед его мысленным взором разворачивалось шикарное шоу Ридрека. И мой отпрыск хотел все, что видел. Разумеется, он хотел...

Ледяная рука сжала мое мертвое сердце. Глаза Джека стали красновато-черными, в них отражалась жажда крови. Он готов был убить за свою мечту. Нет, я боялся не за себя. Если бы я беспокоился о собственной шкуре, то давно бы зачах – этот страх просто раздавил бы меня. Но здесь были те, кого я любил. Я боялся за Мелафию, Рени, Элеонору, даже за человечество в целом. Одному Богу известно, что способны учинить в мире Ридрек и Джек, работающие вместе и ничем не связанные. Более же всего я страшился за самого Джека – единственного своего отпрыска, которого знал с тех пор, как потерял Уилла. Некогда я угрожал убить Джека, лишь бы не отдать его во власть Ридрека. Сумел бы я это сделать? Хватило бы мне воли и стойкости спасти своего отпрыска от того монстра, в которого старый мерзавец желал его превратить? Если да, то я ненадолго пережил бы его. Я не желал провести остаток вечности, горюя по Джеку, погибшему от моей руки. А ведь может выйти так, что у меня не останется иного выхода... От этой мысли мне стало больнее, чем от всех пыток Ридрека.

Внезапно я услышал настойчивый шепот, доносящийся будто бы из самого далекого далека. Он обволакивал меня как дым, притягивая внимание.

Мы готовы...

Ты не один...

Убьем его...

Наверняка Ридрек тоже слышал голоса, поскольку видение начало истончаться. Он отпустил сознание Джека и оглядел комнату. Его взгляд был устремлен на Тоби. Тот стоял у двери, ведущей в сад, в компании трех человеческих женщин, замороженных в момент флирта. Издав громкое злобное шипение, Ридрек обнажил клыки и крепче сжал мою шею.

Тоби был одет в костюм китайского мастера боевых искусств. Словно только что явился из Шаолиня. Самый подходящий наряд для убийства. Тоби выглядел спокойнее, чем я ожидал. Он поставил пустой бокал из-под шампанского на поднос, который держал неподвижный официант, и неторопливо направился в нашу сторону.

Второй ночной кошмар – с Ридреком и моими друзьями – начинал сбываться.

– Уходите отсюда!..

– О, слишком поздно. Ты ведь никуда не уходишь, верно, Тобиас?

Шепоты вернулись.

Мы попробуем уделать его... Беги... Оставь его нам...

Ридрек оглядел зал.

– Нам?..

Кажется, шепчущие голоса скорее позабавили, чем напугали его.

Из расфуфыренной толпы неподвижных гостей вынырнули Ибан и Герард.

– Ах, как мило! – почти пропел Ридрек. – Вы пришли сказать мне «привет»?

– Вообще-то, – мрачно произнес Тоби, – мы пришли, чтобы тебя съесть.

Дальнейшие события разворачивались очень быстро. Ридрек подался вперед, но я ударил его каблуком по ступне, а потом подсек ногу. Вместо того, чтобы взлететь, какой собирался сделать, Ридрек выпустил мою шею, и я, получив простор для маневра, резко толкнул его вперед. Старый мерзавец не устоял на ногах и рухнул на пол, и четверо вампиров

одновременно накинудись на него. Тоби яростно вгрызся в яремную вену Ридрека, а потом развернул его так, чтобы Ибан и Герард сумели найти себе по сочному местечку.

– Держись от него подальше! – крикнула Оливия, оттащив меня назад. Потом она тоже кинулась к Ридреку и впиалась ему в пах.

Ворм издал громкий вопль и присоединился к драке номером пятым, ухватив Ридрека за лодыжку. С пыхтением и бульканьем ком тел подкатился под ноги Джеку. Кровь Ридрека брызнула во все стороны, заливая лица и вечерние костюмы. Серебристые волосы Оливии стали красными. Джек стоял, замороженный, так же неподвижно, как и наши смертные гости.

Опомнившись, я огляделся по сторонам, и во мне затеплилась надежда. Предложение Оливии было очень трогательным: она пыталась оградить меня от того вреда, который я неизбежно получил бы, нападая на своего создателя. Однако я не собирался оставаться в стороне. Моя жажда мести не будет утолена, пока Ридрек жив. И все же я хорошо знал своего создателя и понимал, что легкая и быстрая победа нам не светит.

От крика Ридрека, исполненного всепоглощающей ярости, задребезжали оконные стекла. Мой создатель вовсе не собирался сдаваться. Несколько застывших людей, стоявших ближе всего к месту схватки, раскидало в стороны, словно ударной волной. Включилась сигнализация машин, припаркованных вдоль улицы, в отдалении раздался звук сирены. Казалось, в голове у меня звенят церковные колокола. Я схватил Оливию сзади за платье, пытаясь оттащить ее назад, но Ридрек оказался проворнее. Его тело изогнулось, поднимаясь над полом, словно повисшие на нем вампиры ничего не весили. Резко изогнувшись, Ридрек кинул молнию – ослепляющую электрическую вспышку, которая обожгла мои пальцы.

Все стихло. Впрочем, быть может, я просто оглох. До меня долетел запах горелой плоти. В ужасе я наблюдал, как мои друзья, будто мертвые жуки, отваливаются от Ридрека. Губы их были обожжены, кожа почернела в тех местах, где ее коснулась кровь Ридрека, тела безвольно распластались по полу.

Ридрек встал на четвереньки, а потом поднялся на ноги. Он был ранен и ослаблен, но отнюдь не мертв. А это значило, что всем нам конец. Мы были обречены с самого начала...

Из наших соратников остались на ногах лишь те, кто не нападал на Ридрека – я сам, Джек, Мелафия и Рени, прятаясь за пестрой юбкой матери.

– Бегите! – крикнул я. – Прочь отсюда!..

Я оттолкнул Мелафию в сторону и с яростным криком врезался в Ридрека. Моя ярость добралась до него раньше, чем я сам. Ридрек с удивлением смотрел на капельки красного тумана, повисшие перед его лицом. А потом мои руки сомкнулись на горле старого вампира. Я схватил Ридрека и взмыл в воздух. Закачались люстры. Я укусил его за горло, раздирая кожу на шее. Ридрек не остался в долгу и впиался клыками мне в плечо. Рыча, как волки в смертельной схватке, мы врезались в потолок. Хрустальная люстра разлетелась вдребезги, осыпав людей внизу мириадами осколков. Известь и обрывки дранки окружили нас пыльным облаком. Позабыв обо всем, я рвал горло Ридрека, и в мире не осталось ничего, кроме жажды убийства.

Его кровь была точно кислота, обжигающая меня эссенцией чистого зла. Неважно, сколько я выпью – все равно мне не удастся убить Ридрека; однако я могу поранить его, лишит силы, приостановить. Хотя бы на чуть-чуть. Алый туман моей ярости окружал нас; собрав жалкие остатки своей силы, я взвыл и снова впиался Ридреку в горло.

На краткий миг я ощутил вкус его страха. Мне требовалось хоть какое-нибудь преимущество, и я сделал обманное движение, пытаясь попасть Ридреку в глаз. Удалось. Влажный «хлоп» прозвучал сладчайшей музыкой, и влага из растерзанной глазницы хлынула мне на руку.

Старый вампир ударил меня в грудь, разрывая шерсть и лен одежды. Мой создатель допустил одну ошибку, но я знал, что второго шанса он мне не предоставит. Острые когти, все еще горячие после энергетического удара, раздирали мою кожу и мышцы, пытаясь добраться до сердца и вырвать его. Они проникали все глубже, из раны хлынула кровь.

Однако я ухитрился сместиться в сторону ослепшего глаза Ридрека, и мне удалось вывернуться. Я упал на пол рядом со своими друзьями, зажимая рану ладонью.

Мелафия, прикрывая собой Рени, двинулась ко мне. Она сорвала с шеи синий шарф и подсунула его под мою руку, чтобы остановить кровь.

– А теперь, Джек, дай мне флакон, – распорядился Ридрек.

Кровь вуду, кровь Лалии снова делает Ридрека сильным, сильнее, чем он сам способен представить. Я видел, что Джек колеблется, прикидывая варианты действий.

– Не делай этого! – крикнула Мелафия. – Кровь принадлежит мне, моей семье. Ты не имеешь права ею распоряжаться!

– Тихо, женщина! – рявкнул Ридрек. – У тебя нет здесь власти.

Он отмахнулся от Мелафии как от надоедливой комарихи, а потом обернулся к Рени. Девочка издала тихий удивленный вскрик, когда Ридрек поднял ее в воздух. Жрица вуду схватила дочь за руку, но не смогла удержать. Рени брыкалась изо всех сил, пока не повисла в воздухе перед лицом Ридрека.

Краем плаща мой создатель вытер свою кровоточащую пустую глазницу.

– Твоя семья, говоришь? – сказал он, смерив Рени недобрым оценивающим взглядом.

– Вот, возьми. – Джек вытащил из кармана флакон.

Я ощущал тревогу моего отпрыска, когда он смотрел на крошечную беспомощную Рени. Но вместе с тем Джек все еще желал тех темных даров, которые предлагал Ридрек. В нем все смешалось. Я чувствовал его жажду власти, богатства, славы и крови, и одновременно я ощущал оставшуюся в нем человечность... Ту самую человечность, которую я берег и лелеял и нем как сокровище. Сейчас ее ожидало суровое испытание.

Я снова вспомнил видение, дарованное раковинами Лалии. В тот раз я увидел будущее, которое стало теперь настоящим. Джек в синем бархатном пиджаке, предающий меня – и всех нас... Вот и пришел конец моей слишком долгой жизни. Если у Джека и был какой-то собственный план, он уже наверняка провалился.

– Это честная сделка, – сказал мой отпрыск. – Ты можешь убить их в другой раз.

Итак, Джек хотел получить награду и убедить Ридрека отпустить близких ему людей. Мало же он знал о своем прародителе, который никогда не держал слова. Но так ведь это я не взял на себя труд просветить своего отпрыска, не рассказав ему об истинном зле – так же, как и о многих других вещах. И моя нынешняя человеческая семья разделит судьбу Дианы.

– Дядя Джек... – Тихая мольба Рени, казалось, позабавила Ридрека.

– Ну уж нет. Давай-ка я сам определю условия нашей «честной сделки», как ты ее называешь. Вот они: ты убьешь их. Сейчас. Пора положить конец этому бунту крови. Ты был создан, чтобы править смертными, обращать их в своих рабов. Настало время доказать, что ты достоин называться вампиром. Возьми сперва эту козявку. Как там поется в песне? «Ты всегда ранишь тех, кого любишь?»

Ридрек протянул Рени за руку, словно собираясь помочь ей, но вместо этого провел ногтем по запястью девочки, вскрывая вену. Хлынула кровь. Она потекла по пальцам малышки и закапала на пол.

– А потом я прикончу твоего создателя...

Джек выпустил клыки. Его зрачки расширились до предела, отчего глаза Джека стали огромными и бессмысленными, как у куклы. Он сосредоточил взгляд на Рени, будто никогда не видел ее прежде. Внезапно связь с разумом Джека порвалась, как лопнувшая струна, и я более не мог сказать, о чем он думает, что он решил.

А потом Джек подмигнул мне, и это было ответом. Я всегда понимал, что может настать день, когда он отречется от меня. Но я умру, точно зная: мой отпрыск не предаст Мелафию и Рени.

Я по-прежнему верил ему.

И я пошел ва-банк, отдавая остатки своих сил, чтобы восстановить ментальный контакт с Джеком. Я мог спасти его – или же толкнуть на путь зла, превратив в чудовище страшнее Ридрека...

К черту последствия! Я распахнул сознание для своего сына.

Джек

Поток мыслей Уильяма обрушился на меня с такой силой, что я едва не задохнулся, хватая ртом воздух, точно пловец, выброшенный на песок приливной волной. Этот поток подхватил меня и кинул назад по времени. В прошлое.

– Давай, Джек, ты должен укусить. Глубже. Сильнее. – Голос Уильяма эхом отдавался от стен моей памяти. Я был мертвым солдатом, и живот мой прилип к спине от голода. Уильям учил меня, как правильно кусать, как сделать это быстро и не потерять самую лучшую кровь. Он смеялся над моим малодушием, когда я заикнулся насчет убийства. Уильям взял умирающего солдата за волосы и откинул его голову назад, обнажая горло. – Эти бедняги страдают. Ты можешь освободить их.

Черт, я ведь убивал для генералов, почему не убить для себя? Я впился в горло солдата как тигр, желая порадовать своего спасителя и заодно унять адский голод. Уильям знал, что я голодал большую часть своей земной жизни и обещал, что этого больше не будет.

– Так-то лучше, – сказал он. Сам того не зная, за одну ночь мой создатель выдал столько похвал, сколько мне не досталось от отца за всю жизнь.

Потом я смотрел глазами Уильяма. Он стоял на колокольне собора святого Иоанна, и я ощущал его стремление защитить и охранить город от чудовищ, скрывающихся во тьме, поджидающих удобного случая, чтобы захватить новую территорию. Более того: теперь я знал, что Уильям пытался защитить меня. Не только от других вампиров. Он не хотел говорить мне, что они вообще существуют. Сколько раз он сражался за Саванну, не прибегая к моей помощи, даже не рассказывая мне о своих битвах? На краткий миг я увидел исполненный ярости взгляд и стиснутые зубы, алые от крови. Я вздрогнул и отшатнулся – такова была сила этого прикосновения к моему разуму. С трудом проморгавшись, и сосредоточил взгляд на настоящем лице Уильяма.

Все, что я хотел знать, все «где», «когда» и «почему» обрушились на меня в единый миг. Поток информации – слишком бурный, чтобы воспринять его целиком и сразу. Но сквозь все эти нагромождения образов ярким лучом прорезалась одна ясная, доступная мысль. Нет, просто эмоция.

Полное и безоговорочное доверие Уильяма...

А потом послышался голос Ридрека:

– Он мог освободить тебя в любой миг, но держал в рабстве не полторы сотни лет.

Я лгал, чтобы защитить тебя, – прошептал голос Уильяма у меня в голове.

– О чем вы говорите?

Жуткое понимание замаячило на краю моего сознания. Я не был уверен, что хочу разбираться в этом, но выбора не было. Уильям обманывал меня. Все эти годы он дурил мне голову, хотя я мог бы уже давно жить в мире своей мечты.

До меня донесся неприятный смешок Ридрека.

– О, как мило. Как трогательно. «Я только хотел защитить тебя», – передразнил он высоким голосом. – Твой создатель изображает доброго и мудрого учителя, но на самом-то деле он ничем не лучше меня. Все, что ему следовало сделать, – это освободить тебя от клятвы. Тогда ты мог бы путешествовать по миру, как полноправный член нашего маленького вампирского клуба. Спроси у него, почему он не отпустил тебя навстречу собственной судьбе? Пусть назовет истинную причину.

Видения горячих гоночных машин и горячих девчонок из Вегаса поплыли перед моим мысленным взором. Здесь было все, чего желало мое сердце. Я проигнорировал Ридрека и сосредоточился на мыслях Уильяма.

Ридрек захихикал. Его дразнящий смех ранил мой слух. Я сражался одновременно и с ним, и с Уильямом, пытаюсь обрести контроль над собственным разумом. Часть сознания, которая все еще каким-то чудом принадлежала мне, старалась вызвать к жизни воспоминания

– мои собственные, а не навязываемые Уильямом. Я старался понять, что происходит. Память вытащила на поверхность один из дней, когда я переправлял контрабандный товар. Это было в те старые добрые старые дни, когда я еще ничего не знал о своем прасоздателе и ему подобных. Уильям явился как призрак в ночи и о чем-то предупредил меня.

Что же он сказал?..

Уильям сам помог мне вспомнить:

Я хочу сказать тебе, Джек: что бы ни случилось в будущем, прости меня. Я действительно... беспокоился о тебе. Не доверяй Ридреку. Прощай, Джек...

Наконец-то я понял. Уильям явился ко мне и произнес слова, которые я страстно желал услышать от своего смертного отца, но так и не услышал. Я почувствовал здесь правду, непохожую на отравляющую ложь, которой потчевал меня Ридрек. Уильям заботился обо мне, и именно поэтому не хотел отпускать. Он старался защитить меня. Однако была еще одна вещь, которую я хотел знать.

– Почему я, Уильям? Почему из всех бедных умирающих ребят на том чертовом поле боя ты выбрал меня?

Даже Ридрек перестал хихикать и замолк, ожидая ответа. Тишина в комнате сделалась словно живой, почти материальной – невидимый зритель, с затаенным дыханием ожидающий правды.

Уильям помолчал немного.

– Ты знаешь, что обычно делает умирающий солдат, Джек? – спросил мой создатель. – Он использует свои последние силы на то, чтобы расстегнуть мундир и осмотреть рану. Вот почему эти люди лежат на поле в расхристанной одежде, будто они пытались почесаться. Но ты вел себя совсем иначе, Джек.

– Я не помню...

Уильям вымученно улыбнулся. – У тебя уже не было сил, но ты привстал, чтобы позаботиться о парне, умирающем возле тебя. Кровь хлестала из твоей раны, но ты старался приподнять голову солдата, чтобы он не захлебнулся в луже, в которой лежал лицом вниз. – Уильям с трудом перевел дыхание и продолжал. – Вот так ты должен был умереть – помогая своему товарищу. Вот так я и нашел тебя... Твоя человечность могла поддержать те крохи добра, которые еще оставались во мне самом. Ты и еще дух Лалии – вот и все, что держало меня на стороне света последние сто сорок лет.

Черт подери!.. Вот ведь черт подери! Всю жизнь я считал себя неудачником и полным дерьмом, и вдруг, причем совершенно неожиданно, оказался благородным спасителем. Пока я пытался уложить все это у себя в голове, Ридрек рывкнул: – Много я слышал в жизни всякой слезливой и сопливой чепухи, но подобной ерунды – еще никогда! Пора прекратить эти излияния...

– Он отпихнул Мелафию, навис над Уильямом и всадил в него клыки, уже алые от крови.

Уильям, кажется, едва заметил это. Его взгляд держал меня очень крепко.

– У тебя кровь на лице, – сказал он.

Выпей ее, Джек, – проговорил он в моих мыслях. Я выудил из кармана пузырек с кровью вуду, вынул пробку и отсалютовал флаконом моим создателю и прасоздателю.

– Пей до дна!..

Я проглотил половину, прежде чем Ридрек сумел среагировать. Он взвился в воздух с диким воплем:

– Не смей!..

Ридрек коршуном налетел на меня, но я успел заткнуть горлышко большим пальцем и спрятать флакон обратно в карман.

– Нет? Ну ладно, возьми его! – крикнул я и швырнул пузырек ему в грудь.

Вот только пузырек-то был другой. Не с кровью вуду, а со святой водой, подаренной мне Конни. Жадные пальцы Ридрека ухватили бутылочку и раздавили стекло. Брызги разлетелись в разные стороны, щедро окропив Ридрека и Уильяма.

Закон Мэрфи: невозможно прицелиться святой водой. А эта вода, кажется, была высокооктановой. Ридрек взвыл и начал извиваться, словно тасманский демон из мультика, какие показывают по утрам в субботу. Только этот демон вдобавок орал и дымился. Уильям скорчился на полу у ног Ридрека. Я подался вперед, чтобы помочь ему, но не успел сделать и двух шагов, как начались странности. Сперва я почувствовал запах корицы, ванили и рома...

Лалия.

Едва чистая кровь Лалии смешалась с моей собственной, артерии словно вспыхнули огнем. Думаю, нечто подобное чувствуют наркоманы, втыкая иголки себе в вены. Наконец-то я в полной мере понял, что значит «поймать кайф». Шипение сменилось нежным напевом, и страх прошел. Мой дух – или то, что от него осталось, – начал разрастаться, стремясь вверх, словно тело было недостаточно велико, чтобы его вместить. Выше, выше... В скором времени я смотрел на извивающегося Ридрека сверху вниз. Черт! Мне доводилось встречаться с самыми разными опасностями и самыми гадскими негодяями, но никогда прежде я не имел дела с угрозой, исходящей изнутри меня самого. То, что поселилось там, могло уничтожить все – и тело, и проклятую душу, – а могло сделать великаном десяти футов ростом.

Но Лалия не причинит мне вреда. Ее шепот раздавался под моей кожей – шепот душ ушедших предков, живущий в стенах домов их пра-пра-пра-внуков. Нет, она не причинит мне вреда. Лалия защитит свою собственность, даже если ей придется перекинуть меня в иное измерение.

Прикоснувшись к каждой клеточке тела, могучая чистая сила вышла из моего рта. Звук, раздавшийся при этом, вызвал странный эффект. Ноги Рени коснулись пола, и она побежала к Мелафии. Они упали на колени, глядя вверх – на меня. Их губы шевелились, словно в молитве. Уильям перестал корчиться. Я не знал, мертв ли он или же просто потерял сознание. В голове осталась одна-единственная мысль.

Я должен остановить его.

Я с трепетом наблюдал, как моя рука поднимается и указывает на Ридрека. Из пальца повалил зеленовато-желтый дым, окутав моего противника. Отчетливо запахло серой. Все-таки интересная штука эта магия вуду. Пока я раздумывал, что дым может сделать старому вампиру, из-под моих ногтей вырвался огонь. Мерцающие языки пламени прошли сквозь дымные кольца, окружив Ридрека, отчего тот приобрел сходство с украшенной свечами рождественской елкой. Теперь Ридрек вращался медленнее, пламя замерло в нескольких миллиметрах от одежды вампира.

Ридрек оказался в ловушке.

Я уменьшился до своих нормальных размеров, но все еще чувствовал себя огромным автомобилем, прущим на зеленый свет. Подойдя к Уильяму, я поднял его. *Уильям нуждался в помощи. Я всего лишь хотел стать таким же сильным, как он...* Внезапно мне на глаза попался полупустой флакон с кровью вуду. Я поднес ее к губам Уильяма и произнес с каким-то странным акцентом: – Пей до дна.

Уильям открыл глаза и уставился на меня.

– Ты вернулся, – будто в предсмертном бреду прошептал мой создатель.

Я не был уверен, что он разговаривает со мной. Уильям походил на призрака. От святой воды половина его лица словно расплавилась. Раны на шее и груди по-прежнему кровоточили.

– Ну, давай же, пей, – настаивал я. – Он сделал маленький глоток. – До дна, – приказал я.

Хотя мне и понравилось быть выше всех, одного раза вполне достаточно. Пусть и Уильям взглянет на вместилище дикого духа Лалии.

Я залил ему в рот остатки крови из флакона. Казалось, опасность миновала. Ожоги от святой воды начали затягиваться. Из груди Уильяма донеслись странные булькающие звуки: плоть срасталась с плотью. Это походило на дьявольское чудо – если такое вообще возможно. Полная противоположность тому, что Уильям сделал для меня на поле брани. Плата.

Погашение долга. Кровь за кровь.

Я прислонил Уильяма к ближайшей стене и протянул пузырек Мелафии. Потом я присел на корточки, и Мелафия с Рени кинулись ко мне, едва не повалив на пол.

– Маман... – радостно прошептала жрица вуду, крепко обняв меня. В ее глазах стояли слезы. Мелафия облегченно вздохнула. – Маман Лалия, вы с Джеком спасли всех нас.

Не знаю, что Мелафия искала в моих глазах, но ей требовался ответ.

– Я... – вот и все, что мне удалось сказать. Рене все еще обнимала меня за шею.

– Я всегда рядом, – сказала Лалия моими губами. – Иди ко мне, детка. Дай посмотрю, что этот плохой дядя сделал моей крошке.

Я осторожно высвободился из объятий Рени. Пусть Лалия сама сделает все, что надо.

Кровь, – сказала она мне. Я поводил пальцем по горлышку пузырька, пока он не стал влажным и красным. Затем помазал рану на руке девочки. Она зажила мгновенно. Вокруг нас разлился запах корицы и ванили.

– Спасибо, моя милая. Теперь все хорошо.

Рене коснулась моей руки крошечными пальчиками.

– Спасибо, маман.

– Я знаю, что ты хорошая девочка и слушаешься маму. В скором времени ты будешь похожа на меня, да? И поможешь спящей богине найти свой путь?

– Да, маман.

– Все верно. Нечего бояться. Моя кровь охраняет тебя и всех, кто вокруг...

– Джек? – Уильям потряс меня за плечо. – Отнеси Рид-река вниз, в туннели. Я разгребу тут это дерьмо, а потом мы доставим его на речной склад.

Прежде чем я успел спросить, как он себе это представляет, Уильям взял флакон из моей руки и направился к неподвижным телам вампиров. Он смазывал их рты и раны каплями крови вуду, и они исцелялись, постепенно начиная приходить в себя. А я-то думал, что с ними все кончено.

Звон стекла заставил меня обернуться. Уильям заставил разбитую люстру подняться в воздух. В тот момент, когда она долетела до потолка, Уильям взмахнул рукой – не хуже, чем Ридрек, – и люди в зале очнулись от своего странного оцепенения. И в этот миг люстра снова рухнула на пол и разбилась в второй раз. Мой босс, как обычно, все предусмотрел.

Через минуту мы спускались по лестнице, ведущей в подвал. Мелафия шла впереди, все остальные – кроме Уильяма и Тоби – следовали за ней. Я замыкал процессию, Ридрек плыл за мной, точно воздушный шарик. Всякий раз, как он полетал слишком близко к потолку или стене, в воздухе вспыхивали яркие искры. Надо быть осторожнее, иначе мы рискуем поджечь дом, подумал я, а потом, используя зрение Лалии, мгновенно нашел вход в туннель, скрытый за пыльной стойкой для бутылок в восточной части подвала.

Пока мы толпились в подвале, Оливия коснулась моего лица, словно увидела меня впервые.

– Ишь ты! Кажется, у тебя под кожей бушует гроза. Удивительно, как одежда не загорается. – Она в шутку обнажила клыки. – Хотела бы я знать, какова эта сила на вкус.

Ее взгляд переместился к Ридреку, неподвижно висевшему в воздухе.

– Наверху мне не удалось попробовать.

Я ощутил, как дух Лалии снова вздымается во мне.

– Держи зубки при себе. Ты поступила очень опрометчиво, попытавшись совладать с Ридреком, – сказала Лалия. – В ту ночь, когда ты явилась в Саванну, капитан дал тебе кровь. Именно она и спасла тебя, иначе ты бы не выжила. Так что больше не делай глупостей.

Уильям

Нам потребовались два часа и вся сила обаяния Тоби, чтобы успокоить гостей. Пока Тоби развлекал их историями о великих чародеях и их самых грандиозных провалах, я быстро переговорил с присутствующими городскими чиновниками о проблемах с

электропроводкой и нарушении строительных норм. Поскольку никто из смертных не пострадал, они были не прочь продолжить вечеринку. Кстати, я использовал неприятный инцидент, чтобы еще раз доказать необходимость постройки нового больничного крыла и создания банка крови. Деньги и реклама – так называлась эта игра. Надеюсь, Джек поймет, почему мне пришлось задержаться.

Была и еще одна причина. Я хотел успокоить Элеонору.

Она почувствовала зло и поняла, что сюда явился грозный враг, но оставалась спокойной и невозмутимой, как Афродита. Элеонора находилась рядом, пока я успокаивал гостей и смеялся над происшествием, и в ее взгляде я видел море незадаанных вопросов.

Увы. Я не мог ничего ей объяснить, как не мог и пообещать безмятежного «завтра». Я знал, что мне, вечно живущему, предстоит свидание со смертью. Моя судьба ждала меня внизу, в туннелях.

ГЛАВА 17

Мелафия удостоверилась, что Лалия покинула нас (если так можно выразиться), а вампиры способны самостоятельно позаботиться от Ридреке. После этого она распрощалась с нами у входа в туннели и повела Рени домой.

К тому времени, как наша маленькая клыкастая компания протащила Ридрека через лабиринт туннелей к складам, магия Лалии ослабла. Не зная, как вернуть ее без помощи крови вуду, мы просто-напросто связали Ридрека длинной якорной цепью со звеньями размером с два моих кулака и оставили его в темном углу, спрятав за какой-то антикварной мебелью – на тот случай, если кто-то из людей Уильяма придет до рассвета и удивится, увидев на полу мужика в цепях, Ридрек сильно пострадал от святой воды, а к тому же вампиры высосали из него порядочно крови. Поэтому я полагал, что на некоторое время он окажется беспомощным и не сможет никому причинить вреда. Ридрек не закрывал рта, грозя нам страшными карами, если мы ухитримся убить его. Он обещал, что другие вампиры, его соратники, явятся и надерут нам задницы. В конце концов я засунул ему в рот промасленную тряпку и предложил пососать ее. – Он говорит правду? – спросил Верм. Все остальные посмотрели друг на друга. Герард, который, кажется, больше всех знал о вампирском мире, сказал:

– Почти наверняка.

– Знаете что? Я задолбался беспокоиться о завтрашнем дне. Давайте решать проблемы по мере их поступления, ладно? – зло пробурчал я.

После вливания крови Лалии я чувствовал себя Невероятным Халком¹ на стероидах, готовым схватиться с Ридреком и вообще с кем угодно. И дело тут было не просто в физической силе. Я чувствовал непоколебимую уверенность в себе. Не знаю, кровь ли вуду была тому причиной, или доверие Уильяма, или победа над Ридреком, которого я так ловко опрыскал святой водой, но факт оставался фактом. Я знал одно: эта сила исходит от меня самого, а не из какого-то дурацкого педерастического пиджака.

Остальные вампиры посматривали на меня с уважением и некоторой опаской. Заговорила Оливия, и в ее голосе я услышал нечто, похожее на благоговение.

– Так что нам, по-твоему, следует делать, Джек?

– О'кей. Слушайте. Мне наплевать на идиотские угрозы Ридрека, но есть одна штука, которая меня здорово беспокоит. Она называется: скоро-встанет-солнце-и-потому-нам-пора-валить-отсюда. Мы столько времени волокли Ридрека по туннелю вместе с этими его дурацкими искрами, что вечеринка наверняка уже закончилась. Так что...

Как раз в этот момент из прохода, ведущего в туннели, появились Уильям и Тоби. Я осекся на полуслове.

– Мы уж думали, вы никогда сюда не дойдете, – сказала Оливия, скрестив руки на груди.

¹ Невероятный Халк – персонаж одноименного фантастического фильма, супергерой.

Вот и закончились мои пять минут славы.

– Нам нужно было подвязать кое-какие хвосты, – отозвался Уильям. Он посмотрел в угол, где лежал Ридрек, не видя его, но, очевидно, чувствуя. Затем мой босс обернулся ко мне и изобразил улыбку. – Отличная работа, Джек. Я знал, что у тебя есть план.

Я не чувствовал никаких эмоций Уильяма. Он снова блокировал их, но я понимал, что так и надо. Он открылся мне, когда это было важно. Теперь у меня была масса пищи для размышлений и множество вопросов. Но я задам их позже, когда мы разберемся с дорогим дедушкой. Теперь я знал, что Уильям не отмахнется от меня, он ответит. Я вернул Уильяму улыбку. Даже если он лгал, все равно с его стороны было очень мило признать мои заслуги.

– Что мы будем делать с Ридреком? – спросил Ибан.

– Убьем, – резко бросила Оливия. – Уильям не в силах этого сделать, да и мы можем пострадать. Все мы от крови Ридрека – кроме Тоби. Так что ему и карты в руки. Тобиас, проткни его колом, и покончим с этим.

– Я бы не отказался проткнуть старую вонючку сам. Но что, если кола будет недостаточно? – спросил я.

Мне очень не хотелось, чтобы Ридрек выжил. Не факт, что Лалия снова придет на помощь.

Уильям был странно молчалив. Я ожидал, что именно он, как обычно, предложит наилучший план. Однако мой босс стоял в сторонке и не мешал остальным обсуждать судьбу Ридрека.

– Ладно, я все сделаю, – сказал Тоби. – Как мне...

– Постой. Может, просто вытащим его из дока и оставим на солнце? – предложила Оливия.

– Ну-ну, – хмыкнул Тоби. – А кто останется с ним и проследит, чтобы он не сбежал? Слишком уж близко к воде. Ридрек нырнет на тридцать футов – и солнце его не достанет. Я знаю, я занимался серфингом.

– У меня есть идея получше, – сказал Герард. – Помогите мне отнести его в лабораторию. Сами подумайте: древний вампир! Если бы я только мог изучить генетическую составляющую...

– Ни за что! – воскликнула Оливия. – Он убил моего Элджера и должен сгореть в аду!

– Погодите, – сказал Ибан. – Возможно, и впрямь стоило бы оставить Ридрека в живых. А вдруг другие темные вампиры придут за ним? Мы могли бы использовать его как заложника и поторговаться. Думаю, они многое отдадут за него.

Бледная кожа Оливии порозовела.

– А Ридрек расскажет им все наши секреты? О могуществе крови вуду, о том, где расположены общины Нового Света... Я знаю, какова сила его чар. И никто не поручится, что он не успел вытащить информацию из наших мозгов.

Спор продолжался. Я попытался встрять и напомнить вампирам, что солнце уже вот-вот поднимется над горизонтом, но дискуссия была такой жаркой, что мне не удалось вставить ни слова. Я оглянулся на Уильяма, пытаюсь понять, почему он не вмешивается. Как-никак, он был нашим командиром. Однако оказалось, что он просто-напросто исчез из дока.

– А где Уильям? – громко сказал я. Все замолчали и стали оглядываться по сторонам. А потом посмотрели друг на друга. Мы не видели Уильяма и не чувствовали присутствия Ридрека. Я кинулся туда, где мы оставили старого дьявола – и, разумеется, никого не нашел.

– Зачем Уильям забрал его? – спросил Тоби.

– Куда он его забрал? – сказал Герард.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Но куда бы они ни двинули, это должно быть под землей, потому что солнце почти взошло. Мы возвращаемся обратно. Разделимся и пойдем в разные стороны. Я проверю берег и присоединюсь к вам, если не найду их. Вперед!..

На этот раз никто не возразил. Только Верм послал мне ободряющий взгляд и ушел вместе с остальными. Я проникся сочувствием к бедному растерянному ублюдку – в первый раз с того момента, как он был создан. Кто будет обучать его вампирской науке? Ему

понадобится моя помощь и защита. И я позабочусь о нем, как мой босс заботился обо мне.

Но куда же, черт побери, унесло Уильяма?

Я выбрался наружу. В этот предрассветный час простой человек слышал бы только тишину, не ощутил бы никаких запахов, мог почувствовать лишь одиночество. Мои же чувства, уже обостренные сексом с Оливией, буквально кипели после того, как я выпил чистой крови могущественной мамбо. Самой могущественной мамбо, которая бывала на этих берегах. Сила была из меня ключом, фонтанировала, как нефть из скважины. Я слышал рыб под водой. В предутреннем тумане я видел спящих ящериц и чувствовал колючую траву на дальнем берегу реки. Я мог учуять запах рыбацкой лодки, вышедшей на лов в миле отсюда.

Измененная кровь говорила мне, что если я как следует сосредоточусь, то смогу прочитать все мысли Уильяма. Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и позвал своего создателя, разыскивая его в тумане, нащупывая путь своими нервами и своим мозгом. Магия вуду в моей крови искала себя в крови Уильяма. И я учуял его.

Позаботься о них, Джек. О моих людях и моем городе. Теперь все это принадлежит тебе. Ты мой наследник по праву. Прощай.

Я распахнул глаза.

– Прощай?.. Какого хрена?!

Уильям.

Лопасты мотора взрезали стеклянную гладь реки. Катер повернул в сторону моря. Я ощущал скорее возбуждение, чем страх. Предутренний туман истончался; я готовился увидеть рассвет. Мой первый рассвет за пять веков. Ура! Это стоило того, чтобы сгореть. Вдобавок мне причитался приличный бонус: я увижу, как сгорит мой создатель.

Наша с Ридреком война крови наконец-то закончится. Сколько раз я думал об этом дне? Дайте посчитать... Нет, это слишком долго. Солнце уже заигрывало с горизонтом. Как сказал бы Джек, не пройдет и часа, как я превращусь в тост.

Да, я буду скучать по своему отпрыску. Если бы не он, жизнь моя оказалась бы намного тоскливее. Джек доставлял мне радость, когда не пытался строить из себя дубину-ирландца. Во всяком случае, мы наконец-то достигли взаимопонимания. Мелафия и Рени помогут ему разобраться в делах, он станет моим преемником на Восточном побережье. Или на Западном. Как захочет.

Элеонора... Мне будет ее не хватать. Она подарила мне слишком много счастливых минут, чтобы оставить ее позади без сожалений. Я не хотел лгать ей, но разве у меня был выбор? На приеме, после схватки с Ридреком, я пообещал инициировать ее. Поклялся своей честью джентльмена и высшего вампира. Элеонора вытребовала это обещание, очевидно, полагая, что хочет провести со мной остаток вечности. Что ж, я дал слово – и не только чтобы удовлетворить ее желание. Таким образом я пытался защитить Элеонору, но потом придумал способ получше. Вскоре после восхода опасность исчезнет.

Я посмотрел на Ридрека. Скрученный по рукам и ногам, с кляпом во рту, он напоминал пациента, сбежавшего из психбольницы. Ридрек вернул мне взгляд. Я ощущал его ненависть, смешанную с недоверием.

Едва Ридрек умрет, все, кого я любил, окажутся в безопасности.

Впрочем, я не собирался тратить последний час жизни на размышления о своем гнусном создателе. Я чувствовал себя как человек, бегущий вниз с холма. Он мчится все быстрее, со всевозрастающей легкостью... И так будет продолжаться, пока этот бег не закончится. Я перевел взгляд на светлеющее небо и полной грудью вдохнул пахнущий солью бриз. Я соскучился по океану, равно как и по многим другим вещам.

Диана, моя милая жена. Прости, что не сберег тебя. Прости, что не смогу присоединиться к тебе даже в жизни вечной. Но теперь, после стольких лет, я наконец-то отомщу за тебя.

Отвратительный, источающий яд голос Ридрека перебил мою безмолвную беседу с возлюбленной.

Она еще жива...

– Ах ты, лживый ублюдок! – Я огляделся по сторонам в поисках подходящего оружия и увидел стальной гарпун. – Не желаю слушать, как ты мараешь ее память!

Я воткнул острый конец гарпуна Ридреку в плечо. Он сморщился от боли, но не отвел взгляда. Только так мы могли продолжать разговор.

Я не лгу. А если ты убьешь меня, то никогда не узнаешь, что же ней случилось.

Не в силах сдержаться, я выдернул гарпун и снова ударил Ридрека. И еще раз. И еще...

– Ты врешь, сволочь!

Лежа в луже крови, Ридрек исчез из моего сознания. Я стоял над ним, словно китобой, ожидающий, когда его раненая жертва всплывет из глубины на поверхность. Ридрек закрыл глаза, не желая более меряться силой с моей яростью. Я отшвырнул гарпун и вернулся к штурвалу. Я не убил Ридрека. Мне хотелось, чтобы это сделало солнце.

Джек

Я мчался вперед на катере класса «Гладиатор», который держал в доке с разрешения Уильяма. Лишь неделю назад я переделал этот катер под свои нужды, и он был так быстр, что никто из смертных не осмелился бы разогнать его на полную скорость – просто из страха за свою жизнь. Он летел буквально как ветер, каждые пару секунд отрываясь от поверхности воды и взмывая в воздух. В эти минуты я снова чувствовал себя живым. Я всегда обожал скорость, но сейчас гнал не ради развлечения.

Мне нужно было перехватить Уильяма.

Глаза щипало – не столько от рассветного света и соленых брызг, сколько при мысли о том, что Уильям, мой создатель и единственный наставник, собирается пожертвовать собой и бросить меня одного. Снова и снова я старался сосредоточиться, пытаюсь представить себе целостную картину. Он погрузил Ридрека в собственную лодку и отправился к морю, навстречу гибели. Но зачем? Неужели нет другого способа убить старого ублюдка?

Увеличивая скорость, я снова настроил свой разум на Уильяма и вгляделся в туман. Внезапно он словно расступился, образуя туннель. И там я увидел действие, которое поразило меня в самое сердце.

Убийство.

Ридрек убил человеческую семью Уильяма. Видение всколыхнуло мою ярость. Теперь я как никогда понимал своего создателя, ту ненависть и тот гнев, которые были его вечными спутниками с первой секунды вампирской жизни. Он любил женщину и мальчика, а Ридрек уничтожил их одним движением клыков, одним взмахом грязных когтей. Да, это был настоящий вампир, и мне стало не по себе при мысли, что я являюсь членом того же клана. Я чувствовал, как жаждет Уильям убить чудовище, которое разрушило его мир, – даже если это означало его собственную смерть и вечные муки ада.

Тот, кто сказал, будто время лечит любые раны, был лжецом.

Я приближался. Моя кровь говорила, что мой создатель где-то рядом. Катер пробил стену тумана, и лодка Уильяма оказалась прямо передо мной. Хорошо, что не одно судно Саванны не могло соперничать в скорости с моим катером. Сейчас эта скорость понадобится как никогда – не только для того, чтобы догнать Уильяма, но и чтобы доставить нас назад, прежде чем встанет солнце. Если, конечно, я заставлю Уильяма отказаться от его самоубийственной затеи.

Я вильнул вбок и притерся к лодке бортом – рискованный маневр, который мог потопить нас обоих, но я преуспел, оттолкнув суденышко Уильяма к самому берегу, так что ему пришлось заглушить мотор, чтобы избежать крушения. Я тоже сбавил ход и понесся бок о бок с лоханкой своего босса, отжимая ее к болотистому берегу и не позволяя снова вырुлить к середине реки.

– Убирайся, Джек! – крикнул Уильям, выпуская клыки. Сила его ярости едва не сбила меня с ног. – Возвращайся обратно! Я приказываю!..

– Ну уж нет, – отозвался я, перепрыгивая в его лодку. – Я знаю, что ты задумал, и не позволю тебе сдохнуть. – Связанный и окровавленный Ридрек лежал на полу, глядя на нас круглым глазом коршуна. – Он того не стоит.

Уильям схватил меня за ворот синего пиджака и резко притянул к себе. Никогда еще мне не было так страшно – даже на поле боя, где ждала смерть. Лицо Уильяма было перекошено, верхняя губа приподнялась, обнажая клыки. Он готов был драться с любым, кто встанет на пути его мести. В его зрачках полыхало черно-красное пламя; я смотрел в глаза твари, обуянной жаждой убийства.

– Я готов заплатить эту цену за его смерть, – прошипел Уильям.

– Нет. Я тебе не позволю, – повторил я. А потом подался назад и двинул ему в челюсть, используя всю силу крови вуду. Уильям отлетел на другой конец лодки. Да уж, эта «ночь длинных ножей» запомнится мне надолго. Никогда прежде я не дрался против Уильяма, но все когда-нибудь случается в первый раз. – Мы отвезем Ридрека обратно в доки, – сказал я, – и вместе придумаем, что с ним делать. Ты не убьешь его ценой собственной жизни. Не позволю.

Уильям потерял челюсть и сел. Вот тогда я вспомнил, что он тоже обладает силой крови вуду. О, черт! Я напряг мускулы и принял боевую стойку, готовясь к драке, но Уильям, как обычно, удивил меня.

– Ты все понял неправильно, Джек. Подумай получше. Это же отличная возможность наконец-то избавиться от кукловода. Никто больше не будет помыкать тобой.

– Побереги дыхание. Это не сработает. – Я подошел к Ридреку и вздернул его на ноги вместе с цепями и всем прочим, собираясь перекинуть вампира в свой катер. Но когда я обернулся, Уильям уже загородил мне дорогу.

– Деньги, слава, гонки – все, что Ридрек пообещал тебе во сне, могут стать реальностью. Просто пойди и возьми их, а меня оставь в покое. Ты получил свою возжеленную свободу. Так почему же отказываешь мне в праве решать за себя?

Теперь мы стояли лицом к лицу. Лишь скорченное тело старого ублюдка разделяло нас.

– Что ж. Если ты желаешь поджариться, чтобы прикончить этого парня, тогда и я тоже так поступлю. Остаюсь с тобой.

– Тупоголовый, упрямый идиот!.. Что еще мне сказать, чтобы ты наконец-то меня услышал? Я предлагаю тебе все, что имею. Все, о чем ты мечтал. Я отдаю тебе Саванну. И я исчезну. Никто больше не будет вертеть тобой. Разве не этого ты хотел?

Уильям размахнулся и ударил меня кулаком в лицо. Показалось, что еще чуть-чуть – и моя голова оторвется. Я выпустил Ридрека, и тот грохнулся на палубу с такой силой, что лодка опасно закачалась.

– Я просто хотел больше знать. Больше уметь. И... быть чем-то большим.

Ридрек попытался что-то сказать, но тряпка у него во рту заглушала слова. Впрочем, мне было глубоко плевать, что он там бормочет. Я крепко пнул его в живот и обернулся к Уильяму.

– Но я не мечтал остаться один. Я просто хотел быть уверенным, что ты мне доверяешь, что я нужен тебе. Нынче ночью у нас получилась отличная команда. Я не хочу, чтобы ты умирал.

Пожалуйста, прошу тебя. Не делай этого.

Неважно, человек ты или вампир, но в жизни бывают моменты, когда нужно открыть свои чувства, выставить их напоказ. И сейчас, подумалось мне, как раз один из таких случаев.

– О, черт, – пробормотал я. – Я ж ведь люблю тебя, кретин.

Коротко обняв Уильяма, я отстранился и похлопал его по плечу. Потом прочистил горло и посмотрел в сторону. Иногда вещи, о которых ты узнаешь от торговцев пивом, действительно помогают.

Уильям отшатнулся и заморгал. Я чувствовал, как ярость уходит из него, словно волна отлива. Он выглядел так, словно я ударил его, а не дружески обнял.

– Да?

– Э... Да. Мы вместе подумаем, как убить этого козла.

Я услышал булькающее ворчание козла – в смысле Ридрека, – и посмотрел вниз, пытаюсь понять, что еще ему надо. Его лицо почти скрылось под водой. Я перевел взгляд на Уильяма.

– А кто и зачем пробил дыры в днище?

Холодная вода уже достигла лодыжек, и это вернуло Уильяма к реальности.

– Черт! – сказал он. – Давай выбираться отсюда. Совместными усилиями мы перетащили Ридрека в мой катер. Я включил мотор и повернул к докам. Первые лучи солнца уже прокладывали себе путь в небе над горизонтом, Окрашивая небо в нежнейшие оттенки сиреневого и розового. Уильям нашел брезент, лежавший под спасательными жилетами, и встал рядом со мной у руля, прикрывая нас обоих и Оставив Ридрека корчиться и вопить на полу.

– Джек, – сказал Уильям, щурясь от яркого света восходящего солнца.

– Да?

– Я тоже тебя люблю.

– Знаю.

ГЛАВА 18

Уильям

Дабы не рисковать своими жизнями, мы решили воспользоваться идеей самого Ридрека. Мы закопаем его поглубже и оставим на несколько сотен лет, а потом решим, что с ним делать. Если что-то случится со мной и Джеком, единственными, кто знает об этом, Ридрек останется похороненным навечно. Во время Второй мировой войны у американцев была присказка: «Болтливые языки топят корабли». Наш корабль под названием «Ридрек» уже утонул, и мы хотели, чтобы он оставался на дне.

Следующим вечером, сразу после заката, мы доставили моего создателя к строящемуся крылу нашей больницы. Поскольку большая часть денег на его сооружение поступила из моего фонда, никто не удивился моему желанию похоронить временную капсулу под двадцатитонным гранитным угловым блоком здания. Я сказал всем, что в этом симпатичном, похожем на гроб, стальном ящике лежат первоначальные планы здания, фотографии из архивов и длинная якорная цепь с первого корабля, приплывшего в гавань Брамpton-Торн в начале 1800-х годов. Про цепь – это на тот случай, если бы при перевозке гроба кто-нибудь услышал доносящееся изнутри звяканье.

Никакой помпезности. Двое рабочих с бульдозером – и вуаля: Ридрек похоронен на двадцатифутовой глубине. После тайного ритуала вуду (спасибо Мелэфии), предназначенного покрепче сковать старого негодяя, место погребения было залито бетоном, а угловой блок установили на место. Джимми Хоффа¹ и в подметки не годился моему создателю. Ридрек был похоронен достаточно глубоко и надежно, чтобы о нем позабыли. Я даже не потрудился сказать ему «прощай». Он и так отнял у меня слишком много времени.

В мире вампиров стало известно, что Ридрек умер на рассвете 1 ноября 2005 года.

Поскольку я на несколько дней выпал из жизни, мне нужно было разгрести текущие дела. В письме из Европы сообщалось, что в Амстердаме обнаружили Джейлан – еще одну пропавшую женщину. Она пребывала в жутком состоянии. По совету Лилит друзья похоронили Джейлан в земле ее родины, чтобы дать ей отдых. Здесь женщина будет в

¹ Джимми Хоффа – американский профсоюзный лидер. В 1975 г. Неожиданно исчез при загадочных обстоятельствах. Его исчезновение породило множество слухов. Один из них, упорно муссировавшийся в СМИ, утверждает, что он был похоронен под печально известной десятиярдовой отметкой на поле стадиона Giants Stadium.

безопасности. Как в прежние дни, над ее могилой висела длинная веревка с колокольчиком. Когда Джейлан придет в себя, она позвонит, и ее вытащат наружу.

Еще одно сообщение содержало и плохие, и хорошие новости, а также, кажется, ответ на вопрос, почему мой создатель прибыл в Саванну один. До того, как отправиться в Новый Свет, он организовал серию убийств членов наиболее влиятельных европейских кланов. Эти убийства ослабили Ридрека, и он приехал в Саванну, надеясь заставить меня наплодить отпрысков и помочь ему восстановить силы. Теперь европейские кланы ссорились между собой, от прежних соглашений и союзов не осталось и камня на камне.

Ладно. Пусть себе ссорятся. У нас будет время построить собственные планы. Невозможно прятаться вечно. Нужно собрать совет кланов Нового Света и разработать тактику обороны.

Я восхищался верностью Джека и его способностью чувствовать ситуацию. Ведь это он убедил меня остаться – как раз в преддверии войны.

За неделю жизнь вернулась к нормальному своему течению. Я отправил Оливию обратно в Англию, снабдив посланиями к друзьям. С моего благословения она должна была сформировать новое сообщество миролюбивых вампиров, пригласив туда своих подруг. Оливия даже выбрала название. «Бонавентуры». В ночь перед ее отъездом я узнал о том, что произошло между ней и Джеком.

– Послушай-ка, а ты уверена, что не хочешь еще разок покувыркаться со мной? Как в добрые старые времена? – предложил Джек. – Пока доберешься до Европы – как раз успеешь восстановить силы.

– Нет, лапушка, – Оливия вздохнула. Последовала пауза. Я ждал, деликатно не вторгаясь в мысли Джека. – У меня обязанности перед кланом, и я не могу сейчас тратить много сил. Заезжай ко мне в Лондон. Что-нибудь придумаем.

Я отметил для себя, что нам с Джеком надо будет серьезно поговорить о сексуальных отношениях нежити, прежде чем мы куда-нибудь поедem. Впрочем, об отношениях с живыми тоже. Мой отпрыск все еще вздыхал по своей полицейской красотке Конни. Он понимал, что у них нет будущего, и очень переживал из-за этого. Я полагал, что примеры с птичками и пчелками здесь не помогут.

Да, что касается секса. Я прожил достаточно долго, чтобы понять: перехитрить женщину практически невозможно. В ночь пресловутой вечеринки я обещал инициировать Элеонору. Поклялся ей в этом своим мертвым вампирским сердцем. И теперь, поскольку я остался в живых, она призвала меня к ответу. Мы назначили дату в начале декабря, на ее день рождения. Элеонора решила, что будет наслаждаться своими тридцати девятью годами весь остаток вечности. Я начал восстанавливать ее чудесный дом. Она вернется к своим делам и привычному образу жизни, но по ночам будет принадлежать только мне.

При мысли об этом я ощутил нарастающее возбуждение. Что ж, недурной повод оставаться в живых... Стук в дверь кабинета прервал мои приятные размышления.

На пороге стоял Дейлод. Я попросил его зайти ко мне в человеческом обличье и помочь с некоторой организационной и аналитической работой. Прежде чем организовывать альянсы, мне требовалось понять, кто на чьей стороне.

– Садись, – сказал я. Дейлод повиновался. – Я составил список потенциальных союзников. Помнишь книгу, которую ты читал? Книгу Оливии?

Дейлод кивнул.

– Назови мне имена.

Для человека такая просьба оказалась бы невыполнимой, но я знал, что первый хозяин Дейлода хранил в его памяти всю свою библиотеку. Единственное условие: он должен был знать название или владельца книги.

– Книга мисс Оливии...

– Да. Та, которую ты прятал под ковриком.

– Имена... Живых или мертвых?

– Живых.

Лицо Дейлода порозовело, но он сцепил пальцы и примялся перечислять:

– Лилит, Месопотамия, 3000 лет до нашей эры. Ароника, Вавилон, 2800 лет до нашей эры. Боудикка, 1500 лет до нашей эры. Лизбет, 100-й год нашей эры...

– Давай поближе к нынешним временам. Скажем, начиная с шестнадцатого века.

Старые вампиры вряд ли согласились бы присоединиться к новомодной группе Оливии. Дейлод кивнул и продолжал:

– Диана, Англия, 1528 год. Сарита, Андалузия, 1575 год...

– Что ты сказал?!

– Сарита, Андалу...

– До того! – У меня перехватило дыхание.

– Диана, Англия, 1528 год.

Дейлод уставился на меня, но я смотрел мимо него, утратив дар речи.

– Давай-ка пойдем с самого сначала. Что написано на первой странице книги?

Дейлод прикрыл глаза, словно мысленно перелистывал страницы.

– Тут сказано: линия крови. Наследие женщин-вампиров.

Старая рана, которую Ридрек разбередил в моем сердце, снова отозвалась резкой болью. Возможно ли, чтобы моя возлюбленная Диана не упокоилась в мире? Неужели она была жива все эти годы?..

Неужели она стала вампиром?..